К. КАУТСКІЙ.

Отвѣтъ Бернштейну.

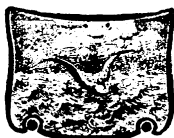
(Анти-критика).

Переводъ съ нѣмецкаго

А. Г. Гойхбарга.

Книгоиздательство

„БУРЕВѢСТНИКЪ".

Дозволено цензурою. Одесса, 19 іюля 1905 года.

ОДЕССА 1905.
Типо-литографія и нотопечатня И. Копельмана.
Троицкая, 26, уг. Пушкинской.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Послѣ появленія въ «Vorwärts'ѣ» и въ «Neue Zeit» (въ апрѣлѣ сего года) моихъ статей, направленныхъ противъ Бернштейна, отъ меня не разъ требовали издать ихъ отдѣльнымъ оттискомъ въ видѣ особой брошюры. Это желательно уже и потому, что книга Бернштейна проникла въ такіе круги, которые не читаютъ ни «Vorwärts'a», ни «Neue Zeit», и къ которымъ возраженія на нее могутъ дойти только также въ видѣ отдѣльной брошюры. Но это было бы желательно и для тѣхъ, кто прочелъ статьи, но не собралъ ихъ.

Я охотно пошелъ навстрѣчу этимъ просьбамъ, но ограничиться простымъ стереотипнымъ оттискомъ я не хотѣлъ. Въ книгѣ я имѣлъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше мѣста, чѣмъ въ «Vorwärts'ѣ», поэтому я могъ въ ней значительно расширить изслѣдованіе о тенденціяхъ развитія капиталистическаго общества, а это мнѣ казалось дѣломъ крайней важности. Какъ разъ эта сторона до сихъ поръ весьма невнимательно разбиралась въ критикѣ бернштейновской книги, что вполнѣ естественно, ибо въ газетѣ нѣтъ мѣста для такихъ экскурсій. Но то, что на эту сторону вопроса обращалось мало вниманія, истолковывалось враждебной прессой въ томъ смыслѣ, что намъ нечего сказать по этому поводу. А, вѣдь, эта тема составляетъ практически наиболѣе важную часть его книги; она содержитъ въ себѣ вопросы, отвѣтъ на которые является рѣшающимъ для жизнеспособности соціалистическаго движенія.

Запоздавшій до сихъ поръ отвѣтъ Бернштейну въ этой области сталъ главной частью моей книги, такъ что я, дабы сія послѣдняя не слишкомъ разрослась, сильно сократилъ вводныя главы о методѣ, по сравненію съ соотвѣтствующими статьями въ «Neue Zeit». Я тѣмъ болѣе считалъ себя въ

правѣ на такое сокращеніе, что вопросъ о методѣ не могъ, вѣдь, быть исчерпанъ въ данныхъ рамкахъ. Возможность исчерпывающаго его изложенія въ популярной, написанной по извѣстному случаю брошюрѣ исключалась заранѣе. Такъ какъ я, несмотря на сокращеніе главъ, принялъ все-таки во вниманіе и возраженія, сдѣланныя Бернштейномъ въ «Neue Zeit» и въ «Vorwärts'ѣ», то и отдѣлъ о методѣ также не составляетъ перепечатки, а почти цѣликомъ написанъ сызнова.

Столь же кратко я изложилъ и отдѣлъ о тактикѣ. Конечно, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ я пытался коснуться всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, затронутыхъ Бернштейномъ, отчасти въ его книгѣ, отчасти во время дискуссіи. Но, въ интересахъ большей доступности и меньшаго объема книги, я вынужденъ былъ ограничиться самымъ необходимымъ. Подобное самоограниченіе весьма тягостно для автора во время полемики, но оно неизбѣжно, если не желаютъ вдаваться въ нескончаемыя подробности и утомить читателя вмѣсто того, чтобы убѣдить его. Я тѣмъ болѣе могъ себѣ позволить краткое разсмотрѣніе вопросовъ тактики, что большая часть изъ того, что здѣсь можно было сказать, уже сказано другими.

Впрочемъ, я долженъ признаться, что краткость моихъ разсужденій о тактикѣ вызвалъ еще и внѣшній моментъ: желаніе скорѣе закончить для того, чтобы издать въ свѣтъ мою брошюру еще до партейтага въ Ганноверѣ.

Но это не потому, что я ожидалъ, что она окажетъ вліяніе на партейтагъ. Когда она появится, навѣрное уже всѣ, выбранные туда делегатами, составятъ себѣ свое мнѣніе. Если же тотъ или иной такъ мало заботился объ этомъ предметѣ, что еще не знаетъ какую ему занять позицію, то онъ навѣрное будетъ послѣднимъ, который станетъ читать эти строки.

Нѣтъ, если я желалъ закончить мою работу еще до партейтага, то это вытекало изъ ожиданій и надежды, что партейтагъ положитъ конецъ дискуссіи съ Бернштейномъ.

Я никогда не возлагалъ большихъ надеждъ на дискуссіи; врядъ ли когда какая либо дискуссія оказалась средствомъ, доказавшимъ на чьей сторонѣ истина. Но обыкновенно онѣ замѣчательно приспособлены къ тому, чтобы разоблачать и рѣзко выражать имѣющіяся противорѣчія и дѣйствовать, поэтому, просвѣщающимъ образомъ. Этого я ожидалъ и отъ дискуссіи о книгѣ Бернштейна. Но она сильно

обманула мои ожиданія, еще больше, чѣмъ сама книга. Отъ серіи статей о проблемахъ соціализма можно было ожидать кое-чего иного. Въ настоящее время мы не можемъ скрывать отъ себя того, что вся дискуссія о книгѣ Бернштейна осталась довольно безплодной. Чѣмъ дальше, тѣмъ Бернштейнъ все болѣе чувствовалъ себя непонятымъ—умышленно непонятымъ—и тѣмъ меньше мы знаемъ, чего собственно онъ хочетъ и какую цѣль имѣло его, надѣлавшее такой большой шумъ, выступленіе, такъ какъ, вѣдь, все должно остаться по старому.

Долженъ откровенно признаться, что послѣ того, какъ я это замѣтилъ, мнѣ стоило большого усилія надъ собой дописать до конца это сочиненіе. Я бы этого, можетъ быть, и не сдѣлалъ, если бы меня не вынудилъ къ этому тріумфальный крикъ либераловъ и анархистовъ, что соціаль-демократія ничего не могла возразить на критику Бернштейномъ ея программы, въ особенности на его статистическія данныя. Въ дѣйствительности моя работа гораздо меньше направлена противъ самого Бернштейна, чѣмъ противъ тѣхъ соціаль-либераловъ, «благородныхъ анархистовъ» и ихъ помощниковъ, для которыхъ его книга стала желаннымъ сборникомъ матеріаловъ для нападокъ на нашу партію.

Нѣсколько испортить этимъ элементамъ веселое настроеніе, созданное для нихъ сочиненіемъ Бернштейна—такова главная цѣль настоящей критики. Но появись она послѣ партейтага, то можно было бы опасаться, что она вызоветъ новую дискуссію, дальнѣйшее веденіе которой на основѣ, данной Бернштейномъ, становилось бы все болѣе безплоднымъ, закончить которую въ Ганноверѣ было, разумѣется, желаніемъ всѣхъ заинтересованныхъ.

Я лично, по крайней мѣрѣ, долженъ сказать, что смотрю на это свое сочиненіе, какъ на мое заключительное слово по данному вопросу. Современное положеніе выдвигаетъ передъ нами столько важныхъ проблемъ, которыя необходимо изучать; марксово наслѣдство—столь много сокровищъ, еще незатронутыхъ, что можно быть увѣреннымъ, что я безъ особой нужды не стану больше говорить о проблемахъ бернштейновскаго соціализма.

Молчаніе для меня будетъ тѣмъ легче, чѣмъ труднѣе для меня было говорить по этому поводу. Полемика со старымъ другомъ всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто тягостное.

Разумѣется, дружба должна замолчать, какъ только научныя или политическія убѣжденія вступаютъ съ нею въ кон-

фликтъ. Что я на это не обратилъ вниманія, что слишкомъ большое вліяніе на мою позицію противъ Бернштейна оказала дружба съ нимъ, въ этомъ будто бы, согласно отчету «Саксонской рабочей газеты», меня упрекалъ Либкнехтъ на рефератѣ въ Дрезденѣ. Онъ будто бы говорилъ, что Бернштейнъ—это человѣкъ, не имѣющій ни научнаго, ни политическаго значенія, статьи котораго въ «Neue Zeit» я принималъ только изъ дружбы. Я на этотъ упрекъ не отвѣчалъ, во первыхъ, потому, что онъ унижалъ гораздо больше меня, чѣмъ Бернштейна, а для защиты моей особы я только неохотно беру себѣ слово. Но, во вторыхъ, еще и потому, что я считалъ невозможнымъ, чтобы Либкнехтъ это сказалъ, ибо кто хотя бы поверхностно знакомъ съ «Neue Zeit», не можетъ быть въ сомнѣніи на счетъ того, какое значеніе имѣетъ для нея Бернштейнъ. Но такъ какъ нѣкоторые умники изъ моего молчанія вывели заключеніе, что я считаю удачнымъ упрекъ, сдѣланный мнѣ и Бернштейну, то, можетъ быть, не совсѣмъ излишнимъ является то, что я здѣсь на это возражаю. Если профессоръ Диль въ «Konrads Iahrbücher» полагаетъ, что въ Бернштейнѣ «такъ называемый научный соціализмъ потерялъ одного изъ своихъ наиболѣе талантливыхъ, проницательныхъ и ученыхъ послѣдователей», то я вполнѣ соглашаюсь съ этой оцѣнкой дѣятельности, развитой Бернштейномъ въ пользу нашего дѣла.

Представляетъ ли собою его послѣднее сочиненіе, которое мы здѣсь критикуемъ, теоретическій шагъ назадъ и чѣмъ его можно объяснить — это вопросъ, который здѣсь въ предисловіи еще не долженъ насъ занимать. Теперешняя точка зрѣнія Бернштейна—или, если угодно, отсутствіе у него ясно выраженной точки зрѣнія — мнѣ кажется пагубной, и я считаю своей обязанностью бороться съ нимъ самымъ рѣшительнымъ образомъ. Но наша борьба не должна намъ закрывать глаза на то, чѣмъ былъ для насъ Бернштейнъ. Я лично обязанъ ему не только за его поученія, которыя онъ намъ всѣмъ давалъ въ «Socialdemocrat'ѣ» и въ «Neue Zeit», но и за его мощную духовную поддержку, вытекающую изъ весьма тѣснаго и согласнаго сотрудничества въ теченіе многихъ лѣтъ. Если мнѣ удалось на нижеслѣдующихъ страницахъ привести удачные аргументы противъ теперешнихъ взглядовъ Бернштейна, то этимъ я обязанъ не только Марксу и Энгельсу, но и Эдуарду Бернштейну.

К. Каутскій.

Берлинъ — Фриденау, сентябрь 1899 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ литературѣ германской соціаль-демократіи книга Бернштейна представляетъ собою первое сенсаціонное произведеніе. Правда, книга Бебеля «Женщина и соціализмъ» по своему литературному успѣху оставила далеко за собою всю нашу остальную литературу, но сенсаціоннаго произведенія въ собственномъ смыслѣ — она собою не представляетъ. Что соціаль-демократъ написалъ соціаль-демократическую книгу, въ этомъ не заключается ничего сенсаціоннаго.

Совсѣмъ иное дѣло, когда выдающійся соціаль-демократъ, одинъ изъ наиболѣе «ортодоксальныхъ» марксистовъ, написалъ книгу, въ которой онъ торжественно сжигаетъ то, чему до тѣхъ поръ поклонялся, и поклоняется тому, что до тѣхъ поръ сжигалъ. Что изъ буржуазнаго демократа дѣлаются соціаль-демократомъ, это явленіе заурядное и буржуазная пресса не имѣетъ основанія громко объ этомъ трезвонить. Совершенно иное дѣло, когда наконецъ-то, наконецъ одинъ разъ, повидимому, случилось обратное. Дѣйствительно ли можно это сказать про Бернштейна, знаменуетъ ли собою на самомъ дѣлѣ его сочиненіе отпаденіе отъ соціализма соціаль-демократіи, — объ этомъ судить еще не мѣсто. Но ясно, что буржуазная пресса стремится использовать его книгу, понимая ее именно такъ, — и конца нѣтъ ея ликованію по этому поводу. Послѣ столькихъ пораженій — наконецъ-то одна побѣда! Наконецъ-то и замѣчается въ гордой, непреодолимой соціаль-демократіи, что, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ ея мыслящихъ умовъ начинаетъ разочаровываться въ своей партіи и вмѣсто увѣренности въ побѣдѣ громко заявлять о сомнѣніяхъ и колебаніяхъ. Да о такомъ счастливомъ предзнаменованіи нѣтъ возможности достаточно громко возвѣстить.

Уже одно это поведеніе противниковъ должно было направить и общее вниманіе партійныхъ товарищей на книгу Бернштейна. Но она заслужила еще больше вниманія потому, что и въ самой партіи она не нашла единогласнаго приговора. Въ самомъ дѣлѣ защитники Бернштейна на всѣ лады противорѣчатъ другъ другу. Одни заявляютъ, что онъ подтвердилъ лишь то, что уже и раньше было принято въ партіи; другіе прославляютъ его, какъ реформатора нашей практической политики, которая, вѣдь, важнѣе безцвѣтной теоріи; третьи возражаютъ противъ его практической политики, говоря, что новое въ ней не хорошо, а хорошее не ново, заслуга же Бернштейна заключается де въ томъ, что онъ проявилъ себя самостоятельнымъ мыслителемъ въ области теоріи и вновь оживилъ теоретическое мышленіе, слишкомъ отступившее на задній планъ. Большинство же партійныхъ товарищей, которые до сихъ поръ высказались, присоединилось къ послѣднему приговору надъ практической политикой Бернштейна, а теорію его объявило простой копіей съ залежавшагося товара катедеръ-соціалистовъ.

Это различіе въ толкованіи должно быть приписано отчасти тому обстоятельству, что Бернштейнъ отнюдь не всегда излагаетъ свою точку зрѣнія вполнѣ ясно и безъ противорѣчій, отчасти же и главнымъ образомъ тому, что въ самой нашей партіи существуютъ довольно противоположныя направленія относительно крайне важныхъ вопросовъ.

Это само по себѣ еще не бѣда. Давно уже въ нашей, какъ и во всякой партіи, существовали противоположности, противоположности индивидуальнаго, мѣстнаго, профессіональнаго, теоретическаго характера. Молодой и пылкій разсуждаетъ иначе, чѣмъ старый, разсудительный; баварецъ иначе, чѣмъ саксонецъ, а этотъ, въ свою очередь, иначе, чѣмъ гамбурецъ; рудокопъ—иначе, чѣмъ работница конфексіонной промышленности, отдающійся профессіональной борьбѣ или кооперативному движенію—иначе, чѣмъ тотъ, кто тѣломъ и душою парламентарій или выборный агитаторъ; иначе—вступившій въ область соціализма подъ руководствомъ Маркса и Энгельса, чѣмъ тотъ, кто пришелъ къ намъ черезъ Родбертуса.

Такія различія не только неизбѣжны, но и необходимы, если не желаютъ, чтобы духовная жизнь въ партіи замерла. Но эта партія,—борющаяся армія, а не клубъ для диспутовъ; противоположности въ ея средѣ не должны идти такъ далеко, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое успѣшное совмѣстное дѣйствіе, и даже не такъ далеко, чтобы порождать тренія,

преодолѣніе которыхъ означаетъ потерю времени и силъ и парализуетъ готовность къ борьбѣ. Расширеніе партіи никогда не должно происходить на счетъ ея сомкнутости и единства. Нѣтъ ничего хуже, чѣмъ безсвязность въ тактикѣ.

Сущность тактики именно и заключается въ *единствѣ*, въ соединеніи различныхъ силъ для одной общей планомѣрной борьбы. На единствѣ основывается крупное превосходство арміи надъ недисциплинированнымъ сбродомъ, даже когда послѣдній гораздо многочисленнѣе и снабженъ не худшимъ вооруженіемъ. Въ единствѣ заключается превосходство сомкнутой партіи надъ массою индифферентныхъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать тактики съ агитаціей. Агитація должна приспособляться къ индивидуальнымъ и мѣстнымъ условіямъ. По отношенію къ агитаціи слѣдуетъ предоставить каждому агитатору дѣйствовать при помощи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи; одинъ дѣйствуетъ преимущественно своимъ воодушевленіемъ, другой—удачной остротой, третій—обиліемъ фактовъ и т. д. И не только смотря по агитатору, но и смотря по публикѣ, мѣняется агитація; слѣдуетъ такъ говорить, чтобы быть понятымъ, слѣдуетъ разбирать явленія, знакомыя слушателямъ. Это само собою понятно и имѣетъ значеніе не только при агитаціи среди крестьянъ. И съ извочиками будутъ говорить иначе, чѣмъ съ матросами, а съ послѣдними опять таки иначе, чѣмъ съ наборщиками. Въ *агитаціи* необходимо *индивидуализировать*, по наша *тактика*, наше политическое *поведеніе* должно быть *единымъ*. При борьбѣ, охватывающей всю имперію, напр., при выборахъ въ рейхстагъ, мы не должны имѣть особой тактики для сѣвера и иной для юга, особой для деревни и иной для города. На единствѣ тактики покоится единство партіи, и гдѣ теряется первое, тамъ скоро гибнетъ и послѣднее.

Единство тактики—это единство въ *поведеніи*. Оно не исключаетъ различій въ *мышленіи*, различій въ теоретическомъ міровоззрѣніи. Полное единство въ мышленіи достижимо развѣ только въ религіозныхъ сектахъ и не соединимо съ самостоятельнымъ мышленіемъ. Но это отнюдь не значитъ, что теоретическое міровоззрѣніе отдѣльнаго члена партіи—вопросъ безразличный, нѣкоторымъ образомъ, дѣло частное.

Партійная дѣятельность, какъ и всякая общественная дѣятельность, требуетъ, чтобы индивидуумъ пожертвовалъ извѣстной долей самостоятельности. Анархистъ и безусловный «независимецъ» (Eingänger) могутъ изъ-за этой жертвы съ презрѣніемъ взирать на человѣка партіи; но они не могутъ

устранить тотъ фактъ, что безъ общественнаго сотрудничества не можетъ быть создано въ практическомъ мірѣ ничего крупнаго. Но ясно, что отреченіе отъ самостоятельности, требуемое отъ отдѣльнаго члена партіи, не должно слишкомъ увеличиваться, если не желаютъ, чтобы партія превратилась въ орду безвольныхъ рабовъ или въ стадо безсмысленныхъ овецъ. Это, однако, означаетъ не что иное, какъ то, что чѣмъ больше теоретическія разногласія внутри партіи, тѣмъ больше та доля самостоятельности, которую индивидуумъ обязанъ принести въ жертву въ интересахъ единообразнаго поведенія; тѣмъ меньше энтузіазмъ въ партійной работѣ и тѣмъ больше опасность, угрожающая единству партіи. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ, конечно, остерегаться провести слишкомъ тѣсную границу, внѣ которой отклоненіе отдѣльнаго члена партіи отъ теоретической точки зрѣнія большинства несоединимо съ его полезной дѣятельностью, какъ члена партіи, за предѣлами которой оказывается невозможнымъ соединеніе единообразнаго характера партіи и въ то же время самостоятельности членовъ партіи.

Опредѣлить эту границу—одна изъ важнѣйшихъ задачъ всякой партіи; для этого она формулируетъ свои цѣли и ихъ обоснованіе въ программѣ, оказывающей еще большія услуги организаціи, чѣмъ пропагандѣ. Наша программа устанавливаетъ не только наши ближайшія требованія, но и тѣ основныя положенія, признаніе которыхъ обезпечиваетъ единство партіи и ея готовность къ борьбѣ. Общая часть нашей программы не простое украшеніе партійнаго зданія, не невинное удовольствіе, которое «практики» охотно доставили «теоретикамъ», но которое больше не имѣетъ никакой цѣли,—нѣтъ, важная практическая задача ея—это провести границу между нами и не только нашими рѣшительными противниками, но и всѣми вялыми, ненадежными кантонистами, которые тамъ и сямъ не прочь посодѣйствовать, но и не помышляютъ о томъ, чтобы довести вмѣстѣ съ нами, во что бы то ни стало, нашу борьбу до конца.

Но именно потому, что эта задача программы такъ важна, она не должна быть табу, не должна быть недоступной для какой бы то ни было критики. Нѣтъ ничего хуже программы, стоящей въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Она или теряетъ всякое практическое значеніе въ партіи, но тогда и эта послѣдняя теряетъ всякое прочное единство, всякія опредѣленныя границы по отношенію къ сосѣднимъ элементамъ, тогда притекаетъ къ ней всякій сбродъ, мѣсто основ-

ныхъ положеній занимаютъ переходящія настроенія и минутныя вліянія ловкихъ демагоговъ, вмѣсто цѣлесознательнаго, неудержимаго движенія впередъ выступаетъ перемѣнный курсъ (Zickzackkurs), вмѣсто согласованности—безсвязность, вмѣсто самоувѣренности и энтузіазма—мнительность и нытье. Или же программа не теряетъ своего значенія въ партіи, но въ виду того, что она несоединима съ дѣйствительностью, она теряетъ свою пропагандистскую силу, превращаетъ партію въ секту и ведетъ ее на путь безплодной декламаціи и гибельныхъ авантюръ.

Стало быть, провѣрка программы отъ времени до времени не только допускается, но и требуется. Но, въ виду важнаго значенія программы для всей жизни партій, необходимо требовать, чтобы за нее брались въ величайшей добросовѣстностью, чтобы не подвергали сомнѣнію программы собственной партіи при первой случайной мысли, при первой услышанной критикѣ, чтобы безъ достаточныхъ основаній не возбуждали сомнѣній въ прочности основъ партійнаго зданія, чтобы не колебали старой точки зрѣнія прежде, чѣмъ не нашли и не укрѣпили новой.

Нужно быть воодушевленнымъ, чтобы совершить великія дѣла, сказалъ С. Симонъ. Но только великія цѣли могутъ воодушевлять. Если цѣль нашего движенія стала мелкой, то слѣдуетъ направить энтузіазмъ на другую, лучше обоснованную, однако столь же высокую цѣль, но не убивать всякій энтузіазмъ безплодными сомнѣніями.

Вотъ какими принципами должны мы руководиться при провѣркѣ нашей программы.

Мы должны были ожидать, что Бернштейнъ въ своей книгѣ дастъ намъ такого рода критику нашей программы; критику, которая, устраняя нашу прежнюю цѣль, ставитъ на ея мѣсто лучшую; которая, отвергая прежнее обоснованіе цѣли и путь къ ней, сумѣетъ дать лучшее обоснованіе, указать лучшій путь. Именно теперь, въ виду разногласія въ нашихъ собственныхъ рядахъ, такого рода критика и связанная съ нею дискуссія могла бы только разъяснить наше дѣло, принести ему пользу. Конечно, нашихъ противниковъ такого рода критика должна была бы, по меньшей мѣрѣ, оставить хладнокровными, даже тѣмъ болѣе озлоблять, чѣмъ сильнѣе она бы оказалась, ибо она должна была бы въ такой же мѣрѣ укрѣпить соціаль-демократію, вмѣсто того, чтобы разстроить ее.

Какъ и насколько Бернштейнъ своей критикой нашей программы выполнилъ эту задачу — видно будетъ дальше. Но

ни въ коемъ случаѣ лучшему разрѣшенію ея не способствовало то обстоятельство, что Бернштейнъ не удовольствовался однимъ этимъ, но разрушая до основанія, критиковалъ на ряду съ *программой* также и *методъ*, результатомъ котораго она является. Даже человѣкъ, обладающій геніемъ и энциклопедическими знаніями Маркса или Энгельса, не отважился бы на протяженіи нѣсколькихъ листовъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль дать критику философскихъ основъ нашей программы, критику самой программы и изложить вытекающія отсюда практическія послѣдствія. Анти-Дюрингъ Энгельса обнимаетъ, собственно говоря, только первую часть этой задачи, Анти-Прудонъ Маркса трактуетъ только важнѣйшіе принципы политической экономіи.

Но даже болѣе узкое содержаніе сочиненія Бернштейна было бы тоже излишнимъ. Критика программы только тогда имѣло бы смыслъ, если бы Бернштейнъ призналъ правильнымъ тотъ методъ, по которому она обставлена. Если же этотъ методъ ошибоченъ, то программа уже a priori виситъ въ воздухѣ; тогда, прежде всего, нужно установить новый методъ, по которому слѣдуетъ вести работу; только послѣ этого можно приступить къ созданію новой программы.

Справедливо замѣтилъ Антоніо Лабріола, что уже съ чисто формальной точки зрѣнія брошюра Бернштейна страдаетъ тѣмъ крупнымъ недостаткомъ, что она слишкомъ *энциклопедична* («Mouvement-Socialiste», № 8, стр. 455). Кто хочетъ ее критиковать, вынужденъ писать цѣлую книгу.

Болѣе того, если захотѣть исчерпывающимъ образомъ критиковать Бернштейна, то нужно было бы написать цѣлую библіотеку, такъ какъ свою задачу онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы ставить проблемы, рѣшеніе которыхъ онъ предоставляетъ другимъ. Къ тому же брошюра Бернштейна—это сочиненіе, написанное по извѣстному случаю, сенсаціонное произведеніе, въ моментъ появленія вздымающее тучи пыли, но въ продолжительномъ значеніи котораго нельзя быть увѣреннымъ. Критикъ не можетъ позволить себѣ ждать годами пока напишетъ свою анти-энциклопедію; она должна появиться возможно скорѣе, если желательно, чтобы она имѣло какой нибудь смыслъ.

Ко всему этому присоединяется еще и дальнѣйшее затрудненіе. Сочиненіе Бернштейна, вслѣдствіе огромной массы проблемъ, наскоро набросанныхъ въ тѣсномъ пространствѣ, страдаетъ не только отсутствіемъ положительныхъ результатовъ, но и неясностью изложенія. Мысли толпятся, опроки-

дываютъ одна другую, ни одна не достигаетъ полнаго развитія. При томъ же Бернштейнъ, какъ онъ самъ это отмѣчаетъ въ предисловіи, не всегда позволялъ себѣ выбирать тѣ формы и тѣ аргументы, при помощи которыхъ мысли его могли бы получить наиболѣе рѣзкое выраженіе. Онъ вынудилъ себя къ этому ограниченію изъ уваженія къ своимъ умершимъ друзьямъ и учителямъ. Мы дальше увидимъ, принесъ ли онъ этимъ большую пользу ихъ памяти. Но, несомнѣнно, это весьма затруднило полемику съ нимъ.

Все это служитъ причиной тому, что для критика его книги почти нѣтъ возможности достигнуть значительныхъ, осязательныхъ результатовъ. Задача, передъ которой она его ставитъ, чрезмѣрна, превышаетъ силы отдѣльнаго человѣка; обиліе темъ, какъ и отсутствіе положительнаго содержанія въ критикуемой книгѣ почти совершенно исключаетъ возможность при помощи критики добиться углубленія и рѣшенія отдѣльныхъ проблемъ, а, въ виду того, что важнѣйшія мысли не додуманы до конца и неясно изложены, остается только слишкомъ часто предоставлять читателю сдѣлать выводы изъ нихъ, а, затѣмъ, лишь вывести заключеніе о точкѣ зрѣнія самого автора.

Вотъ почему главное возраженіе Бернштейна противъ его критиковъ это то, что они его не поняли и исказили его мнѣніе. Но при этомъ замѣчательно явленіе: именно тѣ, которые выступаютъ противъ Бернштейна, всѣ одинаково понимаютъ его книгу. Напротивъ, его защитники толкуютъ ее самымъ разнообразнымъ манеромъ. Одни разсматриваютъ ее, какъ полнѣйшій разрывъ со всѣми прежними принципами и мнѣніями соціаль-демократіи, другіе—какъ подтвержденіе дѣйствительнаго характера нашего движенія, какъ простое очищеніе отъ нѣкоторыхъ устарѣлыхъ условностей.

Все это дѣлаетъ исчерпывающую критику книги Бернштейна работой и нелегкой и непріятной, ниже обѣщающей богатые результаты. Но задача дана—она должна быть рѣшена. Мы постараемся, насколько возможно, наполнить это рѣшеніе положительными результатами.

I. Методъ.

а) Матеріалистическое пониманіе исторіи.

Книга Бернштейна въ всей своей эволюціи представляетъ различныя стадіи развитія; введеніемъ къ нимъ служитъ

предварительная стадія—знаменитыя статьи въ «Neue Zeit», отъ которыхъ и началась вся дискуссія, насъ теперь занимающая. Его статьи о «борьбѣ соціаль-демократіи и соціальной революціи» («Neue Zeit», XVI, 1, стр. 484, 548) съ фразой о конечной цѣли и движеніи. ставшей съ тѣхъ поръ крылатымъ словечкомъ—эти статьи представляли собою простую полемику противъ Бельфорта Бакса. Встрѣтивши возраженія по этому поводу Бернштейнъ своему отвѣту придаетъ видъ полемики противъ «соціаль-революціонеровъ» въ партіи, противъ Парвусовъ, Люксембургъ, Плехановыхъ и другихъ.

Еще болѣе расширяетъ Бернштейнъ кругъ своихъ противниковъ въ началѣ своей брошюры. Но здѣсь онъ еще выступаетъ, какъ послѣдователь марксовой точки зрѣнія. Марксово пониманіе исторіи претерпѣло метаморфозу, заявляетъ онъ намъ; большинство ее не замѣчаетъ, но онъ, Бернштейнъ, вполнѣ точно можетъ ее прослѣдить; мы должны признать матеріалистическое пониманіе исторіи въ его совершенной, а не въ его примитивной формѣ.

Здѣсь мы видимъ Бернштейна защитникомъ ученія Маркса противъ неразумія марксистовъ. Онъ еще чувствуетъ себя пророкомъ, пришедшимъ не уничтожить законъ, а только дополнить его.

Но въ дальнѣйшемъ ходѣ своихъ разсужденій онъ входитъ все въ большій азартъ; мы уже находимся во второй стадіи: Марксъ и Энгельсъ претерпѣли метаморфозу; но не только марксисты, но и сами Марксъ и Энгельсъ не сознавали этого. Бернштейнъ, разумѣется, открылъ ее. Въ духѣ этой метаморфозы слѣдуетъ реформировать ученіе Маркса, апеллировать малокомпетентнаго Маркса къ болѣе компетентному. До сихъ поръ у катедеръ-соціалистовъ было въ модѣ противопоставлять злого Маркса доброму Лассалю. Бернштейнъ измѣняетъ дѣло и противопоставляетъ злому Марксу добраго Маркса. Но и на этомъ онъ не останавливается; онъ пишетъ дальше, все болѣе разгорячается, становится все воинственнѣе и дописывается, такимъ образомъ, до третьей стадіи; отъ добраго Маркса ничего уже не остается, нѣтъ, и въ совершеннѣйшей формѣ онъ отвергается; фактическое направленіе развитія, заявляетъ Бернштейнъ, какъ разъ противоположно тому, которое установилъ Марксъ.

Это наиболѣе рѣшительная и наиболѣе важная стадія книги. Здѣсь уже извѣстно, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Но, къ сожалѣнію, Бернштейнъ не остается и въ этой стадіи. Бурный потокъ, грозившій смыть все зданіе марксизма, засоряется и

мелѣетъ, превращаясь въ экскурсію въ область практическихъ соціальныхъ реформъ, необходимость которыхъ признается всѣми, начиная отъ Берлепша и Бассермана и кончая Парвусомъ и Плехановымъ, и вотъ, наконецъ, въ узенькой канавкѣ, въ качествѣ единственнаго практическаго результата всей критики, мы находимъ требованіе не употреблять выраженій, могущихъ напугать буржуазію.

Обратимся прежде всего къ первой стадіи книги. Здѣсь дѣло идетъ объ основѣ марксисткой теоріи, о матеріалистическомъ пониманіи исторіи. Благодаря «этимъ двумъ великимъ открытіямъ», говоритъ Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ, «матеріалистическому пониманію исторіи и разоблаченію тайны капиталистическаго производства посредствомъ ученія о прибавочной стоимости... соціализмъ сталъ наукой». Они не создали современнаго соціализма, но только они дали возможность научно, методологически обосновать и построить соціализмъ. Но и между этими двумя открытіями матеріалистическое пониманіе исторіи стало основнымъ. Съ нимъ вмѣстѣ стоитъ и падаетъ марксизмъ, то-есть, наивысшая, до сихъ поръ достигнутая, стадія соціалистической теоріи.

Поэтому Бернштейнъ, въ своемъ полемическомъ сочиненіи, исходитъ изъ вопроса, имѣетъ ли и на сколько имѣетъ значеніе матеріалистическое пониманіе исторіи. Но каковъ путь для достиженія правильнаго мнѣнія объ этомъ? Самъ Марксъ, въ знаменитомъ предисловіи къ своей «Критикѣ нѣкоторыхъ положеній и т. д.» описалъ путь, имъ избранный.

Будучи редакторомъ «Rheinische Zeitung», онъ въ 1842-43 гг. «поставленъ былъ въ затрудненіе, такъ какъ долженъ былъ разсуждать и о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ», не изслѣдовавши поглубже соотвѣтствующихъ вопросовъ. Занятіе этимъ, равно какъ и контроверзы, отсюда возникшія, возбудили въ немъ разнаго рода сомнѣнія въ правильности господствовавшихъ тогда воззрѣній. Однако, Марксъ отнюдь не полагалъ, что голое сомнѣніе—уже такой теоретическій прогрессъ, о которомъ слѣдуетъ возможно скорѣе доложить публикѣ. Вмѣсто того, чтобы написать книгу о своихъ сомнѣніяхъ, онъ воспользовался разногласіемъ съ издателемъ «R. Z.», чтобы «удалиться отъ трибуны публициста въ рабочую комнату».

«Первый трудъ, предпринятый для разрѣшенія сомнѣній, меня обуревавшихъ, былъ критическій пересмотръ гегелевской философіи права, трудъ, введеніе къ которому появилось въ издававшихся въ 1844 году въ Парижѣ «Deutsch-französische

Iahrbücher». Мои изслѣдованія привели меня къ выводу, что правовыя отношенія, какъ и формы государства не могутъ быть поняты ни изъ самихъ себя, ни изъ такъ называемаго общаго развитія человѣческаго духа, но, наоборотъ, коренятся въ матеріальныхъ условіяхъ существованія, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ XVIII столѣтія, называлъ «гражданскимъ обществомъ»; анатомію же этого общества слѣдуетъ искать въ политической экономіи. Изученіе этой послѣдней, начатое мною въ Парижѣ, я продолжалъ въ Брюсселѣ, куда я перекочевалъ вслѣдствіе приказа г. Гизо о высылкѣ... Изданіе «Neue Rheinische Zeitung» въ 1848-49 гг. и послѣдовавшія затѣмъ событія прервали мои экономическія занятія, которыя могли быть возобновлены лишь въ 1850 году въ Лондонѣ. Громадный матеріалъ для исторіи политической экономіи, собранный въ Британскомъ музеѣ, удобное положеніе, которое представляетъ Лондонъ для наблюденія буржуазнаго общества, наконецъ, та новая стадія развитія, въ которую это послѣднее съ открытіемъ калифорнійскаго и австралійскаго золота, повидимому, вступало,—побудили меня начать все опять съ самаго начала и приступить къ критической обработкѣ новаго матеріала».

Такимъ образомъ, Марксъ—и то же самое можно сказать объ Энгельсѣ—пришелъ къ своему пониманію исторіи путемъ изслѣдованія экономическаго развитія буржуазнаго общества. Къ такому же пониманію исторіи пришелъ Морганъ изслѣдованіемъ развитія первобытныхъ народовъ. На обоихъ концахъ эволюціоннаго ряда былъ найденъ одинъ и тотъ же законъ развитія. И это, конечно, не случайность. Экономическое развитіе современнаго общества, естественно, ближе всего къ намъ, болѣе всего намъ знакомо. Съ другой стороны, въ доисторическихъ общественныхъ формахъ отношенія наиболѣе просты и ясны, и, поэтому, законосообразность ихъ вѣрнѣе всего можно найти, разъ только извѣстны и установлены факты. Менѣе всего ясности господствуетъ въ среднихъ членахъ эволюціоннаго ряда, такъ какъ ихъ экономическія и общественныя отношенія вообще тѣмъ труднѣе познать, чѣмъ дальше онѣ отъ насъ отстоятъ, и онѣ становятся тѣмъ сложнѣе, чѣмъ болѣе удаляются отъ первобытныхъ временъ. Однако и здѣсь изслѣдованіе проникаетъ все дальше и открываетъ все большую связь классической древности и средневѣковыя, какъ съ первобытнымъ, такъ и съ современнымъ обществомъ.

Несмотря на это литература историческаго матеріализма еще довольно скудна, теорія находится еще въ своихъ начальныхъ стадіяхъ, и ея развитіе совсѣмъ нельзя сравнить съ тѣмъ, напримѣръ, которое получилъ дарвинизмъ. Правильно указываетъ на это А. Лабріола въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи (Socialisme et Philosophie, стр. 12), но онъ же указываетъ и причины, на которыхъ это различіе основывается.

Матеріалистическое пониманіе исторіи стало той теоріей, при помощи которой пролетаріатъ обосновываетъ свои соціалистическія требованія. Это чрезвычайно расширило ея историческое значеніе, но ея способность къ научному развитію, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, сузило. Поэтому она обречена на то, чтобы дальше ее разрабатывали одни только соціалисты, члены бѣдной, борющейся партіи, которые, большею частью, должны отдаваться профессіональному труду, а капельку своего досуга должны посвящать практической борьбѣ. «Всѣ же тѣ, что стоятъ внѣ соціализма были, да и теперь еще заинтересованы въ томъ, чтобы бороться противъ этой новой теоріи, чтобы искажать или, по крайней мѣрѣ, игнорировать ее, а соціалисты... не могутъ тратить того времени, труда и занятій, которые необходимы для того, чтобы какое-нибудь направленіе ума получило широкое развитіе и достигло зрѣлости школы, какъ это бываетъ съ тѣми ученіями, которыя поддерживаются оффиціальнымъ міромъ, или противъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, не борются, и которыя, поэтому, развиваются и расширяются, благодаря неустанной совмѣстной работѣ многочисленныхъ сотрудниковъ» (op. cit).

И на ближайшее время условія эти не обѣщаютъ улучшиться. Въ той мѣрѣ, въ какой увеличивается практическое значеніе соціализма, растетъ и практическій спросъ на классъ соціалистической «интеллигенціи» и исчезаетъ число силъ, которыми можно располагать для теоріи. Увеличивающееся распространеніе прессы, увеличеніе числа мѣстъ въ парламентахъ и общинныхъ совѣтахъ, размноженіе рабочихъ секретаріатовъ и пр. и пр., поглощаетъ почти всѣ силы, которыя могли бы имѣть способности и склонности теоретической работѣ. Не случайность то, что такъ называемые «теоретики» въ германской соціаль-демократіи это—преимущественно люди, живущіе заграницей, свободные, поэтому, отъ практической партійной работы, точно такъ же, какъ не случайность и то, что и марксистская теорія была продуктомъ изгнанія и политическаго застоя передъ 1848 г. и послѣ 1849

года. Если бы застой этотъ продолжался дальше, а «Интернаціональ» не появился бы, то нѣтъ сомнѣнія, что «Капиталъ» лежалъ бы законченнымъ передъ нами и марксова теорія была бы болѣе совершенной, чѣмъ каковой она является теперь.

Мнѣ думается, что при развитой капиталистической формѣ производства, которая требуетъ самаго интенсивнаго напряженія всѣхъ силъ въ области практической дѣятельности, всесторонняя классовая борьба мало благопріятствуетъ развитію теоретическаго чутья. Въ 1873 году Марксъ въ послѣсловіи къ «Капиталу» могъ еще указать на большое теоретическое чутье германскаго рабочаго класса. Къ сожалѣнію, въ настоящее время необходимо признать, что это чутье исчезаетъ. Оно было наслѣдіемъ того времени, когда ораторы германской буржуазіи философствовали, между тѣмъ, какъ французская и англійская буржуазія производила революціи и завоевала міръ. Основаніе имперіи поэтовъ и мыслителей рѣзко отодвинуло на задній планъ поэзію и мышленіе.

Наибольшее теоретическое чутье можно еще, пожалуй, найти въ Россіи, интеллигенція которой, какъ и нѣкогда германская, осуждена на то, чтобы только теоретически воспроизводить политическіе и соціальные перевороты Запада.

При такомъ положеніи, столь неблагопріятномъ для теоретическаго прогресса, тѣмъ цѣннѣе и желательнѣе должна быть всякая попытка углубить и дальше развивать матеріалистическое пониманіе исторіи. Но этого можно достигнуть только тѣмъ путемъ, которымъ пришли къ таковому пониманію Марксъ, Энгельсъ и Морганъ—дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ фактовъ, а не толкованіемъ вкривь и вкось отдѣльныхъ ихъ выраженій. Только этимъ, именно, дальнѣйшимъ развитіемъ исторіи хозяйства, оно можетъ быть сдѣлано болѣе понятнымъ; фактами, а не отдѣльными словами слѣдуетъ его провѣрять, изъ нихъ развивать его дальше. Или подвергайте факты, на которыхъ основывались Марксъ и Энгельсъ, новой провѣркѣ, сызнова изслѣдуйте ихъ связь и выводы изъ нихъ вытекающіе, или же устремляйтесь въ новыя области, изслѣдуйте ихъ, сравнивайте добытые тамъ результаты, съ достигнутыми уже раньше и, сообразно съ этимъ, подкрѣпляйте или исправляйте, расширяйте или суживайте теорію.

Если бы Бернштейнъ избралъ этотъ путь, то всякій марксистъ былъ бы ему за это благодаренъ. Но тотъ же самый Бернштейнъ, который насъ свысока поучаетъ, что «не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителя заключается задача учениковъ» (стр. 19.), не даетъ намъ ничего, кромѣ пары цитатъ

изъ сочиненій и писемъ Маркса и Энгельса, толкуетъ вкривь и вкось ихъ слова и замѣчаетъ, что значеніе, которое можно вычитать изъ послѣднихъ писемъ, представляетъ теорію въ совершеннѣйшей формѣ; въ этой формѣ мы должны ее принять. Во всей главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи нѣтъ ссылки ни на одинъ историческій фактъ! Представьте себѣ дарвиниста, который хотѣлъ бы разъяснить значеніе дарвинизма, руководясь не естественно-научными данными, а нѣсколькими общими положеніями изъ сочиненій Дарвина и значеніемъ содержащихся въ нихъ словъ: эволюція, борьба за существованіе, подборъ и т. д. Такіе пріемы я позволю себѣ назвать схоластикой и совсѣмъ не смущусь упрекомъ Бернштейна, что тогда, значитъ, и я, въ виду моей полемики съ Баксомъ, тоже занимался схоластикой. Я вовсе не называю схоластикой всякое принципіальное разсужденіе. Не въ томъ заключается ея сущность, что она оперируетъ надъ понятіями, а въ томъ, что понятія эти пріобрѣтаются не путемъ изслѣдованія *дѣйствительности*, а при помощи расчлененія значенія отдѣльныхъ *словъ* и *положеній* авторитетовъ. Но кто припомнитъ себѣ мою полемику съ Баксомъ, тотъ, конечно, узнаетъ, что центръ тяжести лежалъ тогда не въ значеніи отдѣльныхъ словъ Маркса и Энгельса, а въ фактахъ исторіи, въ ходѣ развитія греческой философіи, въ зачаткахъ христіанства, въ пуританизмѣ.

У Бернштейна же дѣло совсѣмъ не идетъ о томъ, чтобы освѣтить ходъ общественнаго развитія. Онъ понимаетъ вопросъ болѣе философски. Для него «вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи—это вопросъ о *степени* исторической необходимости. Быть матеріалистомъ... значитъ, прежде всего, утверждать необходимость всего происходящаго... Такимъ образомъ, матеріалистъ—это кальвинистъ безъ Бога». (Стр. 4). Соотвѣтственно этому онъ и называетъ ту главу, въ которой разсуждаетъ о марксистскомъ пониманіи исторіи: «Матеріалистическое пониманіе исторіи и историческая необходимость». Вначалѣ, заявляетъ онъ, оно основывалось на принятіи этой необходимости; оно было детерминистично. Но, съ теченіемъ времени, Марксъ и Энгельсъ изъ строгихъ становились все болѣе нерѣшительными детерминистами, чего они, разумѣется, никогда ясно не высказывали, но это явствуетъ изъ содержанія нѣкоторыхъ частныхъ писемъ Энгельса. Бернштейнъ доводитъ даже фокусъ до конца, отсылая насъ къ письму Энгельса, котораго никто, кромѣ него, не знаетъ и о которомъ онъ не сообщаетъ ни слова...

изъ конспираціи. Но мы достаточно неконспиративны для того, чтобы считать такія конспиративныя письма просто несоотвѣтствующими, а ссылку на нихъ—абсурдомъ.

Въ концѣ Бернштейнъ приходитъ къ выводу: «Философскій или естественно-научный матеріализмъ детерминистиченъ, марксистское пониманіе исторіи—нѣтъ; оно не приписываетъ матеріальной основѣ народной жизни безусловнаго вліянія на ея формы». (Стр. 14).

На мои возраженія противъ этого онъ отвѣтилъ статьей въ «Neue Zeit», озаглавленной имъ: «Необходимость въ природѣ и въ исторіи». Я избавлю читателя отъ того, чтобы тащить его съ собою черезъ различные виды безусловнаго или болѣе или менѣе условнаго, физическаго, философскаго и экономическаго, строгаго и нерѣшительнаго, общаго и частнаго детерминизма, которые приводятъ намъ въ ней Бернштейнъ. Одно только замѣчу. При томъ вербализмѣ, которымъ онъ занимается, точность въ выраженіяхъ необходима, чтобъ не попасть въ безнадежную путаницу. Если Бернштейнъ все разсужденіе о матеріалистическомъ пониманіи исторіи сводитъ къ вопросу, детерминистично ли оно, или нѣтъ, то онъ не долженъ оставить никакого сомнѣнія въ значеніи этого слова. Но самъ Бернштейнъ вынужденъ признать, что именно первая, основная глава особенно страдаетъ неточностью и неясностью этого выраженія. Онъ заявляетъ въ цитированной уже статьѣ въ «Neue Zeit»: «Это тотъ пунктъ, въ которомъ я долженъ признать критику Каутскаго отчасти справедливою. Поскольку дѣло идетъ о *формѣ выраженія*, данный отдѣлъ, дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставляетъ желать многаго, изложенію недостаетъ точности». Но исправляетъ ли онъ этотъ недостатокъ въ своей статьѣ? Ничуть. Здѣсь онъ приходитъ къ заключенію: «Весь споръ—это споръ о толкованіи слова *детерминизмъ*. Въ моемъ употребленіи оно значитъ матеріально обусловленная *необходимость*, а въ примѣненіи къ исторіи будетъ обозначать *фатализмъ*. Въ этомъ никто, безпристрастно прочитавшій мою книгу, сомнѣваться не можетъ». По Бернштейну, стало быть, марксово пониманіе исторіи вначалѣ было *фаталистичнымъ*. Это мы запомнимъ.

Но какъ быть, если мы теперь находимся въ сомнѣніи на счетъ того, что должно называться «фатализмомъ»? Вѣдь онъ, конечно, не думаетъ, что это—вѣра въ фатумъ? Если это слово должно здѣсь имѣть какой-нибудь смыслъ, то оно можетъ имѣть значеніе только механической, автоматической

необходимости. И Бернштейнъ, въ самомъ дѣлѣ, заявляетъ: «Если Каутскій не принимаетъ *чисто механическаго* мирового процесса, въ которомъ люди, какими бы сознательными они ни были, являются только *автоматами,* то тогда неминуемо рушится положеніе о *необходимости* общаго развитія человѣчества». Другими словами, историческая необходимость существуетъ для Бернштейна только тамъ, гдѣ люди находятся въ *неволѣ,* гдѣ не только ихъ *воля* причинно обусловлена, но и *поведеніе* ихъ несвободно. Послѣ всѣхъ своихъ философскихъ сочиненій онъ кончаетъ тѣмъ, что смѣшиваетъ свободу воли съ свободой поведенія. Теперь ясно почему онъ думаетъ, что вопросъ о правильности матеріалистическаго пониманія исторіи—это вопросъ о *степени* исторической необходимости. Эта необходимость, понимаемая какъ необходимая законосообразная причинная связь всѣхъ историческихъ явленій, естественно, не можетъ имѣть никакихъ степеней, напротивъ того, внѣшнее принужденіе, тяготѣющее надъ людьми, можетъ весьма различаться по степени.

Я все-таки долженъ признаться, что былъ достаточно «предубѣжденнымъ» для того, чтобы считать невозможнымъ, что Бернштейнъ пойметъ историческую необходимость въ послѣднемъ смыслѣ. Не первый разъ Бернштейнъ заявляетъ, что онъ такъ ясно выразился, что только злоба и предубѣжденіе могли не понять его. Но онъ такъ строгъ только по отношенію къ своимъ прежнимъ партійнымъ друзьямъ. Совсѣмъ иное дѣло, если какой-нибудь «докторъ, магистръ даже» точно такъ же его понимаетъ. Я уже въ первой моей критикѣ нерѣшительно спрашивалъ: «Не смѣшалъ ли Бернштейнъ детерминизма съ механизмомъ?» Въ статьѣ о Бернштейнѣ д-ръ ф. Венкштернъ замѣчаетъ: «Каутскому болѣе всего посчастливилось въ его замѣчаніяхъ о пониманіи Бернштейномъ матеріалистической теоріи исторіи. Здѣсь необходимо согласиться, что у него (у Бернштейна) все-таки... произошло смѣшеніе философскаго понятія «детерминистичный» съ понятіемъ «механическій».

Моя критика приводится Бернштейномъ въ его статьѣ, какъ доказательство того предубѣжденія, съ которымъ я противъ него выступаю. Но сейчасъ же за этимъ онъ расшаркивается передъ докторской шляпой и заявляетъ въ примѣчаніи: «Я согласенъ, что такое употребленіе слова «детерминизмъ» не совпадаетъ съ тѣмъ значеніемъ, которое оно имѣетъ въ современной философіи, гдѣ оно спеціально обозначаетъ обусловленность человѣческой воли извѣстными побуж-

деніями. Тѣ критики моей книги, которые, подобно доктору ф. Венкштерну, въ научномъ приложеніи къ мюнхенской «Allgemeine Zeitung», по этой причинѣ находятъ его неправильнымъ, *несомнѣнно имѣютъ на своей сторонѣ научное словоупотребленіе. Но о Каутскомъ этого сказать нельзя»*,—ибо Каутскій обязанъ употреблять слово детерминизмъ въ смыслѣ фатализма; обязанность эту я почтительнѣйшимъ образомъ долженъ отклонить.

Хорошо быть привать-доцентомъ! Нашъ братъ мучится въ потѣ лица своего, чтобы распутать и разъяснить qui pro quo Бернштейна, и что же этотъ послѣдній находитъ? Ложныя толкованія, ничего, кромѣ ложныхъ толкованій и такого грубаго характера, что только крайняя снисходительность позволяетъ не назвать ихъ умышленными подлогами. Но если какой-нибудь приватъ-доцентъ, мимоходомъ, въ двухъ строчкахъ скажетъ то же самое, то его, немедленно, самымъ услужливымъ образомъ, завѣряютъ, что онъ «несомнѣнно имѣетъ на своей сторонѣ научное словоупотребленіе». Отъ какой массы работы избавляетъ академическій титулъ!

Но какое же словоупотребленіе имѣлъ въ виду Бернштейнъ, когда писалъ слѣдующія предложенія?

Въ не разъ уже приводившейся статьѣ въ «Neue Zeit», онъ заявляетъ: «Мысль, что нашъ міръ именно таковъ, какимъ онъ долженъ быть, въ сущности, является лишь «душеспасительнымъ представленіемъ» (Erbaungsvorstellung) для матеріалистовъ, нуждающихся въ утѣшеніи за подлости міра сего». Правда, на этомъ «душеспасительномъ представленіи» основывается всякая наука и даже возможность всякой науки, но оно можетъ признаваться только матеріалистами и имъ подобными идіотами, которые придерживаются убѣжденія, что въ мірѣ все совершается естественнымъ путемъ. Да, кто это признаетъ, для того причинность и необходимость тожественны. Но то, «что всякое явленіе должно имѣть причину, *еще не значитъ, что всякое явленіе должно имѣть естественную, ни отъ какой сверхчувственной силы независимую причину*».

Теперь недостаетъ еще только того, чтобы Бернштейнъ открылъ, что Марксъ и Энгельсъ въ своемъ пониманіи исторіи замѣнили необходимость перстомъ Божьимъ. Въ неизданныхъ частныхъ письмахъ, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать такіе выводы, недостатка, конечно, не будетъ.

Но если марксово пониманіе исторіи было вначалѣ фаталистичнымъ, то какъ же обстоитъ дѣло съ классовой борь-

бой? Во главѣ теоретическихъ выводовъ Коммунистическаго Манифеста стоитъ положеніе: «Исторія всякаго предшествующаго общества—это исторія борьбы классовъ». Въ современной классовой борьбѣ пролетаріата коммунисты должны принять участіе, какъ «практически наиболѣе рѣшительная, все далѣе разростающаяся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ». Къ чему это, если Марксъ принималъ, что эволюція совершается фаталистически?

Для самого Бернштейна марксистская точка зрѣнія въ корнѣ своемъ содержитъ не только фатализмъ, но и противорѣчіе.

Въ извѣстномъ предисловіи къ критикѣ политической экономіи, какъ утверждаетъ Бернштейнъ, «сознаніе и бытіе такъ рѣзко противопоставлены другъ другу, что отсюда ясенъ выводъ, что люди разсматриваются просто какъ живые агенты историческихъ силъ, дѣло которыхъ они выполняютъ прямо *помимо сознанія и противъ воли*». (Стр. 6). Чистый фатализмъ. Это довольно скверно. Но именно тогда, когда его пониманіе исторіи было наиболѣе фаталистичнымъ, тотъ же самый Марксъ, какъ его упрекаетъ Бернштейнъ, въ союзѣ съ Энгельсомъ, сдѣлалъ «движущей силой революціи, вмѣсто условій дѣйствительности, *чистую волю*». Это, воля ваша, еще хуже. Но хуже всего то, что Марксъ и Энгельсъ никогда не сознавали этого неслыханнаго противорѣчія. Допущеніе, что онъ ложно понялъ Маркса и Энгельса, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не приходитъ Бернштейну и въ голову. Вѣдь для всѣхъ противорѣчій онъ заранѣе имѣетъ въ карманѣ объясненіе—теорію двухъ душъ. У всякаго человѣка онъ находитъ двѣ души, вездѣ дуализмъ; а, если ему осмѣливаются указать на то, что эти двѣ души можно найти въ его груди—онъ обижается.

А между тѣмъ Бернштейнъ констатируетъ не только наличность двухъ душъ у Маркса и Энгельса, но и особое развитіе каждой изъ обѣихъ этихъ душъ, и, вдобавокъ, въ противоположномъ направленіи,—и все-таки каждая изъ нихъ развиваются по направленію къ Бернштейну—вотъ такъ фокусъ! Одна душа становится все менѣе фаталистичной, все болѣе признаетъ самостоятельное собственное движеніе политическихъ и идеологическихъ силъ, все болѣе, слѣдовательно, дѣлаетъ «вмѣсто условій дѣйствительности волю движущей силой» соціальнаго развитія. Напротивъ, другая душа, какъ это можно прочесть въ главѣ: «Марксизмъ и гегелевская діалектика», все болѣе ограничивала роль воли и идео-

логіи въ революціи и все большее значеніе приписывало ея матеріальнымъ условіямъ, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ предисловіе Энгельса къ марксовой «Классовой борьбѣ». Такимъ образомъ, обѣ бѣдныя души никогда не могутъ встрѣтиться, и необыкновенный даръ душевнаго нюха необходимъ для того, чтобы разобраться въ этой нелѣпой путаницѣ и вполнѣ точно установить, какая же изъ нихъ настоящая марксистская душа.

Бернштейну посчастливилось открыть ее въ нѣкоторыхъ частныхъ письмахъ Энгельса и онъ насъ поучаетъ: «Кто въ настоящее время принимаетъ матеріалистическую теорію исторіи, обязанъ принимать ее въ ея наиболѣе разработанной, а не въ ея первоначальной формѣ, то-есть, онъ обязанъ, наряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, вполнѣ признавать и значеніе правовыхъ и этическихъ понятій, историческихъ и религіозныхъ традицій каждой эпохи, географическихъ и другихъ вліяній природы, куда относится и природа самого человѣка и его духовные задатки». (Стр. 7).

Совершенно вѣрно, но только это долженъ дѣлать всякій, кто принимаетъ какое бы то ни было пониманіе исторіи. То, что Бернштейнъ перечисляетъ намъ здѣсь въ не совсѣмъ безупречномъ порядкѣ, это именно тѣ факторы, зависимость между которыми и слѣдуетъ раскрыть. О характерѣ этой зависимости мы совсѣмъ ничего не узнаемъ, если насъ обязываютъ «признавать ихъ значеніе».

Это неясное общее мѣсто—вотъ весь результатъ бернштейновскаго изслѣдованія матеріалистическаго пониманія исторіи.

Но безъ ясной исторической теоріи нѣтъ и яснаго метода соціалистическаго изслѣдованія. Вотъ тотъ пунктъ, гдѣ пониманіе исторіи и соціализмъ соприкасаются, пунктъ, который дѣлаетъ вопросъ объ исторической теоріи болѣе, чѣмъ доктринерскимъ вопросомъ.

Связь между теоріей и методомъ ясно видна изъ одного мѣста Энгельсовскаго Анти-Дюринга. Я беру третье, «просмотрѣнное и дополненное» изданіе, которое Энгельсъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1894 году, за годъ до своей смерти, въ то время, къ которому относятся и его частныя письма, на которыя ссылается Бернштейнъ. Въ моей статьѣ въ «N. Z.» я уже указалъ, что между этими письмами и сочиненіями Маркса и Энгельса нѣтъ противорѣчія, а потому могу освободить себя и своихъ читателей отъ повторенія этихъ разсужденій.

Въ анти-Дюрингѣ (стр. 286, рус. пер., стр. 385) читаемъ: «Матеріалистическое воззрѣніе на исторію исходитъ изъ того положенія, что производство и, наряду съ производствомъ, обмѣнъ его продуктовъ—это основа всякаго общественнаго строя; что въ каждомъ исторически выступающемъ обществѣ распредѣленіе продуктовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и соціальное расчлененіе на классы и сословія сообразуется съ тѣмъ, что и какъ производится и какъ произведенное обмѣнивается. Поэтому, послѣднія причины всякихъ общественныхъ измѣненій и политическихъ переворотовъ слѣдуетъ искать не въ головахъ людей, не въ ихъ растущемъ уразумѣніи вѣчной правды и справедливости, а въ измѣненіяхъ формы производства и обмѣна; ихъ нужно искать не въ *философіи,* а въ *экономіи* данной эпохи. Пробуждающееся сознаніе того, что существующія общественныя учрежденія неразумны и несправедливы, что разумное стало безсмысленнымъ, благо—бѣдствіемъ, это только признакъ того, что вполнѣ незамѣтно произошли измѣненія въ методахъ производства и формахъ обмѣна, съ которыми уже не согласуется общественный строй, прикроенный по прежнимъ экономическимъ условіямъ. Этимъ въ то же время сказано, что средства къ устраненію открытыхъ бѣдствій—въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи—точно также должны находиться въ самихъ измѣнившихся производственныхъ отношеніяхъ. Этихъ средствъ нельзя *изобрѣсть* изъ головы, но ихъ при помощи головы можно *открыть* въ существующихъ матеріальныхъ фактахъ производства».

Но однимъ только открытіемъ ничего еще не сдѣлано. Средства эти должны быть примѣнены на практикѣ, и, въ случаѣ надобности, должны быть навязаны сопротивляющимся. Но не всѣ слои народа можно склонить къ этому простою силою убѣжденія (Ueberredung). Тѣ слои народа, которые можно при помощи пропаганды пріобрѣсть и соединить для данной борьбы, точно также должны быть *открыты.* Всегда существуютъ только вполнѣ опредѣленные классы, интересы и склонности которыхъ совпадаютъ съ потребностями общественнаго развитія. И эти интересы и склонности могутъ быть познаны только путемъ изслѣдованія существующей формы производства.

Вотъ методъ, вытекающій изъ примѣненія матеріалистическаго пониманія исторіи въ политикѣ, методъ, благодаря которому соціализмъ сталъ наукой. Это, конечно, не значитъ, что отнынѣ только тотъ можетъ быть соціалистомъ, кто признаетъ, или, по крайней мѣрѣ, понимаетъ этотъ методъ.

Можно стать на сторону какого-нибудь дѣла, не уяснивъ себѣ послѣднихъ причинъ своего поведенія. Если же марксистскій соціализмъ называютъ научнымъ, то съ этимъ не слѣдуетъ соединять чванства марксистовъ, какъ будто они утверждаютъ, что только у нихъ однихъ можно найти научное мышленіе. Несомнѣнно существуютъ марксисты, которые съ наукой совсѣмъ не въ ладахъ, и не марксисты, которые вносятъ значительные вклады въ науку. Но другого метода для научнаго обоснованія соціализма, кромѣ марксистскаго, до сихъ поръ еще не появлялось.

Рѣшающій моментъ въ марксистскомъ соціализмѣ — это *методъ*, а не *результаты*. Послѣдніе могутъ измѣняться, въ нѣкоторыхъ пунктахъ уже измѣнились, а въ нѣкоторыхъ еще дальше станутъ измѣняться съ ходомъ развитія, которое даетъ не только новые факты, но и новыя средства для изслѣдованія. Что мы кое о чемъ иначе судимъ, чѣмъ Марксъ и Энгельсъ при составленіи Коммунистическаго Манифеста, понятно само собою. Но что все болѣе блестяще подтверждается, такъ это методъ, при помощи котораго добыты выводы Коммунистическаго Манифеста.

Несомнѣнно, что и этотъ методъ не послѣднее слово мудрости. Но, если кто-нибудь желаетъ побудить насъ оставить этотъ столь ясный, столь плодотворный, столь испытанный методъ, то этому должны быть основательныя причины, и намъ долженъ быть предложенъ, взамѣнъ этого, столь же ясный и плодотворный, если и не столь еще испытанный методъ.

Кто считаетъ марксистскій методъ ложнымъ, для того остаются только два пути. Или онъ признаетъ, что общественное развитіе необходимо и закономѣрно, но отрицаетъ, что въ конечномъ счетѣ его можно свести на развитіе формъ производства. Онъ находитъ, что «слѣдуетъ принимать въ разсчетъ» наряду съ этимъ и другіе, или исключительно другіе факторы. Тогда онъ долженъ, если онъ пожелаетъ постигнуть направленіе соціальнаго развитія и найти средство для наиболѣе дѣйствительнаго способствованія ему, изложить законы, которымъ эти другіе факторы, скажемъ этическія воззрѣнія и побужденія, подчиняются. О научномъ соціализмѣ при такомъ методѣ тогда только могла бы быть рѣчь, если бы соотвѣтствующіе факторы были столь же изслѣдованы, какъ капиталистическая форма производства въ «Капиталѣ» и было бы доказано, что изъ дѣйствія этихъ факторовъ должно возникнуть соціалистическое общество.

Или же вообще отрицаютъ необходимость и закономѣрность общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, возможность познать ихъ при помощи наличныхъ средствъ. Но съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ и всякая возможность объяснить, хотя бы только отчасти, направленіе соціальнаго развитія путемъ изслѣдованія настоящаго и прошедшаго, исчезаетъ всякая возможность научнаго разслѣдованія громадной проблемы нашего времени, слѣдовательно, и возможность научнаго соціализма. Это не исключаетъ соціалистическаго движенія, но его цѣли перестаютъ быть чѣмъ-то инымъ, чѣмъ благими пожеланіями, вызванными потребностями времени. Аргументы, характеръ борьбы—все должно измѣниться.

Такъ какъ Бернштейнъ отклоняетъ матеріалистическое пониманіе исторіи въ его классической, или, какъ онъ полагаетъ, примитивной формѣ, то онъ долженъ былъ бы, если бы онъ, вообще, хотѣлъ внести ясность въ методъ, стать на сторону одного изъ двухъ, только что упомянутыхъ методовъ. Но онъ отъ этого совершенно отказывается. Онъ довольствуется тѣмъ, что хочетъ, при помощи нѣсколькихъ выходокъ противъ матеріалистовъ и противъ необходимости и при помощи натянутыхъ толкованій нѣсколькихъ частныхъ писемъ, заставить насъ повѣрить, будто Марксъ и Энгельсъ къ концу своей жизни отказались отъ послѣдовательнаго примѣненія своего пониманія исторіи и соотвѣтствующаго этому пониманію метода, на которомъ основываются ихъ классическія произведенія, начиная отъ «Нищеты философіи» и Коммунистическаго Манифеста и кончая «Капиталомъ» и «Анти-Дюрингомъ». Но онъ остерегается, хотя бы однимъ только словомъ, выдать какой методъ онъ считаетъ правильнымъ и даже во время дискуссіи не удалось вытянуть изъ него какого-нибудь мнѣнія по этому поводу. Его ожесточенная борьба противъ исторической необходимости, позволяетъ допустить, что онъ придерживается воззрѣнія, будто бы вообще невозможно научно обосновать соціализмъ. Но противъ этого говоритъ то обстоятельство, что онъ все еще чувствуетъ себя марксистомъ, болѣе того, сторонникомъ истиннаго матеріалистическаго пониманія исторіи, въ противоположность догматическимъ марксистамъ, твердо держащимся за его классическую форму. Къ сожалѣнію, на голомъ «признаніи значенія» различныхъ факторовъ нельзя построить метода научнаго соціализма.

Итакъ, Бернштейнъ ограничивается нѣсколькими оракульскими изреченіями. На стр. 10 и 11 онъ заявляетъ, что идеологическій и этическій факторы пріобрѣтаютъ все большую

сферу самостоятельнаго дѣйствія и продолжаетъ: «Желѣзная необходимость исторіи получаетъ, такимъ образомъ, ограниченіе, которое для практики соціаль-демократіи — можно это предпослать заранѣе—означаетъ не уменьшеніе, а *увеличеніе* и *квалифицированіе* соціально-политическихъ задачъ». Можно было ожидать, что мы, въ дальнѣйшей части сочиненія, что-нибудь узнаемъ объ этомъ «увеличеніи и квалифицированіи». Но ничуть не бывало. Мы такъ и остаемся при предпосланномъ намекѣ. Только еще на стр. 178 мы читаемъ, что Бернштейнъ въ дѣйствительности ставитъ побѣду соціализма въ зависимости не отъ его имманентной экономической необходимости, что онъ, наоборотъ, считаетъ и невозможнымъ и не необходимымъ дать ей чисто матеріалистическое обоснованіе».

Считаетъ ли онъ возможнымъ и необходимымъ дать ей другое обоснованіе,—мы не узнаемъ и столь же мало, конечно, узнаемъ о самомъ этомъ обоснованіи.

Бернштейнъ довольствуется тѣмъ, что выступаетъ противъ стараго метода; онъ не считаетъ необходимымъ замѣстить его новымъ. Онъ справляется и безъ опредѣленнаго метода. Безсознательно онъ все еще пользуется старымъ методомъ, который проходитъ черезъ всю его книгу. Но такъ какъ онъ громко объявилъ его недостаточнымъ, то онъ, поэтому, беретъ себѣ право отклоняться отъ него, когда выводы изъ этого метода становятся для него неудобными.

Замѣчательно то, что онъ отказывается дать соціализму «*чисто* матеріалистическое» обоснованіе. *Непослѣдовательный* матеріализмъ—такова бернштейнова поправка къ марксистскому методу.

b) Діалектика.

Если Бернштейнъ, по отношенію къ матеріалистическому пониманію исторіи, выступаетъ не какъ его критикъ, а какъ его комментаторъ, то въ слѣдующей части его брошюры дѣло обстоитъ иначе.

Ученіе Маркса и Энгельса, говоритъ онъ, эволюціонировало, «но не на всѣ изъ этихъ измѣненій относительно отдѣльныхъ частей или предпосылокъ теорій обращено должное вниманіе при окончательной формулировкѣ теоріи... Марксъ и Энгельсъ ограничились только намеками на то обратное вліяніе, которое признанныя ими измѣненія въ фактахъ и лучшее знакомство съ теоріей должно имѣть на выработку

и примѣненіе теоріи; установили же они это вліяніе только относительно отдѣльныхъ пунктовъ. Но и въ послѣднемъ отношеніи у нихъ тоже нѣтъ недостатка въ противорѣчіяхъ. Задачу—снова внести единство въ теорію и возстановить согласіе между теоріей и практикой,—эту задачу они оставили своимъ послѣдователямъ... Теперь дѣло обстоитъ такъ, что сочиненіями Маркса и Энгельса можно доказать все, что угодно. Для апологетовъ и литературныхъ крючкотворцевъ это очень удобно. Но кто сохранилъ въ себѣ хоть немного теоретическаго чутья..., тотъ будетъ ощущать потребность, разъ только онъ сознаетъ эти противорѣчія, привести ихъ въ порядокъ. Въ этомъ, а не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителей, заключается задача ихъ учениковъ» (стр. 19).

Правильность послѣдняго предложенія этого отрывка ея столь же мало могу отрицать, какъ и правильность перваго. Но къ остальному я отношусь не менѣе критически, чѣмъ Бернштейнъ къ Марксу и Энгельсу, рискуя быть имъ причисленнымъ къ апологетамъ и крючкотворцамъ.

Что марксова теорія неготовою вышла изъ головы ея творцовъ, что она претерпѣла эволюцію, это понятно само собою, точно такъ же, какъ дешевой истинной является и указаніе на то, что не въ вѣчномъ повтореніи словъ учителей заключается задача учениковъ. Результаты, найденные Марксомъ и Энгельсомъ—не послѣднее слово науки. Общество находится въ состояніи постояннаго развитія, и появляются не только новые факты, но и новые методы наблюденія и изслѣдованія. Кое-что изъ того, что утверждали Марксъ и Энгельсъ становится несостоятельнымъ, кое-что нуждается въ ограниченіи, кое-какіе пробѣлы, ими оставленные, должны быть заполнены.

Но не о подобномъ дальнѣйшемъ развитіи теоріи говоритъ здѣсь Бернштейнъ; онъ говоритъ о противорѣчіяхъ, въ которыхъ Марксъ и Энгельсъ, благодаря ихъ собственнымъ научнымъ успѣхамъ, запутались потому, что они не во всѣхъ областяхъ дѣлали изъ нихъ выводы и держались устарѣвшихъ воззрѣній, находившихся въ противорѣчіи съ ихъ собственными позднѣйшими взглядами.

Это уже нѣчто само собою понятное; желательно и даже необходимо, чтобы это было *доказано*. Обыкновенный ходъ развитія любой теоріи не таковъ, какимъ его здѣсь изобразилъ Бернштейнъ. Въ своихъ начальныхъ стадіяхъ она должна примыкать къ теоріямъ, ей предшествовавшимъ; тутъ

она еще не можетъ быть свободной отъ противорѣчій; но чѣмъ болѣе она совершенствуется, чѣмъ самостоятельнѣе она становится, тѣмъ больше сбрасываетъ она съ себя доставшіяся ей по наслѣдству формы мысли, тѣмъ болѣе единой и законченной она становится. А у Маркса и Энгельса дѣло будто бы обстояло иначе; у этихъ двухъ мыслителей, чье стремленіе къ единству, ясность мышленія, точность въ выраженіяхъ признаются даже противниками? И они то запутались въ столь крупныхъ противорѣчіяхъ и такъ неясно мыслили, что ихъ сочиненіями можно доказать *все*, что угодно?

Правда, нѣкоторыя положенія Маркса и Энгельса можно, повидимому, толковать различно. Но развѣ поэтому непремѣнно нужно быть крючкотворцемъ или апологетомъ, чтобы стараться понять ихъ безъ противорѣчій? Такова уже судьба всякой глубокой философіи, что ея не понимаютъ просто и толкуютъ различно. Только тотъ вполнѣ пойметъ глубокаго мыслителя, кто смогъ вполнѣ сжиться съ ходомъ его мысли. Противнику это едва ли когда-нибудь удастся, и гдѣ единомышленникъ находитъ полнѣйшее единство и законченность, тамъ первый видитъ противорѣчія, которыя только апологетъ или крючкотворецъ можетъ соединить воедино.

Почему же Бернштейнъ только теперь, съ тѣхъ поръ, какъ вышелъ изъ цеха апологетовъ и крючкотворцевъ, открылъ противорѣчія у Маркса и Энгельса? Что такое открыло ему внезапно глаза? Мы, конечно, можемъ ожидать, что сильнымъ словамъ Бернштейна соотвѣтствуютъ и сильные побудительные факты.

Прежде всего, въ доказательство своего утвержденія, онъ даетъ намъ *одинъ* примѣръ, единственный. Но этотъ примѣръ будетъ, разумѣется, сокрушительнымъ!

Въ предисловіи къ новому изданію Коммунистическаго Манифеста (1872) Марксъ и Энгельсъ сказали о выработанной тамъ программѣ революціи, что она «*мѣстами устарѣла*», но въ 1885 году Энгельсъ издалъ программу революціи отъ 48 г. и циркуляръ исполнительнаго комитета союза коммунистовъ съ примѣчаніемъ, что отсюда «еще и теперь можно кое-чему научиться» и «что кое-что годится еще и въ настоящее время». Я долженъ признаться, что я настолько крючкотворецъ или апологетъ, что не нахожу здѣсь никакого противорѣчія выраженію «мѣстами устарѣла». Конечно и въ предисловіи отъ 1872 года говорится: «Коммуна (парижская) дала доказательство тому, что рабочій классъ не можетъ прямо завладѣть готовымъ государственнымъ механизмомъ и при-

вести его въ движенiе для собственныхъ цѣлей». «Но пять лѣтъ спустя», продолжаетъ Бернштейнъ, «въ Анти-Дюрингѣ опять говорится безъ обиняковъ: „Пролетарiатъ захватываетъ государственную власть и сейчасъ-же превращаетъ средства производства въ собственность государства“».

Бернштейнъ, повидимому, считаетъ противорѣчiе между двумя этими положенiями столь очевиднымъ, что находитъ даже излишнимъ разъяснить его. Для меня-же, наоборотъ, и при наилучшемъ желанiи невозможно найти здѣсь противорѣчiе. Если Энгельсъ говоритъ, что рабочiй классъ не можетъ *прямо* завладѣть *готовымъ* государственнымъ механизмомъ, то это, вѣдь, не значитъ, что онъ вообще не можетъ имъ завладѣть. Вѣдь, это было-бы полнѣйшимъ переворотомъ въ одномъ изъ фундаментовъ марксистской политики, а такого переворота Марксъ и Энгельсъ не произвели-бы мимоходомъ, на двухъ строчкахъ, безъ дальнѣйшихъ комментарiевъ. Но кто еще сомнѣвается, какъ слѣдуетъ понимать положенiе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, тотъ пусть прочтетъ предисловiе къ третьему, вышедшему въ 1891 году. изданiю: «Гражданская война во Францiи», тамъ, между прочимъ, сказано: «Коммуна должна была прямо заранѣе признать, что рабочiй классъ, достигнувъ господства, не можетъ продолжать хозяйничать при помощи старой государственной машины; что этотъ рабочiй классъ, чтобы не утратить своего собственнаго, только что прiобрѣтеннаго господства, долженъ, съ одной стороны, устранить весь старый, до сихъ поръ противъ него самого употреблявшiйся механизмъ угнетенiя, а, съ другой стороны,— обезпечить себя отъ собственныхъ депутатовъ и чиновниковъ» и т. д. (стр. 12). Гдѣ во всемъ ходѣ этой мысли таится хотя бы малѣйшее противорѣчiе къ положенiю: «Пролетарiатъ захватываетъ государственную власть и прежде всего превращаетъ средства производства въ собственность государства». Нужно самому уже впасть въ сильнѣйшее противорѣчiе къ марксистской точкѣ зрѣнiя, чтобы вычитать здѣсь противорѣчiе.

Но, конечно, дальше Бернштейнъ сможетъ указать намъ и на другiя противорѣчiя. Откуда они происходятъ? Чѣмъ можно объяснить, что двое такихъ строго логическихъ мыслителей могли такъ безвыходно запутаться? Виновата въ этомъ гегелевская *дiалектика*. Она — наслѣдственный грѣхъ марксизма.

Если-бы Энгельсъ самъ взялся за необходимый пересмотръ теорiи, то «онъ безусловно, если не на словахъ, то на

дѣлѣ долженъ былъ-бы раздѣлаться съ гегелевской діалектикой. Она — предательскій элементъ марксистской доктрины, ловушка, лежащая на пути всякаго послѣдовательнаго разсмотрѣнія вещей» (стр. 26). «Логическія salto-mortale гегельянства отливаютъ радикализмомъ и остроуміемъ. Подобно блуждающимъ огонькамъ они намъ показываютъ въ неясныхъ контурахъ потустороннія перспективы. Но если мы довѣрчиво направимся по пути, ими указанному, *мы непремѣнно попадемъ въ трясину*. То, что Марксъ и Энгельсъ дали намъ великаго — они дали не при помощи гегелевской діалектики, а вопреки ей» (стр. 36).

Но что-же останется отъ марксизма, если отнять отъ него діалектику, которая была «ее наилучшимъ рабочимъ инструментомъ» и «его острѣйшимъ орудіемъ» (Энгельсъ «Феербахъ», стр. 45). Развѣ мышленіе Маркса и Энгельса не было насквозь діалектическимъ?

Уже въ 1875 г. Дюрингъ, въ своей «Критической исторіи», писалъ о первомъ томѣ «Капитала»:

«При томъ отсутствіи естественной и разумной логики, которымъ отличаются діалектически кудреватыя хитросплетенія и арабески представленій, поистинѣ нельзя угадать что, собственно, говоря человѣческимъ и нѣмецкимъ языкомъ, должно еще заключаться въ двухъ слѣдующимъ томахъ. Уже къ имѣющейся части необходимо примѣнить принципъ, что въ нѣкоторомъ отношеніи, а также и согласно извѣстному философскому предразсудку, можно искать все въ каждомъ и каждое во всемъ, и что, къ концѣ-концовъ, слѣдствіемъ этого хаотическаго и извращеннаго представленія будетъ то, что все едино есть» (2-е изд., стр. 496).

Это почти то же самое, что говоритъ Бернштейнъ, который, вѣдь, тоже утверждаетъ, что сочиненіями Маркса и Энгельса можно доказать все, что угодно. Между Бернштейномъ и Дюрингомъ только та разница, что послѣдній отнюдь не предполагалъ, что своей критикой онъ совершаетъ «дальнѣйшее развитіе и разработку марксистскаго ученія» и достигаетъ ею того, «что, въ концѣ концовъ, Марксъ оказывается правымъ относительно Маркса».

Но оставимъ пока Маркса въ сторонѣ и обратимся къ «раздѣлыванію» съ предательской діалектикой.

Что это, собственно, за безнравственная вещь, которая ставитъ намъ ловушки и угрожаетъ нашей добродѣтели? Не что иное, какъ воззрѣніе, «что міръ слѣдуетъ понимать не какъ комплексъ *готовыхъ вещей*, а какъ комплексъ *процес-*

совъ, въ которыхъ вещи, кажущіяся неизмѣнными, равно какъ и ихъ мысленныя отображенія въ нашей головѣ—понятія—претерпѣваютъ безпрерывныя измѣненія, становленія и протеканія; въ этомъ измѣненіи, при всей кажущейся случайности и вопреки всякому преходящему (momentan) регрессу, одерживаетъ верхъ развитіе прогрессивное» (Энг., «Феербахъ», стр. 46). *Движущей* же силой всякаго развитія является борьба *противорѣчій.*

Объявляетъ ли Бернштейнъ это воззрѣніе или тѣ особыя формы, которыя оно приняло у Гегеля, resp. у Маркса и Энгельса, ложнымъ? Онъ хочетъ взяться за пересмотръ теоріи, который не успѣлъ сдѣлать Энгельсъ; заявляетъ, что предпосылка этого пересмотра—*раздѣлаться* съ діалектикой, неистовствуетъ противъ нея,—но не говоритъ намъ въ своемъ сочиненіи ни слова о томъ, въ чемъ, по его мнѣнію, заключается ея ошибка.

Онъ просто заявляетъ, что она весьма опасна, ибо она легко можетъ быть безсмысленно примѣнена.

Для нашихъ цѣлей достаточно указать на этотъ взглядъ Бернштейна. Но и такой взглядъ позволяетъ, даже иногда вынуждаетъ мыслить діалектически—или, лучше сказать, онъ позволяетъ не соціаль-демократамъ мыслить діалектически. Позволяетъ ли онъ это и соціаль-демократамъ, вотъ въ чемъ вопросъ.

Діалектическое мышленіе, говоритъ Бернштейнъ, весьма прекрасно и хорошо тамъ, гдѣ оно не должно служить какому-либо «диллетантству», которое ведетъ насъ къ «произвольнымъ конструкціямъ». Тутъ діалектика становится опасной.

Совершенно вѣрно, только не видно, почему именно діалектическое мышленіе въ данномъ случаѣ опаснѣе, чѣмъ мышленіе вообще. Или, можетъ быть, обоснованіемъ этого положенія служитъ то, что Бернштейнъ пишетъ: «Никакой методъ не ведетъ такъ легко къ такимъ конструкціямъ, ни одинъ не придаетъ имъ столь правдоподобнаго вида, какъ діалектика и, поэтому, никакой методъ не столь опасенъ. Ибо весьма немногіе, которые его примѣняютъ, слѣдуютъ при этомъ правиламъ, предписаннымъ для него самимъ Гегелемъ».

Является ли на самомъ дѣлѣ естественнымъ закономъ именно гегелевской діалектики ея неправильное примѣненіе... А если это не такъ, тогда неправильное примѣненіе — это недостатокъ не Гегеля, а соотвѣтственныхъ діалектиковъ, въ нашемъ, стало быть, случаѣ—Маркса и Энгельса. И въ са-

момъ дѣлѣ жалоба противъ ловушекъ гегелевской діалектики при раздѣлываніи съ нею превращается въ жалобу противъ марксовскаго метода и его наиболѣе зрѣлаго и блестящаго продукта—«Капитала».

Я возразилъ Бернштейну:

«Кто конструируетъ область дѣйствительности внѣ ея, тотъ всегда попадетъ въ трясину, будетъ ли онъ примѣнять діалектику, или пойдетъ назадъ къ Канту. Но былъ ли Марксъ подверженъ опасности строить „произвольныя конструкціи"? Дюрингъ утверждалъ это уже по отношенію къ параграфамъ объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія въ „Капиталѣ": „Гегелевское отрицаніе отрицанія при отсутствіи лучшихъ и болѣе ясныхъ средствъ должно здѣсь оказать услугу акушерки, при помощи которой будущее рождается изъ лона прошлаго". На это возразилъ Энгельсъ въ своемъ Анти-Дюрингѣ: „Если Марксъ называетъ этотъ процессъ отрицаніемъ отрицанія, то онъ вовсе не думаетъ о томъ, чтобы доказать его историческую необходимость. Напротивъ. Послѣ того, какъ онъ исторически доказалъ, частью уже совершился, а частью еще долженъ совершиться, онъ характеризуетъ его, какъ процессъ, совершающійся по опредѣленному діалектическому закону".

Самъ Марксъ говоритъ въ своемъ послѣсловіи ко второму изданіи „Капитала": „Изслѣдованіе должно усвоить себѣ предметъ въ деталяхъ, проанализировать различныя формы его развитія и найти ихъ внутреннюю связь. Только тогда, когда этотъ трудъ законченъ, можетъ быть соотвѣтствующимъ образомъ представлено дѣйствительное движеніе. Если это удастся и если въ построеніи идеально отразится жизнь предмета, *то можетъ показаться, что мы имѣемъ дѣло съ апріорной конструкціей*".

Итакъ, если Бернштейнъ думаетъ, что при примѣненіи гегелевской діалектики подвергаются опасности произвольно конструировать, то мы здѣсь видимъ, что по Марксу, если держаться внѣшности, легко подвергаются опасности считать апріорной конструкціей то, что является продуктомъ глубокаго проникновенія въ дѣйствительность».

Бернштейнъ на это возражаетъ:

«На это, при всемъ уваженіи къ Марксу, необходимо будетъ отвѣтить, что утвержденіе и даже увѣренность писателя, что онъ работалъ согласно тѣмъ или инымъ основнымъ принципамъ, еще не служитъ доказательствомъ тому, что фактически онъ послѣдовательно придерживался этихъ основ-

ныхъ принциповъ. Всего менѣе, когда дѣло идетъ о произведенiи *въ столь высокой степени тенденцiозномъ, какъ „Капиталъ“.* Несомнѣнно, произведенiе это содержитъ въ себѣ огромную массу объективнаго научнаго матерiала и является продуктомъ глубокаго проникновенiя въ дѣйствительность. Но какъ книга, въ своей совокупности, оно не представляетъ собою просто объективнаго изложенiя собранныхъ и изслѣдованныхъ деталей, въ этомъ смыслѣ оно—боевое сочиненiе, если хотите,—диссертацiя...

Во всякомъ случаѣ ясно, что, напр., между тѣми главами въ „Капиталѣ“, гдѣ изображается ходъ развитiя отъ ремесленнаго къ капиталистическому производству, и отдѣломъ „Историческiя тенденцiи капиталистическаго накопленiя“ существуетъ не одно только различiе, являющееся естественнымъ слѣдствiемъ того, что первыя изображаютъ дѣйствительный процессъ, а послѣднiй набрасываетъ только перспективы. Нѣтъ, между ними существуетъ еще и то различiе, что въ одномъ случаѣ дiалектическiй методъ былъ только вспомогательнымъ орудiемъ при изслѣдованiи фактическихъ явленiй, при чемъ явленiя эти, поскольку принимается въ разсчетъ развитiе вещей, нигдѣ не насиловались; въ другомъ же случаѣ дана недостаточная, односторонняя картина фактовъ для того, чтобы пригнать ихъ къ *дiалектически конструированной заранѣе* схемѣ. Тѣмъ, кто оспариваетъ это, можно указать на то, что названная схема не содержитъ въ себѣ ни одной мысли, которая бы уже не находилась въ Коммунистическомъ Манифестѣ — и даже, въ „Священной семьѣ“. Этимъ еще не исчерпывается генеалогiя схемы, но для здѣсь разсматриваемаго пункта достаточно установить, что „Капиталъ“, какъ я указалъ въ моемъ сочиненiи, заканчивается тезисомъ, который былъ *готовъ задолго до того, какъ* Марксъ приступилъ къ изслѣдованiю».

Затѣмъ слѣдуетъ цитированное уже выше положенiе, что никакой методъ такъ легко не ведетъ къ такимъ конструкцiямъ, какъ дiалектика, и что весьма немногiе при ея примѣненiи слѣдуютъ предписаннымъ Гегелемъ правиламъ, и какъ иллюстрацiю къ этому Бернштейнъ въ примѣчанiи приводитъ слѣдующую цитату изъ предисловiя Лассаля къ «Системѣ прiобрѣтенныхъ правъ».

«Итакъ—говорю вполнѣ серьезно—у гегельянцевъ господствовалъ horror pleni, ужасъ передъ положительнымъ матерiаломъ и его недоступнымъ изобилiемъ, тогда какъ *именно только изъ конкретныхъ подробностей эмпирическаго*

можетъ быть познана истина и какъ разъ *только въ нихъ* она можетъ найти *строгое доказательство*». Конечно, говорится далѣе у Лассаля, эмпирическая наука—это «элементъ гораздо труднѣе достижимый, а также гораздо *болѣе неподатливый*, чѣмъ гибкій эфиръ общихъ фразъ».

Бернштейнъ могъ бы обойтись и безъ этой цитаты, ибо въ данномъ контекстѣ она производитъ впечатлѣніе столь же неприличной, какъ и смѣшной клеветы. Чтобы Бернштейнъ хотѣлъ высказать подобную клевету—мы не допускаемъ, но тогда цитата оказывается совершенно лишенной объективности «общей фразой».

Цитата только тогда могла бы имѣть смыслъ въ этомъ мѣстѣ, если бы ее можно было отнести къ Марксу, ибо во всемъ контекстѣ дѣло идетъ о «Капиталѣ». Но невозможно допустить, чтобы Бернштейнъ хотѣлъ утверждать, что у Маркса господствуетъ «horror pleni, ужасъ передъ позитивнымъ матеріаломъ» и что онъ предпочелъ «эмпирической наукѣ податливый эфиръ общихъ фразъ». Этого онъ не можетъ утверждать, уже потому не можетъ, что онъ этимъ утвержденіемъ сдѣлалъ бы себя смѣшнымъ въ глазахъ всякаго, кто прочелъ хотя бы *одно* сочиненіе Маркса.

Но если онъ думаетъ не Маркса, тогда вся цитата безсмысленна. Если Лассаль въ своемъ предисловіи говоритъ о «гегельянцахъ», то онъ думаетъ не всѣхъ, которые воспитывались на Гегелѣ, столь же мало Маркса и Энгельса, какъ и Феербаха, Бруно Бауэра или самого себя, а говоритъ онъ о тѣхъ философахъ права изъ гегельянцевъ, которые удовлетворялись тѣмъ, что пережевывали принципы Гегеля вмѣсто того, чтобы изучать дѣйствительность. Очевидно, что лассалевская цитата такъ же умѣстна по отношенію къ спорному пункту—создали ли Марксъ и Энгельсъ свои большіе труды вопреки гегелевской діалектикѣ или при ея помощи — какъ умѣстно сѣдло на коровѣ.

Болѣе обстоятельно мы должны заняться другимъ утвержденіемъ Бернштейна: Марксъ, дескать, только воображалъ, что примѣняетъ методъ, считавшійся имъ самимъ наилучшимъ, но не всегда примѣнялъ его, ибо его произведеніе было *произведеніемъ тенденціознымъ*; оно заканчивается тезисомъ, который былъ уже готовъ задолго до того, какъ Марксъ взялся за свое изслѣдованіе, недостатокъ же діалектическаго метода именно тотъ, что имъ можно легче, чѣмъ всякимъ другимъ, пользоваться для кажущагося обоснованія подобныхъ тезисовъ.

Мы видимъ, что предательскій и коварный элементъ гегелевской діалектики все болѣе исчезаетъ; то, что еще недавно было сиреной, увлекающей на погибель, становится все больше неопытной невинностью, которую развращаетъ и съ которою скверно обходится марксова *тенденція*. Не въ *діалектикѣ*, а въ *тенденціи*, которая пользуется діалектикой, заключается, въ сущности говоря, опасность; она предательскій и пагубный элементъ марксовой книги. Но что же иное эта тенденція, какъ не... соціализмъ?

Это воззрѣніе рѣзко выступаетъ въ заключительной главѣ книги Бернштейна. Тамъ онъ разсуждаетъ:

«По-моему, глава эта (глава о тенденціяхъ капиталистическаго накопленія) является иллюстраціей дуализма, проникающаго весь монументальный трудъ Маркса и выраженнаго менѣе ярко и въ другихъ мѣстахъ книги. Дуализма, заключающагося въ томъ, что трудъ этотъ хочетъ быть научнымъ изслѣдованіемъ и въ то же время доказывать *тезисы, готовые еще задолго до его составленія*; что въ основѣ его лежитъ схема, въ которой заранѣе уже установленъ результатъ, къ которому должно привести развитіе. Возвращеніе къ Коммунистическому Манифесту указываетъ здѣсь на значительный остатокъ утопизма въ марксовой системѣ. Марксъ въ существенныхъ чертахъ принялъ *рѣшеніе утопистовъ*, но ихъ средства и доказательства считалъ недостаточными. Поэтому онъ занялся ихъ пересмотромъ, и при томъ со рвеніемъ, критической остротой и любовью къ истинѣ, свойственными научному генію. Онъ не замалчивалъ ни одного важнаго фактора, онъ не позволялъ себѣ также--поскольку предметъ изслѣдованія не имѣлъ непосредственнаго отношенія къ конечной цѣли, доказываемой схемы—насильственно уменьшать значеніе такихъ фактовъ. Постольку онъ остается свободнымъ отъ всякой тенденціи, неизбѣжно наносящей ущербъ научности. Ибо общее сочувствіе къ освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса—само по себѣ не помѣха научности. Но какъ только Марксъ подходитъ къ тѣмъ пунктамъ, гдѣ эта конечная цѣль является серьезнымъ вопросомъ, тамъ онъ становится неточнымъ, на его выводы нельзя полагаться, тамъ онъ приходитъ къ такимъ противорѣчіямъ, какія, между прочимъ, указаны и въ настоящемъ сочиненіи въ главѣ объ эволюціи доходовъ въ современномъ обществѣ; тамъ обнаруживается, что этотъ великій научный умъ, въ концѣ концовъ, все-таки былъ плѣнникомъ доктрины. Онъ, говоря образно, внутри уже готовыхъ лѣсовъ воздвигъ мощное зда-

ніе, при постройкѣ котораго онъ постольку придерживался законовъ научной архитектуры, поскольку они не противорѣчили тѣмъ условіямъ, которыя ему ставило расположеніе лѣсовъ; но онъ пренебрегалъ ими или обходилъ ихъ тамъ, гдѣ лѣса были слишкомъ тѣсны для того, чтобы допустить соблюденіе этихъ законовъ. Вмѣсто того, чтобы сломать лѣса тамъ, гдѣ они ставили предѣлы зданію, мѣшали свободной его постройкѣ, онъ измѣняетъ самую постройку въ ущербъ пропорціональности и, такимъ образомъ, ставитъ ее въ полную зависимость отъ лѣсовъ. Не сознаніе ли такого нераціональнаго отношенія заставляло его всякій разъ снова переходить отъ завершенія постройки къ улучшенію отдѣльныхъ частей? Какъ бы тамъ ни было, но мое убѣжденіе таково, что гдѣ бы ни обнаруживался этотъ дуализмъ, лѣса должны пасть для того, чтобы зданіе было закончено. Въ зданіи, а не въ лѣсахъ заключается то, что достойно пережить Маркса» («Ист. мат.», стр. 177, 178).

Здѣсь ясно видно, что не діалектика, а «рѣшеніе утопистовъ»,—эта та ловушка, «которая лежитъ на пути всякаго послѣдовательнаго разсмотрѣнія вещей». Марксъ наученъ тамъ, гдѣ «конечная цѣль» не «является серьезнымъ вопросомъ». «Ибо общее сочувствіе къ освободительнымъ стремленіямъ рабочаго класса», какое питаетъ и всякій катедеръ-соціалистъ, «само по себѣ не помѣха научности». Но гдѣ дѣло идетъ о конечной цѣли, тамъ Марксъ становится «неточнымъ, на его выводы нельзя положиться». Изъ трудовъ Маркса достойны пережить его частныя наблюденія надъ раздѣленіемъ труда, машинами, деньгами и т. п. Чтобы зданіе было закончено, лѣса, «рѣшеніе утопистовъ», «тезисы, готовые раньше составленія его труда», должны пасть.

Это говорятъ, нѣсколько иными словами, и господа Юліусъ Вольфъ et consortes, и я долженъ признать, что если обвиненіе формулируется такимъ образомъ, то въ немъ все-таки больше смысла, чѣмъ когда оно возводится на діалектику.

Совершенно нельзя сомнѣваться въ томъ, что «Капиталъ» вышелъ бы еще болѣе безпристрастнымъ и научнымъ, если бы авторъ со своимъ геніемъ, своей глубиной и любовью къ истинѣ соединилъ прекрасное свойство стоять надъ всякой классовой борьбой и классовыми противорѣчіями, не теряя при этомъ тѣсной близости къ экономической дѣйствительности. Можно, конечно, пожелать такого изслѣдователя,

но въ обществѣ, столь раздираемомъ классовыми противорѣчіями, это должно остаться благочестивымъ пожеланіемъ.

Сила научнаго изслѣдованія столь могуча, что она при извѣстныхъ условіяхъ можетъ поднять изслѣдователя соціальныхъ отношеній надъ наслѣдственной точкой зрѣнія *собственнаго класса.* И это случилось съ Марксомъ и Энгельсомъ. Но результаты экономическаго изслѣдованія такъ глубоко задѣваютъ самые жизненные интересы отдѣльныхъ, находящихся въ противорѣчіи, классовъ, что изслѣдователь, чѣмъ глубже онъ погружается въ изученіе дѣйствительности, чѣмъ яснѣе онъ ее постигаетъ, чѣмъ страстнѣе его стремленіе къ истинѣ, тѣмъ менѣе равнодушнымъ можетъ оставаться въ великой борьбѣ, волнующей наше общество, тѣмъ скорѣе онъ долженъ стать партійнымъ, что, конечно, не безусловно тождественно съ присоединеніемъ къ одной изъ существующихъ политическихъ партій. Въ области политической экономіи быть изслѣдователемъ — значитъ, быть и борцомъ, если изслѣдователь хотя бы сколько-нибудь мужъ, а не кастратъ. Но даже и кастраты должны въ этой области тоже бороться, конечно, не всегда за свое собственное убѣжденіе, и только тамъ, гдѣ они увѣрены въ сильномъ прикрытіи тыла.

Если бы Бернштейнъ хотѣлъ сказать, что соединеніе соціальнаго изслѣдованія съ соціальной борьбой является одной изъ слабыхъ сторонъ экономической науки, по сравненію съ изслѣдованіемъ природы, то необходимо было бы съ нимъ согласиться. Но тогда странно было бы то, что онъ открылъ эту слабую сторону только у Маркса. Въ этомъ смыслѣ всякое экономическое произведеніе есть «произведеніе тенденціозное»; даже, напримѣръ, сочиненія Адама Смита и Рикардо.

Но Бернштейнъ, очевидно, имѣетъ въ виду нѣчто иное, когда онъ бросаетъ упрекъ «Капиталу» въ томъ, что онъ— произведеніе тенденціозное, долженствовавшее доказать тезисы, «готовые задолго до того, какъ Марксъ приступилъ къ изслѣдованію», что онъ, стало быть, въ существенныхъ пунктахъ не научное изслѣдованіе, а адвокатская работа, которая не провѣряетъ права кліента, а желаетъ, чего бы это ни стоило, доставить кліенту побѣду.

Бернштейнъ, повидимому, не замѣчаетъ, что это самый тяжкій упрекъ, какой только можно сдѣлать научному произведенію вообще. Послѣ того, какъ онъ окрестилъ апологетами и крючкотворцами своихъ прежнихъ друзей за то, что они продолжаютъ защищать то самое дѣло, за которое

онъ боролся вмѣстѣ съ ними плечо къ плечу въ теченіе двухъ десятилѣтій, онъ доходитъ до того, что и своихъ учителей, благодарнымъ ученикомъ которыхъ онъ себя чувствуетъ, изгоняетъ въ ряды апологетовъ и крючкотворцевъ.

Но истина выше всего, и если таково убѣжденіе Бернштейна, то никто не вправѣ упрекать его за то, что онъ его высказалъ. Но мы въ достаточной степени крючкотворцы, чтобы требовать и доказательствъ для подобныхъ утвержденій и поближе всмотрѣться въ эти доказательства.

Бернштейнъ заявляетъ, что въ главѣ о тенденціи капиталистическаго накопленія произведено насиліе надъ фактами для того, чтобы быть въ состояніи втиснуть ихъ въ схему, діалектически конструированную заранѣе. «Тѣмъ, которые это оспариваютъ, можно указать на то, что названная схема не заключаетъ въ себѣ ни одной мысли, которая не находилась бы уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ и даже въ Священной Семьѣ». Тутъ мы имѣемъ тезисъ, готовый задолго до того, какъ Марксъ приступилъ къ «изслѣдованію».

Къ *какому* изслѣдованію? Вотъ въ чемъ вопросъ. Хочетъ ли Бернштейнъ утверждать, что Марксъ пришелъ къ своему тезису, безъ всякаго изслѣдованія, что онъ его конструировалъ чисто діалектически изъ понятій, что для этого достаточно было выучить наизустъ формулу отрицанія отрицанія?

Или же Бернштейнъ хочетъ утверждать, что Марксъ нашелъ свой «тезисъ» формулированнымъ у другихъ и безъ разбора перенялъ его. Мы не можемъ допустить, что бы Бернштейнъ желалъ выставить первое или послѣднее утвержденіе, и то и другое было бы одинаково смѣшнымъ. Но тогда остается единственное допущеніе, что Марксъ пришелъ къ своему тезису по пути научнаго изслѣдованія, а не по иному пути.

Марксъ давно уже былъ гегельянцемъ и игралъ уже важную роль, какъ политикъ, не имѣя представленія о томъ, что Бернштейнъ называетъ его діалектически конструированной схемой. Какъ онъ пришелъ къ своимъ политико-экономическимъ взглядамъ, онъ самъ описалъ въ предисловіи къ «Критикѣ политической экономіи»: «Моей спеціальностью была юриспруденція; однако, изученіе ея было подчинено и шло рядомъ съ изученіемъ философіи и исторіи. Въ 1842-43 гг., состоя редакторомъ «Rheinische Zeitung», я впервые поставленъ былъ въ затрудненіе, такъ какъ долженъ былъ высказывать сужденіе о такъ называемыхъ матеріальныхъ интересахъ... Съ другой стороны, въ это время, когда добрая воля «идти впередъ» сильно

преобладала надъ знаніемъ дѣла, стало раздаваться въ «Rheinische Zeitung» блѣдное философское эхо французскаго соціализма и коммунизма. Я высказался противъ этого кропательства, но въ то же время, въ полемикѣ съ «Augsburger Allgemeine Zeitung» я заявилъ, что мои прежнія научныя занятія не позволяютъ мнѣ отважиться самому на какое бы то ни было рѣшеніе касательно характера французскихъ движеній. Я, напротивъ, жадно ухватился за иллюзію руководителей «Rheinische Zeitung», полагавшихъ, что они, занимая менѣе рѣзкую позицію, смогутъ отклонить произнесенный надъ нею смертный приговоръ, затѣмъ, чтобы отъ трибуны публициста удалиться въ рабочую комнату».

Да, это весьма похоже на тезисъ, который былъ готовымъ задолго до того, какъ начато было изслѣдованіе.

Марксъ отправился прежде всего въ Парижъ, а затѣмъ послѣ высылки его оттуда, въ Брюссель. По источникамъ онъ изучалъ различныя направленія соціализма французскаго, а затѣмъ и англійскаго, и политической экономіи въ союзѣ съ Энгельсомъ, который способствовалъ его пониманію англійскихъ отношеній. Изъ всѣхъ этихъ занятій, а не изъ какой то діалектической конструкціи, и выростало постепенно у обоихъ то воззрѣніе, которое нашло первое свое стройное выраженіе въ Коммунистическомъ Манифестѣ.

Другіе люди удовлетворились бы этимъ фундаментомъ, но не Марксъ и Энгельсъ. Революція прервала ихъ занятія. Марксъ возобновилъ ихъ въ Лондонѣ въ 1850 году, какъ онъ дальше сообщаетъ въ уже выше цитированномъ предисловіи. (Стр. 8). И его профессіональное занятіе—сотрудничество въ «New Jork Tribune» — заставляло его изучать экономическое развитіе Англіи и материка.

«Этотъ набросокъ, представляющій ходъ моихъ занятій въ области политической экономіи, долженъ только показать, что мои взгляды, какъ бы о нихъ ни судили и какъ бы мало они ни согласовались съ предразсудками, клонящимися къ выгодѣ господствующихъ классовъ, *составляютъ результатъ добросовѣстныхъ и долголѣтнихъ изслѣдованій*».

Здѣсь мы ясно видимъ, каково было то «изслѣдованіе», къ которому Марксъ приступилъ лишь много времени спустя послѣ того, какъ тезисъ его уже былъ готовъ. Фактически мы имѣемъ дѣло не съ однимъ, а двумя изслѣдованіями. Первое закончилось Коммунистическимъ Манифестомъ. Но при этомъ Марксъ такъ мало считалъ свой тезисъ готовымъ, что послѣ революціи съ новымъ матеріаломъ опять «началъ съ

начала». Въ существенныхъ пунктахъ онъ пришелъ къ тѣмъ же результатамъ, что и въ первый разъ. Это повтореніе изслѣдованія для всякаго безпристрастнаго человѣка должно служить свидѣтельствомъ глубокой и безпримѣрной основательности и добросовѣстности. Бернштейнъ же *весьма просто вычеркиваетъ первое изслѣдованіе* изъ исторіи, онъ говоритъ только о томъ изслѣдованіи, результатомъ котораго явился «Капиталъ», и такъ какъ это послѣднее пришло къ тому же выводу, что и Коммунистическій Манифестъ, то онъ въ этомъ видитъ доказательство тому, что выводъ этотъ былъ тезисомъ, готовымъ до «изслѣдованія». Рѣдко, гдѣ еще позволяли себѣ болѣе облегчить доказательства при такомъ тяжкомъ обвиненіи. Если ариѳметикъ два раза подрядъ рѣшалъ задачу и оба раза пришелъ къ одинаковому результату, то и его, по логикѣ Бернштейна, можно упрекать въ томъ, что онъ произвольно конструировалъ себѣ *результатъ* задолго до того, какъ взялся за рѣшеніе, а затѣмъ такъ располагалъ это послѣднее, что необходимо долженъ былъ получиться желанный результатъ. Нужно только назвать точно такъ же второе рѣшеніе «единственнымъ» рѣшеніемъ, какъ Бернштейнъ назвалъ второе изслѣдованіе «единственнымъ» изслѣдованіемъ.

Но, чтобы такимъ превосходнымъ манеромъ очистить марксизмъ и поднять его на высшую ступень, необходимо было не только, чтобы Бернштейнъ «абстрагировалъ» отъ тѣхъ изслѣдованій, результатомъ которыхъ явился Коммунистическій Манифестъ, но и то, чтобы онъ подробно не объяснялъ, что это за тезисъ, который уже былъ готовъ столь много времени до изслѣдованія.

Подъ этимъ тезисомъ едва ли подразумѣвается что-нибудь иное, чѣмъ положеніе, что капиталистическая форма производства сама создаетъ средство для своего собственнаго уничтоженія, благодаря концентраціи капитала, росту массы и боевой способности пролетаріата и обостренію противорѣчій между обоими этими элементами. По крайней мѣрѣ, тезисъ этотъ можно прослѣдить, начиная съ «Священной семьи», во всѣхъ основныхъ произведеніяхъ Маркса и Энгельса; онъ лежитъ въ основѣ современныхъ соціалистическихъ программъ; онъ является тѣмъ, что характеризуетъ марксизмъ какъ соціалистическую теорію. Но стоитъ только произнести этотъ «тезисъ», чтобы сейчасъ же признать, что нелѣпо считать его схемой, конструированной изъ гегельянскихъ понятій. Можно считать его невѣрнымъ—здѣсь, гдѣ дѣло касается *метода*, а

не *результатовъ*, намъ еще объ этомъ говорить не приходится,—но никто не сочтетъ возможнымъ, чтобы къ такому положенію можно было придти инымъ путемъ, а не путемъ изслѣдованія фактическихъ отношеній, не путемъ проникновенія «въ конкретныя детали эмпирическаго». Въ концѣ концовъ, Бернштейнъ скажетъ еще, что «Положеніе рабочаго класса въ Англіи» Энгельса, появившееся въ 1845 году, тоже продуктъ діалектической *конструкціи*. На самомъ же дѣлѣ сочиненіе это отлично позволяетъ намъ заглянуть въ ходъ мыслей, слѣдствіемъ которыхъ явился тотъ тезисъ, который Марксъ, по мнѣнію Бернштейна, произвольно конструировалъ для того, чтобы сдѣлать его затѣмъ своей жизненной задачей, чтобы потомъ лишь отыскивать для него аргументы.

Но, можетъ быть, Бернштейнъ подъ марксовымъ тезисомъ подразумѣваетъ что-нибудь иное, а не упомянутое положеніе? Онъ говоритъ, вѣдь, и о томъ, что Марксъ въ существенныхъ чертахъ принялъ «рѣшеніе утопистовъ», но нашелъ недостаточнымъ ихъ обоснованіе и, поэтому, постарался найти лучшіе аргументы для этой «долженствовавшей быть доказанной схемы». Эта раньше найденная схема смѣшивается у Бернштейна съ діалектически-конструированной, но она—нѣчто отличное отъ этой послѣдней уже потому, что утописты не были гегельянцами, но еще больше потому, что мы напрасно стали бы искать у Маркса и Энгельса подобнаго рѣшенія. Бернштейнъ пишетъ объ *одномъ* «рѣшеніи утопистовъ». Утописты же не имѣли *одного* рѣшенія, но *каждый* изъ нихъ имѣлъ *иное*. Каждый изъ предшественниковъ Маркса и Энгельса имѣлъ свое особое рѣшеніе, Луи Бланъ и Прудонъ точно такъ же, какъ Кабэ или Вейтлингъ. Марксизмъ же тѣмъ именно и отличается, что не имѣетъ *готоваго рѣшенія*. Именно объ этомъ Марксъ и Энгельсъ прежде всего заявили, какъ только они пришли къ опредѣленной точкѣ зрѣнія. Уже въ «Священной семьѣ» они сказали: «Дѣло идетъ не о томъ, что тотъ или иной пролетарій или даже весь пролетаріатъ *представляетъ* себѣ, какъ цѣль. Дѣло идетъ о томъ, *что онъ такое* и что онъ, согласно этому своему бытію, исторически вынужденъ будетъ дѣлать. Его цѣль и его историческое поведеніе непререкаемы, неотмѣнно предначертаны въ его собственныхъ жизненныхъ условіяхъ, равно какъ и во всей организаціи современнаго буржуазнаго общества».

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Марксъ и Энгельсъ всегда отказывались приготовлять рецепты для кухмистерской

будущаго. Ихъ практическія требованія можно сжато выразить въ слѣдующемъ положеніи: организація и обученіе пролетаріата въ цѣляхъ завладѣнія имъ средствъ власти капиталистическаго общества. Гдѣ здѣсь скрывается «рѣшеніе утопистовъ»? При изслѣдованіи цѣли, вытекающей изъ жизненныхъ условій пролетаріата и изъ организаціи буржуазнаго общества, они, конечно, не разъ приходили къ результатамъ, сходнымъ съ нѣкоторыми идеалами утопистовъ, они, несомнѣнно, многому научились у своихъ предшественниковъ, и научились именно потому, что они не конструировали своихъ тезисовъ діалектически изъ понятій, а пріобрѣтали ихъ изъ изученія, какъ дѣйствительности, такъ и тѣхъ воззрѣній на дѣйствительность, которыхъ придерживались величайшіе умы ихъ эпохи. Но никогда у нихъ въ карманѣ не было готоваго «рѣшенія»; они всегда защищали такіе взгляды, которые какъ разъ исключали подобное рѣшеніе.

И то, что сказано объ учителяхъ, можно сказать и объ ученикахъ. Если существуетъ ученіе, которое не допускаетъ клятвы словами учителя—такъ это марксизмъ. Его діалектически-матеріалистическое пониманіе исторіи учитъ насъ смотрѣть на общество не какъ на готовую вещь, а какъ на комплексъ процессовъ, съ необходимостью совершающихся по извѣстнымъ законамъ. Онъ учитъ насъ въ экономіи искать послѣднюю причину нашихъ новыхъ общественныхъ идей, въ ней открывать побудительную силу нашего движенія, условія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предѣлы нашихъ успѣховъ. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего глупѣе, чѣмъ желать конструировать изъ понятій соотвѣтствующія времени задачи соціалистическаго движенія. Никакое ученіе не требуетъ большаго «проникновенія въ конкретныя детали эмпирическаго», чѣмъ именно марксово, никакое не признаетъ менѣе конечныхъ истинъ, чѣмъ оно.

Охотно упрекаютъ марксистовъ въ томъ, что они образовали церковь, умѣющую только комментировать свое евангеліе. Еще недавно г. д-ръ Шитловскій опять бросилъ этотъ упрекъ въ статьѣ, въ которой онъ... *комментируетъ* фисософскіе взгляды Маркса и Энгельса. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ и заключается причина, почему такая громадная часть нашей рабочей силы тратится нами на комментированіе нашихъ учителей: мы могли бы дѣлать и кое-что получше этого, но въ виду безчисленныхъ нападокъ, недоразумѣній и искаженій нашихъ противниковъ, мы вынуждены, хотя бы отъ времени до времени, позволить себѣ возстановить

истину. Сравните потокъ комментаріевъ къ Марксу, вылитый противной стороной на книжный и газетный рынокъ, съ незначительнымъ количествомъ возраженій съ марксистской стороны, и тогда увидите, что комментаріи «церкви» занимаютъ сравнительно весьма скромное мѣсто. Но число соціаль-демократовъ, имѣющихъ возможность посвятить себя теоріи, незначительно; наоборотъ, легіонъ—число тѣхъ студентовъ, докторовъ, приватъ-доцентовъ и профессоровъ, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе или внутреннее стремленіе и имѣютъ въ своемъ распоряженіи въ изобиліи время и средства, чтобы участвовать въ преодолѣніи Маркса. Поэтому, при всей сдержанности, на всякаго изъ насъ приходится все еще больше оборонительной работы, или, какъ говоритъ г. Шитловскій, комментированія, чѣмъ этого намъ хотѣлось бы. Это тоже одна изъ причинъ, отнимающихъ у марксистовъ время и возможность способствовать дальнѣйшему развитію теоріи.

До сихъ поръ Бернштейнъ помогалъ намъ въ этой работѣ. Теперь онъ присоединился къ огромной сворѣ тѣхъ, которые заставляютъ насъ убивать наше время на то, чтобы въ X-й разъ разъяснять, что, собственно, сказалъ и хотѣлъ Марксъ; къ сожалѣнію, онъ уже перенялъ и скверныя манеры этихъ людей, которые смиренно бія себя въ грудь, возносятъ благодаренія Создателю за то, что они не таковы, какъ тѣ марксисты апологеты и крючкотворцы, которые умѣютъ только повторять слова учителя, и въ карманахъ у которыхъ находятся тезисы, готовые задолго до того, какъ они приступаютъ къ научному изслѣдованію.

Вотъ какова, по подробномъ разсмотрѣніи, вся сущность бернштейновской критики діалектики.

c) Цѣнность.

За философіей слѣдуетъ экономія. Ключомъ къ ней служитъ теорія цѣнности, а потому занимается ею и Бернштейнъ. Здѣсь менѣе всего была умѣстна та «трусливая, тяжеловѣсная форма первыхъ главъ», въ которой онъ обвиняетъ самого себя. Въ этой столь трудной и столь важной области прежде всего нужно быть яснымъ и рѣшительнымъ и не оставлять мѣста ни малѣйшему сомнѣнію.

Но, къ сожалѣнію, у Бернштейна здѣсь чувствуется большой недостатокъ въ этомъ. Задачей его сочиненія было недвусмысленно изложить *его* новѣйшіе взгляды, могущіе быть столь сложно истолкованными. Но то, что онъ намъ даетъ

относительно теоріи цѣнности - это *рефератъ* о *марксовой* теоріи цѣнности съ прибавленіемъ случайныхъ замѣтокъ; но при этомъ нигдѣ нельзя узнать, какова же его собственная точка зрѣнія по этому вопросу. Мракъ еще усиливается, благодаря тому, что онъ противопоставляетъ марксовой теоріи, теорію предѣльной полезности, какъ равноправную, но тоже не высказывая рѣшительно своего мнѣнія о ней. Марксова теорія для него «чисто мысленный фактъ, точно такъ же, какъ и цѣнность предѣльной полезности Госсенъ-Джевонсъ-Бемовской школы». «Вообще, если Марксъ имѣлъ право отвлечься настолько отъ свойствъ товаровъ, что, въ концѣ концовъ, они остались только овеществленіями массъ простого человѣческаго труда, то позволительно и Бемъ-Джевонсовой школѣ абстрагировать всѣ свойства товаровъ,—за исключеніемъ ихъ полезности». Затѣмъ онъ цитируетъ одно мѣсто изъ «Капитала», которое «одно уже дѣлаетъ невозможнымъ покончить съ Госсенъ-Бемовской теоріей нѣсколькими презрительными фразами». Въ примѣчаніи же Бернштейнъ указываетъ еще и на третью теорію цѣнности, теорію г. Буха, которая въ деталяхъ осталась для насъ неизвѣстной и заявляетъ, что она «продуктъ анализа немалой остроты и достойный вниманія трудъ, касающійся *далеко не вполнѣ выясненной проблемы*».

Изъ всего этого ясно только то, что бернштейнова теорія цѣнности представляется проблемой, совсѣмъ не выясненной. Мы не узнаемъ, какая это теорія—Маркса, Джевонса, Буха или собственная, синтезъ всѣхъ этихъ трехъ теорій. Проблема въ книгѣ Бернштейна остается нерѣшенной.

На мою критику онъ отвѣтилъ статьею въ «Neue Zeit» («Arbeitswerth oder Nutzwerth», XVII, 2, стр. 548 и сл.), въ которой онъ меня упрекаетъ не больше и не меньше какъ въ томъ, что я его не понимаю, или *не хочу понять*. Подобныя инсинуаціи принадлежатъ къ красотамъ бернштейновской полемики. Онъ считаетъ невозможнымъ, чтобы причина непониманія могла заключаться въ немъ самомъ. Дѣло, вѣдь, такъ просто и ясно.

«Петръ и Павелъ стоятъ передъ ящикомъ съ минералами. «Здѣсь лежатъ параллельно плоскостные гемиэдрическіе кристаллы», говоритъ Петръ. «Это сѣрный колчеданъ», говоритъ Павелъ.

Кто изъ нихъ правъ?

«Оба правы», отвѣчаетъ минералогъ. «То, что говоритъ Петръ, относится къ формѣ, замѣчаніе Павла относится къ матеріи».

Въ данномъ случаѣ правильность рѣшенія сейчасъ же ясно видна, ибо мы имѣемъ дѣло съ конкретнымъ предметомъ, гдѣ различеніе формы и матеріи представляется дѣломъ простымъ. У нормальныхъ людей не можетъ имѣть мѣста споръ о томъ, состоитъ ли матеріалъ для одѣялъ изъ шерсти *или* изъ плюша, а только о томъ является ли матеріалъ шерстью, или нѣтъ, является ли ткань плюшемъ, или нѣтъ. Но двумъ, вполнѣ разумнымъ, людямъ можетъ вздуматься спорить о томъ, что является *характеризующимъ* свойствомъ для даннаго куска матеріи, матеріалъ ли, изъ котораго онъ состоитъ, или обработка, въ которой онъ является передъ нами. И такъ какъ они основательно занимаются этимъ вопросомъ, то, въ концѣ концовъ, они могутъ придти къ тому, что одинъ указывалъ бы на волокнистыя свойства шерстяного матеріала, а другой на тканевыя свойства плюшеваго фабриката, и принципіальный споръ вращался бы еще только вокругъ вопроса, опредѣляетъ ли характеръ матеріи волокнистое вещество или вытканный продуктъ.

Вотъ это то—при перенесеніи въ другую область—*и весь споръ о цѣнности, волнующій политическую экономію уже нѣсколько поколѣній*. Противоположенія: волокнистое вещество—вытканный продуктъ, здѣсь называются: трудовая цѣнность—полезность. И подобно тому, какъ оба наши теоретизирующихъ другъ друга отлично знаютъ, что безъ волокнистаго вещества нельзя ткать и что изъ необработанныхъ, неразсортированныхъ волоконъ нельзя получить въ жизни настоящаго одѣяла, точно такъ же и экономисты обоихъ лагерей отлично знаютъ, что *экономическая* цѣнность предмета, созданіе котораго не стоитъ труда, равна нулю, какъ бы ни была велика его полезность, и что весь заключенный въ предметѣ трудъ не можетъ придать ему никакой цѣнности, пока онъ не отвѣчаетъ какой-нибудь человѣческой потребности или желанію.

Экономическая цѣнность имѣетъ двоякій характеръ: она заключаетъ въ себѣ моментъ *полезности* (потребительная цѣнность, потребность) и *издержекъ производства* (трудовая цѣнность)».

Оба момента, полагаетъ Бернштейнъ далѣе, являются опредѣляющими для величины цѣнности. Но, чтобы имѣть возможность придти къ категоріи прибавочной цѣнности, Марксъ принялъ, что всѣ товары обмѣниваются по ихъ трудовой цѣнности, и абстрагировалъ другой, опредѣляющій цѣн-

ность, факторъ—полезность. Теоретики предѣльной полезности для другихъ цѣлей поступаютъ какъ разъ наоборотъ.

Смотря по цѣли изслѣдованія, допустима теорія перваго или второго рода.

Другими словами, марксова теорія правильна, но столь же правильна и теорія предѣльной полезности; обѣ онѣ только двѣ стороны одной и той же вещи. Слѣдуетъ только удивляться, что такіе проницательные люди, какъ теоретики предѣльной полезности, объ этомъ еще не догадались. Тому же, что Марксъ и его послѣдователи не замѣтили возможности такимъ простымъ способомъ разрѣшить споръ о цѣнности, ведущійся уже нѣсколькими поколѣніями, — слѣдуетъ меньше удивляться. У этихъ пустыхъ головъ односторонность—явленіе само собою понятное. Но какъ бы тамъ ни было теперь уже Бернштейнъ сдѣлалъ свое ошеломляющее открытіе — и для теоріи цѣнности должна начаться новая эра.

Не хватаетъ только еще малости: Бернштейнъ указываетъ на то, что теоріи предѣльной полезности «въ дѣйствительности допустима *для извѣстныхъ цѣлей*», тогда какъ для *другихъ цѣлей* слѣдуетъ предпочесть марксову теорію. Къ сожалѣнію, онъ забылъ сказать, для *какихъ цѣлей* допустима одна, для какихъ—другая. Это нѣсколько уменьшаетъ значеніе его открытія въ виду того обстоятельства, что теоретики, какъ перваго, такъ и второго направленія, безразлично примѣняютъ свою теорію повсюду, гдѣ только существуетъ надобность въ теоріи цѣнности. Во всей экономической литературѣ намъ неизвѣстно ни одного случая, гдѣ бы изслѣдователь исходилъ одинъ разъ изъ марксовой теоріи, а въ другой разъ, для другой цѣли, изъ теоріи предѣльной полезности, или даже считалъ возможнымъ такое поведеніе. Гдѣ и какъ это возможно — Бернштейнъ долженъ былъ бы намъ показать.

Ему также слѣдовало бы вывести и мораль изъ примѣра съ сѣрнымъ колчеданомъ: кристаллы—это форма, сѣрный колчеданъ—вещество тѣла. Но образуетъ ли полезность форму цѣнности, а трудъ вещество цѣнности, или наоборотъ?

Какова цѣль, которой должна служить теорія цѣнности? Эта цѣль не можетъ быть иной, какъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію нашей формы производства.

Эта форма—производство товаровъ; въ ней производятъ не прямо для *потребленія*, а для *продажи*. Покупка и продажа—это основные процессы современнаго экономическаго

движенія; кто хочетъ понять его, долженъ, прежде всего, познать законы, по которымъ совершается покупка и продажа.

Кто наблюдаетъ рынокъ, тотъ легко найдетъ, что, не смотря на всѣ колебанія, вызываемыя измѣненіями въ предложеніи и спросѣ, цѣна каждаго отдѣльнаго сорта товаровъ все-таки не произвольна, а имѣетъ тенденцію занять опредѣленную высоту. Эта опредѣленная тенденція и есть его *цѣнность*, она проявляется только въ обмѣнѣ или продажѣ, какъ *мѣновая цѣнность*. Цѣнность, слѣдовательно, не «чисто мысленный фактъ», а фактъ дѣйствительности, не существуетъ ни марксовой, ни джевонсовой цѣнности, а только товарная цѣнность, которую наблюдали и изслѣдовали задолго до существованія Маркса и Джевонса.

«Чисто мысленнымъ» и отличительнымъ свойствомъ Маркса, resp. Джевонса, является не *фактъ* цѣнности, а *теорія* цѣнности, т. е. попытка найти зависимость, въ какой находится этотъ, кажущійся мистическимъ, фактъ съ хорошо извѣстными фактами экономической жизни и, такимъ образомъ, объяснить его.

«Вообще» Марксъ, разумѣется, точно такъ же имѣлъ право отвлечься отъ всѣхъ свойствъ товара, за исключеніемъ того, что онъ является овеществленіемъ человѣческаго труда, какъ позволительно было Джевонсу абстрагировать всѣ его свойства, за исключеніемъ его полезности; но здѣсь дѣло не идетъ о томъ, что «вообще» позволительно, а о томъ, что позволительно для *опредѣленной цѣли* — изслѣдованія цѣнности товара, выступающей, какъ его мѣновая цѣнность.

Эта опредѣленная цѣль не имѣетъ ничего общаго съ съ дальнѣйшими цѣлями, которыя изслѣдователь связываетъ съ теоріей цѣнности. Какія бы формы ни принимали эти дальнѣйшія цѣли, цѣль теоріи цѣнности остается все тою же: открытіе основного закона, регулирующаго процессъ обмѣна, или покупки и продажи.

Но, если теорія цѣнности имѣетъ всегда одну и ту же цѣль, то тогда является абсурдомъ допущеніе, что для различныхъ цѣлей изслѣдованія могутъ одновременно считаться правильными различныя теоріи цѣнности.

Бернштейнъ отсылаетъ насъ для выясненія своей точки зрѣнія къ статьѣ въ «Neue Zeit» (XV, 1, стр. 50 и сл.), въ которой онъ подробнѣе высказался о теоріи предѣльной полезности. Но то, что онъ тамъ говоритъ, не совсѣмъ согласуется съ его теперешней точкой зрѣнія. Тамъ онъ заявляетъ, что для теоріи предѣльной полезности, «цѣнность и цѣна—тожественны», а, слѣдовательно, она «*не теорія цѣнности, а теорія цѣны*»...

Для детальныхъ изслѣдованій относительно законовъ рынка понятіе предѣльной полезности можетъ «считаться плодотворнымъ обогащеніемъ экономическихъ понятій».

Это обозначаетъ не что иное, какъ то, что Бернштейнъ признаетъ теорію предѣльной полезности неспособной служить теоріей цѣнности. Но и какъ теорія цѣны она можетъ быть полезна только для частичныхъ изслѣдованій, ибо какъ же мыслима общая теорія цѣны безъ теоріи цѣнности, образующейся фундаментъ. Только изъ теоріи цѣнности, но никогда изъ теоріи цѣны, можно объяснить, напримѣръ, сущность денегъ. Это на самомъ дѣлѣ и составляетъ одинъ изъ слабѣйшихъ пунктовъ теоріи предѣльной полезности. Она не въ состояніи объяснить функцію денегъ, какъ мѣры цѣнности.

Въ настоящее время Бернштейнъ говоритъ о ней какъ о теоріи цѣнности, равноправной съ марксовой. Чтобы имѣть возможность сказать это, онъ совершенно незамѣтно вводитъ новую экономическую категорію «*экономическую цѣнность*». «Экономическая цѣнность», говоритъ онъ, «имѣетъ двоякій характеръ: она заключаетъ въ себѣ моментъ *полезности* (*потребительная цѣнность, потребность)* и моментъ *издержекъ производства* (*трудовая цѣнность)*».

Экономическая цѣнность? Что это за сортъ цѣнности?

Марксъ въ «Капиталѣ» указываетъ на двойственный характеръ *товара*, являющагося одновременно и *потребительной цѣнностью* и *цѣнностью (мѣновой цѣнностью),* и на двойственный характеръ производящаго *товаръ* труда. Двоякій характеръ «экономической цѣнности» въ этой теоріи не находилъ себѣ мѣста. Слѣдовательно, если у Бернштейна нѣтъ собственной, отъ насъ еще скрываемой теоріи экономической цѣнности, то мы затрудняемся куда-нибудь приткнуть ее.

Въ своей книгѣ Бернштейнъ еще не забываетъ двойственнаго характера *товара*. Въ одномъ мѣстѣ, цитированномъ въ началѣ этой главы, онъ говоритъ, что Марксъ точно такъ же имѣлъ право отвлечься отъ всѣхъ другихъ свойствъ *товара*, за исключеніемъ того, что онъ — овеществленіе труда, какъ теоретики предѣльной полезности — отъ всѣхъ свойствъ, исключая полезности. Теперь онъ говоритъ то же самое объ «экономической цѣнности», что всего пару мѣсяцевъ раньше онъ говорилъ о товарѣ. Его точка зрѣнія относительно теоріи цѣнности оказывается весьма плодотворной.

Не смѣшиваетъ-ли Бернштейнъ экономическую цѣнность съ мѣновой цѣнностью? Есть такіе люди, которые при-

нимаютъ, что мѣновая цѣнность товара зависитъ отъ заключающагося въ немъ труда и отъ степени его полезности. Не это ли подразумѣваетъ Бернштейнъ въ своемъ положенiи о двоякомъ характерѣ экономической цѣнности? Но что тогда значитъ слово «трудовая цѣнность»? Наименованiе «трудовая цѣнность» можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что цѣнность товара опредѣляется исключительно содержащимся въ немъ трудомъ. Кто того мнѣнiя, что цѣнность опредѣляется не исключительно трудомъ, но и другимъ факторомъ, примѣрно, полезностью, тотъ не можетъ говорить о «трудовой цѣнности». Желаетъ-ли Бернштейнъ сказать, что экономическая цѣнность, какъ мѣновая цѣнность является въ одно и то же время и потребительной цѣнностью и мѣновой цѣнностью, опредѣляемой исключительно трудомъ?

Насколько яснымъ и недвусмысленнымъ преставляется двойственный характеръ *товара*, настолько-же неяснымъ и спутаннымъ является двоякiй характеръ «экономической цѣнности». Что съ подобнымъ понятiемъ цѣнности соединима какъ теорiя предѣльной полезности, такъ и марксова и еще съ полдюжины другихъ теорiй—я спорить не стану. Въ темнотѣ этого понятiя всѣ теорiи цѣнности одинаково сѣры.

Такъ, напр., Бернштейнъ кончаетъ тѣмъ, что соединяетъ съ теорiями цѣнности Маркса и Бемъ-Баверка теорiю г. Леопольда фонъ-Буха.

Бернштейнъ нашелъ пробѣлъ въ марксовой теорiи цѣнности. По этой теорiи общественно-необходимое для производства товара рабочее время опредѣляетъ величину его цѣнности. Но существуютъ различные виды труда. Каждый изъ нихъ долженъ быть приведенъ къ одинаковому виду труда, къ простому труду для того, чтобы количество одного было сравнимо съ количествомъ другого. «Сложный трудъ есть только *потенцированный* или, вѣрнѣе, *помноженный* простой трудъ, такъ что меньшее количество сложнаго труда равняется большему количеству простого труда. Опытъ показываетъ, что такое приведенiе постоянно происходитъ... Различныя отношенiя, въ которыхъ различные виды труда приводятся къ простому труду какъ къ общей единицѣ измѣренiя, устанавливаются посредствомъ общественнаго процесса за спиной производителей, а потому кажутся имъ установленными обычаемъ». («Капиталъ», изд. Поповой, стр. 10).

Каковъ этотъ общественный процессъ, Марксъ намъ подробнѣе не разъяснилъ. Въ «Критикѣ политической экономiи» (2 изд., стр. 6) онъ замѣчаетъ: «Законы, регулирующiе это

приведеніе, сюда еще не относятся». Къ сожалѣнію, ему уже не пришлось развить эти законы, которые онъ все-таки позналъ, иначе онъ не указывалъ бы на нихъ. Здѣсь, слѣдовательно, марксова теорія не закончена. Въ этомъ мы должны согласиться съ Бернштейномъ. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ способомъ, какимъ онъ пытается заполнить этотъ пробѣлъ.

«Бухъ», говоритъ онъ, «пытается распутать гордіевъ узелъ тѣмъ, что онъ строго различаетъ два вида цѣнности, смѣшиваемые Марксомъ: просто цѣнность и относительную цѣнность. Первая — это трудовая цѣнность, которая, по его мнѣнію, прямо опредѣляется заработной платой и рабочимъ временемъ, при чемъ онъ, исходя изъ физіологическихъ основаній, образуетъ понятіе «предѣльной интенсивности труда» (чѣмъ короче рабочій день и чѣмъ больше доля рабочаго въ продуктѣ, тѣмъ выше предѣльная интенсивность труда). Совершенно отличной отъ этой трудовой цѣнности является субъективная цѣнность продукта, которую онъ имѣетъ или получаетъ на рынкѣ. Обѣ эти цѣнности слѣдуетъ логически строго различать. Не изъ трудовой цѣнности, а изъ отношенія ея къ субъективной цѣнности можно вывести степень эксплуатаціи рабочаго.

Я не считаю теоріи Буха безупречной, но признаю ее свидѣтельствующимъ о глубокомъ анализѣ шагомъ впередъ по истинному пути къ заполненію вышеупомянутаго пробѣла, и, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется цѣлесообразнѣе оперировать съ двумя понятіями цѣнности, нежели давать одному и тому же понятію опредѣленіе, включающее въ себѣ два взаимно нейтрализующихся принципа, какъ это имѣетъ мѣсто при понятіи «общественно-необходимаго рабочаго времени». Такъ какъ предо мною лежитъ только первая часть труда Буха, поэтому я не могу еще высказаться о немъ въ окончательной формѣ».

Я не знакомъ и съ первой частью книги Буха, но ссылки Бернштейна позволяютъ мнѣ признать ее совсѣмъ не «свидѣтельствующимъ о глубокомъ анализѣ шагомъ впередъ по истинному пути».

Мнѣ совершенно ничего неизвѣстно о томъ, будто у Маркса смѣшиваются «просто» цѣнность и «относительная цѣнность». «Просто» цѣнность, «трудовая цѣнность», «индивидуальная цѣнность», какъ онъ ее называетъ въ III томѣ, у него строго различается отъ рыночной цѣнности и рыночной цѣны (Ср., напр., «Капиталъ», III, 1, стр. 157—158). На-

противъ, г. Бухъ, повидимому, весьма странно смѣшиваетъ нѣкоторыя понятія, если цѣнность, по его мнѣнію, опредѣляется *заработной платой*.

Цѣнность—это экономическая категорія, существующая уже до появленія заработной платы. Необходимо быть сильнымъ насчетъ различія между простымъ и капиталистическимъ товарнымъ производствомъ, необходимо признавать послѣднее единственной формой товарнаго производства, чтобы опредѣлять цѣнность заработной платой. Что тогда станется съ цѣнностью товаровъ, произведенныхъ не наемными рабочими, а, напр., самостоятельными ремесленниками? И что же такое заработная плата, какъ не сумма товарныхъ цѣнностей, обмѣненныхъ на равноцѣнную рабочую силу? Сперва, слѣдовательно, цѣнность опредѣляется заработной платой, а затѣмъ заработная плата цѣнностью!

Быть можетъ, цѣнность рабочей силы опредѣляется также заработной платой?

Большая заслуга находить пробѣлы въ какой-нибудь теоріи, но эта заслуга превращается въ свою противоположность, когда стремятся совершенно извращенными способами заполнить эти пробѣлы.

Но что же намъ дѣлать съ «экономической цѣнностью», которая является въ одно и то же время и потребительной и мѣновой цѣнностью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и «трудовой цѣнностью», одновременно опредѣляемой и затратой труда и заработной платой? Подобно пониманію исторіи и теорія цѣнности должна быть провѣрена на практикѣ, въ ея примѣненіи. Бернштейнова теорія цѣнности, какова бы она ни была, является измѣненіемъ и расширеніемъ марксовой теоріи. Но съ этой послѣдней находится въ тѣснѣйшей связи все пониманіе современной формы производства, данное Марксомъ. Все это пониманіе становится несостоятельнымъ въ его прежней формѣ и нуждается въ поправкѣ, разъ только подвергается сомнѣнію марксова теорія цѣнности. Ученіе прибавочной цѣнности и прибыли, взглядъ на капиталъ и его отношенія къ пролетаріату, – все это должно совершенно измѣниться, если измѣняется лежащая въ ихъ основѣ теорія цѣнности. Но это не смущаетъ Бернштейна, онъ дѣлаетъ еще нѣсколько замѣчаній о прибавочной цѣнности и прибавочномъ продуктѣ, но оставляетъ все по старому, продолжаетъ оперировать со старымъ марксистскимъ взглядомъ на капиталъ, какъ будто бы его разсужденія, направленныя противъ теоріи цѣнности, совсѣмъ не были высказаны. Онъ признаетъ извѣст-

ную допустимость теоріи цѣнности Бемъ-Баверка. Считаетъ-ли онъ допустимой или же соединимой съ теоріей Маркса и теорію капитала и прибыли на капиталъ Бемъ-Баверка?

Объ этомъ мы не узнаемъ ничего. Его дальнѣйшія экономическія разсужденія совершенно не находятся ни въ какой связи съ его критикой теоріи цѣнности, которую и мы, поэтому, могли-бы совершенно спокойно обойти, если-бы вся свора антимарксистовъ не подняла-бы радостнаго воя о томъ, что даже марксистъ во всеуслышаніе заявляетъ о банкротствѣ марксовой теоріи цѣнности.

Этого, какъ мы видимъ, Бернштейнъ не сдѣлалъ. Онъ только показалъ, что въ настоящее время не совсѣмъ хорошо знаетъ, какъ ему быть съ ней. Онъ находитъ ее неготовой и нуждающейся въ завершеніи; но онъ не стремится развивать ее дальше въ духѣ ея основателя, а желаетъ заполнить ея пробѣлы присоединеніемъ взглядовъ, чуждыхъ, даже враждебныхъ сущности этой теоріи, измышленныхъ для преодолѣнія ея и не могущихъ быть приведенными въ органическую связь съ ней. Этимъ попыткамъ Бернштейнъ найдетъ столь же мало сочувствія у теоретиковъ предѣльной полезности, какъ и у марксистовъ. Не теоретика, а скептика они привѣтствуютъ въ немъ.

Чего-нибудь положительнаго Бернштейнъ столь же мало далъ въ качествѣ критика теоріи цѣнности, какъ и въ качествѣ критика матеріалистическаго пониманія исторіи. Его «прогрессъ», по сравненію съ Марксомъ, состоитъ въ томъ, что онъ ставитъ на мѣсто единства пониманія—эклектизмъ, который самъ онъ называетъ «бунтомъ трезваго разсудка противъ заключающейся во всякой доктринѣ склонности зашнуровывать мысль въ испанскіе сапоги».

Если-бы Бернштейнъ припомнилъ исторію умственнаго развитія, то онъ нашелъ-бы, что всѣ великіе бунтовщики, возставшіе противъ зашнуровыванія мысли въ испанскіе сапоги, совершенно не были эклектиками, что стремленіе къ единству было у нихъ такъ-же сильно, какъ и стремленіе къ самостоятельности. Эклектикъ же слишкомъ разсудителенъ для того, чтобы быть бунтовщикомъ. Правда, онъ иногда волнуется и можетъ даже окончательно взбѣситься изъ-за тѣхъ неудобствъ, которыя приноситъ съ собой стремленіе къ монистическому пониманію вещей. Но покажите намъ эклектика въ республикѣ мыслителей, который заслуживалъ-бы имя бунтовщика. Если я почтительное расшаркиваніе передъ Марксомъ

компенсирую почтительнымъ расшаркиваніемъ передъ Бемъ-Баверкомъ, то это еще далеко не бунтъ!

И при этомъ еще Бернштейнъ говоритъ, что задача послѣдователей Маркса и Энгельса—это «*снова внести единство въ теорію*».

Да здравствуетъ эклектическое единство!

Я охотно готовъ согласиться, что эта его мысль совсѣмъ не зашнурована.

II. Программа.

a) Теорія краха.

Здѣсь мы пришли къ центральному пункту разсужденій Бернштейна. Начиная съ этого мѣста, они направлены прямо противъ нашей программы и, слѣдовательно, получаютъ практическое значеніе. Его критика теоріи краха и есть та часть его полемическаго сочиненія, которая отмѣчается нашими противниками съ особеннымъ удовольствіемъ. Здѣсь, слѣдовательно, въ особенности ощущается необходимость въ точности и ясности.

Особой «теоріи краха» Марксъ и Энгельсъ намъ не дали. Это слово обязано своимъ происхожденіемъ Бернштейну, равно какъ слово «теорія обнищанія» обязано своимъ происхожденіемъ противникамъ марксизма.

Слово «теорія краха» Бернштейнъ изобрѣлъ во время своей полемики противъ Бакса въ «Neue Zeit», XVI, 1, стр. 548 и сл. Въ своей второй статьѣ онъ взялъ тогда исходнымъ пунктомъ для своей критики третій абзацъ резолюціи объ экономическихъ задачахъ рабочаго класса, предложенной международному конгрессу въ Лондонѣ въ 1896 г. Этотъ пунктъ въ нѣмецкомъ положеніи гласилъ: «Экономическое развитіе въ настоящее время уже такъ далеко ушло впередъ, что *кризисъ* можетъ вскорѣ наступить. Конгрессъ, поэтому, предлагаетъ рабочимъ всѣхъ странъ учиться управлять производствомъ, дабы, въ качествѣ рабочихъ, сознавшихъ свои классовые интересы, они были въ состояніи взять на себя управленіе производствомъ». Англійскій и французскій текстъ значительно отклоняются отъ нѣмецкаго и отличаются лучшимъ смысломъ. Тамъ не говорится: «Экономическое развитіе такъ далеко *ушло впередъ*, что кризисъ можетъ *вскорѣ* наступить вскорѣ», а сказано: «оно *идетъ* впередъ такъ

быстро, что кризисъ можетъ наступить въ *сравнительно* короткое время». «Поэтому», говорится тамъ дальше, «задача рабочихъ — научиться *управлять страной* (а не *управлять производствомъ*)». Въ отчетѣ же о конгрессѣ, появившемся въ изданіи «Vorwärts'a», этотъ пунктъ отсутствуетъ *цѣликомъ*. Въ третьемъ абзацѣ говорится о праздновaніи 1-го мая.

Всякій согласится, что нужна нѣкоторая смѣлость для того, чтобы построить критику соціаль-демократической теоріи общественнаго развитія на этомъ текстуально-неустановленномъ, неясномъ,—ибо, что такое кризисъ?—и къ тому же весьма невинномъ пунктѣ. Но Бернштейнъ именно такъ и поступаетъ. Приведенный пунктъ, говоритъ онъ, «совпадаетъ, по крайней мѣрѣ, принципіально съ господствующей въ настоящее время въ соціаль-демократіи точкой зрѣнія на ходъ развитія современнаго общества».

«Согласно этой точкѣ зрѣнія, рано или поздно, ужасный по своей силѣ и своимъ размѣрамъ торговый кризисъ, благодаря нищетѣ, имъ порожденной, такъ страстно воспламенитъ умы противъ капиталистической системы хозяйства, такъ настоятельно убѣдитъ народныя массы въ невозможности, при господствѣ этой системы, использовать наличныя производительныя силы для общаго блага,—что движеніе, направленное противъ этой системы пріобрѣтетъ непреодолимую силу, и подъ его натискомъ сама эта система безнадежно рухнетъ. Другими словами, неизбѣжный громадный экономическій кризисъ превратится во всеобъемлющій общественный кризисъ, результатомъ котораго будетъ политическое господство пролетаріата, какъ единственнаго къ тому времени цѣлесознательнаго революціоннаго класса, и совершающееся подъ господствомъ этого класса полнѣйшее преобразованіе общества въ духѣ соціализма». Такова, повторяетъ Бернштейнъ, точка зрѣнія соціаль-демократіи. «Итакъ, въ соціаль-демократіи пріобрѣло право гражданства убѣжденіе, что этотъ путь развитія является *неизбѣжнымъ естественнымъ закономъ*, что громадный всеобъемлющій экономическій кризисъ является необходимымъ этапомъ, ведущимъ къ соціалистическому обществу».

Бернштейну, навѣрное, нелегко было бы привести доказательства, что таково именно убѣжденіе соціаль-демократіи. Онъ, поэтому, и ограничивается указаніемъ на совсѣмъ недвусмысленный пунктъ резолюціи, предложенной международ-

ному конгрессу, пунктъ совсѣмъ не дебатировавшійся, и даже—если отчетъ «Vorwärts'a» вѣренъ—непринятый!

Въ оффиціально высказанныхъ мнѣніяхъ германской соціаль-демократіи Бернштейнъ напрасно сталъ бы искать положенія, хотя бы сколько-нибудь согласнаго съ изложенной имъ теоріей краха. Въ томъ мѣстѣ Эрфуртской программы, гдѣ трактуется вопросъ о кризисахъ—ни слова нѣтъ о крахѣ. Но врядъ ли можно найти даже рѣчи или статьи германскихъ партійныхъ товарищей, въ которыхъ бы опредѣленно утверждалось, что кризисъ приведетъ къ соціальной революціи или же, что пролетаріатъ можетъ захватить политическую власть только во время кризиса. Баксъ, если я не ошибаюсь, защищалъ, между прочимъ, такую точку зрѣнія, и, поэтому, понятно было, что Бернштейнъ въ упомянутой статьѣ возражалъ противъ этого. Если онъ при этомъ говорилъ о теоріи краха, какъ о точкѣ зрѣнія, господствующей въ соціаль-демократіи, то это было преувеличеніемъ, въ какое легко можно впасть въ пылу полемики.

Но Бернштейнъ и не думаетъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи, направленномъ уже не противъ Бакса, исправить это преувеличеніе. Наоборотъ, онъ еще преувеличиваетъ его тѣмъ, что не только не суживаетъ круга сторонниковъ теоріи краха, но еще расширяетъ его. То, что въ 1898 г. было *господствующей* въ соціаль-демократіи теоріей, въ 1899 г. стало уже *теоріей* соціаль-демократіи; полемика съ Баксомъ превратилась въ полемику съ Марксомъ и Энгельсомъ, критика случайнаго пункта резолюціи—въ критику Коммунистическаго Манифеста и «Капитала».

Съ тѣхъ поръ критика эта антимарксистами, какъ внутри, такъ и внѣ партіи, превозносилась до небесъ, какъ самое основательное опроверженіе марксистской теоріи краха. Если спросить этихъ господъ, что, собственно, обозначаетъ эта теорія, то мы получили бы курьезные отвѣты. Выяснилось же во время дискуссіи, что самъ Бернштейнъ ложно истолковалъ въ одномъ важномъ пунктѣ марксистскую теорію. Согласно истолкованію Бернштейна Марксъ и Энгельсъ ожидали, что соціалистическая форма производства будетъ результатомъ краха капиталистической формы производства, краха, вытекающаго изъ концентраціи капитала и все болѣе ужасныхъ кризисовъ. О классовой борьбѣ пролетаріата въ этомъ толкованіи не упомянуто. Я въ этомъ видѣлъ, однако, не умыселъ, а случайность только. Не упомянуто какъ разъ о томъ моментѣ, который, правда, является самымъ важнымъ,

но именно поэтому и самоочевиднымъ. Такъ я полагалъ. Это было ошибкой.

Бернштейнъ заявилъ, въ «Vorwärts'ѣ», что мое пониманіе марксовой теоріи—ложно. Это мѣсто, какъ характерное, я приведу цѣликомъ.

«Теорія Маркса—Энгельса, говоритъ онъ (Каутскій) выводитъ необходимость будущаго краха капитализма изъ увеличенія числа пролетаріевъ и роста ихъ зрѣлости и силы, изъ прогрессирующаго вытѣсненія и порабощенія мелкихъ предпріятій крупными капиталистическими предпріятіями, дѣлающимися все болѣе монопольными, и изъ растущей тенденціи къ перепроизводству, ведущему къ постоянно увеличивающимся кризисамъ или ко всеобщей депрессіи, или же — что теоретически вполнѣ допустимо—ко всеобщему картельному хозяйству, что подѣйствуетъ еще гораздо болѣе невыносимо и болѣе раздражающе, чѣмъ экономическая депрессія, не только на пролетаріатъ, но и на массу населенія, и долженствующему съ необходимостью привести къ экспропріаціи картели,—а, въ такомъ случаѣ, и капиталистической промышленности.

Но это прежде всего не теорія Маркса—Энгельса, а каутсковская *интерпретація* и *расширеніе* ея. Насколько она соединима съ главой у Маркса, трактующей о крахѣ, гдѣ говорится *не* о растущей зрѣлости и силѣ, а о растущемъ вырожденіи и рабствѣ пролетаріевъ, я могу здѣсь не разбирать, тѣмъ болѣе, что я самъ всегда энергично подчеркивалъ, что главу эту слѣдуетъ разсматривать, какъ сигнатуру извѣстной тенденціи. Я утверждалъ только, что вмѣстѣ съ порфирой гибнетъ и герцогъ». («Vorwärts», 26 марта, 1899 г.).

На это я возразилъ слѣдующее:

«Это положеніе написано не какимъ-нибудь вульгарнымъ экономистомъ, никогда въ рукахъ не державшимъ «Капитала», а человѣкомъ, слывущимъ однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе вдумчивыхъ знатоковъ марксистской литературы. Насколько оно основательно пусть свидѣтельствуетъ дословная передача того мѣста, на которое ссылается Бернштейнъ. Оно гласитъ: „Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталисти-

ческаго способа производства“ («Капиталъ», I, изд. Поповой, стр. 645—6).

Тожественно-ли постоянное увеличеніе числа вышколенности, организованности съ ростомъ зрѣлости и силы, или нѣтъ?

Какъ же можетъ Бернштейнъ утверждать, что Марксъ въ главѣ, трактующей о крахѣ, говоритъ не о растущей зрѣлости и силѣ, а о растущемъ вырожденіи и рабствѣ пролетаріата? И какъ онъ можетъ утверждать, что я не излагаю теоріи Маркса—Энгельса, а даю свою интерпретацію? Не подчеркиваетъ ли уже Коммунистическій Манифестъ растущую зрѣлость и силу пролетаріата, какъ одну изъ предпосылокъ краха капиталистическаго общества?

„Буржуазія“, говорится тамъ, „не только сковала оружіе, которое принесетъ ей смерть, но и создала людей, которые возьмутъ въ свои руки это оружіе—современныхъ рабочихъ, пролетаріевъ... Съ развитіемъ промышленности пролетаріатъ не только увеличивается; онъ сплачивается въ большія массы, растетъ его сила, и онъ начинаетъ чувствовать свою силу... Рабочіе начинаютъ образовывать союзы противъ буржуа... Результатомъ ихъ борьбы является, собственно, не непосредственный успѣхъ, а объединеніе рабочихъ, захватывающее все болѣе широкіе круги... Организація пролетаріевъ въ классъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ политическую партію ежеминутно распадается вслѣдствіе конкурренціи рабочихъ между собой. Но она всегда возникаетъ вновь болѣе сильной, твердой, могучей. Она вынуждаетъ признаніе отдѣльныхъ интересовъ рабочихъ въ законодательной формѣ, пользуясь для этого разладомъ въ самой буржуазіи, таковъ десятичасовый билль въ Англіи... Буржуазія сама вводитъ въ пролетаріатъ свои собственные прогрессивные элементы, т. е., даетъ оружіе противъ себя самой. Затѣмъ прогрессъ промышленности низвергаетъ въ пролетаріатъ цѣлые слои господствующаго класса, или, по крайней мѣрѣ, угрожаетъ ихъ условіямъ жизни. Они также вводятъ въ пролетаріатъ массу прогрессивныхъ элементовъ».

«Итакъ, мы уже въ Коммунистическомъ Манифестѣ выяснили значеніе растущей зрѣлости и силы пролетаріата для крушенія капиталистическаго строя. Со времени первой формулировки теоріи краха Маркса—Энгельса, ссылка на ростъ зрѣлости пролетаріата была ея существенной составной частью; безъ этого она даже непонятна—и вотъ является Бернштейнъ и утверждаетъ, что это только моя интерпретація!

Но положеніе о ростѣ зрѣлости и силы пролетаріата является не только существенной частью марксовой теоріи краха—оно даже характеризуетъ ее. Что капиталистическая форма производства ведетъ къ растущей нищетѣ, къ постоянному упадку мелкихъ предпріятій, къ увеличенію перепроизводства—объ этомъ заявляли и другіе соціалисты до Маркса и одновременно съ Марксомъ, независимо отъ него. Но только Марксъ и Энгельсъ открыли наряду съ тенденціями, гнетущими пролетаріатъ, тенденціи, его возвышающія. Именно то и отличаетъ ихъ, что они не только, подобно другимъ соціалистамъ, видѣли растущее порабощеніе пролетаріата, но и его растущее возмущеніе; не только ростъ его нищеты и вырожденія, но и ростъ его вышколенности и организованности, его зрѣлости и силы; объ этомъ, разумѣется, весьма легко забываютъ вульгарные критики такъ называемой теоріи обнищанія, которые обыкновенно критикуютъ не что иное, какъ домарксовыя теоріи обнищанія.

Но, чтобы Бернштейнъ забылъ объ этомъ—этого, я во всякомъ случаѣ, не ожидалъ. Существуетъ, повидимому, психологическій законъ, предписывающій всѣмъ критикамъ Маркса, откуда бы они ни приходили, одинаковые пути».

Здѣсь мы, между прочимъ, имѣемъ прекрасный образчикъ того, что Бернштейнъ понимаетъ подъ исторической необходимостью. Вѣрный своему смѣшенію необходимости съ фатализмомъ, онъ только тамъ признаетъ необходимость, гдѣ существуютъ принудительныя положенія. Поэтому, для него марксистская теорія превращается въ ученіе, согласно которому экономическое развитіе, въ концѣ концовъ, создастъ *принудительное положеніе*, находясь въ которомъ люди не смогутъ поступать иначе, какъ только ввести соціализмъ. Такъ, а не иначе понимаетъ онъ марксистскую «теорію краха». Но, въ такомъ случаѣ, не штука ее и опровергнуть.

«Присмотримся ближе къ каутсковской интерпретаціи», говоритъ онъ. «Развѣ она является чисто матеріалистическимъ обоснованіемъ побѣды соціализма? Совсѣмъ нѣтъ. Зрѣлость пролетаріевъ — не экономическій, а этическій факторъ, ихъ сила—политическій или соціально-политическій факторъ. Но Каутскій за уши притягиваетъ къ себѣ на помощь и всеобщее возмущеніе противъ будущаго картельнаго хозяйства. Это опять-таки не экономическій или, по крайней мѣрѣ, не чисто экономическій факторъ, совсѣмъ не говоря уже о томъ, что это возмущеніе еще не должно «съ необходимостью» привести къ экспропріаціи картелизированной промышленности».

Если-бы побѣда соціализма, была «имманентной экономической необходимостью», то она должна была бы быть обоснованной доказательствомъ неизбѣжности экономическаго крушенія современнаго общества. Это доказательство еще не приведено и его нельзя привести. Развитіе въ разныхъ пунктахъ пошло по иному пути, чѣмъ это должно было бы быть въ томъ случаѣ, если бы крушеніе было неизбѣжнымъ по чисто экономическимъ причинамъ. Но къ чему же выводить соціализмъ изъ *экономическаго принужденія?* Зачѣмъ говорить о деградаціи разума, правового сознанія человѣческой воли? Къ чему переносить столь часто непонимаемую теорему о несвободѣ воли индивидуума на общество людей культурныхъ странъ. Я все это считаю неосновательнымъ и излишнимъ. Общество уже и теперь дѣлаетъ многое не потому, что это *абсолютно необходимо*, а потому, что это лучше. И въ соціалистическомъ движеніи правовое сознаніе, стремленіе къ болѣе справедливому положенію является, по меньшей мѣрѣ, столь же сильнымъ и важнымъ факторомъ, какъ и матеріальная нужда» («Vorwärts», 26 марта).

Можетъ ли быть что-нибудь болѣе жалкаго, чѣмъ подобныя нападки человѣка, который самъ, въ теченіе двухъ десятилѣтій, защищалъ матеріалистическое пониманіе исторіи? Еще въ 1890 году онъ полемизировалъ съ Шульце-Геверницомъ, ибо тотъ утверждалъ, что соціаль-демократія объявляетъ экономическія причины единственной причиной соціальныхъ преобразованій. «Г. фонъ-Шульце», говорилъ Бернштейнъ, «не только благодарный, но и переимчивый ученикъ г. Брентано. Процитировавши то, что онъ прочелъ у теоретиковъ соціаль-демократіи... онъ, все-таки осторожно, подсовываетъ соціаль-демократіи искаженіе ея же теоріи до абсурда для того, чтобы доказать свое превосходство». («Neue Zeit», IX, 1, стр. 660). Теперь же, растроганные Брентано и Шульце-Геверницъ прижимаютъ его къ своей груди, ибо ихъ искаженіе соціаль-демократической теоріи до абсурда блѣднѣетъ передъ бернштейновскимъ отожествленіемъ исторической необходимости съ экономическимъ принужденіемъ, передъ его отрицаніемъ того факта, что Марксъ и Энгельсъ обосновывали необходимость соціализма растущей зрѣлостью и силой пролетаріата.

У Бернштейна появился помощникъ въ лицѣ д-ра Вольтмана. Однако его теорія не вполнѣ совпадаетъ съ бернштейновской. То, что этотъ послѣдній называетъ теоріей Маркса — Энгельса,—это, согласно открытію д-ра Вольтмана, будто-бы

теорія одного Энгельса. По мнѣнію Вольтмана, Марксъ всегда обосновывалъ соціализмъ растущимъ возмущеніемъ, зрѣлостью и силой пролетаріата; Энгельсъ же,—а равно и Куновъ и я, грѣшный,—утверждалъ, что капитализмъ самъ себя уничтожитъ. «Именно Энгельсъ особенно защищалъ ту точку зрѣнія, что *производительныя силы* развиваются столь чрезмѣрно, что онѣ, благодаря своей имманентной *механической* энергіи разорвутъ оковы данной формы производства и этимъ вызовутъ всеобщій кризисъ. Но Энгельсъ понималъ подъ производительными силами только *технически*-экономическія производительныя силы, въ частности индустріальную машинную силу. Между тѣмъ, какъ эти взаимно переплетающіяся экономическія силы съ необузданной и безграничной энергіей возстаютъ противъ формы производства, т. е., противъ отношеній собственности,—пролетаріатъ во время этого кризиса захватываетъ государственную власть и направляетъ производительныя силы къ широкимъ общественнымъ цѣлямъ. Таково общеупотребительное представленіе».

У кого оно употребительно—я не знаю; несомнѣнно то, что это никогда не было представленіемъ Энгельса, равно какъ и не Кунова и не моимъ собственнымъ. Уже a priori нѣсколько неправдоподобно, чтобы Энгельсъ работалъ вмѣстѣ съ Марксомъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія, при чемъ оба они не замѣчали основного различія своихъ взглядовъ, и лишь д-ръ Вольтманъ долженъ былъ явиться, чтобы открыть это различіе. Къ тому же Энгельсъ былъ слишкомъ мало мистикомъ для того, чтобы видѣть въ возстаніи *техническихъ* производительныхъ силъ противъ формы производства что-нибудь иное, чѣмъ аллегорію. Революціонное дѣйствіе техническихъ производительныхъ силъ, очевидно, можетъ заключаться только въ томъ, что *люди* дѣлаютъ его революціоннымъ. Если Энгельсъ не всегда считалъ необходимымъ это подчеркивать, то этимъ, вѣдь, еще не доказано, что онъ придерживался противоположныхъ взглядовъ.

То, что д-ръ Вольтманъ называетъ взглядомъ Энгельса, какъ видите, сродни, если не идентично тому, что Бернштейнъ понимаетъ подъ исторической необходимостью. Тутъ мы наталкиваемся на странное явленіе: Бернштейнъ выуживаетъ изъ сужденій *Маркса* мнимый фатализмъ примитивнаго матеріалистическаго пониманія исторіи, воззрѣнія на людей, какъ на автоматическихъ агентовъ экономическихъ силъ, а въ сужденіяхъ *Энгельса* открываетъ признаніе вліянія этическихъ факторовъ въ исторіи,—тогда какъ д-ръ Вольтманъ утверж-

даетъ, что Марксъ и Энгельсъ занимали какъ разъ противоположную позицію.

Пока мы не имѣемъ лучшихъ доказательствъ, чѣмъ подобныя проблематическія выуживанія, мы должны признавать, что оба издателя Коммунистическаго Манифеста, во всѣхъ существенныхъ пунктахъ, ясно и согласно понимали, чего они хотятъ. Несомнѣнно, каждый изъ нихъ былъ самостоятельной индивидуальностью, а, потому, каждый изъ нихъ на свой ладъ понималъ и развивалъ общую теорію. Для историка данной теоріи различія эти, конечно, столь же важны, какъ и ходъ развитія взглядовъ каждаго изъ нихъ. Но эти различія слишкомъ незначительны для того, чтобы они могли имѣть какое-либо значеніе для нашихъ практическихъ цѣлей.

Теорія, которую Бернштейнъ выставляетъ какъ мое соціальное толкованіе теоріи Маркса - Энгельса, а Вольтманъ— какъ спеціально марксову теорію, отличную отъ теорію Энгельса,—эта теорія впервые систематически изложена была въ Коммунистическомъ Манифестѣ, а затѣмъ въ отдѣльныхъ произведеніяхъ нашихъ учителей была дальше развита, обоснована, въ отдѣльныхъ пунктахъ исправлена.

Эта теорія видитъ въ капиталистической формѣ производства тотъ факторъ, который гонитъ пролетаріатъ на классовую борьбу съ классомъ капиталистовъ; факторъ, благодаря которому постоянно растетъ число пролетаріата, его рѣшимость, интеллигентность, самосознаніе, политическая зрѣлость; факторъ, который все болѣе увеличиваетъ его экономическое значеніе и дѣлаетъ неизбѣжной его организацію въ политическую партію, равно какъ и его побѣду, но который въ то же времядѣлаетъ неизбѣжнымъ и возникновеніе соціалистическаго производства, какъ слѣдствія этой побѣды.

Вотъ та теорія, о подкрѣпленіи и критикѣ которой идетъ дѣло при изслѣдованіи взглядовъ соціаль-демократіи; она то лежитъ въ основѣ программъ соціаль-демократическихъ партій, ее то мы и въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ должны имѣть въ виду, а не комичную теорію краха, которую намъ подсовываетъ Бернштейнъ.

У Бернштейна имѣется три возраженія противъ марксовой теоріи капиталистической формы производства: 1) число владѣющихъ не уменьшается, а увеличивается, 2) мелкое производство не идетъ къ упадку и 3) все болѣе уменьшается вѣроятность крупныхъ и опустошительныхъ кризисовъ.

Изъ этихъ трехъ возраженій, разсматриваемое Бернштейномъ на второмъ мѣстѣ, очевидно, должно быть постав-

лено первымъ. Если марксово ученіе о концентраціи капитала невѣрно, тогда мы, безъ дальнѣйшихъ околичностей, должны признать увеличеніе числа владѣющихъ; если оно правильно, тогда только намъ должны показать, какимъ образомъ, несмотря на это, растетъ число владѣющихъ. Развитіе формъ производства—фактъ основной, формація отношеній владѣнія—фактъ второстепенный, проистекающій изъ перваго. Отличительная черта бернштейновскаго метода—разбирать второстепенное явленіе, не изслѣдовавъ раньше его основы.

Этой послѣдней мы сейчасъ и займемся.

b) Крупное и мелкое производство.

Согласно ученію Маркса экономическое развитіе современнаго общества ведетъ къ уничтоженію рабочаго, ведущаго самостоятельное хозяйство, и къ превращенію его въ наемнаго рабочаго, эксплуатируемаго владѣльцемъ средствъ производства—капиталистомъ.

«Частная собственность, добытая собственнымъ трудомъ и знаменующая собою, такъ сказать, срощеніе *индивидуальнаго*, *независимаго* производителя съ условіями его труда вытѣсняется капиталистической частной собственностью, основанной на эксплуатаціи чужого, но формально свободнаго труда. Послѣ того, какъ этотъ процессъ преобразованія уже достаточно и въ глубь и въ ширь разложилъ старое общество, и рабочіе оказались превращенными въ пролетаріевъ, а условія ихъ труда—въ капиталъ, послѣ того, какъ капиталистическій способъ производства сталъ уже на собственныя ноги,—дальнѣйшее обобществленіе труда и дальнѣйшее превращеніе земли и другихъ средствъ производства въ средства производства, общественно эксплуатируемыя, т. е., сообща примѣняемыя, иными словами, дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ облекаются въ новую форму. Теперь подлежитъ экспропріаціи уже не рабочій, ведущій самостоятельное хозяйство, но капиталистъ, эксплуатирующій многихъ рабочихъ. Эта экспропріація совершается въ силу дѣйствія имманентныхъ законовъ самого капиталистическаго производства, посредствомъ концентраціи капиталовъ. Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ. Рука объ руку съ этой концентраціей или экспропріаціей многихъ капиталистовъ немногими, все въ большихъ и большихъ размѣрахъ развивается кооперативная форма процесса труда, сознательное техническое приложеніе науки, планомѣрная эксплуатація земли, превращеніе орудій

труда въ такія, которыя могутъ быть прилагаемы только сообща; благодаря употребленію всѣхъ средствъ производства, какъ средствъ комбинированнаго общественнаго труда, происходитъ ихъ экономизированіе... Вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ числа капиталистовъ-магнатовъ, которые узурпируютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличивается масса нищеты, угнетенія, рабства, вырожденія, эксплуатаціи, но, съ другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго механизмомъ самого капиталистическаго способа производства. Монополія капитала превращается въ путы для дальнѣйшаго развитія того способа производства, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея господствомъ. Концентрація средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой точки, на которой они становятся несовмѣстимыми со своей капиталистической оболочкой. Она разрывается. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріаторы экспропріируются». («Капиталъ», русск. пер., изд. Поповой, стр. 645—646).

Это—классическая форма марксистской «легенды о пожираніи», которую Бернштейнъ взялся опровергнуть. Само собою разумѣется, что такое ляпидарное изображеніе процесса развитія, тянущагося уже нѣсколько столѣтій, слѣдуетъ понимать cum grano salis, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются образные обороты. Разрывъ капиталистической оболочки, пробитіе часа капиталистической частной собственности, экспропріація экспропріаторовъ—все это слѣдуетъ понимать, какъ процессы историческіе, наступленіе которыхъ неизбѣжно, но форму и быстроту которыхъ заранѣе предвидѣть нельзя.

Правильность марксовой теоріи не зависитъ, какъ это мы сейчасъ покажемъ, ни отъ большей или меньшей вѣроятности катастрофъ, ни отъ большей или меньшей скорости развитія, а только отъ того *направленія,* которое это послѣднее принимаетъ. Если марксисты ожидали гдѣ-нибудь политическихъ или соціальныхъ катастрофъ, то это не было необходимымъ выводомъ изъ ихъ теоріи, а слѣдствіемъ опредѣленныхъ политическихъ и соціальныхъ коньюнктуръ. Будь «легенда о пожираніи» тожественной съ утвержденіемъ, что неизбѣжна внезапная и всесторонняя экспропріація всѣхъ капиталистовъ вмѣстѣ,—я бы охотно отъ нея отказался. Однако же и при наилучшемъ желаніи я не могу гарантировать,

что при какихъ угодно условіяхъ мы будемъ имѣть дѣло только съ постепеннымъ выкупомъ при помощи организаціи.

Гораздо важнѣе вопросъ, дѣйствительно ли совершается концентрація капитала, или нѣтъ?

Какого мнѣнія на этотъ счетъ Бернштейнъ—уяснить себѣ нельзя. На мой вопросъ, вѣрно ли, что происходитъ концентрація капитала со всѣми ее сопровождающими явленіями въ формѣ, указанной Марксомъ, онъ отвѣчаетъ: «И да, и нѣтъ. Это вѣрно прежде всего въ тенденціи. Указанныя силы имѣются налицо и дѣйствуютъ въ данномъ направленіи... Если картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, то это не потому, что сказанное – невѣрно, а потому, что не все до конца сказано. Факторы, дѣйствующіе ограничивающимъ образомъ на изображенныя имъ противорѣчія, оставляются Марксомъ совсѣмъ безъ всякаго вниманія, или же, хотя случайно и разсматриваются, но позднѣе, при сведеніи и противопоставленіи установленныхъ фактовъ, опять опускаются, такъ что соціальное дѣйствіе антагонизмовъ является передъ нами гораздо болѣе сильнымъ и непосредственнымъ, чѣмъ каково оно на самомъ дѣлѣ» (стр. 47).

Это можно понять двояко. Само собою понятно, что теорія должна абстрагировать отъ всѣхъ мѣшающихъ явленій для того, чтобы быть въ состояніи найти законы, лежащіе въ основѣ данныхъ явленій. Кто это забываетъ и требуетъ отъ теоріи, чтобы она при всѣхъ условіяхъ находилась въ согласіи съ явленіями, лежащими передъ нашими глазами, тотъ всегда найдетъ, что она звучитъ слишкомъ аподиктически, что въ ней вещи выступаютъ рѣзче, чѣмъ въ дѣйствительности. Тотъ же, кто—для улучшенія этого — стремится создать теорію, которая заключала бы въ себѣ всѣ элементы бросающейся въ глаза дѣйствительности, всегда будетъ подавляемъ обиліемъ явленій, потеряетъ нить и, путаясь въ объясненіяхъ «съ одной стороны—съ другой стороны», никогда не достигнетъ яснаго взгляда на вещи.

Я уже упомянулъ о томъ, что марксову картину слѣдуетъ понимать cum grano salis; если Бернштейнъ своими только что цитированными замѣчаніями не хотѣлъ ничего больше сказать, то противъ этого можно бы возразить только то, что это само собою понятно и относится ко всякой теоріи.

Но Бернштейнъ, повидимому, иного мнѣнія. Онъ утверждаетъ, что марксова теорія оставляетъ безъ вниманія не только поверхностныя, мѣшающія явленія, но также и основ-

ныя тенденціи, которыя въ большей или меньшей степени нейтрализуютъ дѣйствія тенденцій, въ ней указанныхъ. Въ общественномъ развитіи, слѣдовательно, тенденціи, указанныя Марксомъ, не всегда побѣждаютъ вопреки всѣмъ противодѣйствіямъ. Но при этомъ все еще остается неяснымъ, приписываетъ ли Бернштейнъ этимъ противодѣйствіямъ только задерживающее вліяніе или же и способность измѣнять направленіе развитія.

Бернштейнъ заявляетъ, что у Маркса соціальныя противорѣчія выступаютъ болѣе рѣзко, чѣмъ въ дѣйствительности. Но въ его теоріи дѣло совсѣмъ не идетъ о вопросѣ, сколь велики соціальныя противорѣчія *теперь*—чтобы это узнать, мы не нуждаемся ни въ какой теоріи. Теорія должна намъ дать возможность познать какого развитія соціальныхъ противорѣчій намъ слѣдуетъ ожидать, обостряются ли они или смягчаются. Но, если поставить вопросъ такъ, то нельзя ограничиться указаніемъ на преувеличенія и рѣзкости Маркса. Когда я задаю вопросъ, направляется ли данный корабль на востокъ или на западъ,—меня весьма мало удовлетворитъ, если я получу отвѣтъ: утвержденіе, что корабль направляется на востокъ, это преувеличеніе. Нѣкоторые признаки указываютъ на то, что онъ направляется на западъ.

Но такіе отвѣты мы получимъ у Бернштейна. На стр. 47 онъ принимаетъ, что предпріятія при капиталистической формѣ производства концентрируются, какъ это указалъ Марксъ. Но, говоритъ онъ, состоянія не концентрируются. «Въ соціаль-демократіи преобладаетъ или же она себѣ постоянно навязываетъ представленія, что концентрація промышленныхъ предпріятій совершается *параллельно* съ концентраціей состояній. *Но это въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ*».

Здѣсь концентрація предпріятій признается какъ дѣйствительное явленіе капиталистической формы производства. Такъ говоритъ Бернштейнъ въ началѣ своего изслѣдованія о концентраціи. Въ концѣ же его онъ говоритъ:

«Если, слѣдовательно, таблицы статистики доходовъ прогрессивныхъ промышленныхъ странъ даже отчасти свидѣтельствуютъ о подвижности, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о непрочности и о необезпеченности капитала въ современномъ хозяйствѣ; если даже означенные тамъ доходы и капиталы все въ большей степени являются бумажными величинами, которыя въ дѣйствительности сильно подувшій вѣтеръ легко можетъ развѣять,— то все-таки эти ряды доходовъ *не находятся въ основномъ противорѣчіи съ рядами хозяйственныхъ единицъ* въ про-

мышленности, земледѣліи и торговлѣ. *Скала доходовъ и скала предпріятій обнаруживаютъ при расчлененіи ясно выраженный параллелизмъ*, въ особенности, *поскольку дѣло касается ихъ среднихъ частей*» (стр. 65).

Онъ, стало быть, началъ съ того, что отрицалъ *параллелизмъ* между развитіемъ скалы предпріятій и скалы доходовъ (которую онъ отожествляетъ со скалой состояній), а кончаетъ тѣмъ, что признаетъ этотъ параллелизмъ. Каково же его настоящее мнѣніе? Высказанное на стр. 47 или на стр. 65? Совершается ли концентрація предпріятій, или нѣтъ? Очевидно, было бы преувеличенной марксистской рѣзкостью требовать на это иного отвѣта, чѣмъ «и да и нѣтъ»

Нелегко провѣрять правильность взгляда, столь мало устойчиваго, какъ въ данномъ случаѣ взглядъ Бернштейна. Но у насъ нѣтъ выбора. Что бы Бернштейнъ ни думалъ, его положенія будутъ нашими противниками истолкованы и использованы, какъ банкротство не только марксизма, но и соціализма вообще, а онъ самъ даже и пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы протестовать противъ этого. Неизбѣжно необходима, слѣдовательно, провѣрка фактовъ, на которые опирается Бернштейнъ.

Свои главные аргументы онъ заимствуетъ изъ германской профессіональной переписи (Berufszählung). Наряду съ этимъ онъ приводитъ, разумѣется, еще и многочисленныя цифры изъ Англіи, Франціи, Австріи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, но эти цифры не говорятъ намъ абсолютно ничего о *направленіи* развитія, ибо все это—цифры соотвѣтственно *одной* только переписи, а не нѣсколькихъ послѣдовательныхъ. Онѣ бы только тогда что-либо доказывали, если бы матеріалистическое пониманіе исторіи и въ самомъ дѣлѣ носило тотъ механическій характеръ, который его противники ему такъ охотно приписываютъ. Если бы это пониманіе и въ самомъ дѣлѣ признавало «вростаніе» въ соціализмъ въ томъ смыслѣ, что само капиталистическое развитіе, въ силу одной только концентраціи капитала уничтожитъ все мелкое производство и создастъ весь организмъ соціалистическаго производства, такъ что пролетаріату, въ концѣ концовъ, ничего болѣе не останется дѣлать, какъ только захватить политическое господство и улечься въ постель, приготовленную капитализмомъ, —если бы таково была марксистское пониманіе пути къ соціализму, тогда, пожалуй, можно было бы придавать кое-какое значеніе и абсолютнымъ изолированнымъ цифрамъ, приводимымъ Бернштейномъ. Ибо цифры эти доказываютъ, что

мелкое производство еще далеко отъ окончательнаго исчезновенія, а, слѣдовательно, и область соціализма скрывается еще далеко за горизонтомъ.

Но мы уже не разъ разъясняли, что марксистское ученіе не таково. Но такъ какъ заслугамъ бернштейновской брошюры относится и то, что онъ далъ новую поддержку этому широко распространенному ложному толкованію марксизма, то мы здѣсь это опять ясно констатируемъ.

Уничтоженіе самостоятельнаго производства, составлявшаго раньше господствующую форму производства, создаетъ пролетаріевъ, наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе на развалинахъ ремесла развивается капиталистическое производство, тѣмъ болѣе уменьшается для наемнаго рабочаго надежда, на почвѣ частной собственности, въ качествѣ изолированнаго производителя, стать независимымъ отъ капиталистической эксплуатации и порабощенія, тѣмъ сильнѣе его стремленіе къ уничтоженію частной собственности. Такимъ образомъ, съ естественной необходимостью, одновременно съ появленіемъ пролетаріата, возникаютъ соціалистическія тенденціи, какъ въ средѣ самыхъ пролетаріевъ, такъ и въ средѣ тѣхъ, которые становятся на точку зрѣнія пролетаріата и желаютъ способствовать его возвышенію къ самостоятельности, а, слѣдовательно, и къ свободѣ и равенству.

Но это объясняетъ только возникновеніе соціалистическихъ стремленій, и ничего намъ не говоритъ о тѣхъ перспективахъ, какія ихъ ожидаютъ. Концентрація капитала все болѣе улучшаетъ эти перспективы. Чѣмъ болѣе она прогрессируетъ, тѣмъ болѣе увеличивается численно и организуется пролетаріатъ, какъ мы это видѣли, но тѣмъ болѣе обезсиливается, лишается энергіи и уменьшается и масса тѣхъ, которые имѣютъ выгоды отъ частной собственности на средства производства, самостоятельныхъ предпринимателей, тѣмъ болѣе ослабляется ихъ интересъ къ сохраненію этой собственности, и тѣмъ болѣе предпосылки соціалистическаго производства.

Ремесленное и мелко-крестьянское самостоятельное производство для своего полнаго развитія нуждается въ частной собственности на средства производства. Опытъ показываетъ, что повсюду, гдѣ соціалисты устраивали коммунистическія колоніи на основѣ ремесленнаго и мелко-крестьянскаго производства, стремленіе къ частной собственности на средства производства рано или поздно брало верхъ надъ соціалистическимъ энтузіазмомъ, создавшимъ колонію, если только внѣшнія условія не благопріятствовали коммунистической связи, напр., жизнь колонистовъ среди враждебной народно-

сти, отличающейся отъ нихъ по языку и по религіи.

Совершенно иной видъ должно дѣло принять тамъ, гдѣ индивидуальное производство является не правиломъ, а исключеніемъ, гдѣ экономическія условія дѣлаютъ общественное производство все болѣе общимъ и болѣе выгоднымъ и все болѣе вліяютъ на чувства и мысли рабочаго класса въ духѣ общественнаго сотрудничества. Тогда соціалистическая организація должна стать возможной и безъ того могучаго энтузіазма, которымъ всегда одѣлены только избранныя натуры и который не можетъ на долгое время устоять передъ трезвой будничностью.

Таковы тѣ элементы, изъ которыхъ, согласно марксистской точкѣ зрѣнія, долженъ возникнуть соціализмъ. Концентрація капитала ставитъ историческую задачу: введеніе соціалистическаго общественнаго строя. Она создаетъ силы для рѣшенія этой задачи—пролетаріевъ, равно какъ и средства для рѣшенія: общественное производство, но она сама не даетъ намъ прямо *рѣшенія задачи.* Это рѣшеніе можетъ быть слѣдствіемъ только *сознанія, воли и борьбы* пролетаріата.

Но, если это такъ, тогда приведеніе отдѣльныхъ цифръ, свидѣтельствующихъ о томъ, что еще существуетъ значительное число мелкихъ производствъ, не имѣетъ никакого значенія для нашего изслѣдованія. О *направленіи*, въ какомъ совершается развитіе, онѣ намъ совсѣмъ ничего не говорятъ, а когда наступитъ *моментъ* зрѣлости нашего общества для соціализма, изъ этихъ цифръ тоже нельзя узнать. Онъ зависитъ отъ безчисленныхъ невѣдомыхъ величинъ, измѣрить которыя никто не въ состояніи, экономическіе мотивы, которые хотя и могутъ быть познаны, однако ихъ сила не можетъ быть заранѣе статистически представлена. Мы еще такъ далеко не ушли, чтобы быть въ состояніи классовую борьбу замѣнить статистическими вычисленіями. Мы должны бороться, какъ близка или далека отъ насъ побѣда и возможность плодотворнаго использованія этой побѣды,—извѣстить насъ объ этомъ не можетъ никакая статистика въ мірѣ. Однако, надежда на побѣду зависитъ отъ того, совершается ли концентрація капитала, но было-бы наивно захотѣть установить, до какой степени она должна дойти для того, чтобы побѣда стала возможной.

Бернштейнъ, разумѣется, полагаетъ слѣдующее:

«Между тѣмъ, какъ централизованная форма производства является предпосылкой соціализаціи производства и обмѣна, сама эта форма въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ

Европы остается еще *частнымъ* фактомъ; такъ что, если-бы въ Германіи государство въ ближайшемъ будущемъ пожелало экспропріировать всѣ предпріятія, скажемъ, съ двадцатью человѣками выше, путемъ ли вполнѣ самостоятельнаго производства или частичной отдачи въ аренду,—все-таки въ торговлѣ и промышленности останутся еще сотни тысячъ предпріятій болѣе, чѣмъ съ четырьмя милліонами рабочихъ, которые и послѣ этого должны будутъ производить частно-хозяйственнымъ путемъ». О сельскомъ хозяйствѣ нечего и говорить. «О громадности задачи, какая выпадетъ на долю государству или государствамъ, когда они возьмутъ въ свои руки всѣ эти хозяйства, можно составить себѣ понятіе, если принять во вниманіе, *что въ промышленности и торговлѣ дѣло идетъ о нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ хозяйствъ съ 5—6 милліонами рабочихъ...»* И отсюда онъ выводитъ заключеніе: «Будемъ держаться факта, что матеріальная предпосылка соціализаціи производства и распредѣленія — сильно развитая централизація хозяйствъ — существуетъ только отчасти» стр. 87).

Въ первой главѣ своей брошюры онъ борется противъ того взгляда, что общественное развитіе человѣчества можетъ быть сведено въ конечномъ счетѣ на развитіе производства; тамъ онъ объявляетъ доказательство «имманентной экономической необходимости соціализма» ненужнымъ и невозможнымъ, здѣсь-же онъ ставитъ послѣдній въ самую непосредственную, въ самую рабскую зависимость отъ экономическихъ условій! Здѣсь онъ самъ неожиданно становится на ту точку зрѣнія, что не раньше, чѣмъ приложеніе средствъ производства станетъ общественнымъ во *всѣхъ областяхъ*, возможно развитіе собственности направить къ соціализму. Ибо дѣло идетъ объ измѣненіи направленія развитія собственности, а не о томъ, чтобы, какъ справедливо насмѣхается Викторъ Адлеръ, «въ теченіе одного продолжительнаго ночного засѣданія» сразу сдѣлать собственностью государства всѣ хозяйства болѣе, чѣмъ съ 20 рабочими, какъ можно было бы заключить изъ предостерегающаго указанія Бернштейна. При этомъ, кстати, слѣдуетъ замѣтить, что «*нѣсколько сотенъ тысячъ*» хозяйствъ болѣе, чѣмъ съ 20 рабочими, въ промышленности и торговлѣ, если ближе къ нимъ присмотрѣться, сокращается до хорошо сосчитанныхъ 48956. Нашъ статистикъ въ своей горячности, очевидно, прибавилъ пессимистическій нуль.

Мы, разумѣется, должны отказаться отъ статистическихъ изслѣдованій вопроса, насколько еще міръ удаленъ отъ

Zukunftsstaat'a. Но тогда изъ всего статистическаго матеріала, приводимаго Бернштейномъ, у насъ остаются только цифры германскихъ переписей профессій и хозяйствъ. Языкъ этихъ цифръ весьма внятный, хотя онѣ намъ не показываютъ, насколько мы еще удалены отъ соціализма, но говорятъ о томъ, движемся ли мы по направленію, ведущему къ соціализму въ формѣ, предвидѣнной Марксомъ.

Если-бы мы хотѣли только опровергнуть Бернштейна, то мы могли-бы весьма облегчить себѣ работу. Намъ слѣдовало бы только предоставить ему самому говорить. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ напечаталъ статью «о современномъ состояніи промышленнаго развитія Германіи» въ той серіи статей о «Проблемахъ соціализма», которой суждено было, въ концѣ концовъ, стать для него столь роковой и закончиться тѣмъ, что самъ его соціализмъ сталъ проблематичнымъ. («Neue Zeit», XV,I, стр. 303 и сл.)

Тамъ говорится:

«Что въ настоящее время въ германской промышленности преобладающимъ является развитіе отъ мелкаго къ крупному, отъ ремесленнаго къ фабричному, отъ крупнаго къ гигантскому производству—этого не станетъ отрицать ни одинъ знающій дѣло. Недавно опубликованныя данныя статистики хозяйствъ и профессій ставятъ этотъ фактъ внѣ сомнѣнія. По сравненію съ послѣднимъ предшествовавшимъ годомъ переписи, при увеличеніи населенія на 14,48%, группа B переписанныхъ профессій указываетъ на слѣдующія измѣненія въ числѣ занятыхъ въ производствѣ, происшедшія къ 1895 г. (Промышленность, рудники, копи и строительное дѣло):

	1882	1895	Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—)	
			абсолютное	въ процентахъ
Самостоятельные производители .	1 861 502	1 774 481	— 87 021	— 4,68
Самостоятельные Кустари . . .	339 644	287 389	— 52 255	— 15,39
Персоналъ техническаго надзора, торговый персоналъ	99 076	263 747	+ 164 671	+166,21
Подмастерья, ученики и пр. . .	4 096 243	5 955 613	+1 859 370	+ 45,39
Итого .	6 396 465	8 281 230	+1 884 765	+ 29,47

«Эти цифры говорятъ сами за себя. Если въ 1882 г. на *одного* самостоятельнаго производителя приходилось *двое* служащихъ, то въ 1895 г. отношеніе было 1: 3, *внезапная значительная перемѣна, бросающаяся въ глаза при первомъ взглядѣ.*

Однако, цифры эти передъ несвѣдущимъ скрываютъ все свое значеніе. То обстоятельство, что во всей странѣ приходится на каждаго самостоятельнаго производителя три зависимыхъ, еще даетъ мѣсто взгляду, что даже въ настоящее время мелкая промышленность (ремесло и мелкія фабрики) отодвигаетъ далеко на второй планъ крупную, что эта последняя достигла, пожалуй, значительнаго расширенія, но все-таки не настолько, чтобы она могла считаться господствующей. Если за 13 лѣтъ, несмотря на гигантскіе успѣхи, сдѣланные за это время техникой, число самостоятельныхъ производителей уменьшилось всего на всего на 140 276 или же даже не на полныхъ $6^{0}/_{0}$, то могло-бы показаться, будто окончательный упадокъ ремесла и мелкой промышленности отстоитъ еще очень далеко отъ насъ, будто за ремесломъ остаются еще весьма значительныя области и помимо тѣхъ, гдѣ требуется искусная работа».

То, что Бернштейнъ называетъ здѣсь призракомъ, приводящимъ несвѣдущаго къ ложнымъ заключеніямъ, стало для него два года спустя реальностью, на счетъ которой, могутъ обманываться только дураки, слѣпо клянущіеся словами учителя.

Въ 1896 г. Бернштейнъ самъ еще принадлежалъ къ этимъ дуракамъ, а посему обладалъ проницательнымъ взглядомъ на дѣйствительность, скрывающуюся подъ этими цифрами. Онъ продолжаетъ:

«Между тѣмъ эти грубыя числа далеки отъ того, чтобы выражать дѣйствительное состояніе крупной и мелкой промышленности. Они показываютъ только внѣшнюю группировку части населенія, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ занятой въ промышленности, но, наоборотъ, ничего не говорятъ о всѣхъ фактахъ, необходимыхъ для пониманія внутреннихъ отношеній производства, касающихся его объема, характера и проч. Чтобы познакомиться съ ними, мы нуждаемся не только въ еще ожидаемыхъ отчетахъ профессіональной статистики о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ распредѣленіемъ по группамъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, но и въ отчетахъ о положеніи отдѣльныхъ хозяйствъ въ группахъ производства и т. п. подробностяхъ, о которыхъ профессіональная

статистика вообще даже не можетъ намъ дать никакихъ свѣдѣній.

Онъ пытается затѣмъ «приблизительно оцѣнить» «дѣйствительное состояніе вещей», руководясь книгой Зинцгеймера «о границахъ дальнѣйшаго развитія фабричнаго крупнаго производства въ Германіи», и приходитъ къ выводу:

«Если принять во вниманіе тѣ значительныя отклоненія въ распредѣленіи работающихъ по классамъ хозяйствъ, на какія указываетъ новѣйшая промышленная статистика, если къ тому же считать неопровerженнымъ и неопровержимымъ тотъ фактъ, что производительная сила работы болѣе всего повысилась въ крупныхъ хозяйствахъ, то не покажется смѣлымъ выводъ, что если въ 1882 г. при грубомъ разсчетѣ на долю крупной фабричной промышленности приходилось отъ 47 до 54% всего производства въ индустріи и ремеслахъ, то въ настоящее время эта доля не можетъ быть ниже 60—70% всего производства. *Двѣ трети, если не три четверти промышленнаго производства Германіи принадлежатъ фабричному крупному производству, коллективистическому крупному хозяйству*. Фактъ этотъ скрывается отъ глазъ тысячью обстоятельствъ, прежде всего тѣмъ, что очень большая часть этихъ продуктовъ крупной промышленности полуфабрикаты, а другая—доставляется намъ лицами, которыя только повидимому принимаютъ участіе въ ихъ приготовленіи, но которыя на самомъ дѣлѣ являются по отношенію къ нимъ не болѣе какъ торговцами. Но въ правильности этого факта, мнѣ кажется, невозможно никакое сомнѣніе. Но являются ли эти коллективистическія хозяйства, занимающія столь большое мѣсто въ національномъ производствѣ, въ большинствѣ своемъ уже настолько зрѣлыми, чтобы ихъ можно было экспропріировать,—это другой вопросъ».

На этотъ послѣдній вопросъ можетъ дать отвѣтъ только результатъ, а не статистическое изслѣдованіе. Мы можемъ, слѣдовательно, это послѣднее оставить въ сторонѣ. Но что мы хотимъ установить, такъ это тотъ фактъ, что самъ Бернштейнъ еще недавно пришелъ къ выводу, что фабричная крупная промышленность, доставлявшая въ 1882 г. только *половину* національнаго производства, *тринадцать лѣтъ спустя*, производила уже *двѣ трети*, если не *три четверти* этого производства. Если этого не желаютъ назвать быстрой концентраціей капитала, развитіемъ, идущимъ гигантскими шагами къ соціалистическому или коллективистическому производству, то, значитъ, къ историческимъ періодамъ примѣняютъ странный масштабъ.

Менѣе ясно, чѣмъ при сравненіи массъ продуктовъ, обнаруживается передъ нами прогрессъ крупнаго производства при сравненіи числа хозяйствъ въ отдѣльныхъ группахъ хозяйствъ и числа занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Но и здѣсь прогрессъ крупнаго хозяйства очевиденъ. Въ промышленности (индустрія, торговля, обращеніе, садоводство, рыболовство и проч.) насчитывалось:

	1882	1895	Увеличеніе въ процент
Хозяйства съ 1— 5 рабочими	2 882 768	2 934 723	1,8
» » 6— 10 »	68 763	113 547	65,1
» » 11— 50 »	43 952	77 752	76,9
» » 51— 200 »	8 095	15 624	93,0
» » 201—1000 »	1 752	3 076	75,6
» » свыше 1000 »	127	225	100,8
Итого .	3 005457	3 144 947	4,6

Между тѣмъ, какъ общее увеличеніе числа хозяйствъ составляло 4, 6%, число мелкихъ увеличилось всего на 1,8%: а крупныхъ хозяйствъ на 100%. Число первыхъ, хотя абсолютно и увеличилось, но относительно уменьшилось. На каждыя 100 хозяйствъ на долю отдѣльныхъ группъ приходилось

	1882	1895
Хозяйствъ съ 1— 5 рабочими	95,9	93,3
» » 6— 10 »	2,3	3,6
» » 11— 50 »	1,5	2,5
» » 51— 200 »	0,3	0,5
» » 201— 1000 »	0,0	0,1
» » свыше 1000 »	0,0	0,0

Для мелкихъ хозяйствъ въ общей суммѣ хозяйствъ упало, слѣдовательно, съ 96% до 93% (приблизительно).

Конечно, процентъ мелкихъ хозяйствъ все еще является громаднымъ. Но картина мѣняется, если мы обратимъ вниманіе на число занятыхъ лицъ. Насчитывалось лицъ въ

	1882	1895	Увеличеніе въ процент.
Хозяйств. съ 1— 5 рабочими	4 335 822	4 770 669	10,0
» » 6— 10 »	500 097	833 409	66,6
» » 11— 50 »	891 623	1 620 848	81,8
» » 51— 200 »	742 688	1 439 776	93,9
» » 201—1000 »	657 399	1 155 836	75,8
» » свыше 1000 »	213 160	448 731	110,5
Итого .	7 340 789	10 269 269	39,9

Общее число лицъ, занятыхъ въ промышленности возрасло на 40%, занятыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ всего на 10%, занятыхъ въ гигантскихъ хозяйствахъ на 110%. И здѣсь, слѣдовательно, имѣемъ относительное, къ тому же весьма значительное, уменьшеніе числа мелкихъ хозяйствъ.

Изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось на	1882	1895
Хозяйства съ 1— 5 рабочими	59,0	46,5
» » 6— 10 »	6,8	8,1
» » 11— 50 »	12,2	15,8
» » 51— 200 »	10,1	14,0
» » 201— 1000 »	9,0	11,2
» » свыше 1000 »	2,9	4,4

Мелкія хозяйства, въ 1882 г. занимавшія еще почти *двѣ трети* промышленнаго населенія, занимали въ 1895 г. *менѣе половины* этого населенія.

Но эти цифры не даютъ еще полной картины соціальныхъ измѣненій, вызванныхъ относительнымъ упадкомъ мелкаго хозяйства. Женскій и дѣтскій трудъ—изобрѣтеніе крупнаго капитала, но въ настоящее время онъ болѣе всего эксплуатируется падающими мелкими хозяйствами, стремящимисяспасти себя высасываніемъ незрѣлыхъ и неспособныхъ къ сопротивленію элементовъ.

Къ сожалѣнію, невозможно установить, увеличился ли и насколько увеличился женскій трудъ въ отдѣльныхъ группахъ хозяйствъ, ибо перепись 1895 г. въ этомъ отношеніи производилась по иному плану, чѣмъ перепись 1882 г. Но и абсолютныя цифры говорятъ довольно выразительно. Число наемныхъ рабочихъ въ промышленности въ 1895 г. составляла 6 871 504, въ томъ числѣ 5 247 897 мужчинъ и 1 623 607 женщинъ, въ 1882 г., напротивъ, насчитывалось всего 4 226 052, изъ нихъ 3 433 689 мужчинъ, 792 363 женщины. Общее число возрасло на 62,6%, число мужскихъ рабочихъ всего на 52,8%, число женщинъ—на 104,9%!

Въ отдѣльныхъ группахъ—различались только помѣченныя ниже—насчитывалось въ 1895 г. рабочихъ:

	Мужчинъ		Женщинъ		Всего
Хозяйства безъ наемныхъ рабочихъ .	1 125 125	66%	589 226	34%	1 714 351
Хозяйства съ наемн. раб. съ 1— 5 лиц.	1 354 598	68%	636 646	32%	1 991 244
Хозяйства съ наемн. раб. съ 6—20 лиц.	967 578	79%	256 428	21%	1 224 006
Хозяйства съ наемн. раб. свыше 20 л.	925 721	80%	730 533	20%	3 656 254

Мы видимъ, какъ сильно женскій трудъ преобладаетъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Этимъ объясняется и то, что хотя общее число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ, составляло 46,5% всѣхъ занятыхъ въ промышленности лицъ, занятые въ нихъ *мужчины* составляли всего 43,4%—мужскихъ рабочихъ, слѣдовательно, значительно меньше.

Но и число несовершеннолѣтнихъ рабочихъ гораздо больше въ мелкомъ хозяйствѣ, чѣмъ въ крупномъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь сравненіе 1882 г. и 1895 г. невозможно.

Изъ 6 871 504 рабочихъ въ промышленности (1895 г.) несовершеннолѣтнихъ было не менѣе 603 150=8,8%. Если отсчитать, какъ это дѣлаетъ статистическое бюро въ своемъ отчетѣ, женъ владѣльцевъ предпріятій, то остается 6 474 727, изъ нихъ 9,1% несовершеннолѣтнихъ. А въ отдѣльныхъ группахъ на каждые 100 рабочихъ было несовершеннолѣтнихъ:

Въ хозяйствахъ съ	1— 5	лицами	15,2
» » »	6—20	»	10,2
» » »	свыше 20	»	5,9

Взрослые рабочіе мужскаго пола составляютъ, слѣдовательно, въ мелкой промышленности гораздо меньшій процентъ, чѣмъ въ крупной. Такимъ образомъ, среди рабочихъ крупной промышленности замѣчается еще гораздо болѣе быстрый ростъ элементовъ пролетаріата, но и болѣе важныхъ въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ, чѣмъ это можно видѣть изъ «грубыхъ цифръ» общаго числа рабочихъ въ отдѣльныхъ группахъ хозяйствъ.

Что и концентрація капитала идетъ впередъ еще быстрѣе, чѣмъ на первый взглядъ можно видѣть изъ этихъ грубыхъ цифръ,—обнаруживается, если мы станемъ различать отдѣльныя отрасли промышленности.

Прежде всего нужно имѣть въ виду, что концентрація капитала не во всѣхъ отрасляхъ производства совершается равномѣрно. Крупное производство захватываетъ одну область за другой, уничтожаетъ въ одной области мелкое производство, причемъ оно не всѣхъ мелкихъ предпринимателей этого производства низвергаетъ въ ряды пролетаріата. Прогнанные отъ одной дѣятельности, они отыскиваютъ другую, превращаются, примѣрно, изъ производителей товара въ его продавцовъ, изъ промышленниковъ въ посредниковъ и т. д. *Область* мелкаго производства такимъ путемъ все болѣе суживается, причемъ общее *число* мелкихъ хозяйствъ вовсе не должно уменьшиться. Успѣхъ крупной промышленности въ одномъ мѣстѣ сопровождается въ другомъ мѣстѣ увеличе-

ніемъ числа мелкихъ хозяйствъ, переполненіемъ каналовъ; если мелкіе въ одномъ мѣстѣ гибнутъ отъ конкурренціи крупныхъ, то въ другомъ мѣстѣ они пропадаютъ, благодаря чрезмѣрной конкурренціи другъ съ другомъ; благодаря этому, они попадаютъ въ растущую зависимость отъ капитала, вынуждаются къ увеличивающейся спеціализаціи работъ и приготовляютъ, такимъ образомъ, почву для крупнаго производства, которое, рано или поздно, вторгается и въ эту область.

Прежде всего мы видимъ тотъ крупный фактъ, что концентрація хозяйствъ шла гораздо скорѣе въ индустріи, чѣмъ въ торговлѣ и обращеніи, если принять за масштабъ число занятыхъ рабочихъ—масштабъ, однако, не совсѣмъ безупречный ибо въ торговлѣ предпріятіе съ 10—20 лицами является уже крупнымъ, тогда какъ въ индустріи такія предпріятія обыкновенно находятся еще у порога ремесла. Но другихъ цифръ въ нашемъ распоряженіи не имѣется.

На каждыя 100 занятыхъ лицъ въ 1895 г. было:

	Въ хозяйствахъ съ		
	1—5 лицами	6—50 лицами	болѣе, чѣмъ 50 л.
Индустрія, горное и строительное дѣло . . .	39,9	23,8	36,3
Торговля, обращеніе, гостиница, рестораны и пр.	69,7	24,3	6,0

Только для индустріи допустимо отнести въ рубрику мелкихъ хозяйствъ хозяйства съ 1—5 лицами, а въ рубрику среднихъ хозяйствъ хозяйства съ 6—50 лицами; въ торговлѣ предпріятіе съ 5 лицами можетъ представлять собою уже значительное среднее предпріятіе, а предпріятіе съ 50 лицами всегда будетъ представлять собою уже обширное крупное предпріятіе.

А въ индустріи мелкія хозяйства обнимаютъ только еще 40% всѣхъ занятыхъ лицъ. Напротивъ, въ 1882 г. они занимали еще 55%. Упадокъ мелкаго производства въ индустріи совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ въ торговлѣ. Увеличеніе (+), resp. уменьшеніе (—) число занятыхъ лицъ отъ 1882—1895 г. составляло:

	Въ хозяйствахъ съ		
	1—5 лицами	6—50 лицами	болѣе, чѣмъ 50 л.
Индустрія и т. д. . . .	— 2,4%	+ 71,5%	+ 87,2%
Торговля и т. д. . . .	+ 48,9%	+ 94,1%	+ 137,8%

Въ индустріи, слѣдовательно, мы находимъ абсолютное уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Еще болѣе уменьшилось число самыхъ хозяйствъ. Это уменьшеніе составляло не менѣе 8,6%. Тогда какъ общее число мелкихъ хозяйствъ увеличилось на 51955, въ индустріи число ихъ уменьшилось на 186297.

Перейдемъ къ еще большимъ подробностямъ. Крупное производство наиболѣе развилось, мелкое—наиболѣе упало въ слѣдующихъ отрасляхъ индустріи, въ которыхъ изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось:

Отрасль индустріи	На хозяйства съ		
	1—5 лицами	6—50 лицами	болѣе, чѣмъ 50 л.
Горное дѣло	0,7	4,0	95,3
Химическое производство	15,7	22,6	61,7
Текстильная промышленность	26,0	14,8	59,2
Производство машинъ и инструментовъ . . .	22,1	18,9	59,0
Бумажное производство .	17,7	31,5	50,8
Каменное и земляное производство	12,8	42.5	44,7
Производство матеріаловъ для освѣщенія	15,2	45,1	39,7

Напротивъ, во владѣніи мелкаго хозяйства остались еще слѣдующія отрасли промышленности, въ которыхъ изъ каждыхъ 100 занятыхъ лицъ приходилось:

Отрасль индустріи	На хозяйства съ		
	1—5 лицами	6—50 лицами	болѣе, чѣмъ 50 л
Скотоводство и рыболовство	88,8	7,9	3,3
Производство и чистка платья, прачешн. и т. д.	80,4	13,2	6,4
Гостиницы, рестораны и проч.	74,6	24,1	1,3
Торговыя заведенія . . .	70,8	25,2	4,0
Искусствен. садоводство для продажи	60,2	31,5	8,3
Художествен. произведенія	58,4	33,8	7,8
Производство древесн. мат. и для рѣзьбы , . . .	578,	29,6	12,6

Но и здѣсь уже начинаетъ обнаруживаться концентрація капитала. Отъ 1882—1895 г. увеличеніе или уменьшеніе числа занятыхъ лицъ составляло:

Отрасль индустріи	Въ хозяйствахъ съ		
	1—5 лицами	6—50 лицами	болѣе, чѣмъ 50 л.
Скотоводство и рыболовство	+ 3,7%	+ 35,1%	+700,9%
Производство платья и т. д.	— 0,6%	+ 81,5%	+162,0%
Гостиница и т. д.	+70,2%	+138,7%	+429,7%
Торговыя заведенія	+47,4%	+ 89,5%	+177,6%
Искусствен. садоводство для продажи	+65,0%	+141,6%	+ 40,8%
Художествен. произведенія	+ 4,2%	+ 66,9%	+576,1%
Производ. древесн. матер. и т. д.	— 3,1%	+118,6%	+138,7%
Промышленность вообще	+10,0%	+ 76,3%	+ 86,2%

Итакъ, вездѣ, за исключеніемъ искусственнаго садоводства, крупное производство развивается гораздо быстрѣе мелкаго. Если мы оставимъ въ сторонѣ незначительное число лицъ, занятыхъ въ садоводствѣ, то изъ производствъ, въ которыхъ мелкое хозяйство еще развивается, у насъ останутся только 2, въ которыхъ число занятыхъ лицъ растетъ быстрѣе населенія: трактиры и лавчонки. «Въ торговлѣ», говоритъ отчетъ статистическаго бюро о главныхъ результатахъ промышленной переписи хозяйствъ въ 1895 г., «многочисленные лавочники, торгующіе колоніальными товарами, съѣстными припасами и напитками, придаютъ столь значительную роль мелкому хозяйству. Въ торговлѣ товарами, охватывающей всѣ названныя выше занятія было занято лицъ:

Всего	1 105 423
Изъ нихъ безъ помощниковъ	317 460
Въ заведеніяхъ съ 2 лицами	215 730
» » » 3—5 »	276 085
Всего въ мелкихъ заведеніяхъ	809 275

Большая доля мелкихъ заведеній въ трактирномъ и т. п. дѣлѣ происходятъ отъ наличности массы мелкихъ трактирщиковъ, владѣльцевъ гостиницъ, меблированныхъ комнатъ, ночлежекъ и т. п. Въ этой группѣ было занято лицъ:

Всего	579 958
Изъ нихъ безъ помощниковъ .	99 407
Въ заведен. съ 2 лицами . .	122 194
» » » 3—5 » . .	211 175
Всего въ мелкихъ заведен.	432 776».

Если мы обратимъ вниманіе еще и на то, что отраслями промышленности, вызывающими преобладаніе мелкихъ заведеній въ производствѣ платья и т. д., является портняжество, швейное, прачешное и парикмахерское дѣло, то вотъ передъ нами всѣ тѣ цифры, которыя Бернштейнъ ополчаетъ противъ марксовой теоріи.

Марксъ какъ-то замѣчаетъ въ «Капиталѣ»: «Г. профессоръ Рошеръ открылъ, что швея, работавшая два дня у госпожи профессорши, выполнила больше работы, чѣмъ двѣ швеи, работавшія у г-жи профессорши въ одинъ и тотъ же день. Пусть Г. профессоръ не переноситъ въ дѣтскую своихъ наблюденій надъ капиталистическимъ процессомъ производства, и къ тому же при такихъ обстоятельствахъ, когда на лицо нѣтъ главной персоны капиталиста».

Чтобы развить марксизмъ и сдѣлать его болѣе научнымъ, Бернштейнъ присоединяетъ къ дѣтской парикмахерскую и кабачокъ. Тамъ процессъ концентраціи капитала оставляетъ еще кое-чего желать. Припомнимъ его указаніе на то, что въ Германіи нѣтъ еще предпосылокъ соціализма, ибо въ торговлѣ и промышленности остаются еще сотни тысячъ «*предпріятій*» съ рабочими, число которыхъ превышаетъ 4 милліона, которымъ придется «продолжать частно-хозяйственное производство» Мы теперь знаемъ изъ чего состоитъ большая часть этихъ «предпріятій». Отъ невозможности обобществить зеленщицъ, хозяекъ меблировокъ, швей, прачекъ и т. д.—соціализмъ долженъ поколебаться! Эти элементы образуютъ для Бернштейна самый прочный оплотъ капиталистической собственности, на нихъ слѣдуетъ изучать законы капиталистическаго развитія, а не на рудникахъ, чугунно-плавильныхъ заводахъ, прядильняхъ, ткацкихъ фабрикахъ, машино-строительныхъ заводахъ и т. д.

Всѣ мелкія хозяйства отъ 1882—1895 г. увеличились на 51 955. Напротивъ, мелкія хозяйства въ группахъ:

	1882	1895	Увеличеніе
Торговыя заведенія	434 785	603 209	168 424
Гостиницы, рестораны и пр.	163 991	220 655	56 664
Итого . .	598 776	823 864	225 088

Если отнять отъ общаго числа эти двѣ группы, то вмѣсто *увеличенія* числа мелкихъ хозяйствъ на 51 955 мы получимъ *уменьшеніе* на 175 133.

Персоналъ мелкихъ хозяйствъ въ обѣихъ названныхъ группахъ составлялъ:

	1882	1895	Увеличеніе
Торговля.	641 696	943 545	301 849
Гостиниц. и проч.	244 297	432 776	188 479
Итого . .	885 993	1 376 321	490 328

Персоналъ *всѣхъ* мелкихъ хозяйствъ увеличился за то же время на 434 847. Но если мы отсчитаемъ обѣ упомянутыя группы, то вмѣсто увеличенія получимъ для мелкаго производства уменьшеніе на 55481, при одновременномъ увеличеніи населенія и еще большемъ увеличеніи всего промышленнаго персонала.

Но увеличеніе числа мелкихъ заведеній въ торговлѣ и трактирномъ и т. п. дѣлѣ не является вовсе признакомъ жизнеспособности мелкаго хозяйства, а продуктомъ его разложенія. Мелкія лавчонки, мелкіе трактиры, меблировки и т. п. большею частью являются убѣжищемъ для обанкротившихся существъ или средствомъ реализовать наряду съ наемнымъ трудомъ супруга, также и рабочую силу жены. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ они носятъ пролетарскій характеръ. Поэтому, они все болѣе становятся зависимыми отъ пролетарскихъ потребителей, такъ какъ платежеспособная буржуазія удовлетворяетъ свои потребности въ болѣе комфортабельныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ, мелкіе трактирщики и торговцы пріобрѣтаютъ все болѣе пролетарскія чувства и мысли. Если раньше мелко-буржуазное мышленіе являлось характеризующимъ для пролетаріата, то теперь все болѣе обнаруживается обратное положеніе.

Къ этому присоединяется еще другое обстоятельство, какъ разъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ еще преобладаетъ мелкое хозяйство, обстоятельство, которое статистикой, разумѣется, не зарегистровывается. Статистика показываетъ только *техническую*, а не *экономическую* концентрацію производства. Но она не вполнѣ отмѣчаетъ и техническую концентрацію, ибо при этой переписи тамъ, гдѣ различныя профессіи были соединены въ одномъ предпріятіи, отдѣльныя отрасли его считались особыми предпріятіями. Точно также и филіальныя отдѣленія разсматривались, какъ отдѣльныя предпріятія. Общее число хозяйствъ, такимъ образомъ, меньше, а число крупныхъ хозяйствъ больше, чѣмъ это указываетъ перепись.

Но техническая концентрація является только *одной* изъ формъ экономической; правда, наиболѣе выдающейся и совершеннѣйшей ея формой. Но концентрацію капитала мы имѣемъ и тамъ, гдѣ капиталистъ приводитъ въ экономическую зависимость отъ себя технически самостоятельныя предпріятія. Вспомнимъ, напр., о домашней промышленности. Теперь присмотримся къ вышеприведенному ряду отраслей промышленности, въ которыхъ преобладаетъ мелкое производство; мы увидимъ, что это какъ разъ тѣ, въ которыхъ экономическая несамостоятельность мелкихъ хозяйствъ особенно высоко развита. Такъ, напр., домашняя промышленность широко распространена въ производствѣ деревянныхъ предметовъ и рѣзьбѣ (столярное дѣло, плетеніе корзинъ и соломенныхъ шляпъ, токарная работа, фабрикація игрушекъ и т. п.) и, въ особенности, въ производствѣ платья и т. д. (готовое платье и бѣлье, модныя мастерскія, перчаточныя и сапожныя мастерскія, прачешныя и проч.) Эти мелкія предпріятія для статистики являются самостоятельными предпріятіями, для экономиста же владѣльцы ихъ являются не собственниками своихъ средствъ производства, а наиболѣе угнетенными, наиболѣе плачевно оплачиваемыми наемными рабочими.

Но и въ торговлѣ и въ трактирномъ дѣлѣ совершается подобный же процессъ, все болѣе превращающій отдѣльныхъ номинальныхъ владѣльцевъ предпріятій въ фактическихъ агентовъ и наемныхъ рабочихъ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ. Трактиры становятся все въ большую зависимость отъ крупныхъ пивоваренъ, которыя весьма часто снабжаютъ ихъ не только пивомъ, но и всѣмъ инвентаремъ; кромѣ того, все большее число пивныхъ и ресторановъ переходятъ въ прямую собственность пивоваренъ. Трактирщики становятся арендаторами, поставленными пивоварнями. Нѣчто подобное совершается и въ мелкой торговлѣ. Въ данную минуту у насъ нѣтъ подъ рукой германскихъ цифръ, чтобы подтвердить этотъ всѣмъ извѣстный фактъ. Макрости, въ статьѣ въ «Contemporary Review», сообщаетъ изъ Лондона, «что дешевые лондонскіе рестораны находятся въ рукахъ 4—5 фирмъ. Въ подобномъ же положеніи и лондонская торговля молокомъ, такова же участь аптекъ и табачныхъ лавокъ. Одно только товарищество владѣетъ 100 табачными лавочками», (Лондонскій «Socialdemocrat», май 1899 г.) Объ этомъ развитіи Бернштейнъ ничего намъ не сообщаетъ. Онъ указываетъ только на то, что въ Англіи число лавокъ отъ 1875—1886 г. возрасло съ 295 000 на 366 000.

Бернштейнъ указываетъ намъ на сотни тысячъ мелкихъ хозяйствъ, которымъ послѣ экспропріаціи крупныхъ все еще придется продолжать производить частно-хозяйственнымъ путемъ. Сколько хозяйствъ изъ 200 000 мелкихъ хозяйствъ группы гостиницъ, ресторановъ и проч. стали-бы въ фактическую зависимость отъ государственнаго хозяйства, если обобществить одни только 300 крупнѣйшихъ пивоваренъ, съ болѣе чѣмъ 50 рабоч., которыя въ 1895 г. насчитывались въ Германіи? А что обобществленіе табачнаго производства и табачной торговли отлично уживается съ существованіемъ тысячъ табачныхъ лавочекъ, объ этомъ въ странахъ табачной монополіи знаетъ всякій ребенокъ. Обобществленіе производства отнюдь не предполагаетъ господства крупнаго хозяйства во всѣхъ областяхъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть производства, въ которыхъ мелкое хозяйство еще занимаетъ сравнительно большое мѣсто: обработка металловъ, кожевенное производство, приготовленіе съѣстныхъ припасовъ, строительное дѣло и обращеніе. Страховое дѣло съ его 22 000 лиц. мы можемъ, разумѣется, оставить въ сторонѣ.

Для нихъ мы имѣемъ слѣдующія цифры:

Отрасль индустріи	На каждыя 100 лицъ приходилось на хозяйства съ лицами			Абсолютное увеличеніе или уменьшеніе въ процентахъ числа лицъ отъ 1882-1895 г. въ хозяйствахъ съ лицами.		
	1—5	6—50	свыше 50	1—5	6—50	свыше 50
Обраб. мет. въ 1882	62,8	18,7	18,5			
1895	44,6	24,6	30,8	- 1,2	+83,4	+131,3
Отн. увел. или умен.	—18,2	+ 5,9	+12,3			
Кожев. произ. 1882	62,9	21,3	15,8			
1895	50,6	24,9	24,5	+ 6,2	+54,2	+104,5
Увел. или уменьш.	—12,3	+ 3,6	+ 8,7			
Пригот. съѣстныхъ припас. . 1882	60,3	19,6	20,1			
1895	51,9	23,9	24,2	+18,0	+67,6	+66,0
Увел. или уменьш.	—8,4	+ 4,3	+ 4,1			
Строит. дѣло 1882	46,0	36,1	17,9			
1895	27,0	39,6	33,4	+15,3	+114,6	+264,9
Увел. или уменьш.	—19,0	+ 3,5	+15,5			
Обращеніе . 1882	64,1	17,3	18,6			
1895	54,0	18,0	28,0	+10,8	+37,6	+97,0
Увел. или уменьш.	—10,1	+ 0,7	+ 9,4			

Во всѣхъ этихъ отрасляхъ промышленности мы замѣчаемъ сильное относительное уменьшеніе числа лицъ, занятыхъ въ мелкомъ хозяйствѣ. Въ обработкѣ металловъ уменьшеніе даже абсолютное. Ему соотвѣтствуетъ еще большее уменьшеніе числа хозяйствъ. Тогда какъ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ, уменьшилось на 1,2% (3401), число самихъ мелкихъ хозяйствъ понизилось на 7,6% (11 889). Въ другихъ вышеприведенныхъ отрасляхъ промышленности мелкое хозяйство абсолютно увеличилось, но далеко не въ такой мѣрѣ, какъ среднее и крупное. Какъ разъ въ строительномъ дѣлѣ, которое считается убѣжищемъ ремесла, относительное уменьшеніе мелкаго хозяйства наиболѣе значительно.

Въ обращеніи число лицъ, занятыхъ въ мелкомъ хозяйствѣ потому сравнительно такое большое, что крупнѣйшія предпріятія—желѣзныя дороги, телеграфы, почты—исключены были изъ переписи. Вообще общественныя предпріятія не считались, такъ, напр., общественные водопроводы, свалка нечистотъ, бойни и т. д., т. е., какъ разъ тѣ предпріятія, которыя относятся къ крупнѣйшимъ въ своей группѣ.

Но обращеніе содержитъ въ себѣ не только гигантскія предпріятія, оставшіяся незарегистрованными, но и многочисленныя карликовыя заведенія, не имѣющія экономическаго значенія и врядъ-ли заслуживающія названіе предпріятій. Изъ 3945 заведеній для снаряженій и похоронъ мертвецовъ 3674 было безъ помощниковъ, изъ 10 514 «конторъ» для найма прислугъ 10 200 было безъ помощниковъ, а изъ 18 737 содержателей конныхъ почтъ безъ помощниковъ обходились 9 532. Не причислить-ли намъ къ зеленщицамъ, хозяйкамъ меблировокъ и парикмахерамъ еще и могильщиковъ, лакеевъ и извозчиковъ, которые составятъ армію въ нѣсколько сотъ тысячъ хозяйствъ, стоящихъ помѣхой на пути къ соціализму?

Одно только приготовленіе съѣстныхъ припасовъ, повидимому, благопріятствуетъ мелкому хозяйству. Здѣсь его абсолютное увеличеніе больше, чѣмъ во всѣхъ только что разсмотрѣнныхъ отрасляхъ промышленности, а крупное производство—исключительный случай, повторяющійся только въ садоводствѣ—развивается медленнѣе средняго.

Но изъ милліона лицъ, приходящихся на эту группу, 153 080 принадлежатъ *табачному производству*; здѣсь мелкое хозяйство является капиталистически эксплуатируемой домашней промышленностью. Съ другой стороны, мы здѣсь имѣемъ *пивоваренное дѣло* съ 97 682 лицами и *приготовленіе сахара* съ почти такимъ же числомъ лицъ (95 162). Это—области

крупнаго производства. Точно также крупное производство быстро вторгается въ область *мукомольнаго дѣла* (110 267 лиц.) Такимъ образомъ, изъ болѣе значительныхъ отраслей этой группы промышленности въ сферѣ самостоятельнаго мелкаго хозяйства остаются только *пекарни* (съ кондиторскими 261 916 лицъ) и *приготовленіе мяса* (178 873 л.). Но та же самая причина, которая благопріятствуетъ мелкому хозяйству въ обѣихъ этихъ профессіяхъ—ихъ монопольное положеніе на тѣсно-ограниченномъ мѣстномъ рынкѣ—создаетъ такую массу неудобствъ, все громче вопіющихъ о помощи посредствомъ обобществленія, что это послѣднее можетъ охватить обѣ эти неоспоримыя области мелкаго хозяйства раньше, чѣмъ нѣкоторыя другія. Отрасли промышленности въ которыхъ крупное производство преобладаетъ сильнѣе. Потребительскіе союзы и коммунальная соціальная политика могли бы быстро развиться въ этой области.

Въ мясномъ дѣлѣ коммунальныя бойни заняли уже крупное мѣсто и соціализировали важнѣйшія функціи мясника. Но если бы даже этотъ процессъ не развивался, то развитіе къ крупному хозяйству не остановилось бы передъ мяснымъ и пекарнымъ дѣломъ. И здѣсь уже начинаетъ обнаруживаться концентрація капитала. При переписи занятій нашли въ

		Самостоятельныхъ	Наемныхъ рабочихъ	На каждыя 100 занятыхъ лицъ самостоятельн. было
Пекарномъ дѣлѣ . .	1882	74 283	109 047	40,5
	1895	84 605	163 982	34,1
Мясномъ дѣлѣ . .	1882	60 634	69 997	46,4
	1895	69 277	107 394	39,2

Соедините всѣ эти цифры и затѣмъ спросите себя, имѣлъ ли право Бернштейнъ утверждать, что нарисованная Марксомъ картина капиталистической концентраціи не соотвѣтствуетъ дѣйствительности (стр. 47), что она односторонняя, что расширеніе и распространеніе крупнаго производства представляетъ собою только одну сторону экономическаго развитія (стр. 60). Если какая-нибудь теорія нашла свое подтвержденіе въ цифрахъ германской переписи занятій и хозяйствъ, такъ это марксова. Бернштейнъ же, съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ защищавшій эту теорію, покуда она не была подтверждена этими цифрами, начинаетъ сомнѣваться въ ней въ тотъ моментъ, когда становится наиболѣе очевиднымъ, что она вѣрное изображеніе дѣйствительности.

Но *сельское хозяйство*? Развѣ оно не доказываетъ банкротства марксовой теоріи?

Здѣсь, правда, дѣло не такъ ясно, какъ въ промышленности. Еще въ 1864 г. Марксъ въ обращеніи «Интернаціонала» къ рабочимъ говоритъ: «Раскройте оффиціальные списки (Англіи) 1861 г. и вы увидите, что число землевладѣльцевъ въ Англіи Уэльсѣ съ 16 934 въ 1851 г. упало до 15 066 въ 1861 г., такъ что концентрація землевладѣнія за 10 лѣтъ поднялась на 11%. *Если соединеніе землевладѣнія въ рукахъ немногихъ будетъ развиваться въ такомъ же отношеніи, то этимъ аграрный вопросъ весьма упростится*».

Къ такому упрощенію дѣло, однако, не дошло. Цѣлый рядъ обстоятельствъ, появившихся послѣ того, какъ написаны были эти строчки, прежде всего заатлантическая хлѣбная конкурренція и повальное бѣгство изъ деревни сельскихъ рабочихъ задерживаютъ концентрацію землевладѣнія равно какъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятій. Аграрный вопросъ вмѣсто того, чтобы упрощаться, становится все болѣе сложнымъ, превращается въ наиболѣе запутанный и трудный изъ вопросовъ, разрѣшить которые призвана соціаль-демократія.

Но вотъ, что думается намъ, можно утверждать съ увѣренностью. Какъ бы ни развивались аграрныя отношенія, сельское населеніе будетъ оказывать все меньшее вліяніе на общее соціальное развитіе уже потому, что оно относительно, а мѣстами и абсолютно, уменьшается въ числѣ. Это—необходимый процессъ не только въ промышленныхъ странахъ, производящихъ продукты промышленности на вывозъ и получающихъ за это, между прочимъ, съѣстные припасы и сырые матеріалы. Все промышленное развитіе стремится къ тому, чтобы отнимать у сельскаго хозяина одну функцію за другой и передавать ихъ товаро-производящей промышленности, и именно крупной. Оно прежде всего уничтожаетъ домашнюю промышленность крестьянъ, служащую собственному употребленію; онъ уже не прядетъ своего льна, ни своей шерсти, не приготовляетъ домашняго напитка изъ собственныхъ фруктовъ и т. д. Послѣ производства для собственнаго потребленія появляется производство на рынокъ; но и въ немъ начинается раздѣленіе занятій. Масло изъ молока его коровъ добывается уже не у него дома, а въ молочной; вино становится годнымъ для питья уже не въ погребѣ виноградаря, а въ погребѣ виноторговца. Наконецъ, промышленность развивается настолько, что начинаетъ даже производить или замѣнять сырые матеріалы, производимые раньше сельскимъ хозяиномъ.

Растительныя краски она замѣняетъ продуктами каменноугольной смолы, она сберегаетъ виноградъ и хмель въ приготовленіи вина и пива; поѣдающихъ овесъ лошадей она замѣняетъ велосипедами, автомобилями, электрическими дорогами и плугами и проч. и проч. Къ этому присоединяется и то, что въ агрикультурѣ находятъ себѣ примѣненіе машины, искусственное удобреніе, дренажъ и другія вспомогательныя средства, обязанныя своимъ происхожденіемъ промышленности. Часть, и притомъ все большая часть дѣйствовавшихъ въ сельскомъ хозяйствѣ силъ и производившихся въ сельскомъ хозяйствѣ продуктовъ начинаетъ приготовляться въ индустріи. Все это должно имѣть своимъ результатомъ все большее уменьшеніе сельско-хозяйственнаго населенія въ современныхъ странахъ.

Въ Германіи это имѣетъ мѣсто до такой степени, что, если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія всего общества, благодаря этому, нейтрализуются всѣ противодѣйствующіе концентраціи моменты.

Изъ каждыхъ 100 занятыхъ въ германской имперіи было:

	Самостоятельныхъ		Наемныхъ рабочихъ	
	1882	1895	1882	1895
Въ земледѣліи	27,78	30,98	72,22	69,02
» промышлен.	34,41	24,90	65,59	75,10
» торговлѣ	44,67	36,07	55,33	63,93
Всего .	32,03	28,94	67,97	71,06

Итакъ, несмотря на то, что въ сельскомъ хозяйствѣ число самостоятельныхъ сильно увеличилось, оно въ общемъ значительно уменьшилось, во-первыхъ, вслѣдствіе развивающаго въ торговлѣ и индустріи процесса концентраціи, а во-вторыхъ, вслѣдствіе абсолютнаго уменьшенія сельскаго населенія. Это послѣднее въ 1882 г. насчитывало еще 19 225 455 ч. въ томъ числѣ занятыхъ работой 8 236 496, а въ 1895 г. всего только 18 501 307, изъ нихъ занятыхъ работой 8 292 692. За тотъ же самый періодъ общее число населенія возрасло съ 45 200 000 на 51 800 000, число занятыхъ работой—съ 19 на 23 милліона. Сельско-хозяйственное населеніе въ 1882 г. составляло еще 42,5% всего населенія, въ 1895 г. всего только 35,7%, число занятыхъ работой въ сельскомъ хозяйствѣ—въ 1882 г. 43,4% всѣхъ работавшихъ, въ 1895 г. только 36,2%.

Сверхъ того, цифры, показывающія увеличенія числа самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, небезупречны, какъ это обнаруживается, если подробнѣе разобраться въ нихъ. Насчитывалось:

Лицъ, главное занятіе которыхъ было сельск. хозяйств. въ тѣсномъ смыслѣ этого слова	1882	1895	Увеличеніе или уменьшеніе
Самостоятельныхъ . . .	2 252 531	2 522 539	+270 008
Служащихъ	47 465	76 978	+ 29 513
Рабочихъ вообще . . .	5 763 970	5 445 924	—318 046
Изъ нихъ работающихъ въ сельскомъ хозяйствѣ член. семьи	1 934 615	1 898 867	— 35 748
Батраковъ и батрачекъ .	1 589 088	1 718 885	+129 797
Поденщик., имѣющ. землю	866 493	382 872	—483 621
Поденщиковъ, безъ земли	1 373 774	1 445 300	+ 71 534
Всего .	8 063 966	8 045 441	— 18 525

Въ этихъ цифрахъ бросается въ глаза громадное уменьшеніе числа поденщиковъ съ землей, которое за 13 лѣтъ будто бы уменьшилось гораздо болѣе, чѣмъ наполовину. Въ дѣйствительности же имперская статистика сама вынуждена признать, что это уменьшеніе, по крайней мѣрѣ, отчасти, является только кажущимся, основывающимся на томъ, что перепись 1895 г. производилась по нѣсколько иному методу, чѣмъ перепись 1882 г.

Въ 1882 г. подъ рубрикой а Т находились поденщики, занимавшіеся въ то же время самостоятельнымъ сельскимъ хозяйствомъ. Но при этомъ «не разбирали, были ли эти люди самостоятельны въ своемъ главномъ занятіи, а поденной работой занимались только попутно, или же, наоборотъ, они, главнымъ образомъ, были поденщиками, а самостоятельное сельское хозяйство было для нихъ второстепеннымъ дѣломъ». (Die berufliche etc. Gliederung des deutschen Volkes. Statistik des deutschen Reichs, N. F., Bd. 111, S. 58.) Въ переписи же 1895 г. оба эти элемента, напротивъ, строго различались, и, поэтому, цѣлый рядъ сельскихъ хозяевъ, въ 1882 г. вошедшихъ въ списокъ поденщиковъ, былъ причисленъ къ самостоятельнымъ. Поэтому «число самостоятельныхъ въ 1882 г. является сравнительно слишкомъ низкимъ» (op. cit., стр. 61.), но соотвѣтственно этому—и число наемныхъ рабочихъ слиш-

комъ высокимъ. Все это явленіе показываетъ, насколько въ деревнѣ сливается одна съ другой границы наемнаго труда и самостоятельнаго сельскаго хозяйства.

Въ настоящее время нельзя уже установить, насколько въ 1882 г. самостоятельные оказались слишкомъ слабыми, а рабочіе слишкомъ сильными, но разницу между переписью и дѣйствительностью можно считать довольно значительною, если принять въ соображеніе, что число батраковъ и поденщиковъ безъ земли съ 1882—1895 г. *увеличилось*, тогда какъ именно число поденщиковъ съ землей показываетъ такое рѣзкое измѣненіе. Если мы послѣднихъ, какъ въ 1882, такъ и въ 1895 г. причислимъ къ самостоятельнымъ, то для 1882 г. получимъ сумму въ 3 119 024, для 1895 г., напротивъ, 2 905 411, т. е., вмѣсто *увеличенія* на 270 008 *уменьшеніе* на 213 613; наоборотъ, сумма батраковъ и батрачекъ, не членовъ семьи, и поденщиковъ безъ земли составитъ въ 1882 г. 2 962 862, а въ 1895 г.—3 164 185, слѣдовательно, *увеличеніе* на 201 323.

Итакъ число *настоящихъ* пролетаріевъ *увеличилось*; напротивъ, число самостоятельныхъ совмѣстно съ лежащими между ними и пролетаріатомъ промежуточными слоями *уменьшается*, причемъ нельзя точно разобрать, совершается ли это уменьшеніе больше на счетъ первыхъ, чѣмъ на счетъ вторыхъ. Во всякомъ случаѣ, цифры эти указываютъ на *обостреніе соціальныхъ противорѣчій* и въ сельскомъ хозяйствѣ.

Но движеніе—болѣе медленное, отклоненія менѣе значительны, чѣмъ въ торговлѣ и индустріи.

Если мы перейдемъ къ статистикѣ хозяйствъ, то мы также увидимъ только незначительныя отклоненія въ отдѣльныхъ группахъ хозяйствъ, и къ тому же различныя въ различныхъ странахъ и даже областяхъ. Такъ, напр., площадь сельско-хозяйственно-обрабатываемой земли измѣнялась:

Въ Германіи отъ 1882—1895 г.

Группы	
менѣе 2 гект.	— 17 494 гек.
отъ 2— 5 »	— 95 781 »
» 5— 20 »	+ 563 477 »
» 20—100 »	— 38 333 »
болѣе 100 »	+ 45 533 »

Во Франціи отъ 1882—1895 г.

Группы	
менѣе 1 гект.	+ 243 420 гект.
отъ 1— 5 »	— 108 434 »
» 5—10 »	— 13 140 »
» 10—40 »	— 532 243 »
болѣе 40 »	+ 197 288 »

Въ Англіи отъ 1882—1895 г.

Группы				
1— 5	акровъ	(0,40— 2	гект.)	— 22,885 акр.
5— 20	»	2— 8	»	+ 10,880 »
20— 50	»	8— 20	»	+ 40,449 »
50—100	»	20— 40	»	+138,683 »
100—300	»	40—120	»	+217,429 »
300—500	»	120—200	»	—127,223 »
болѣе 500	»	болѣе 200	»	—226,807 »

Во Франціи, слѣдовательно, развитіе совершенно иное, чѣмъ въ Германіи и Англіи. Въ послѣднихъ двухъ странахъ увеличивается почва среднихъ хозяйствъ, во Франціи—мельчайшихъ, пролетарскихъ и крупныхъ, капиталистическихъ.

Въ самой Германіи тамъ, гдѣ крупное хозяйство преобладаетъ, мы замѣчаемъ тенденцію къ его упадку, а тамъ, гдѣ оно незначительно, тенденцію къ его развитію, т. е., въ Остъ-Эльбіи первую, въ Южной и Западной Германіи послѣднюю тенденцію.

Съ каждыхъ 100 гектаровъ сельско-хозяйственно обрабатываемой почвы соотвѣтствующей страны или области на долю хозяйствъ съ болѣе, чѣмъ 100 гектар. приходилось:

	1882	1895	
Восточная Пруссія	38,60	39,47	+0,87
Западная „	47,11	43,66	—3,45
Бранденбургъ	36,32	35,24	—1,08
Померанія	57,42	55,13	—2,29
Познань	55,37	52,19	—3,18
Силезія	34,41	33,86	—0,55
Мекленбургъ-Шверинъ . .	59,89	59,95	+0,06
Мекленбургъ-Стрелицъ . .	60,89	60,68	—0,21

Итакъ, исключая В. Пруссію и Мекленбургъ-Шверинъ, вездѣ уменьшеніе. Напротивъ въ:

	1882	1895	
Ганноверѣ	6,92	7,14	+0,22
Вестфаліи	4,77	5,30	+0,53
Гессенъ-Нассау	6,69	7,34	+0,65
Рейнландѣ	2,67	3,51	+0,84
Баваріи	2,26	2,57	+0,31
Вюртембергѣ	2,00	2,14	+0,14
Баденѣ	1,80	3,06	+1,26
Эльзасъ-Лотарингіи . . .	7,31	7,38	+0,07

Другія государства или совсѣмъ не показываютъ отклоненій или же слишкомъ незначительны для того, чтобы могли дать годные результаты. Замѣчательно то, что на югѣ и на западѣ повсюду плюсы. Гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство, тамъ мы находимъ, правда, слабую тенденцію къ развитію крупнаго хозяйства. Гдѣ господствуетъ крупное землевладѣніе, тамъ преобладаетъ тенденція къ уменьшенію *площади хозяйства*. Но это отнюдь не тожественно съ уменьшеніемъ хозяйства. Мы видимъ, что въ Остъ-Эльбіи въ настоящее время дѣйствуютъ двѣ тенденціи: во-первыхъ, тенденція къ интенсификаціи хозяйства, слѣдовательно, къ укрѣпленію его капиталистическаго характера. Но для интенсивнаго хозяйства многія остъ-эльбскія имѣнія слишкомъ велики, а поэтому у владѣльцевъ не хватаетъ капитала. Необходимыя деньги добываются и площадь имѣнія соотвѣтственно измѣняется, благодаря продажѣ мелкимъ крестьянамъ земель, далеко отстоящихъ отъ центральнаго пункта имѣнія.

Но то же самое развитіе средствъ сообщенія, которое подвергаетъ остъ-эльбское сельское хозяйство конкурренціи болѣе развитого и, благодаря этому вынуждаетъ его къ интенсификаціи хозяйства,—отнимаетъ у него наиболѣе необходимую для этого предпосылку—рабочихъ. Вотъ почему замѣчаются попытки привязать ихъ къ землѣ посредствомъ раздачи арендныхъ участковъ и т. п. мѣръ. Но поэтому же совершается и банкротство крупнаго хозяйства тамъ, гдѣ это не удается. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ парцелляцію крупнаго землевладѣнія. Слѣдовательно, именно развитіе къ современному капиталистическому хозяйству благопріятствуетъ въ Остъ-Эльбіи увеличенію числа мелкихъ хозяйствъ и ограничиваетъ площадь крупнаго хозяйства.

Ничто не указываетъ на то, что мы приближаемся къ гибели крупнаго хозяйства, но точно также ничто не говоритъ о томъ, что мы идемъ навстрѣчу поглощенію мелкихъ хозяйствъ. Ни въ одной изъ этихъ группъ площадь не увеличивается рѣшительно и безъ исключеній. Упадокъ въ одномъ мѣстѣ парализуется развитіемъ въ другомъ.

Если мы станемъ разсматривать одну только статистику площадей, то можетъ показаться, что сельское хозяйство совсѣмъ не развивается, что оно стоитъ на одномъ мѣстѣ. Но и оно развивается и къ тому же въ направленіи возрастающей зависимости отъ индустріи.

Идеалъ самостоятельнаго мелкаго хозяйства, хозяйства крестьянской семьи, безъ наемныхъ рабочихъ производящей все необходимое для ея потребленія—исчезъ; еще въ началѣ нашего столѣтія эта форма хозяйства была господствующей въ Европѣ, въ настоящее время она почти совсѣмъ исчезла.

Мѣсто крестьянина, соединявшаго въ своемъ лицѣ сельскаго хозяина и ремесленника, занимаетъ крестьянинъ, оставшійся только сельскимъ хозяиномъ, причемъ въ самомъ сельскомъ хозяйствѣ мы видимъ все большую спеціализацію товаровъ, производящихся для рынка отдѣльнымъ хозяйствомъ; крестьянинъ становится все въ большую зависимость отъ рынка, т. е., отъ общества, его трудъ все болѣе становится частью огромнаго общественнаго процесса труда, производящаго товары, процесса, которому задаетъ тонъ индустрія.

На мѣсто крестьянина, работавшаго только со своей семьей и для личнаго потребленія, выступаетъ, съ одной стороны крестьянинъ, ведущій хозяйство съ нанятыми рабочими, а, съ другой стороны,—парцельный крестьянинъ, хозяйство котораго представляетъ собою только придатокъ къ домашнему хозяйству, который денежный свой доходъ получаетъ отъ продажи своей рабочей силы, нанимаясь на работу въ сельскомъ или лѣсномъ хозяйствѣ, занимаясь работой въ разныхъ деревняхъ или домашней промышленностью, или-же, наконецъ, ставъ рабочимъ въ какомъ-либо изъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, все болѣе вторгающихся въ деревню. Такимъ образомъ, какъ парцельные, такъ и крупные крестьяне впадаютъ въ постоянно увеличивающуюся зависимость отъ индустріи. Это выясняется изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ среднія числа для имперіи, крупнѣйшихъ союзныхъ государствъ, равно какъ и для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ округовъ. Прежде всего первые: изъ 100 владѣльцевъ сельскихъ хозяйствъ главное занятіе составляло:

	Самостоятельное сельск. хозяйство у	Наемный трудъ у			
		Сельск. хозяйство у	Индустрія у	Прочій у	Всего у
Германская Имперія .	44,96	12,90	14,23	3,96	31,09
Пруссія	40,62	16,39	15,82	4,19	36,40
Баварія	64,79	5,19	6,02	2,20	13,41
Саксонія	38,54	4,63	19,34	4,56	28,53
Вюртембергъ . . .	59,53	3,53	7,80	2,32	13,65
Баденъ	59,80	3,69	10,38	3,21	17,28
Гессенъ	44,89	8,79	13,34	4.21	26,34
Эльзасъ-Лотарингія .	52,35	6,51	14,59	3,46	24,56

Затѣмъ нѣкоторые округа:

	Самостоятельное сельск. хозяйство у	Наемный трудъ у			
		Сельск. хозяйство у	Индустрія у	Прочій у	Всего у
Округъ Магдебургъ .	25,85	22,88	20,73	5,30	48,91
» Мерзебургъ .	29,13	17,73	24,79	4,07	46,59
» Эрфуртъ .	32,87	11,59	17,32	4,30	33,21
» Гильдесгеймъ	26,08	14,38	22,41	7,65	44,44
» Мюнстеръ .	44,40	5,67	20,51	3,70	29,88
» Арнсбергъ .	16,19	3,89	45,43	6,15	55,47
» Дюссельдорфъ	21,11	5,74	31,95	5,14	42,83

Внѣ Пруссіи мы находимъ въ Баваріи наибольшее число промышленныхъ наемныхъ рабочихъ, владѣющихъ земельными участками въ *Пфальцѣ* (14,11% всѣхъ владѣльцевъ противъ 47,57% самостоятельныхъ хозяевъ и 6,06% сельско-хозяйственныхъ рабочихъ); въ *Саксоніи*, въ округѣ Дрезденѣ (22,15% всѣхъ сельскихъ хозяйствъ находится въ рукахъ промышленныхъ рабочихъ противъ 34,51% самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ и 9,16% сельско-хозяйственныхъ рабочихъ); въ *Вюртембергѣ* въ некарскомъ округѣ (8,75% противъ 58,73% и 3,14%); въ *Баденѣ*, въ округѣ Карлсруэ (14,28% противъ 60,43% и 2,16%); въ *Гессенѣ*, въ провинціи Штаркенбургъ (19,20% противъ 37,69% и 8,41%). Замѣчательно, что въ маленькихъ государствахъ число промышленныхъ рабочихъ. владѣльцевъ земельныхъ участковъ, превышаетъ число самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ:

	Самостоятельн. хозяева	Промышленные рабочіе
Брауншвейгъ . . .	21,77%	25,82%
Ангальтъ	20,07 »	28,06 »
Рейсъ (старшей линіи) .	29,34 »	31,18 »
Шаумбургъ-Липпе . .	23,54 »	30,08 »
Липпе	31,96 »	36,36 »

Мы видимъ, насколько ошибочно считать крестьяниномъ всякаго владѣльца сельскаго хозяйства. Крестьяне не только составляютъ меньшинство сельскаго населенія, въ которомъ занятые работой распадаются на 31% самостоятельныхъ и 69% наемныхъ рабочихъ, они и не составляютъ большинства владѣльцевъ сельскихъ хозяйствъ въ имперіи (самостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ всего 45%); въ промышленныхъ странахъ число ихъ даже гораздо ниже числа наемныхъ промышленныхъ рабочихъ, владѣющихъ сельскими хозяйствами.

Изъ 5 558 317 сельскихъ хозяйствъ въ 1895 г. во владѣніи самостоятельныхъ хозяевъ находилось всего 2 499 130. Число самостоятельныхъ хозяевъ, имѣвшихъ еще побочное занятіе составляло 504 164. Слѣдовательно, колоссальнымъ преувеличеніемъ является то, что Бернштейнъ говоритъ, что *„свыше пяти милліоновъ“* сельскихъ хозяйствъ «частно-хозяйственнаго характера» останутся послѣ обобществленія всѣхъ хозяйствъ, болѣе чѣмъ съ 20 гектарами. Около *трехъ милліоновъ* сельскихъ хозяйствъ являются простыми придатками къ домашнему хозяйству, не служатъ или же не въ значительной степени служатъ товарному, а, слѣдовательно, и «частно-хозяйственному» производству. Соціализмъ означаетъ организацію *общественнаго* труда, а, слѣдовательно, и товарнаго производства. Организація частныхъ работъ домашняго хозяйства не является для него одной изъ ближайшихъ проблемъ. Столь же мало, какъ передъ «предпріятіями» зеленщицъ, парикмахеровъ, жарящихъ каштаны, соціализмъ остановится передъ грядками съ капустой и картофелемъ сельскихъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Но развѣ не остается все еще свыше двухъ милліоновъ хозяйствъ, которыя можно назвать крестьянскими? Однако и они впадаютъ все въ большую зависимость отъ крупнаго хозяйства, хотя и инымъ путемъ, чѣмъ парцельные крестьяне.

Одно изъ наиболѣе бросающихся въ глаза явленій современнаго экономическаго развитія—это паденіе ренты, часто даже паденіе сельско-хозяйственной прибыли, рентабельности сельскаго хозяйства. Тѣмъ настоятельнѣе становится для сельско-хозяйственнаго предпринимателя необходимость покрывать дефициты при помощи болѣе прибыльнаго занятія, и таковое онъ находитъ въ *промышленности*, въ сельско-хозяйственной промышленности, которой онъ доставляетъ въ качествѣ сырого матеріала продукты своего сельскаго хозяйства.

Въ этомъ же направленіи гонитъ его еще одинъ моментъ —растущая нужда въ людяхъ. Сельское хозяйство теряетъ силу привязывать своихъ рабочихъ къ землѣ, а индустрія предлагаетъ имъ болѣе высокое культурное существованіе, чѣмъ первое. Только введеніе индустріи въ состояніи удержать рабочихъ въ деревнѣ.

Соединеніе сельскаго хозяйства съ индустріей становится для перваго все болѣе вопросомъ жизни. Это начинается въ крупномъ хозяйствѣ, а затѣмъ и болѣе мелкія хозяйства начинаютъ стремиться при помощи товариществъ воспользоваться выгодами этой новой формы хозяйства.

Но индустрія, какъ болѣе прибыльная, болѣе современная форма призводства, оказывается въ этомъ соединеніи болѣе сильнымъ факторомъ, сельское хозяйство становится все въ большую отъ него зависимость, а такъ какъ въ сельскохозяйственной промышленности господствуетъ та же тенденція къ концентраціи, что и во всякой другой, то такимъ путемъ и сельское хозяйство вступаетъ въ сферу той же тенденціи.

Изъ статистики площадей хозяйствъ этого, конечно, увидѣть нельзя. Подобно тому, какъ она не дѣлаетъ различія между капиталистически эксплуатируемымъ кустаремъ и самостоятельнымъ ремесленникомъ, работающимъ на заказчика, она точно также не позволяетъ узнать, является ли крестьянское хозяйство еще вполнѣ самостоятельнымъ или же оно скорѣе составляетъ часть крупнаго общественнаго хозяйства. Несмотря на это, тенденція къ растущей зависимости сельскихъ хозяйствъ отъ промышленныхъ столь сильна и столь очевидна, что она уже не нуждается даже въ доказательствѣ.

Если за вычетомъ несамостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ число сельскихъ хозяйствъ, которымъ въ соціалистическомъ обществѣ пришлось бы продолжать «частно-хозяйственное» производство, свелось съ пяти на два милліона, то число послѣднихъ опять значительно понизится, если вычесть всѣхъ, попавшихъ въ зависимость отъ индустріальнаго хозяйства. Если обобществятъ всѣ 400 сахарныхъ заводовъ, то этимъ приведутъ въ полнѣйшую экономическую зависимость отъ государственнаго хозяйства и тѣ 113 224 хозяйства, которыя обрабатываютъ сахарную свекловицу. Въ товарищескихъ и совмѣстныхъ молочныхъ участвуетъ 148 082 хозяйства. Сколько производителей молока, овощей, фруктовъ является въ настоящее время только детальными рабочими крупныхъ консервныхъ фабрикъ и т. д. Наряду съ этимъ слѣдуетъ принять въ разсчетъ и тѣ сельскія хозяйства, которыя не находятся въ прямой связи съ опредѣленнымъ *промышленнымъ заведеніемъ*, но въ существѣ своемъ зависятъ отъ опредѣленной *отрасли промышленности*. Если послѣднія созрѣли для обобществленія, то и первыя, если не юридически, то фактически должны послѣдовать за ними. Въ странахъ съ табачной монополіей, правда, только табачныя фабрики являются крупными хозяйствами, но мелкіе плантаторы не «хозяева въ собственномъ домѣ», но вполнѣ подчинены, при обработкѣ и реализаціи своего продукта, государственнымъ чиновникамъ. Въ Германіи табачная монополія отвлекала бы отъ «частнаго хозяйства» свыше 150 000 табачныхъ плантаторовъ.

Ко всему этому присоединяется еще одинъ моментъ. Капиталистическая форма производства имѣетъ тенденцію отдѣлять землевладѣніе отъ сельскаго хозяйства такимъ образомъ, что землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ становятся двумя различными лицами. Это бросается въ глаза при арендной системѣ, но фактически то же самое достигается и при помощи ипотечной системы. Функціи ипотечнаго кредитора соотвѣтствуютъ функціямъ землевладѣльца при арендной системѣ; какъ здѣсь, такъ и тамъ онѣ одинаково просты: прикарманиваніе земельной ренты безъ всякаго вмѣшательства въ процессъ производства. Чѣмъ больше развивается арендная система и ипотечная задолженность, тѣмъ многочисленнѣе становится число сельскихъ хозяевъ, уже не заинтересованныхъ въ сохраненіи частной собственности на землю, но, наоборотъ, по крайней мѣрѣ, при такомъ государственномъ строѣ, гдѣ они могутъ быть услышаны, заинтересованы въ обобществленіи въ первомъ случаѣ земельной собственности, во второмъ—ипотечныхъ долговъ, что, однако, еще не составляетъ соціализма въ сельскомъ хозяйствѣ, но въ демократическомъ государствѣ является уже значительнымъ шагомъ къ нему.

Пока достойно вниманія то, что арендная система увеличивается. Въ 1895 г. въ германской имперіи насчитывалось хозяйствъ:

	Съ одной только арендован. землей	Съ одной только аренд. землей или съ частью арендован. земли	Съ одной только собствен. землей
1882 г.	829 137	2 322 899	2 953 445
1895 г.	912 959	2 607 210	2 951 107
Увелич. или уменьш.	+ 83 822	+ 284 311	— 2 338
Изъ каждыхъ 100 хозяйст. приход. на долю отдѣльн. категорій:			
1882 г.	15,7	44,02	55,98
1895 г.	16,4	46,91	53,09
Увелич. или уменьш.	+ 0,7	+ 2,89	— 2,89

Извѣстно, что ипотечная задолженность имѣній растетъ. Для избѣжанія недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что задолженность не знаменуетъ собой необходимо упадка сельскаго хозяйства. Подобно тому, какъ увеличеніе земельной аренды происходитъ отъ повышенія земельной ренты, точно такъ же и эта задолженность можетъ быть слѣдствіемъ развитія сельскаго хозяйства. Но, во всякомъ

случаѣ, ростъ ипотечныхъ долговъ доказываетъ, что процессъ отдѣленія сельскаго хозяйства отъ землевладѣнія, независимость (Verselbständigung) земельной ренты развивается все больше, а интересъ сельскаго хозяина къ сохраненію частной земельной собственности уменьшается. Если за 10 лѣтъ (1886—1895 г.) въ Пруссіи сельскія владѣнія вновь задолжали $1^1/_2$ *милліарда* марокъ, то фактически за тотъ же періодъ земельная собственность равной стоимости перешла отъ сельскихъ хозяевъ къ ипотечнымъ кредиторамъ.

Но одновременно съ этимъ, и къ тому же гораздо быстрѣе, чѣмъ концентрація площадей отдѣльныхъ хозяйствъ, совершается концентрація ипотечныхъ долговъ въ рукахъ нѣсколькихъ банковъ, сберегательныхъ кассъ и т. п.

Этотъ процессъ концентраціи безспорно совершается. Конечно, указывали на то, что ипотечные банки не являются настоящими кредиторами сельскихъ хозяевъ, а только посредниками между ними и отдѣльными капиталистами, покупающими закладныя. Это, конечно, составляетъ большую разницу для капиталистовъ, но не для сельскихъ хозяевъ. Послѣдніе имѣютъ дѣло съ банкомъ, а не съ владѣльцами закладныхъ. Банкъ отнимаетъ у нихъ прибавочную цѣнность, налагаетъ арестъ на ихъ имѣнія, если они не могутъ уплатить процентовъ. Вмѣсто сложныхъ и безконечно варьирующихъ личныхъ отношеній сотенъ тысячъ крестьянъ къ сотнямъ тысячъ сельскихъ ростовщиковъ, мы имѣемъ формальное отношеніе первыхъ къ немногимъ бюрократическимъ центральнымъ учрежденіямъ, которыя уже теперь находятся подъ вліяніемъ и контролемъ государства, обобществленіе которыхъ представляется технически весьма простымъ дѣломъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что процессъ концентраціи капитала не остается безъ дѣла и въ деревнѣ. Разумѣется, ожиданія, выраженныя Марксомъ при основаніи «Интернаціонала», не исполнились. Упрощеніе аграрнаго вопроса, посредствомъ концентраціи въ немногихъ рукахъ всей земельной площади, не имѣла мѣста. Однако концентрація капитала вліяетъ на включеніе сельскаго хозяйства въ общественный процессъ производства, посредствомъ превращенія мелкихъ крестьянъ въ наемныхъ рабочихъ, посредствомъ растущаго соединенія сельскаго хозяйства съ индустріей, посредствомъ роста арендной системы и ипотечныхъ долговъ, которые все болѣе централизуются въ крупныхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

Такой *простоты* и ясности отношенiй, какъ въ индустрiи, мы, разумѣется, никогда не добьемся въ сельскомъ хозяйствѣ. Безчисленныя тенденцiи и имъ противоположныя тенденцiи дѣйствуютъ здѣсь, взаимно переплетаясь, классовыя отношенiя неясны, особенно тамъ, гдѣ арендная система мало развита, гдѣ масса предпринимателей, а часто и наемные рабочiе еще принимаютъ участiе въ земельной собственности. Смѣна временъ года часто приноситъ съ собой измѣненiе классовыхъ отношенiй. Одинъ и тотъ же сельскiй житель въ одномъ мѣсяцѣ можетъ быть предпринимателемъ, а въ слѣдующемъ — наемнымъ рабочимъ; если къ этому прибавить еще мѣстную изолированность и ея слѣдствiе—мѣстное различiе сельскихъ отношенiй, то можно понять, какъ трудно сельскому пролетарiату достигнуть яснаго классового сознанiя.

Насчетъ трудности агитацiи въ деревнѣ и установленiя ея теоретическихъ основъ, мы не должны обманываться. Но тѣмъ не менѣе твердо установлено, что концентрацiя капитала не останавливается передъ деревней и что она, хотя и окольными путями дѣйствуетъ въ области сельскаго хозяйства въ томъ же направленiи, что и въ индустрiи.

Но если не вполнѣ исполнились тѣ ожиданiя, которыя Марксъ возлагалъ на концентрацiю землевладѣнiя, то тѣмъ блестящѣе исполнились тѣ, которыя онъ высказалъ насчетъ всего современнаго процесса производства. «Капиталисты-магнаты», которые «узурпируютъ и монополизируютъ» всѣ выгоды капиталистическаго «процесса превращенiя», короткое время спустя послѣ того, какъ Марксъ написалъ это предложенiе стали дѣйствительностью и все болѣе становятся дѣйствительностью, благодаря завершенiю концентрацiи капитала въ формѣ *картелей* и *трестовъ*.

Эти образованiя являются исключительно созданiями нашего времени. Попытки монополизировать торговлю, исключить изъ нея конкурренцiю посредствомъ изгнанiя конкуррентовъ, закупкой всѣхъ товаровъ начинается уже въ первоначальной стадiи товарной торговли. Въ эпоху реформацiи жалобы на это встрѣчаются на каждомъ шагу. Но уничтоженiе конкурренцiи въ *производствѣ*, монополизацiя, посредствомъ соединенiя всѣхъ хозяйствъ въ единственной организацiи, цѣлыхъ отраслей промышленности—отраслей промышленности не маленькаго города, а крупнаго государства, даже всего мiра; отраслей промышленности, производящихъ не рѣдкiе предметы роскоши, а продукты для ежедневнаго потребленiя

крупныхъ массъ,—эта монополизація представляется явленіемъ, пріобрѣвшимъ экономическое значеніе только послѣ смерти Маркса (1883 г.), но съ тѣхъ поръ начавшимъ развиваться такимъ образомъ, что все болѣе подчиняетъ своему господству всю экономическую и даже политическую жизнь капиталистическихъ націй.

Намъ еще придется говорить о картеляхъ и трестахъ при теоріи кризисовъ, а поэтому здѣсь достаточно простого указанія на нихъ.

Высшій финансовый міръ съ самаго своего появленія поставилъ въ зависимость отъ себя правительство, благодаря государственнымъ долгамъ. Но современные финансовые короли при помощи картелей и трестовъ непосредственно владычествуютъ надъ націями, подчиняютъ себѣ все производство. Именно союзы производителей необходимыхъ матеріаловъ всякой крупной промышленности, угля и желѣза, все болѣе опредѣляютъ внутреннюю и внѣшнюю политику и всю экономическую жизнь.

Борьба противъ нѣкоторыхъ картелей въ свою очередь вызываетъ къ жизни новыя картели индустрій, находящихся въ зависимости отъ первыхъ; эта же борьба вынуждаетъ къ соединенію хозяйствъ разнаго рода въ единственное гигантское хозяйство. Такъ, въ Германіи мы видимъ борьбу между угольнымъ синдикатомъ, сильно подымающимъ цѣны на уголь, и желѣзодѣлательными промышленниками, которымъ это повышеніе цѣнъ не нравится. Крупные желѣзодѣлательные и сталелитейные заводы, въ то время, какъ это пишется, пытаются освободиться изъ подъ господства угольной картели тѣмъ, что сами соединяются. Но картель желѣзодѣлателей поступаетъ точно такъ же, какъ и угольный синдикатъ и точно такъ же, насколько возможно, повышаетъ цѣны своихъ продуктовъ. Въ Австріи желѣзная картель ведетъ къ гибели всѣ индустріи, потребляющія желѣзо въ значительныхъ размѣрахъ. Дѣло, можетъ быть, кончится соединеніемъ всѣхъ потребителей желѣза, которые сообща станутъ пріобрѣтать желѣзодѣлательные заводы и руководить ими. Извѣстно, что гигантскія хозяйства, въ родѣ желѣзныхъ дорогъ, уже давно имѣютъ свои собственныя угольныя копи и заводы, приготовляющіе локомотивы.

Картелизація однородныхъ хозяйствъ или ихъ превращеніе въ тресты съ одной стороны, а съ другой стороны—соединіе въ однѣхъ рукахъ многихъ разнородныхъ хозяйствъ,—таковы явленія, наиболѣе характеризующія нашу теперешнюю

экономическую жизнь. Эти соединенія совершаются все съ большей быстротой; врядъ ли проходитъ одинъ день въ періодъ экономическаго подъема, который не могъ бы намъ сообщить о новой картели. Сельско-хозяйственныя индустріи тоже не остаются въ долгу; къ спиртному тресту присоединяется сахарная картель; поговариваютъ уже и о масляной картели крупныхъ маслобоенъ.

Все это, врядъ ли насчитывающее два десятилѣтія, развитіе, стало возможнымъ только благодаря концентраціи капитала, которой оно въ свою очередь въ сильнѣшей мѣрѣ способствуетъ. Что марксова теорія концентраціи правильна не только съ одной стороны, но и со всѣхъ сторонъ, что она даетъ намъ вполнѣ вѣрную картину капиталистической дѣйствительности,—это лучше всего доказываютъ картели и тресты. Но Бернштейнъ, который при своей критикѣ теоріи концентраціи не упускаетъ изъ виду ни мельчайшей грядки съ капустой, ни самой маленькой швеи, совершенно умалчиваетъ о союзахъ предпринимателей, о могущественномъ явленіи, вызванномъ экономической жизнью послѣ смерти Маркса и помимо аграрнаго кризиса, о союзахъ, изученіе которыхъ необходимо для всякаго, поставившаго себѣ задачей дальнѣйшее развитіе марксовой экономіи.

Тамъ, гдѣ картели говорятъ *за* Маркса, онъ ихъ игнорируетъ. Онъ вспоминаетъ о нихъ только тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, онѣ говорятъ *противъ* Маркса — при разсмотрѣніи теоріи кризисовъ.

c) Увеличеніе числа собственниковъ.

Бернштейнъ не далъ намъ ничего, что могло бы заставить насъ отказаться отъ марксовой теоріи прогрессирующей концентраціи капитала. Промышленная перепись, равно какъ и возникновеніе картелей и трестовъ, подтверждаютъ ее самымъ блестящимъ образомъ, а сельско-хозяйственное развитіе оказывается вполнѣ соединимымъ съ нею.

Но прогрессивная концентрація капитала—это значитъ прогрессивное уменьшеніе (по крайней мѣрѣ, относительное) мелкихъ предпріятій, увеличеніе числа крупныхъ предпріятій, т. е., увеличеніе числа пролетаріевъ, а также—до извѣстной стадіи—и капиталистовъ, но болѣе сильное уменьшеніе числа мелкихъ предпринимателей, а слѣдовательно увеличеніе числа неимущихъ, уменьшеніе числа собственниковъ.

Это допущеніе Бернштейнъ называетъ ложнымъ. Въ своемъ заявленіи штуттгартскому партейтагу онъ писалъ:

«Обостреніе общественныхъ отношеній совершалось не такъ, какъ его изображаетъ «Манифестъ». *Скрывать это отъ себя не только безполезно, но и въ высшей степени глупо.* Число собственниковъ не уменьшилось, а увеличилось. Громадное увеличеніе общественнаго богатства сопровождается не съеживающимся числомъ капиталистовъ-магнатовъ, но растущимъ числомъ капиталистовъ всѣхъ степеней. Средніе слои измѣняютъ свой характеръ, но они не исчезаютъ изъ общественной лѣстницы».

Эти утвержденія онъ съ особенной рѣзкостью повторяетъ въ своей брошюрѣ:

«Предположеніе, что современное развитіе свидѣтельствуетъ объ относительномъ или даже абсолютномъ уменьшеніи числа собственниковъ—совершенно невѣрно. Число собственниковъ растетъ не «болѣе или менѣе», но прямо-таки все *болѣе, т. е., абсолютно и относительно.* Если бы дѣятельность и надежды соціаль-демократіи зависѣли отъ того, что число собственниковъ уменьшается, то она на самомъ дѣлѣ могла бы «уснуть». Но въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное. Надежды соціализма связаны не съ уменьшеніемъ, а съ увеличеніемъ общественнаго богатства. Соціализмъ или соціалистическое движеніе новаго времени пережило уже много предразсудковъ, переживетъ оно и тотъ, будто его будущность зависитъ отъ концентраціи владѣній или, если хотите, отъ поглощенія прибавочной стоимости постоянно уменьшающейся группой капиталистическихъ мамонтовъ» (страница 50—51).

А на стр. 178 говорится:

«Что число собственниковъ не уменьшается, а увеличивается — это не открытіе, сдѣланное буржуазными экономистами-гармонистами, а фактъ, констатированный податными учрежденіями, нерѣдко къ величайшему огорченію заинтересованныхъ лицъ, фактъ, *въ которомъ теперь нельзя уже сомнѣваться.* Но какое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для побѣды соціализма? Почему осуществленіе соціализма должно зависѣть отъ подтвержденія или опроверженія этого факта? Да просто потому, что діалектическая схема, повидимому, предписываетъ это».

Эти утвержденія по своей ясности, какъ кажется, не оставляютъ желать ничего большаго. А все-таки, какъ только пожелаютъ ихъ провѣрить, сейчасъ же натыкаются на не-

ясность. Бернштейнъ говоритъ о собственникахъ. Кто они такіе? Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» не далъ намъ никакой теоріи объ уменьшеніи или увеличеніи числа «собственниковъ». Послѣдніе вообще не представляютъ собой особаго класса. Если всякій, кто чѣмъ-либо обладаетъ, является «собственникомъ», тогда, значитъ, и всѣ наемные рабочіе тоже собственники. Есть вѣдь у нихъ платье и бѣлье, очень часто и мебель, а иногда и домикъ съ картофельнымъ полемъ.

Ни въ «Капиталѣ», ни въ «Манифестѣ» мы не находимъ утвержденія объ уменьшеніи числа собственниковъ. Но тамъ подчеркивается увеличеніе числа пролетаріевъ, т. е., «класса современныхъ рабочихъ, живущихъ лишь до тѣхъ поръ, покуда они находятъ работу, и находящихъ работу лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ работа увеличиваетъ капиталъ». Если ихъ классовая борьба окончится побѣдой, то она необходимо должна закончиться соціализмомъ. Но какъ же можетъ эта борьба повести къ побѣдѣ, если число пролетаріевъ не увеличивается абсолютно и относительно? Если Бернштейнъ утверждаетъ, что число собственниковъ увеличивается, а не уменьшается, то это нѣсколько неопредѣленное выраженіе скорѣе всего можно было считать тожественнымъ съ утвержденіемъ, что пролетаріатъ относительно уменьшается. Но тогда откуда же его надежда на побѣду соціализма? Необходимо вспомнить, что Бернштейнъ въ главѣ о матеріалистическомъ пониманіи исторіи подчеркиваетъ то обстоятельство, что этическіе факторы въ современномъ обществѣ получили «большую сферу для самостоятельнаго дѣйствія, чѣмъ это было прежде» (стр. 11). Можно было бы поэтому допустить, что Бернштейнъ ожидаетъ побѣды соціализма отъ этой самостоятельной, ни отъ какихъ экономическихъ условій независимой, этики, а не отъ классовой борьбы пролетаріата. Таково и было мое мнѣніе, и я еще больше укрѣпился въ немъ, благодаря его (упомянутымъ выше) разсужденіямъ въ «Vorwärts'ѣ, въ которыхъ онъ считаетъ невозможнымъ и ненужнымъ дать соціализму матеріалистическое обоснованіе и гдѣ онъ указываетъ намъ на правовое сознаніе «людей», какъ на оружіе побѣды соціализма.

«Именно потому, что я считаю силу правосознанія движущимъ факторомъ общественнаго развитія», говоритъ онъ тамъ, «я не переношу центра тяжести на такіе вопросы, какъ уменьшеніе или увеличеніе числа собственниковъ, какъ это дѣлаютъ и къ тому же вынуждены дѣлать тѣ, которые крѣпко

держатся за положеніе объ «имманентной» экономической необходимости».

А за мое допущеніе, что Бернштейнъ, предсказывая побѣду соціализма вопреки увеличенію числа собственниковъ, ожидаетъ ее не только отъ правосознанія неимущихъ, но и собственниковъ — за это допущеніе мнѣ хорошо достается. «Грубое непониманіе» — это самое меньшее, въ чемъ меня упрекаетъ Бернштейнъ:

«Какого бы невысокаго мнѣнія онъ (Каутскій) ни былъ о моихъ умственныхъ способностяхъ, однакожъ и онъ не припишетъ мнѣ такой нелѣпости, будто я ожидаю побѣды соціализма отъ правосознанія теперешнихъ собственниковъ. Ибо правосознаніе—это сознаніе того, что право на моей сторонѣ... Я только считаю невозможнымъ и ненужнымъ выводить соціализмъ исключительно изъ экономіи. Концентрація средствъ производства сама по себѣ еще не ведетъ непремѣнно къ соціализму; еще не доказано, что она несоединима и съ другими общественными формами. Соціализмъ становится необходимымъ только тогда, когда къ этой концентраціи и проч. присоединяется сознательное стремленіе класса *несобственниковъ* отнять изъ частныхъ рукъ концентрированныя средства производства и, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, принять участіе въ общественномъ веденіи производства».

Итакъ, Бернштейну нельзя приписывать «нелѣпости», будто онъ отъ правосознанія *собственниковъ* ожидаетъ наступленія соціализма; эта побѣда будетъ результатомъ концентраціи средствъ производства и (между прочимъ) сознательнаго стремленія класса *несобственниковъ*. Но по словамъ того же Бернштейна только «діалектическая схема» ставитъ побѣду соціализма въ зависимость отъ увеличенія «класса несобственниковъ», т. е., отъ уменьшенія числа собственниковъ. Въ настоящее время несобственники еще слишкомъ слабы для того, чтобы ввести соціализмъ. Собственники же, по мнѣнію Бернштейна, съ каждымъ днемъ усиливаются. Отъ ихъ правосознанія ничего нельзя ожидать, а все-таки побѣда соціализма несомнѣнна. Какимъ образомъ? Почему? Объ этомъ мы теперь знаемъ меньше, чѣмъ когда бы то ни было.

Столь же мало разъяснила намъ дискуссія съ Бернштейномъ, что̀ онъ понимаетъ подъ «собственниками». Я ему указалъ на цифры переписи занятій. Съ тѣхъ поръ въ германской имперіи число самостоятельныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, индустріи и торговлѣ понизилось съ 32% до 29% всѣхъ занятыхъ; число наемныхъ рабочихъ и служащихъ, напротивъ,

повысилось съ 68°/o до 71°/o. Это несомнѣнно увеличеніе массы пролетаріата. На это Бернштейнъ возразилъ въ «Vorwärts'ѣ», 26 марта:

«Вѣрно то, что въ прогрессивныхъ странахъ число наемныхъ рабочихъ растетъ въ настоящее время быстрѣе всего населенія. Но мнѣ никогда не приходило въ голову оспаривать это. Каутскій въ моихъ положеніяхъ вычитываетъ вещи, которыхъ тамъ совсѣмъ не имѣется».

Это, разумѣется, очень скверная привычка съ моей стороны, но я боюсь, что не такъ то легко я отъ нея избавлюсь, покуда Бернштейнъ оставляетъ насъ въ такомъ туманѣ касательно употребляемыхъ имъ терминовъ.

Въ своемъ штуттгартскомъ заявленіи онъ говоритъ, то о «собственникахъ», то о «капиталистахъ». Въ «Vorwärts'ѣ» (21 апрѣля) онъ заявляетъ, что слово «собственники» обыкновенно употребляется имъ въ смыслѣ людей, «получающихъ въ силу своей собственности болѣе высокій доходъ». Слѣдовательно, это капиталисты и крупные землевладѣльцы. Что число послѣднихъ увеличивается, этого даже самъ Бернштейнъ не утверждаетъ. А что число *капиталистовъ* увеличивается, этого не отрицали и Марксъ съ Энгельсомъ. Это увеличеніе является самоочевиднымъ слѣдствіемъ распространенія капиталистической формы производства. Число крупныхъ заведеній (болѣе, чѣмъ съ 50-ью занятыми лицами) за періодъ времени отъ 1882 до 1895 г. возрасло съ 9 974 до 18 995, т. е., на 90°/o. Если капиталистическое населеніе росло въ той же пропорціи, чего, однако, установить нельзя, то оно за 13 лѣтъ почти *удвоилось*.

Такимъ образомъ, если бы Бернштейнъ утверждалъ только, что число капиталистовъ, «получающихъ въ силу своей собственности болѣе высокій доходъ», увеличивается, то онъ былъ бы вполнѣ правъ. Но въ то же время и пролетарское населеніе сильно возрасло, сильнѣе, чѣмъ все населеніе въ цѣломъ. Уже изъ одного этого можно заключить—и ниже это еще болѣе подтвердится,— что увеличеніе числа капиталистовъ происходитъ не на счетъ пролетаріата, а на счетъ прочихъ слоевъ населенія, т. е., мелкой буржуазіи и крестьянства.

Ничего иного не утверждаетъ и Коммунистическій Манифестъ. Но это именно и есть то обостреніе классовыхъ отношеній, которое отрицается Бернштейномъ. Слѣдовательно, онъ не отожествляетъ прямо «собственниковъ» съ капиталистами.

На 50-ой стр. своей книги Бернштейнъ замѣчаетъ также:

«Само собою разумѣется, не всѣ получающіе болѣе высокій доходъ являются «собственниками», но насколько эти понятія тожественны видно изъ того, что въ 1895/96 г. въ Пруссіи 1 552 332 плательщика, каждый съ окладнымъ *имуществомъ* стоимостью свыше 6 000 марокъ, были привлечены къ уплатѣ дополнительнаго налога. Изъ нихъ болѣе половины, а именно 598 063 платили каждый съ чистаго имущества стоимостью болѣе, чѣмъ въ 20 000 мар., а 385 000—съ имущества болѣе, чѣмъ въ 32 000 марокъ».

Въ «Vorwärts'ѣ» Бернштейнъ, какъ выше указано, говоритъ, что онъ подъ «собственниками» въ своей книгѣ «обыкновенно» понимаетъ людей, «получающихъ въ силу своей собственности *болѣе высокій* доходъ». Разумѣется, никто не согласится, что «въ силу» собственности въ 6000 марокъ, и даже въ 32000 марокъ получаютъ «болѣе высокій доходъ». Здѣсь Бернштейнъ понимаетъ подъ «собственниками» не людей, въ силу своей собственности получающихъ болѣе высокій доходъ, здѣсь онъ причисляетъ къ собственникамъ наряду съ капиталистами и средніе слои, мелкую буржуазію. Соотвѣтственно этому онъ на стр. 52 и говоритъ:

«Если бы рабочій классъ захотѣлъ ждать, пока капиталъ сживетъ со свѣта *средніе классы,* онъ могъ бы на самомъ дѣлѣ еще долго не просыпаться. Капиталъ экспропріировалъ бы эти классы въ одной формѣ, а затѣмъ производилъ бы ихъ на свѣтъ въ другой».

А на стр. 65:

«Скала доходовъ и скала хозяйствъ при своемъ расчлененіи обнаруживаютъ довольно ясно выраженный параллелизмъ, въ особенности, поскольку дѣло касается *среднихъ частей. Нигдѣ мы не видимъ, чтобы онѣ уменьшались, напротивъ, почти повсюду онѣ значительно расширяются.* Что у нихъ отнимается сверху, то онѣ дополняютъ снизу путемъ прироста, а что снизу выпадаетъ изъ ихъ рядовъ, то онѣ возмѣщаютъ сверху. Если крушеніе современнаго общества зависитъ отъ исчезновенія *среднихъ членовъ* между вершиной и основаніемъ соціальной пирамиды, если оно обусловливается поглощеніемъ этихъ среднихъ членовъ крайними сверху и снизу,— то это крушеніе въ Англіи, Германіи, Франціи въ настоящее время не ближе къ своему осуществленію, чѣмъ въ любую изъ болѣе раннихъ эпохъ XIX столѣтія».

Это положеніе, какъ хотите, противорѣчитъ Коммунистическому Манифесту, въ которомъ сказано: «Все общество

раскалывается все болѣе на два огромныхъ враждебныхъ лагеря, на два крупныхъ, прямо другъ противъ друга стоящихъ, класса: буржуазію и пролетаріатъ». Но это положеніе несоединимо и съ отожествленіемъ собственниковъ съ капиталистами, если послѣдніе одновременно съ пролетаріями увеличиваются въ числѣ. Ибо подобное увеличеніе въ числѣ можетъ происходить только на счетъ среднихъ членовъ, слѣдовательно, путемъ, указаннымъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ.

Г-нъ Оппенгеймеръ пытается придти на помощь Бернштейну въ «Socialistische Monatshefte» и заявляетъ, что слѣдуетъ строго различать область производства отъ области распредѣленія. Число несамостоятельныхъ наемныхъ рабочихъ увеличивается, но они все болѣе перестаютъ быть угнетенными несобственниками. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать выраженіе Бернштейна объ увеличеніи числа собственниковъ. «Что развитіе обѣихъ этихъ областей идетъ вполнѣ параллельно—это стало *догмой*; и теперь, когда Бернштейнъ, основываясь на колоссальномъ цифровомъ матеріалѣ, отрицаетъ этотъ параллелизмъ—а это центральный пунктъ его теоретико-экономическихъ разсужденій—ему въ качествѣ доказательства представляютъ эту же самую опровергнутую догму».

Вотъ вамъ третье толкованіе увеличенія числа собственниковъ. Самъ Бернштейнъ мѣстами отожествляетъ послѣднихъ съ капиталистами; другія мѣста его брошюры указываютъ на то, что онъ подъ ними понимаетъ средніе слои; наконецъ Оппенгеймеръ находитъ, что здѣсь имѣется въ виду увеличеніе *благосостоянія наемныхъ рабочихъ*. Называть повышеніе заработной платы увеличеніемъ числа собственниковъ, это, какъ хотите, нѣсколько оригинально. Бернштейнъ разъ даже ясно говоритъ, что не всѣ получающіе *болѣе высокій доходъ* являются собственниками, но, однако, мы не скажемъ, чтобы кое-какія мѣста изъ бернштейновой брошюры нельзя было толковать въ оппейнгеймеровскомъ смыслѣ.

Мы не можемъ опредѣленно высказаться ни за одно, ни за другое толкованіе, такъ какъ мы увѣрены, что за какое бы мы ни высказались, Бернштейнъ насъ всегда станетъ упрекать въ грубомъ непониманіи и искаженіи его взглядовъ. Но намъ именно и кажется, что Бернштейнъ подъ увеличеніемъ числа собственниковъ въ разныхъ мѣстахъ понимаетъ разное. Это дѣлаетъ критику его положенія и нелегкой и непріятной. Но тѣмъ не менѣе, мы должны за нее взяться. Справедливо подчеркиваетъ Оппенгеймеръ, что это положеніе, како-

во бы ни было его значеніе, «составляетъ центральный пунктъ его теоретико-экономическихъ разсужденій»; какъ разъ это положеніе, несмотря на его неясность, чаще всего выдвигается нашими противниками противъ насъ; мы должны, поэтому, выяснить себѣ, какую позицію намъ слѣдуетъ занять по отношенію къ нему.

Согласно Оппенгеймеру, оно пріобрѣтено «на основѣ *колоссальнаго цифрового матеріала*», а посему матеріалъ этотъ долженъ намъ дать точку опоры для его критики.

Подлинное счастье, что Бернштейнъ сумѣлъ этотъ «колоссальный матеріалъ» привести на двухъ неполныхъ печатныхъ страницахъ. Тутъ мы имѣемъ съ одной стороны цифры прусскаго дополнительнаго налога отъ 1895/96 г. Эти цифры *единственныя*, съ чѣмъ соглашается и самъ Бернштейнъ, имѣющія значеніе переписи собственниковъ. Но онѣ уже потому не могутъ свидѣтельствовать ни объ уменьшеніи, ни объ увеличеніи, что относятся только къ одному году. Дополнительный налогъ введенъ еще слишкомъ недавно для того, чтобы изъ сравненія разныхъ годовъ можно было сдѣлать извѣстные выводы.

Но для Бернштейна и абсолютныя цифры тоже уже имѣютъ большую цѣнность. Данныя прусскаго дополнительнаго обложенія успокаиваютъ его, ибо они указываютъ на крупное число собственниковъ. Другіе вполнѣ буржуазно мыслящіе люди этимъ менѣе восхищены.

«Данныя прусскаго дополнительнаго обложенія рисуютъ передъ нами», пишетъ Геркнеръ («Рабочій вопросъ», 2 изд., стр. 9), «*невеселую картину распредѣленія имуществъ*. Это показываетъ слѣдующая таблица:

Имущество, исключая движимое	Плательщики		Общая сумма цѣнности имуществъ	
Марокъ	Абсолютное число	Проценты	Абсолютно въ маркахъ	Проценты
6 000 до 20 000	563 370	48,89	2 978 304	9,50
20 000 » 32 000	203 834	17,69	2 214 248	7,13
32 000 » 52 000	162 262	14,08	3 286 804	10,59
52 000 » 100 000	122 683	10,65	4 279 289	13,78
100 000 » 200 000	57 179	4,96	3 993 809	12,86
200 000 » 500 000	29 373	2,55	4 500 373	14,50
500 000 » 1 000 000	8 375	0,73	2 279 304	9,60
1 000 000 » 2 000 000	3 429	0,30	2 453 064	7,90
свыше 2 000 000	1 827	0,16	4 360 638	14,05

«Невозможно считать удовлетворительнымъ такое распредѣленіе имущества, при которомъ двѣ верхнихъ ступени — миллiонеры, — насчитывающія 5256 членовъ, имѣютъ на 1621 милліонъ марокъ больше, нежели обѣ низшихъ ступени, хотя въ нихъ насчитывается 767 204 плательщика. *А, вѣдь, цифры эти изображаютъ только противорѣчія имущественнаго распредѣленія въ предѣлахъ имущихъ классовъ.* Это распредѣленіе доходовъ наводитъ на *грустное размышленіе* съ точки зрѣнія не только соціальнаго, но и экономическаго прогресса» — всякаго, только не Бернштейна. Для этого онъ, вѣдь, не буржуазный экономистъ; онъ называетъ себя соціаль-демократомъ и марксистомъ.

Другой «колоссальный цифровой матеріалъ», которымъ будто бы доказывается увеличеніе числа собственниковъ, вовсе не содержитъ въ себѣ статистики имуществъ, а *просто статистику подоходнаго налога.*

Доходъ и доходъ отъ обладанія собственностью — не всегда одно и то же. Если въ настоящее время три четверти доходовъ, превышающихъ 3 000 марокъ, обязаны своимъ происхожденіемъ собственности, а 30 лѣтъ спустя, три четверти этихъ доходовъ стали трудовыми доходами, то, если высота дохода не измѣнилась, статистика доходовъ не дастъ намъ даже намека о томъ, какой переворотъ совершился въ общественныхъ отношеніяхъ. Какъ разъ насчетъ увеличенія или уменьшенія числа собственниковъ она насъ оставляетъ въ неизвѣстности.

Она можетъ также указывать на повышеніе доходовъ, хотя бы на самомъ дѣлѣ его не было. Обратимся къ нашему примѣру. За тридцать лѣтъ высота доходовъ оставалась постоянной, но ихъ характеръ измѣнился. Тридцать лѣтъ тому назадъ три четверти доходовъ происходили отъ собственности, одну четверть составляли заработная плата и жалованье. Теперь мы имѣемъ какъ разъ обратную пропорцію. Но доходы, состоящіе изъ жалованья, можно установить съ гораздо большей точностью, чѣмъ доходы съ предпріятій. Если 30 лѣтъ тому назадъ одна четверть доходовъ указывалась правильно, а при трехъ четвертяхъ утаили въ среднемъ $30^0/_0$, то, ceteris paribus, теперь у насъ будетъ пропорція, какъ разъ обратная. Подоходный налогъ указалъ на *увеличеніе* доходовъ, совсѣмъ несоотвѣтствующее дѣйствительности, а являющееся лишь результатомъ *уменьшенія* капиталистическихъ доходовъ.

Къ тому же у насъ нѣтъ научной статистики доходовъ, а только статистика въ *цѣляхъ налога.* Она производится

не по научному, а по фискальному плану; результаты ея, благодаря матеріальнымъ интересамъ, — подложны. Поэтому данными статистики подоходныхъ налоговъ можно пользоваться для изслѣдованія колебанія доходовъ лишь съ величайшей осторожностью, и они могутъ претендовать, самое большее, на симптоматическое значеніе. Какихъ бы то ни было заключеній насчетъ *распредѣленія собственности* эти данныя не допускаютъ. Мы также не можемъ вспомнить, чтобы кто-либо, исключая Бернштейна, пользовался для этой цѣли статистикой подоходныхъ налоговъ. Пользовались ею для того, чтобы вывести изъ нея подъемъ благосостоянія, но не для того, чтобы установить колебанія въ числѣ собственниковъ.

Во всемъ колоссальномъ цифровомъ матеріалѣ, нѣтъ, слѣдовательно, ни одной, ни *единственной* цифры, которой можно было бы подтвердить его положеніе объ увеличеніи числа собственниковъ. Но все-таки, пусть на насъ подѣйствуетъ этотъ огромный матеріалъ.

Цифры доходовъ для *Франціи* мы можемъ заранѣе выдѣлить. Это—только абсолютныя, а не относительныя цифры и, слѣдовательно, увеличенія или уменьшенія изъ нихъ совсѣмъ нельзя увидѣть. Нѣтъ даже года, къ которому онѣ относятся. Мы не знаемъ также и данныхъ, на которыя онѣ опираются. Необходимо вспомнить, что во Франціи нѣтъ подоходнаго налога. Поэтому Леруа-Болье отказался вычислить французскіе доходы; въ данныхъ землевладѣнія, городскихъ арендъ и похоронныхъ кассъ онъ пытается найти точку опоры для сужденія о распредѣленіи національнаго дохода («Essai sur la répartition des richesses“, стр. 499). Поэтому, если Бернштейнъ сообщаетъ намъ съ большою опредѣленностью, что во Франціи 1 700 000 семействъ имѣли средній доходъ въ въ 5200 фр. каждая, то мы вправѣ требовать болѣе несомнѣннаго базиса, чѣмъ простое указаніе «по Мулгаллю». Очевидно, дѣло идетъ только о приблизительной оцѣнкѣ.

Затѣмъ идетъ Саксонія. Здѣсь колоссальный цифровой матеріалъ употребляется весьма скупо: «Тамъ съ 1879 по 1890 г. число доходовъ между 1600 и 3300 марокъ повысилось съ 62 140 до 91 124, число доходовъ отъ 3 300 до 9 600 марокъ съ 24 414 до 38 841». Вотъ и все, наряду съ указаніемъ въ примѣчаніи, «что между 1879 и 1892 гг. число доходовъ отъ 800 до 3 300 марокъ (лучше обставленные рабочіе и мелкая буржуазія) поднялось въ Саксоніи съ 227 839 до 439 948, т. е., съ 20,94% до 30,48% всѣхъ плательщиковъ».

Каково развитіе *другихъ* доходовъ мы не узнаемъ. Слѣдовательно и саксонскія цифры не допускаютъ сравненія.

Мы наверстаемъ упущенное Бернштейномъ. Конечно, никакой разницы не составитъ то, что мы цифры 1890 г. замѣнимъ цифрами 1894 г., какъ разъ имѣющимися у насъ подъ рукой (въ таблицѣ изъ выше цитированной книги Геркнера).

По этой таблицѣ число подлежащихъ налогу физическихъ лицъ составляло:

Съ доходомъ въ	1879	1894	Увеличеніе	
			Абсолютное	Въ проц.
Ниже 800 марокъ . . .	828 686	972 257	143 571	17,3
800 до 1 600 » . . .	165 362	357 974	192 612	116,4
1 600 до 3 300 » . . .	61 810	106 136	44 326	71,6
3 300 до 9 600 » . . .	24 072	41 890	17 818	74,0
9 600 » 54 000 » . . .	4 683	10 518	5 835	154,4
выше 54 000 » . . .	238	886	648	272,0

Если мы возьмемъ абсолютный приростъ, то увидимъ, что число доходовъ ниже 800 марокъ увеличилось на 143 571, выше 3300 марокъ—всего на 24 291. Но такъ какъ доходы ниже 800 марокъ имѣютъ то сомнительное преимущество, что составляютъ *три четверти* всего числа доходовъ, доходы же выше 3300 марокъ, напротивъ,—всего *одну двадцатую часть*, то первый приростъ, выраженный въ процентахъ, гораздо ниже послѣдняго. Если же мы обратимся къ относительнымъ числамъ, то найдемъ, что доходы ниже 800 марокъ растутъ всѣхъ медленнѣе; *но къ нимъ примыкаютъ какъ разъ тѣ доходы, увеличеніе которыхъ отмѣтилъ Бернштейнъ;* они наряду съ мельчайшими доходами растутъ крайне медленно; доходы отъ 1600 до 3300 марокъ всего на 71,7% отъ 3300—9600 марокъ на 74%. Быстрѣе всего растутъ средніе *пролетарскіе* доходы между 800—1600 марками, на 116,4%, причемъ низшіе изъ нихъ растутъ опять-таки еще быстрѣе, доходы съ 800 до 950 мар. на 133,5%, напротивъ, отъ 1400—1600 марокъ всего на 79,5%. Еще быстрѣе растутъ гигантскіе доходы выше 54 000 марокъ – на 272%. «Поэтому можно сказать, что современное распредѣленіе доходовъ наиболѣе усиливаетъ относительно средніе слои *рабочаго класса* и группу *милліонеровъ*». (Геркнеръ).

Если Бернштейнъ хотѣлъ только сказать, что умноженіе наемныхъ рабочихъ не тожественно съ умноженіемъ ни-

щихъ, что пролетаризація народныхъ массъ не означаетъ непремѣнно ея пауперизаціи, то тогда ему можно было опереться на эти цифры, но тогда онъ весьма мало сказалъ бы противъ марксовой теоріи. Мы къ этому еще вернемся при разборѣ теоріи обнищанія.

Марксова теорія утверждаетъ только, что быстрѣе всего растетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная буржуазія, лежащіе между ними слои относительно уменьшаются. Поскольку изъ статистики подоходныхъ налоговъ можно судить объ этомъ, то саксонская статистика говоритъ то же самое.

Если утвержденіе Бернштейна объ увеличеніи числа собственниковъ представляетъ собою нѣчто иное, чѣмъ оригинальную форму утвержденія, что заработная плата повышается; если оно тожественно съ утвержденіемъ, что число среднихъ собственниковъ растетъ быстрѣе числа наемныхъ рабочихъ и гигантовъ-капиталистовъ, что, слѣдовательно, соціальныя противорѣчія не обостряются, а смягчаются,—то онъ въ саксонскихъ цифрахъ не найдетъ ни малѣйшей опоры.

Но у него остается еще два доказательства: прусская и англійская статистика. На нихъ онъ обращаетъ главное вниманіе. Ихъ дѣйствіе, навѣрное, будетъ сокрушительнымъ.

«Въ Пруссіи, какъ это извѣстно читателямъ Лассаля, въ 1854 г. при населеніи въ 16,3 милліона было всего 44 407 лицъ съ доходомъ, превышающимъ 1 000 талеровъ. Въ 1894/95 г., при населеніи приблизительно въ 33 милліона, 321 296 лицъ платили налогъ съ дохода, превышающаго 3 000 марокъ. Въ 1897/98 г. число это повысилось до 347 328. Въ то время, какъ населеніе удвоилось, слой лучше поставленныхъ группъ населенія увеличился болѣе, чѣмъ въ 7 разъ. И если даже принять во вниманіе, что присоединенныя въ 1866 г. области весьма часто показывали болѣе высокія цифры благосостоянія, чѣмъ старая Пруссія, и что цѣны многихъ жизненныхъ припасовъ за это время значительно повысились, тѣмъ не менѣе отношеніе увеличенія лучше поставленныхъ къ увеличенію всего населенія будетъ далеко превышать 2 : 1. Если мы возьмемъ, напр., болѣе поздній періодъ времени, то мы увидимъ, что за 14 лѣтъ, съ 1876 по 1890 г., при общемъ увеличеніи числа плательщиковъ на 20,56%, число плательщиковъ съ дохода въ 2 000—20 000 марокъ съ 442 534 повысилось до 582 024, т. е., на 31,52%. Классъ настоящихъ собственниковъ (съ доходомъ въ 6 000 марокъ и выше) за то же время съ 66 319 поднялся до 109 095, т. е., на 58,47%. Пять шестыхъ

этого прироста, а именно 33 226 изъ 38 776, приходится на средній слой съ доходомъ въ 6 000—20 000 марокъ».

Цифры эти, во всякомъ случаѣ, дѣйствуютъ сногсшибательно, по крайней мѣрѣ, при первомъ взглядѣ. Но, разумѣется, не дальше. Уже одно сравненіе старой Пруссіи 1854 г. съ новой 1894 г. должно показаться изумительнымъ. Пруссія за это время не только — что отмѣчаетъ и самъ Бернштейнъ—увеличилась на нѣсколько весьма богатыхъ областей, но стала также главнымъ государствомъ германской имперіи; столица Пруссіи, насчитывавшей въ 1854 г. 17 милліоновъ жителей, стала столицей крупной державы, имѣвшей въ 1894 г. 51 милліонъ населенія, т. е., въ 3 раза больше Пруссіи 1854 г. Въ Берлинѣ, въ которомъ въ 1854 г. насчитывалось нѣсколько болѣе 400 000 жителей, число жителей съ тѣхъ поръ учетверилось; онъ пріобрѣлъ способность притянуть къ себѣ всѣ наиболѣе высокіе доходы не только Пруссіи, но и всей имеріи. Подоходному налогу въ Пруссіи благопріятствовалъ, слѣдовательно, цѣлый рядъ факторовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ относительнымъ увеличеніемъ числа собственниковъ, вызваннымъ капиталистическимъ развитіемъ. Уже одно это не позволяетъ придавать какое-либо значеніе сравненію цифръ 1854 и 1894 гг.

Къ этому присоединяется другая, еще болѣе важная причина. Статистика подоходнаго налога 1894 г. производилась на основаніи *совершенно иного закона,* чѣмъ въ 1854 г. Укажемъ только два пункта различія: законъ 1851 г. облагалъ подоходнымъ налогомъ одни только *физическія лица.* Законъ 1891 г. распространилъ налоговую обязанность и на *профессіональныя общества* (акціонерныя общества, союзы потребителей). По первому закону доходъ оцѣнивался коммиссіями, члены которыхъ избирались окружными или городскими думами (Kreis- resp. Stadtvertretungen) и которымъ необходимо было воздерживаться отъ всякаго «обременительнаго вторженія» въ отношенія доходовъ. Новый законъ ввелъ обязательное самоличное заявленіе о доходѣ съ чувствительными штрафами за невѣрное показаніе и облегчаетъ контроль надъ обложеніемъ. Въ виду этихъ и другихъ измѣненій Ю. Пирсторфъ и говоритъ (въ «Handwörterbuch der Staatwissenschaften», I. Supplementband, стр. 280): «Болѣе основательное знакомство съ наличнымъ распредѣленіемъ доходовъ стало возможнымъ для Пруссіи лишь съ введеніемъ новаго закона о подоходномъ налогѣ отъ 24 іюня 1891 г. Результаты прежнихъ налоговъ, какъ основывавшіеся *просто на оцѣнкѣ*

третьихъ лицъ, имѣютъ *весьма сомнительную цѣнность* для ознакомленія съ распредѣленіемъ доходовъ».

Сравненіе данныхъ 1854 года и 1894 года не имѣетъ, слѣдовательно, съ научной точки зрѣнія никакого значенія. Но Бернштейнъ приводитъ еще другія прусскія цифры отъ 1876 и 1890 г. Противъ этихъ цифръ, однако, можно возразить то же самое, что и противъ цифръ 1854 г.—на нихъ нельзя положиться, къ тому же Бернштейнъ не приводитъ ихъ цѣликомъ. Онъ заимствовалъ ихъ изъ таблицы, составленной Soetbeer'омъ и напечатанной въ «Handwörterbuch der Staatwissenschaften». По этой таблицѣ насчитывалось:

Въ 1876 году:

Группы доходовъ	Число плательщиковъ				Сумма доход.	
	Безсемейныхъ		Съ семьями			
	Лицъ	Проц.	Лицъ	Проц.	Всего милліон. марокъ	Проц.
до 525 мар.	3311752	39,11	6369856	25,65	1324,7	16,86
525 » 2000 »	4704757	55,57	16840444	67.82	4354,4	55,42
2000 » 20000 »	442534	5,22	1593244	6,41	1879,1	22,64
свыше 20000 »	8033	0,10	29240	0,12	398.8	5,08
Въ 1890 году:						
до 525 »	4094428	40,11	8383359	28,62	1647,4	16,58
525 » 2000 »	5517828	54,05	18562145	63,81	5119,7	51,53
2000 » 20000 »	582053	5,71	2095348	7,21	2475,2	24,96
свыше 20000 »	13583	0,13	47081	0,16	693,8	6,93

Въ этой полной картинѣ прусскія цифры даютъ нѣсколько иную картину, чѣмъ въ выдержкѣ, сдѣланной Бернштейномъ. Если бы мы даже всѣхъ плательщиковъ съ доходомъ, превышающимъ 2 000 марокъ, причислили къ собственникамъ, то и тогда число послѣднихъ увеличилось бы всего на 145 000, тогда какъ за то же время число доходовъ ниже 2 000 марокъ увеличилось на 1 600 000, т. е., болѣе, чѣмъ въ 10 разъ. Положимъ, число доходовъ въ 2 000—20 000 марокъ увеличилось на 31,52%, а вся сумма плательщиковъ всего на 20,56%. Но какъ разъ число бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, съ доходомъ ниже 525 марокъ, тоже быстрѣе возрасло, чѣмъ общая сумма, а именно на 23,6%. Это увеличеніе оказывается еще болѣе рѣзкимъ, если принять во вниманіе не одниxъ только

плательщиковъ, но и членовъ ихъ семьи. Въ то время, какъ все населеніе Пруссіи съ 1876 г. по 1890 г. съ 24 832 784 повысилось до 29 087 933, т. е., на **17,1%**, число плательщиковъ съ доходомъ ниже 525 марокъ совмѣстно съ ихъ домочадцами поднялось съ 6 369 856 до 8 383 359, т. е., на **31,6%**. И при этомъ среднiй доходъ въ этой группѣ упалъ съ 208 на 197 марокъ. Вотъ что Бернштейнъ называетъ увеличеніемъ числа собственниковъ, притупленіемъ соціальныхъ противорѣчій, столь рѣзко бросающимся въ глаза, что глупо было бы скрывать это отъ себя!

Источникъ, у котораго Бернштейнъ заимствуетъ эти цифры, находитъ ихъ языкъ далеко не столь благопріятнымъ, какъ онъ. «Самъ Soetbeer долженъ признать», говорится тамъ, «что приведенныя имъ данныя даютъ точку опоры для утвержденія, *что доходъ распредѣляется неравномѣрно*, такъ какъ ряды нижнихъ и верхнихъ слоевъ становятся все гуще, среднiй доходъ нижнихъ падаетъ, верхнихъ—подымается». Правда, дальше тамъ говорится: «Самъ онъ не считаетъ правильнымъ такой выводъ, ибо для низшихъ классовъ оцѣнка производится мягче, для высшихъ строже, а прогрессъ народнаго хозяйства можетъ обнаружиться только въ томъ, что постепенно все большее число обязанныхъ платить налоги, переходитъ въ высшіе классы». Т. е., другими словами, Soetbeer заявляетъ, что цифры прусской статистики подоходныхъ налоговъ доказываютъ какъ разъ *обратное* тому, что и теперь еще утверждаетъ Бернштейнъ; *несмотря на это*, онъ полагаетъ, что либеральное мнѣніе о прогрессирующемъ притупленіи соціальныхъ противорѣчій — правильно; во-первыхъ, съ точки зрѣнія теоретической, насъ еще здѣсь пока не занимающей, а, во-вторыхъ, потому, что *на оцѣнки нельзя положиться*. Но это въ лучшемъ случаѣ указываетъ лишь на то, что цифры Soetbeer'а не говорятъ ничего *противъ* утвержденія Бернштейна. Бернштейну оставалось только при помощи искуснаго выдѣленія изъ таблицы Soetbeer'а нѣкоторыхъ изъ этихъ цифръ приготовить блестящее доказательство своему положенію.

Что таблица Soetbeer'а ничего не доказываетъ, это и мы тоже думаемъ. Она обнимаетъ приблизительно тотъ же самый періодъ времени, что и вышеупомянутыя саксонскія таблицы, но указываетъ на совершенно иную тенденцію развитія. Въ Саксоніи мы видимъ уменьшеніе пауперизма и ростъ лучше оплачиваемаго наемнаго пролетаріата на счетъ пауперовъ съ одной стороны, мелкихъ собственниковъ—съ другой.

Въ Пруссіи за тотъ же періодъ мы замѣчаемъ относительное уменьшеніе лучше оплачиваемаго наемнаго пролетаріата (абсолютно онъ увеличился на 1 722 000 ч.), но за то увеличеніе обладающаго собственностью населенія, и *точно такое же увеличеніе низшихъ слоевъ пролетаріата*.

Нельзя допустить, что Саксонія и Пруссія за одно и то же время развивались въ столь противоположномъ направленіи. Скорѣе можно заключить, что прусскія цифры въ крайнемъ случаѣ ничего не доказываютъ, что и заранѣе было очевиднымъ, благодаря способу оцѣнки ранѣе 1891 г.

У Бернштейна, слѣдовательно, остается только колоссальный цифровой матеріалъ, взятый изъ Англіи.

Если даже допустить, хотя мы съ этимъ несогласны, что англійскія цифры доказываютъ увеличеніе числа собственниковъ, то этимъ еще не доказывается, что таковъ общій законъ капиталистической формы производства, ибо Англія, какъ кажется, перестала представлять собой типъ капиталистическаго индустріализма.

Ясно вотъ что: было бы смѣшно выводить, въ качествѣ закона капиталистической формы производства, увеличеніе числа собственниковъ изъ движенія собственности или даже доходовъ въ одной какой-либо *мѣстности*. Если, скажемъ, въ Монте-Карло или въ берлинскомъ кварталѣ Thiergarten, число собственниковъ растетъ быстрѣе всего населенія, то этимъ еще мало что доказывается. Для того, чтобы изслѣдовать законы какой-либо формы производства, мы должны имѣть передъ глазами *всю ея область*, а не часть ея.

Англія же все болѣе становится своего рода міровымъ Thiergarten'омъ. Съ одной стороны все болѣе растутъ ея колоніальныя владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ число англійскихъ чиновниковъ и авантюристовъ, эксплуатирующихъ эти владѣнія, а плоды этой эксплуатаціи тратящихъ въ Англіи. Но еще болѣе растетъ число предпріятій, основанныхъ на англійскіе капиталы заграницей—банки, торговые дома, фабрики, желѣзныя дороги — правленіе и акціонеры которыхъ живутъ въ Англіи и тамъ прикарманиваютъ и тратятъ прибавочную цѣнность, произведенную за предѣлами Англіи. Не менѣе растетъ доходъ съ заграничныхъ государственныхъ долговъ, ссуженныхъ англійскими капиталистами.

«Одной только Индіи», писалъ Марксъ еще лѣтъ 30 тому назадъ, «приходится платить пять милліоновъ (фун. ст.) дани за «хорошее управленіе», процентовъ и дивидендовъ на англійскій капиталъ и т. д., совсѣмъ не считая тѣхъ суммъ,

которыя ежегодно высылаются домой отчасти чиновниками въ видѣ сбереженій изъ ихъ жалованія, отчасти англійскими купцами въ видѣ части ихъ прибыли, для помѣщенія ея въ Англіи. Изъ каждой британской колоніи по тѣмъ же причинамъ можно постоянно переводить большія суммы. Большинство банковъ въ Австраліи, Вестъ-Индіи, Канадѣ основаны на англійскіе капиталы, а дивиденды выплачиваются въ Англіи. Точно также Англія владѣетъ множествомъ иностранныхъ государственныхъ бумагъ, европейскихъ, сѣверо- и южно-американскихъ, на которыя она получаетъ проценты. Къ этому еще присоединяется ея участіе въ иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, рудникахъ и т. д.—съ соотвѣтственными дивидендами... Суммы же, идущія изъ Англіи заграницу для уплаты владѣльцамъ англійскихъ цѣнныхъ бумагъ и на расходы англичанъ заграницей — сравнительно ничтожны». («Капиталъ», III, 2, стр. 130).

Съ тѣхъ поръ, какъ это было написано, развитіе въ этомъ направленіи сильно шло впередъ. Въ то время, какъ населеніе Великобританіи и Ирландіи въ 1871 году составляло 31 800 000, а въ 1891 г.—37 700 000, т. е., увеличилось всего на неполныхъ 20%,—населеніе британскихъ колоній съ 200 возрасло до свыше 300 милліоновъ, т. е., болѣе, чѣмъ на 50%. Но еще быстрѣе расширялась сфера экономической эксплуатаціи для англійскаго капитала. Мулгалль въ 1882 г. считалъ доходъ съ англійскихъ капиталовъ, вложенныхъ въ дѣло заграницей, равнымъ 22 милліардамъ марокъ, самъ Бернштейнъ признаетъ, что доходъ съ нихъ въ настоящее время оцѣнивается въ 43 милліарда. Напротивъ, по его же признанію, доходъ съ капиталовъ, вложенныхъ въ англійскія акціонерныя общества, оцѣниваются въ 22 милліарда. Если эти цифры вѣрны, то это, вѣдь, составляетъ *удвоеніе* за 15 лѣтъ капиталовъ, вложенныхъ заграницей! Во всякомъ случаѣ, сфера эксплуатаціи (по числу населенія) расширяется гораздо быстрѣе увеличенія британскаго населенія. Поэтому, если Бернштейнъ хотѣлъ вывести законъ объ увеличеніи числа собственниковъ при капиталистической формѣ производства изъ статистическихъ данныхъ Англіи, то онъ это увеличеніе долженъ былъ связать съ увеличеніемъ числа пролетаріевъ не только въ Англіи, но и во всѣхъ странахъ, входящихъ въ сферу англійской эксплуатаціи.

Это, разумѣется, задача, неразрѣшимая при помощи даннаго статистическаго матеріала.

А между тѣмъ и сравненіе роста числа собственниковъ съ ростомъ всего населенія Англіи тоже не было бы лишено значенія. Если бы въ результатѣ оказалось болѣе быстрое увеличеніе числа собственниковъ, то хотя это не доказывало бы, что марксовы законы капиталистической формы производства невѣрны, но все-таки указала бы на то, что въ Англіи помѣхи соціализму растутъ.

Революціонной силой въ современномъ обществѣ съ марксистской точки зрѣнія является не капиталъ вообще, а только *промышленный капиталъ;* онъ то и составляетъ ту силу, которая создаетъ предпосылки соціалистическаго производства, а также и пролетаріевъ, историческая задача которыхъ—ввести это производство.

Напротивъ, торговый и ссудный капиталъ сами по себѣ еще не являются революціонными силами; сами по себѣ они не создаютъ еще революціоннаго пролетаріата. Если въ Англіи торговый и занятый не въ мѣстной промышленности ссудный капиталы растутъ быстрѣе промышленнаго капитала, то вполнѣ возможно, что тамъ число собственниковъ растетъ быстрѣе, чѣмъ все остальное населеніе. Тогда возможно также и то, что тамъ соціальныя противорѣчія уменьшаются по той причинѣ, что соціальное развитіе, по сравненію съ прогрессирующими промышленными странами, вродѣ Германіи и Америки, находится тамъ въ застоѣ.

Не разъ уже самими англичанами высказывалось опасеніе, что Англію постигнетъ участь Голландіи, бывшей въ XVII ст. во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе развитымъ капиталистическимъ государствомъ въ мірѣ; но тамъ развитіе коммерческаго и ссуднаго капитала все болѣе брало вверхъ надъ развитіемъ промышленнаго капитала, такъ что, въ концѣ концовъ, Голландія стала государствомъ, правда, наиболѣе богатымъ капиталами и собственниками, но въ то же время и наиболѣе регрессивнымъ въ экономическомъ смыслѣ и лишеннымъ всякаго значенія для соціальнаго развитія.

Ожидаетъ ли такая судьба Англію, призвана ли она изъ мастерской всего міра превратиться въ его несгораемый шкафъ, этого навѣрное нельзя еще сказать. Но несомнѣнно то, что соціализмъ выйдетъ только изъ мастерской, а не изъ несгораемаго шкафа.

Для Бернштейна же этихъ различій не существуетъ. Марксъ отдѣлилъ промышленный отъ торговаго и ссуднаго капиталовъ и изслѣдовалъ законы развитія каждаго изъ этихъ видовъ капитала. Бернштейнъ, поставившій себѣ задачу углу-

бить и усовершенствовать марксизмъ, сбрасываетъ въ одну кучу всѣ виды капитала, затѣмъ на мѣсто яснаго понятія капиталиста ставитъ расплывчатое понятіе «собственника» и къ тому же употребляетъ это понятіе въ столькихъ разныхъ смыслахъ, что, въ концѣ концовъ, ни онъ, ни его читатель не знаютъ точно, что подъ нимъ подразумѣвается. Такимъ способомъ марксизмъ очищается отъ противорѣчій и возносится на высшую ступень.

Если бы Бернштейну даже удалось доказать для Англіи увеличеніе числа собственниковъ, то это, само по себѣ, пролило бы не много свѣта на общіе законы капиталистической формы производства.

Между тѣмъ и здѣсь онъ намъ не даетъ, какъ и раньше, статистики собственности, а только статистику доходовъ. Тутъ мы прежде всего имѣемъ кое-какія абсолютныя цифры, относящіяся къ 1893/94 г., которыя, сами по себѣ, понятно, совсѣмъ ничего не доказываютъ. Но затѣмъ слѣдуетъ его крупный козырь, который онъ отмѣчаетъ жирнымъ шрифтомъ, дабы читатель какъ-нибудь не пропустилъ его.

«Въ «British Review» отъ 22 мая 1897 г. помѣщены кое-какія цифры насчетъ роста доходовъ въ Англіи съ 1851 по 1881 г. Судя по нимъ въ Англіи насчитывалось семействъ съ доходомъ въ 150—1000 ф. стер. (средняя и мелкая буржуазія и высшая рабочая аристократія): въ 1851 г. круглымъ счетомъ 300 000, въ 1881 г. – 900 000. Въ то время, какъ населеніе за эти тридцать лѣтъ увеличилось въ отношеніи 27:35, т. е., приблизительно на 30%, численность этой группы доходовъ возвысилась въ отношеніи 27:90, т. е., на $233^1/_3$%. Въ настоящее время Джиффенъ оцѣниваетъ эту группу въ **$1^1/_2$ милліона плательщиковъ податей»** (стр. 49).

Да, *оцѣнивается!* Крупный, напечатанный жирнымъ шрифтомъ, козырь основывается на *оцѣнкѣ*, а не на вычисленіи. Дальше, разумѣется, на эту построенную на оцѣнкѣ *гипотезу* будетъ уже указываться, какъ на фактъ, *констатированный* податными учрежденіями, «въ которомъ теперь нельзя уже сомнѣваться» (стр. 178).

Но почему же число плательщиковъ только *оцѣнивается*, а не *вычисляется?* Да по той простой причинѣ, что послѣднее *невозможно*.

Англійскій законъ о подоходномъ налогѣ, раздѣляетъ доходы на 5 крупныхъ классовъ, по источникамъ, откуда они происходятъ: 1) Землевладѣніе, 2) Пользованіе землей, 3) Государственныя ренты, 4) Жалованіе чиновниковъ и, наконецъ,

5) Классъ всѣхъ прочихъ доходовъ отъ промышленности, торговли и т. д. Каждый изъ этихъ классовъ въ свою очередь распадается на подраздѣленія, въ каждомъ изъ которыхъ налогъ взимается иначе. Мы получаемъ только число плательщиковъ и ихъ распредѣленіе по отдѣльнымъ ступенямъ налоговой лѣстницы *въ предѣлахъ отдѣльныхъ группъ*; общее число плательщиковъ и доходъ каждаго изъ нихъ скрыты отъ насъ, и могутъ быть только «высчитаны», т. е., болѣе или менѣе точно *оцѣнены*.

Эта область какъ бы создана для статистическихъ прикрасъ.

Можно дать маленькую иллюстрацію того, какъ мало английская статистика подоходнаго налога служитъ знакомству съ дѣломъ. Въ статистикѣ Кольба сравниваются другъ съ другомъ доходы отъ 1812 и 1847 г. въ Schedula D (промышленность и торговля). Тамъ мы видимъ:

Доходы	отъ	150	до	500	фун.	стер.	увеличились	на	196%
»	»	500	»	1000	»	»	»	»	148 »
»	»	1000	»	2000	»	»	»	»	148 »
»	»	2000	»	5000	»	»	»	»	118 »
»	»	5000	ф. ст. и выше			»	»	»	189 »

Къ этому Кольбъ дѣлаетъ примѣчаніе: «Все населеніе возрасло на 60%, *слѣдовательно*, благосостояніе увеличилось втрое больше, чѣмъ населеніе» (ср. Statistik 1875, стр. 431). Это почти тотъ же самый выводъ, который дѣлаетъ Бернштейнъ для періода съ 1851 по 1881 г. Періодъ съ 1812 по 1847 г. былъ самымъ сквернымъ періодомъ для рабочаго населенія Англіи, періодомъ, изъ котораго Энгельсъ заимствовалъ картины, изображенныя въ «Положеніи рабочаго класса»; періодомъ, когда пролетаріатъ на глазахъ у всѣхъ все болѣе погружался въ пауперизмъ и преступность, когда не было ни фабричнаго законодательства, ни могучаго профессіональнаго движенія, удерживающаго пролетаріатъ отъ физическаго и моральнаго вырожденія,—а все-таки развитіе подоходнаго налога показываетъ ту же картину, что и теперь.

Удачную критику английской статистики подоходныхъ налоговъ даетъ *Максъ Шиппель* въ своей книгѣ: «Современная нищета», 1888 г. На ней имѣется эпиграфъ: «Изъ двухъ міровъ одинъ ты выбрать долженъ; но разъ избравъ, назадъ ужъ нѣтъ возврата».

Даже г. Леруа-Болье, буржуазный оптимистъ inoptima forma и предшественникъ Бернштейна въ этой области, вы-

нужденъ былъ признать: «Къ несчастью у насъ нѣтъ такихъ позитивныхъ данныхъ о доходахъ въ Англіи, какія мы нашли для того же явленія въ Германіи... А посему мы вынуждены ограничиться приблизительными разсчетами (aux indications approximatives)». (Essai sur la repartition-des richesses, стр. 526). Но даже тамъ, гдѣ буржуазный красильщикъ лишь крадучись и съ большой осторожностью пробирается впередъ,—тамъ соціаль-демократъ Бернштейнъ съ легкимъ сердцемъ принимаетъ любую цифру, какъ бы она ни была добыта, лишь бы она говорила противъ соціалистическаго ученія. «British Review» не былъ (ея ужъ нѣтъ) спеціальнымъ журналомъ статистики или политической экономіи, онъ былъ полу-политическимъ, полу-беллетристическимъ консервативнымъ еженедѣльнымъ журналомъ, главной задачей котораго, судя по одному номеру, который мнѣ удалось отыскать, было уничтожить не только соціализмъ, но и демократію. Статья, на которую ссылается Бернштейнъ—это *анонимная статья, написанная по случаю юбилея королевы*, полемизирующая съ утопистами и радикалами, дающая до смѣшного окрашенную въ розовый цвѣтъ картину соціальнаго прогресса въ Англіи, которая заканчивается слѣдующимъ: «Рабочій классъ поражаетъ насъ. *благодаря быстротѣ, съ какой онъ все болѣе богатѣетъ;* мелкая буржуазія (the middle classes), благодаря быстротѣ, съ какой она растетъ». Въ качествѣ доказательства выступаютъ вышеприведенныя цифры, которыя прямо ставятся передъ нами, безъ всякаго указанія на методъ, по которому онѣ добыты, или на источникъ, изъ котораго онѣ заимствованы. Бернштейнъ же принимаетъ ихъ безъ всякаго разбора и съ большой напыщенностью показываетъ намъ ихъ. Въ статьѣ, наряду съ этими цифрами, фигурируетъ и указаніе на многочисленныя виллы, которыя строятся въ окрестностяхъ Лондона—«виллы съ прекрасными садами, въ которыхъ забавляются нарядныя дамы и элегантно играютъ въ лаунъ-теннисъ милые молодые люди» и проч. Я дамъ только одинъ примѣръ, какъ легкомысленно этотъ юбилейный фельетонъ обращается со статистикой. Въ Англіи до сихъ поръ не производится переписи наемныхъ рабочихъ, а только перепись лицъ, безъ различія въ ихъ положеніи, занятыхъ какой-либо профессіей. Члены семьи опять-таки считаются отдѣльно. Авторъ же юбилейнаго гимна съ величайшей увѣренностью заявляетъ, что рабочее населеніе соединеннаго королевства въ 1851 году составляло 26 милліоновъ, а въ 1881 г.—30 милліоновъ. Численность же всего населенія въ 1851 г. простиралось до 27 746 000, а въ 1881 г.

—до 34 885 000. Непролетарское населеніе (арендаторы, ремесленники, мелкіе торговцы, интеллигенція, капиталисты, землевладѣльцы и проч.), слѣдовательно, составляло всего нѣсколько больше, чѣмъ $1^1/_2$ милліона, всего 6% общей суммы населенія! Это прямо нелѣпо. Бакстеръ опредѣлялъ въ 1867 г. число наемныхъ рабочихъ въ 80% всего числа лицъ, получающихъ доходы въ соединенномъ королевствѣ. Такъ какъ, благодаря женскому и дѣтскому труду, у рабочихъ меньше членовъ семьи, чѣмъ у высшихъ классовъ, то доля послѣднихъ въ общей суммѣ населенія составляло еще болѣе, чѣмъ 20%.

Эта поверхностная, вульгарная, апологетическая болтовня—вотъ каковъ источникъ, изъ котораго Бернштейнъ извлекаетъ наиболѣе сильное оружіе противъ марксистскаго ученія! Въ скоромъ времени онъ противопоставитъ «Капиталу» анонимный фельетонъ изъ «Woche» г. Шерля!

Чѣмъ ближе мы присматриваемся къ статистическому матеріалу Бернштейна, тѣмъ большей загадкой становится для насъ происшедшая съ нимъ метаморфоза. Напрасно мы ищемъ фактовъ, которые могли бы его заставить выступить противъ того ученія, въ истинѣ котораго онъ былъ весьма глубоко убѣжденъ, при пропагандѣ котораго онъ былъ въ первомъ ряду, которое онъ умѣлъ побѣдоносно защищать отъ всяческихъ нападеній.

d) Акціонерныя общества.

Во время дискуссіи Бернштейнъ указалъ на *распространеніе биржевыхъ газетъ,* какъ на доказательство увеличенія числа собственниковъ.

Но это распространеніе доказываетъ только, что число капиталистическихъ предпріятій—чего никто не оспаривалъ и чему мы только что видѣли многочисленныя доказательства—растетъ, что капитализмъ распространяется все дальше, вовлекаетъ въ свою сферу все дальнѣйшія отрасли производства, все болѣе отдаленныя области земного шара; что міровой рынокъ все болѣе развивается и отдѣльный предприниматель все менѣе оказывается въ состояніи обозрѣть его при помощи своихъ собственныхъ личныхъ связей; что только средства крупныхъ газетъ позволяютъ давать этотъ обзоръ. Наконецъ это быстрое распространеніе биржевыхъ газетъ указываетъ еще на огромные успѣхи акціонернаго дѣла, прогрессирующее увеличеніе числа тѣхъ капиталистическихъ предпріятій, которыя подлежатъ извѣстному гласному контро-

лю и нуждаются въ гласности, въ той «publicité», которая, какъ это показала панамская афера, стала столь трудно находимымъ и дорогимъ товаромъ.

Далѣе, число биржевыхъ газетъ оставляетъ насъ въ абсолютной неизвѣстности насчетъ числа собственниковъ. Всякій, принимающій участіе въ торговлѣ и обращеніи, вынужденъ въ настоящее время читать ихъ, все равно, будь онъ капиталистомъ или только служащимъ у капиталиста.

Для такого очевиднаго факта, какъ увеличеніе числа собственниковъ, слѣдовало бы найти немного болѣе ясныя доказательства. И вотъ Бернштейнъ полагаетъ, что нашелъ такія доказательства въ акціонерномъ дѣлѣ.

Акціонерное общество, заявляетъ онъ, въ значительной степени противодѣйствуетъ централизаціи имущества путемъ централизаціи хозяйствъ.

(Стр. 47—49) «Къ сожалѣнію, совершенно еще отсутствуютъ цифровыя данныя о фактическомъ распредѣленіи match разнаго вида акцій такъ сильно въ настоящее время распространенныхъ акціонерныхъ обществъ, такъ какъ въ большинствѣ государствъ акціи анонимны (т. е., подобно другимъ бумажнымъ деньгамъ, онѣ безпрепятственно могутъ мѣнять своихъ владѣльцевъ); въ Англіи же, гдѣ акціи преимущественно именныя, а списки установленныхъ такимъ образомъ акціонеровъ могутъ быть просматриваемы каждымъ въ государственной регистратурѣ,—установленіе болѣе точной статистики владѣльцевъ акцій представляется колоссальной задачей, рѣшить которую никто еще не отваживался. Число ихъ можно опредѣлить лишь приблизительно на основаніи нѣкоторыхъ изслѣдованій относительно отдѣльныхъ акціонерныхъ обществъ. Однако, чтобы показать, насколько обманчивы представленія, которыя создаютъ себѣ на этотъ счетъ, и какъ фактически наиболѣе современная и наиболѣе грубая форма капиталистической централизици—«трестъ», совсѣмъ иначе вліяетъ на распредѣленіе капиталовъ, чѣмъ это кажется издалека,—мы приводимъ ниже нѣкоторыя цифры, которыя могутъ быть легко провѣренными.

Основанный приблизительно годъ тому назадъ англійскій ниточный трестъ насчитываетъ не менѣе 12 300 акціонеровъ. Изъ нихъ:

6 000 собственниковъ основныхъ акцій каждый въ среднемъ . . . . съ 1 200 м. капитала.

4 500 соб. привилегированныхъ акцій
каждый въ среднемъ . . . . . съ 3 000 м. капитала
1 800 » облигацій кажд. въ средн. » 6 300 » »

Бумагопрядильный трестъ также имѣетъ приличное число акціонеровъ, а именно: 5 454.

2 904 собственника основныхъ акцій каждый
въ среднемъ . . . . съ 6 000 м. капит.
1 870 соб. привилег. акцій кажд. въ средн. » 10 000 » »
680 « облигацій » » » 26 000 » »

Аналогичныя данныя имѣются и насчетъ хлопчато-бумажнаго треста П. и Т. Котса. Вотъ нѣсколько примѣровъ раздробленія частей капитала, входящихъ въ централизованныя предпріятія. Само собою разумѣется, не всѣ акціонеры могутъ быть названы капиталистами, а очень часто одинъ и тотъ же крупный капиталистъ принимаетъ участіе во всевозможныхъ обществахъ. Во всякомъ случаѣ, число акціонеровъ и средняя сумма стоимости ихъ акцій быстро возрастаютъ. Общее число владѣльцевъ акцій въ Англіи, по приблизительному подсчету, далеко превышаетъ милліонъ».

Итакъ, у насъ нѣтъ статистики акціонерной собственности; не всякій обладающій акціей, является этимъ самымъ уже и капиталистомъ; одинъ и тотъ же *крупный* капиталистъ участвуетъ во всевозможныхъ обществахъ въ качествѣ мелкаго капиталиста. Все это признаетъ самъ Бернштейнъ. Но, вѣдь, другими словами это значитъ, что всѣ данныя, имъ здѣсь приводимыя, совершенно лишены значенія признаковъ увеличенія числа собственниковъ. Они еще менѣе доказываютъ это, чѣмъ статистика подоходнаго налога; приведеніе этихъ данныхъ доказываетъ только одно: полнѣйшую растерянность Бернштейна, совершенно незнающаго, откуда ему взять хотя бы съ грѣхомъ пополамъ подходящее доказательство своему утвержденію.

Не большей доказательной силы, чѣмъ эти цифры, имъ приведенныя, имѣютъ и теоретическія разсужденія, которыя онъ имъ предпосылаетъ. «Форма акціонернаго общества», говоритъ онъ, «*весьма значительно* противодѣйствуетъ тенденціи концентраціи имущества путемъ концентраціи хозяйствъ». Почему? «Она *допускаетъ* широкое раздѣленіе уже концентрированныхъ капиталовъ и дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами въ цѣляхъ концентрированія промышленныхъ предпріятій. Если несоціалистическіе

экономисты использовали этотъ *фактъ* въ цѣляхъ прикрашиванія общественныхъ отношеній, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что соціалисты должны скрывать или замалчивать этотъ фактъ» (стр. 47).

Итакъ, опять *фактъ*, невыгодный для насъ, соціалистовъ, фактъ, который намъ желательно скрыть или замолчать. Но въ чемъ же состоитъ этотъ «*фактъ*»? Развѣ это *фактъ*, что форма акціонерной компаніи противодѣйствуетъ концентраціи имущества? Ничуть, это, наоборотъ, должно быть доказано. *Фактъ* только то, что форма акціонерной компаніи *допускаетъ* раздѣленіе уже имѣющихся капиталовъ и дѣлаетъ *излишнимъ* присвоеніе капиталовъ отдѣльными магнатами. Но было бы большой поспѣшностью, если бы отсюда хотѣли прямо установить, какъ «фактъ», что *въ дѣйствительности* происходитъ то, что допускается и что капиталисты-магнаты не присваиваютъ уже больше капиталовъ, ибо это стало излишнимъ.

Акціи въ этомъ презрѣнномъ мірѣ не дарятся, а продаются, они не приносятъ денежной собственности, а предполагаютъ ея наличность. Съ основаніемъ акціонернаго общества не произойдетъ никакой перемѣны въ наличномъ распредѣленіи собственности. Форма акціонернаго общества—наравнѣ со сберегательными кассами и банками—дѣлаетъ возможнымъ только то, что мелкія суммы, недостаточныя для веденія капиталистическаго предпріятія, превращаются въ капиталъ. Форма акціонернаго общества увеличиваетъ поэтому сумму капиталовъ, находящихся въ распоряженіи капиталистическаго производства, она допускаетъ превращеніе въ капиталъ такой собственности, которая въ противномъ случаѣ не стала бы капиталомъ, а лежала бы безъ процентовъ, подобно кладу; но она на первыхъ порахъ ничего не измѣняетъ въ распредѣленіи наличной собственности.

Увеличеніе числа акціонеровъ совсѣмъ не свидѣтельствуетъ объ увеличеніи числа собственниковъ; оно указываетъ только на то, что въ капиталистическомъ обществѣ форма акціи все болѣе становится господствующей формой собственности.

Слѣдовательно, указаніе на форму акціонернаго общества совсѣмъ не рѣшаетъ проблемы, откуда происходитъ этотъ мнимый ростъ числа собственниковъ. Этотъ ростъ, если онъ только существуетъ, она можетъ выражать, но не служить ему причиной.

Но какъ же примирить этотъ ростъ съ увеличенiемъ числа пролетарiевъ. Этого Бернштейнъ намъ не разъясняетъ. Быть можетъ, пролетарiи въ постоянно увеличивающейся пропорцiи такъ много сберегаютъ изъ своей платы, что могутъ стать капиталистами? Правда, Бернштейнъ выражаетъ такое такое же почтенiе Шульце-Деличу, какъ и г. Ю. Вольфу. Но пока онъ этого прямо не выскажетъ, я не могу допустить, чтобы онъ думалъ, что увеличенiе числа собственниковъ можетъ происходить отъ сбереженiй рабочихъ. Остается только одна причина, имъ самимъ указанная: *раздѣленiе концентрированныхъ капиталовъ.*

Такiя раздѣленiя происходятъ, они безпрерывно совершаются. Ихъ причина—*наслѣдственное право.* Если феодальное наслѣдственное право требуетъ лишенiя наслѣдства всѣхъ дѣтей всякой супружеской пары въ пользу одного, то буржуазное право требуетъ равномѣрнаго раздѣленiя наслѣдства между всѣми дѣтьми. Этотъ институтъ, разумѣется, весьма значительно противодѣйствуетъ централизацiи капиталовъ, въ противномъ случаѣ она совершалась бы еще гораздо быстрѣе. Но если бы наслѣдованiе капиталовъ вело къ тому, что число капиталистовъ росло бы быстрѣе, чѣмъ все населенiе, то и естественный приростъ капиталистовъ тоже долженъ былъ бы быть больше. Но всѣмъ извѣстно, что въ дѣйствительности происходитъ какъ разъ обратное. Пролетарiи не даромъ носятъ свое имя, они производятъ многочисленныхъ proles (потомство). Напротивъ, вся семейная политика капиталистовъ ведетъ къ тому, чтобы по возможности противодѣйствовать децентрализующимъ послѣдствiямъ наслѣдованiя. Браки заключаются по возможности съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ результатѣ получилось соединенiе двухъ страстно стремящихся другъ къ другу капиталовъ, двухдѣтная система все болѣе распространяется среди высшихъ классовъ. Поэтому уже заранѣе нельзя допустить, чтобы они производили сравнительно болѣе многочисленное потомство, чѣмъ пролетарiи. Но откуда же тогда получается «широкое раздѣленiе уже концентрированныхъ капиталовъ»? Вѣдь, не раздариваютъ же капиталисты своихъ капиталовъ? Гдѣ же тогда фактъ, столь неудобный для соцiалистовъ, что они стараются скрыть или замолчать его? Мы не можемъ заставить Бернштейна вѣрить въ честность его бывшихъ соратниковъ, но намъ хотѣлось бы, по крайней мѣрѣ, знать, въ чемъ состоитъ наша нечестность.

Быть можетъ, Бернштейнъ полагаетъ, что «форма акціонернаго общества», хотя она прямо и ничего не измѣняетъ въ распредѣленіи собственности, развиваетъ все-таки изъ себя тенденціи, ведущія къ децентрализаціи капиталовъ? Онъ этого не говоритъ, и къ тому же нѣтъ ни малѣйшаго основанія допускать это. Все говоритъ въ пользу противоположнаго.

Надежныя, приносящія хорошіе проценты акціи захватываются крупными капиталистами. Для маленькихъ людей, изъ дающихъ высокіе проценты остаются только *ненадежныя* бумаги, которыя не являются средствомъ превратить неимущихъ въ собственниковъ, а помогаютъ лишь спекулянтамъ прикарманивать сбереженные гроши мелкой буржуазіи и пролетарской аристократіи.

Даже совсѣмъ не пессимистъ Леруа-Болье, въ своей, не разъ уже цитировавшейся, книгѣ вынужденъ признать: «До сихъ поръ акціонерныя общества, хотя и давали могучій толчокъ предпринимательскому духу и развивали производство, но, несомнѣнно, вели къ тому, что создавали *большое неравенство въ собственности*. Они дали возможность столичнымъ финансистамъ завладѣть весьма крупной частью сбереженій общества; они, въ гораздо большей степени, чѣмъ индустрія и торговля, положили собой начало колоссальнымъ имуществамъ... Они, несомнѣнно, повели къ безмѣрному обогащенію нѣсколькихъ ловкихъ авантюристовъ и къ обнищанію многочисленныхъ наивныхъ людей» (стр. 335,338). Допущеніе «широкаго раздѣленія уже концентрированныхъ капиталовъ» принимаютъ здѣсь иную форму, чѣмъ у нашего марксиста.

Разумѣется, Леруа Болье утѣшается здѣсь, какъ и повсюду, ожиданіемъ, что темныя стороны акціонернаго дѣла являются временными. Это онъ писалъ какъ разъ въ то время, когда основалось панамское общество.

Если форма акціонернаго общества является наилучшимъ средствомъ для того, чтобы ловить и стричь простяковъ, то съ другой стороны она служитъ средствомъ, дающимъ въ руки капиталистовъ-магнатовъ новую силу, такъ какъ она является ничѣмъ инымъ, какъ особой формой кредита. Кредитъ «не только самъ становится новымъ могучимъ оружіемъ при конкурренціи. Невидимыми нитями онъ стягиваетъ разсѣянныя по всей поверхности общества въ большихъ или меньшихъ массахъ денежныя средства въ руки индивидуальныхъ

или ассоцiированныхъ капиталистовъ. Онъ служитъ специфической машиной для концентрацiи капитала» (Марксъ).

По мнѣнiю Бернштейна, форма акцiонернаго общества «дѣлаетъ *излишнимъ* присвоенiе капиталовъ отдѣльными магнатами въ цѣляхъ концентрированiя промышленныхъ предпрiятiй». Но что проку въ этомъ, если «магнаты», не смущаясь этимъ, пользуются какъ разъ этой же формой для того, чтобы подчинить чужiе капиталы своимъ собственнымъ и, такимъ образомъ, создать и эксплуатировать столь обширныя «промышленныя предпрiятiя», для которыхъ ихъ собственныя средства не были бы еще достаточны?

Недавно только мы читали въ одной американской газетѣ, что номинальнаа цѣна сертификатовъ Standard-Oil-Trust'a составляетъ 97 250 000 долларовъ. Джонъ Д. Рокфеллеръ имѣетъ ихъ на сумму въ 49 000 000. Слѣдовательно, большинство голосовъ за нимъ, и акцiонерная форма является средствомъ, дающимъ ему возможность свободно распоряжаться суммой, почти вдвое превышающей его собственный вкладъ. Это можетъ казаться безразличнымъ съ точки зрѣнiя распредѣленiя прибыли. Но рѣшающимъ соцiальнымъ моментомъ является не распредѣленiе, а производство, а въ этой области сила, но вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы какого-нибудь Рокфеллера чрезмѣрно увеличивается, благодаря вкладамъ его соакцiонеровъ.

Будучи весьма далекимъ отъ того, чтобы уничтожить дѣйствiе концентрацiи капиталовъ, акцiонерное дѣло, наоборотъ, является средствомъ, усиливающимъ его. Только форма акцiонернаго общества дѣлаетъ возможнымъ появленiе гигантскихъ предпрiятiй, для которыхъ отдѣльный капиталъ недостаточенъ. Это та форма, въ которой совершается монополизацiя отдѣльныхъ отраслей хозяйствъ. Развѣ монопольное значенiе трестовъ, желѣзныхъ дорогъ, крупныхъ банковъ слабѣе потому, что они существуютъ въ формѣ акцiонерныхъ обществъ? И развѣ поэтому они являются менѣе послушными орудiями въ рукахъ отдѣльныхъ финансовыхъ магнатовъ, «узурпирующихъ и монополизирующихъ всѣ выгоды этого процесса провращенiя»?

У насъ нѣтъ статистики распредѣленiя акцiонерной собственности, но все говоритъ за то, что въ акцiонерномъ дѣлѣ совершается тотъ же процессъ накопленiя и централизацiи капитала, какой мы можемъ наблюдать въ капиталистическихъ предпрiятiяхъ. Благодаря акцiонерному дѣлу, увеличивается, очевидно, не число собственниковъ, а число празд-

ныхъ собственниковъ въ этомъ классѣ. Оно отвлекаетъ капиталистовъ отъ тѣхъ функцій, которыя они выполняли въ экономической жизни и дѣлаетъ ихъ излишними даже въ капиталистическомъ обществѣ. Этотъ фактъ, во всякомъ случаѣ, рѣзко иллюстрируется быстрымъ ростомъ числа акціонерныхъ обществъ.

«Постоянное увеличеніе числа товариществъ «на вѣрѣ», которыя отнимаютъ у капиталистовъ заботы насчетъ помѣщенія ихъ капиталовъ», на что ссылается Берштейнъ, какъ на признакъ роста числа собственниковъ, тоже доказываетъ только увеличеніе числа праздныхъ собственниковъ, доказываетъ, какъ быстро классъ капиталистовъ становится излишнимъ для экономической жизни общества, какъ этотъ классъ превращается все болѣе въ паразита на общественномъ тѣлѣ.

Быстрый ростъ акціонерныхъ обществъ доказываетъ не увеличеніе числа собственниковъ, а растущую ненужность капиталистическаго производства, растущую возможность, даже необходимость соціалистическаго производства.

Но у Бернштейна имѣется еще одно доказательство роста числа собственниковъ:

«Если бы мы не установили этого факта эмпирически, путемъ статистики доходовъ и занятій, то онъ самъ обнаружился бы чисто дедуктивнымъ путемъ, какъ необходимое слѣдствіе современнаго хозяйства.

Болѣе высокая продуктивность труда является главнымъ отличительнымъ признакомъ современной формы производства. Въ результатѣ получается не менѣе значительное повышеніе производства—массовое производство потребительныхъ благъ. Куда дѣвается это богатство? Или же ставя вопросъ ребромъ—куда дѣвается тотъ прибавочный продуктъ, который производятъ наемные рабочіе сверхъ своего собственнаго потребленія, ограниченнаго заработной платой? «Капиталисты-магнаты» могли бы имѣть въ десять разъ большіе желудки, чѣмъ имъ приписываетъ народная острота, и могли бы держать въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ они въ дѣйствительности держатъ, и все-таки въ сравненіи съ массой годового національнаго продукта—вспомнимъ, что капиталистическое крупное производство является прежде всего массовымъ производствомъ—ихъ потребленіе было бы каплей въ морѣ..... Куда же дѣвается, въ такомъ случаѣ, та масса товаровъ, которую магнаты и ихъ прислуга не могутъ поглотить? Если она тѣмъ или инымъ путемъ не попадаетъ къ

пролетаріямъ, то она должна быть перехватываема другими классами. Либо повышающееся относительное уменьшеніе числа капиталистовъ и увеличивающееся благосостояніе пролетаріата, либо многочисленный средній классъ—такова единственная альтернатива, которую намъ представляетъ повышающееся развитіе производства». (Стр. 51, 52).

Таково теоретическое доказательство Бернштейномъ его тезиса, который, какъ мы видѣли, при помощи статистики доходовъ и занятій отнюдь не «установленъ эмпирически». Своеобразное, что ни говорите, доказательство; доказательство, заключающееся въ вопросѣ: куда дѣвается богатство? Бернштейнъ не указываетъ, какъ и почему растущее общественное богатство увеличиваетъ число собственниковъ; онъ удовлетворяется тѣмъ, что не знаетъ, куда же въ противномъ случаѣ это богатство могло бы дѣться.

Попробуемъ дать отвѣтъ, который слѣдовало бы дать самому Бернштейну.

е) Употребленіе прибавочной цѣнности.

Здѣсь на первомъ планѣ сами капиталисты-магнаты. Чтобы убѣдиться въ томъ, что роскошь, расточительность въ ихъ рядахъ чрезмѣрно растетъ, а часто даже принимаетъ бѣшенныя формы,—для этого достаточно хоть разъ взглянуть на жизнь и времяпрепровожденіе «сливокъ» общества въ Нью-Іоркѣ, Парижѣ, Лондонѣ, на Ривьерѣ и другихъ элегантныхъ курортахъ. Виллы, замки, яхты этихъ людей, ихъ охоты, празднества, ухаживанія, любовницы, проигрыши, все это обходится каждому отдѣльному изъ этихъ «магнатовъ» всякій разъ въ большія суммы, расходы этихъ благородныхъ людей ошеломляюще растутъ, такъ что даже короли не всегда могутъ имъ подражать и должны пускаться на самыя грубыя хитрости для того, чтобы казалось, что они стоятъ на одной ногѣ съ высшимъ свѣтомъ. Что вокругъ магнатовъ группируется хвостъ изъ всякаго рода паразитовъ и что послѣдніе много способствуютъ «раздѣленію уже концентрированныхъ капиталовъ»—это вѣрно. Но когда Бернштейнъ говорилъ объ увеличеніи числа «собственниковъ», онъ, вѣдь, не думалъ объ этихъ паразитахъ, профессіональныхъ игрокахъ, жокеяхъ и т. п.

Но въ то время, какъ роскошь и расточительство отдѣльныхъ магнатовъ растетъ, ихъ число также быстро увеличивается, гораздо быстрѣе, чѣмъ все населеніе или рабочій

классъ. Это увеличеніе, скорѣе чѣмъ ихъ расточительство, можетъ быть установлено точными числами. Признакомъ быстраго расширенія круга капиталистовъ-магнатовъ можетъ служить тотъ фактъ, что въ Германіи съ 1892 по 1895 г. число промышленныхъ заведеній увеличилось всего на 4,6%, населеніе на 14,5 проц., число же гигантскихъ предпріятій болѣе, чѣмъ съ 1000 рабоч. на 100 проц. Такое же развитіе показываетъ, какъ мы видѣли, и довольно вѣрная саксонская статистика доходовъ. Общее число, внесенныхъ въ списокъ физическихъ лицъ съ 1879 по 1894 г. возрасло на **37,4** проц. съ 1 084 751 на 1 490 558; напротивъ, число физическихъ лицъ съ колоссальнымъ доходомъ, превышающимъ 54 000 марокъ— на **272** проц., съ 238 на 886. Число *такихъ* собственниковъ, правда, растетъ очень быстро.

Но не только число расточителей и ихъ расточительство растутъ въ такой степени, что лишь изумительный ростъ продуктивности труда при капиталистическомъ режимѣ удерживаетъ населеніе отъ окончательнаго обнищанія. Растетъ также и неразрывно связанное съ этимъ режимомъ, можно сказать не личное, расточительство.

Самъ Бернштейнъ указываетъ на двѣ причины такого расточительства. «Кризисы и непроизводительныя затраты на войско и проч. обходятся очень дорого, но въ послѣднее время», прибавляетъ онъ, «они поглощали только часть всего прибавочнаго продукта». Такъ обстояло дѣло не только въ послѣднее время. Весь вопросъ въ томъ, какъ значительны эти части. Потери отъ кризисовъ нельзя установить въ цифрахъ, но расходы на арміи—можно.

Въ Германіи расходы на армію, флотъ и на уплату процентовъ по государственнымъ долгамъ, заключеннымъ для военныхъ надобностей въ 1874 г., простирались до 368 милліоновъ марокъ, въ 1899 г., напротивъ, опредѣлялись въ 809 милліоновъ. Они, слѣдовательно, *болѣе, чѣмъ удвоились,* тогда какъ населеніе за это время возрасло всего съ 41 (въ 1871 г.) на 52 милліона (въ 1895 г.).

Но расточительство этимъ еще не исчерпано; необходимо вспомнить, что дѣйствующая армія тоже удерживаетъ отъ производительнаго труда ежегодно сотни тысячъ лицъ, находящихся въ наиболѣе рабочеспособномъ возрастѣ. Въ 1874 г. было 400 000, въ настоящее время имѣется 600 000 лицъ, рабочая сила которыхъ расточается такимъ образомъ. Допустимъ, что каждый изъ нихъ могъ бы производить ежегодно продуктовъ стоимостью только въ 1000 марокъ, считая вмѣ-

стѣ заработную плату и прибавочную цѣнность,—то расточительство, путемъ напрасной траты рабочей силы дѣйствующей арміи, уже достигнетъ суммы въ 600 милліоновъ марокъ. Прибавивъ къ этому денежные расходы по военному дѣлу, получаемъ для настоящаго времени сумму почти въ $1^1/_2$ милліарда, а 25 лѣтъ тому назадъ—въ 800 милліоновъ, сумму, ежегодно отнимаемую отъ народнаго хозяйства. За 25 лѣтъ Германія, благодаря своей арміи обѣднѣла приблизительно на 25 милліардовъ, что въ 6 разъ превышаетъ французскую контрибуцію. Это, какъ хотите, уже довольно значительная «часть всего прибавочнаго продукта». Что милитаризмъ не непремѣнно ведетъ къ абсолютному обнищанію націи, что онъ, какъ доказываетъ и сама Германія, можетъ сопровождаться значительнымъ ростомъ общественнаго богатства,—этимъ мы обязаны громадной производительности труда при капиталистическомъ режимѣ. Но милитаризмъ, разумѣется, становится тѣмъ болѣе гибельнымъ для тѣхъ націй, въ которыхъ нѣтъ сильной и обладающей большими капиталами крупной промышленности. Тамъ «часть всего прибавочнаго продукта», имъ поглощаемая, до того увеличивается, что экономическая жизнь замираетъ, какъ это ясно видно изъ примѣра Италіи и Испаніи.

Но милитаризмъ и кризисы не являются единственными причинами расточительства въ капиталистическомъ обществѣ. На другія причины пишущій эти строки указалъ въ «Neue Zeit» (1889 г.) въ статьѣ: «Расточительство при капиталистической формѣ производства» (стр. 25 и сл.). Я позволю себѣ повторить нѣкоторыя изъ приводившихся тамъ соображеній.

Довольно значительной причиной расточительства является *мода*. Измѣнчивость моды—это совсѣмъ не естественный законъ, а особенность опредѣленнаго состоянія общества.

«Въ настоящее время охотно объясняютъ общественныя явленія при помощи естественно-научныхъ терминовъ. Корни исторически столь юной «свободной конкурренціи» найдены въ «вѣчномъ естественномъ законѣ» «борьбы за существованіе», а нелѣпая измѣнчивость моды превратилась въ естественную необходимость, такъ какъ ее сводятъ къ половому отбору. При этомъ упускается изъ виду одно маленькое обстоятельство, а именно то, что сущностью моды является измѣнчивость, тогда какъ характеры, обязанные своимъ происхожденіемъ половому отбору, оставались неизмѣнными въ теченіе цѣлыхъ историческихъ періодовъ. И въ самомъ человѣческомъ

родѣ мы видимъ, что первобытные народы крѣпко держатся за свою одежду и свою архитектуру и передаютъ ихъ неизмѣненными отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Только при извѣстномъ состояніи общества мы находимъ быструю смѣну модъ: въ революціонныя эпохи, когда характеръ общества быстро мѣняется, и въ эпохи пышной роскоши, когда, съ одной стороны, господствующіе классы получаютъ такъ много прибавочной цѣнности или прибавочнаго продукта, что вынуждены расточать, по крайней мѣрѣ, часть его для того, чтобы избавиться отъ него, и когда, съ другой стороны, проституція становится общественной силой.

Половой отборъ въ животномъ мірѣ вызываетъ кричащія особенности у *самцовъ*: гривы, пестрое опереніе, рога, пѣвчіе голоса и т. д. «Половой отборъ», примѣняемый кокотками высшаго и низшаго пошиба, вызываетъ, напротивъ, появленіе кричащихъ *женскихъ* платьевъ... Но наиболѣе кричащимъ является новое. Вотъ причина постоянныхъ измѣненій въ модахъ... Но не это одно только вызываетъ измѣненіе въ модахъ. Быть всегда одѣтой по послѣдней модѣ, это признакъ благосостоянія, къ тому же тѣмъ большаго, чѣмъ быстрѣе мѣняются моды. Желательно не только постоянно носить новое, но и указывать на то, что это новое не только ново, но и отличается отъ стараго. Ничего, бывшаго въ ходу за послѣдній сезонъ, нельзя носить въ текущемъ сезонѣ... Но въ настоящее время не только дамы высшаго свѣта быстро мѣняютъ свои наряды. Мы знаемъ, какіе дешевые и скверные товары вынуждены покупать рабочіе. Платья дѣвушекъ и женщинъ изъ народа такъ быстро изнашиваются, что ихъ въ скоромъ времени необходимо замѣнять новыми. А если новыя, то почему бы и не модныя? Это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру нашего времени, которое стремится все болѣе сглаживать внѣшнія различія въ положеніи и въ которомъ все находится въ процессѣ постояннаго теченія, все стремится къ новому. Раньше измѣненіе модъ было привилегіей верхнихъ десяти тысячъ. А въ настоящее время «эти дамы», преисполненныя нравственнаго негодованія, замѣчаютъ, что даже среди служанокъ и фабричныхъ работницъ все болѣе распространяется «страсть» постоянно носить модное платье. Въ настоящее время смѣна модъ совершается уже не въ узкомъ кругѣ, ея дѣйствіе простирается на все общество и ясно обнаруживается въ производствѣ. Однимъ ударомъ она обезцѣниваетъ цѣлую массу наполовину или даже совсѣмъ нетронутыхъ фабрикатовъ, которые гніютъ или выбрасыва-

ются, если матеріалъ, изъ котораго они состоятъ нельзя обработать вторично. Подобное измѣненіе моды равносильно огромному расточенію разнообразныхъ продуктовъ. Но именно этимъ она уменьшаетъ перепроизводство и создаетъ спросъ на новые продукты. Поэтому торговцы и фабриканты соотвѣтствующихъ товаровъ не въ малой мѣрѣ содѣйствуютъ быстрой и рѣзкой смѣнѣ модъ, а иногда даже вызываютъ ее.

Въ низшихъ слояхъ народа измѣненіе моды относится только къ платью; у состоятельныхъ же и на домашней обстановкѣ. Благодаря безстильности и безхарактерности нашего времени, они, къ своему удовольствію, могутъ, какъ угодно, мѣнять стиль своихъ помѣщеній; сегодня германскій renaissance en vogue, завтра—сумасшедшій китайскій стиль, послѣзавтра пошлый стиль первой французской имперіи, пока, въ концѣ концовъ, не доходятъ до безпорядочнаго восточнаго брик-а-брака. Что это вѣчная смѣна мебели, ковровъ и т. д. обусловливаетъ собою значительное расточеніе труда и матеріаловъ—очевидно всякому...

Упомянемъ объ одной еще только, свойственной капиталистическому способу производства формѣ расточительства, вызванную ростомъ крупныхъ городовъ...

Скученность большихъ массъ людей на небольшомъ пространствѣ является зломъ, все болѣе увеличивающимся, задачи санитарной техники, благодаря ей, все болѣе осложняются. Задачи, представляющія въ деревнѣ незначительныя трудности или даже не представляющія никакихъ трудностей, какъ, напр., снабженіе питьевой водой или отвозъ и истребленіе нечистотъ, подвозъ съѣстныхъ припасовъ, устройство площадей для игры и отдыха,—вызываютъ въ большомъ городѣ необходимость устройства дорогихъ парковъ, гигантскихъ зданій, боенъ, водопроводовъ, канализацій и т. д. Съ гордостью и восторгомъ указываютъ одописцы нашего общества на эти современныя чудеса, столь далеко превосходящія чудеса древняго міра, а все-таки эти тріумфы человѣческаго духа являются только палліативами, служащими для облегченія ставшихъ невыносимыми золъ, совсѣмъ неизвѣстныхъ первобытному человѣку. Нѣсколькихъ десятилѣтій, а часто даже нѣсколькихъ лѣтъ достаточно для того, чтобы дѣйствіе ихъ, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго роста городского населенія, стало иллюзорнымъ, чтобы понадобились новыя, еще болѣе великолѣпныя, болѣе дорогія строенія, если городъ вообще желаетъ оставаться годнымъ для поселенія. Въ Парижѣ проектируется уже устройство водопровода изъ Швейцаріи и ка-

нализаціи въ море. Подобныя гигантскія сооруженія въ обществѣ, въ которомъ уничтожено было бы противорѣчіе между городомъ и деревней, стали бы совершенно излишними. Ихъ устройство равносильно расточительству, но при современной формѣ производства оно необходимо. Какое огромное расточеніе матеріаловъ для удобренія связано съ этимъ—извѣстно всякому.

Эта постоянно растущая потребность въ подобнаго рода сооруженіяхъ, само собою разумѣется, весьма благопріятствуетъ развитію строительнаго дѣла. Ростъ крупныхъ городовъ содѣйствуетъ ему еще и съ другой стороны. Деревня все болѣе пустѣетъ, ея обитатели тянутся въ городъ... Крестьянскія хижины пустѣютъ, ихъ прежніе обитатели нуждаются въ городѣ въ новыхъ помѣщеніяхъ. Становится необходимой обширная строительная дѣятельность, не подъ вліяніемъ роста населенія, а просто, благодаря переселенію, переселенію, вызванному не привлекательными сторонами болѣе здоровой, болѣе пріятной или болѣе плодородной мѣстности, не желаніемъ болѣе продуктивнаго приложенія собственнаго труда, а просто потребностью быть ближе къ міровому рынку, на которомъ всякій товаръ, въ томъ числѣ и товаръ—рабочая сила, скорѣе можетъ надѣяться найти себѣ покупателя, чѣмъ въ глухихъ углахъ, лежащихъ далеко отъ мірового рынка.

Но ростъ крупныхъ городовъ вызываетъ въ то же время извѣстную строительную дѣятельность и въ деревнѣ. Несмотря на всѣ гигіеническія учрежденія и мѣры предосторожности, крупные города становятся все болѣе нездоровыми, все большей необходимостью является для горожанъ, чтобы хоть отчасти смягчить это вліяніе, часть года проводить внѣ города на свѣжемъ деревенскомъ воздухѣ, въ горахъ, у моря. То, что раньше считалось особой роскошью придворнаго дворянства, а именно, имѣть помѣщеніе въ резиденціи и въ то же время въ деревнѣ,—въ настоящее время дѣлается все болѣе общей потребностью всякой, даже весьма скромной, буржуазной семьи. Рядомъ съ пустѣющими крестьянскими хижинами появляются виллы и отели, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ году переполненные, но за то все остальное время пустующіе.

Ростъ крупныхъ городовъ ведетъ, слѣдовательно, къ постоянному увеличенію числа домовъ, которыми не все время пользуются, постройка которыхъ равносильна расточительству.

Въ той же мѣрѣ, въ какой увеличивается крупный городъ, совершаются перемѣны и внутри его. Вся дѣловая жизнь сосредоточивается въ его центральномъ пунктѣ, въ небольшой, сравнительно, части города. Туда ежедневно собирается населеніе, поскольку оно принимаетъ участіе въ коммерческой жизни, туда стекается вся масса товаровъ, которые потребляетъ крупный городъ, или для которыхъ онъ является складочнымъ мѣстомъ; оттуда люди и товары текутъ обратно къ периферіи или въ каналы міровой торговли. Постоянный потокъ людей и товаровъ расширяется съ каждымъ годомъ, требуетъ постояннаго расширенія путей сообщенія внутри самого города, проложенія отъ времени до времени новыхъ такихъ путей, расширенія сѣти городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. п. И въ то время, какъ пространство, остающееся для домовъ, все болѣе суживается по этой причинѣ, спросъ на конторы, магазины, лавки въ центрѣ города — растетъ. Удовлетворить этотъ спросъ, значитъ замѣнять старые, болѣе низкіе дома новыми, все болѣе высокими. Слѣдствіемъ всего этого является постоянное революціонированіе центра города — постоянный сносъ и постройка новыхъ зданій, причемъ все это вызвано не ростомъ населенія, не техническими соображеніями, положимъ, ветхостью зданій, а исключительно извѣстными особенностями современной формы производства.

И здѣсь, какъ и во всѣхъ областяхъ, подчиненныхъ ея господству, она оказывается революціонной формой производства par excellence, не знающей ничего длительнаго; сегодня она лишаетъ цѣны то, что вчера лишь произвела, стремится сдѣлать все негоднымъ къ употребленію, прежде чѣмъ оно въ дѣйствительности стало таковымъ, и съ легкимъ сердцемъ заявляетъ сегодня, что весь вчерашній трудъ растраченъ понапрасну, для того, чтобы на завтра быть въ состояніи расточать новый трудъ».

Дальнѣйшія иллюстраціи и обоснованія этого положенія — завели бы насъ слишкомъ далеко. Укажемъ только еще на одинъ видъ расточительства.

Капиталистическое развитіе ведетъ къ постоянному увеличенію промышленной резервной арміи, что доказано Марксомъ и чего не станетъ отрицать даже Бернштейнъ — по крайней мѣрѣ, онъ нигдѣ не высказывается по этому поводу. Одна часть этихъ безработныхъ появляется передъ нами въ видѣ безработныхъ; другая — въ формѣ всевозможныхъ паразитирующихъ существъ, изъ которыхъ мелкіе посредники и мелкіе торговцы болѣе всего распространены.

Сравнимыхъ статистическихъ данныхъ о числѣ безработныхъ въ разныя времена—у насъ не имѣется. Ихъ число мѣняется вмѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ. Всѣ показанія говорятъ за то, что во время кризиса восьмидесятыхъ годовъ число это приняло угрожающіе размѣры. Не меньше оно было и во время депрессіи вначалѣ этого десятилѣтія, т. е., съ 1892 г. по 1894 г.; но даже въ періоды расцвѣта мы не вполнѣ избавляемся отъ безработныхъ. Въ 1895 г. была сдѣлана перепись безработнымъ въ Германіи. Тогда уже начался періодъ экономическаго расцвѣта. 14 го іюня ихъ было 299 352, а 2-го декабря—771 005, что составляетъ 1,9%, resp. 4,8% всѣхъ, вошедшихъ тогда въ перепись, наемныхъ рабочихъ.

Изъ вошедшихъ въ перепись, было безработныхъ:

По болѣзни		По другимъ причинамъ	
14-го іюня	2-го декабря	14-го іюня	2-го декабря
120 348	217 365	179 004	553 640

Итакъ, безработные не по болѣзни составляли всего 1,11% лѣтомъ, а зимою 3,43% наемныхъ рабочихъ. Колебанія въ степени безработицы были громадны въ отдѣльныхъ профессіяхъ. Такъ, насчитывалось:

	Безработные (не больные)		Число безработн., выражен. въ процентахъ всѣхъ наемныхъ рабочихъ		На 100 безработн. въ іюнѣ приходилось въ декабрѣ
	14-го іюня	2-го декабря	14 іюня	2 декабря	
Сельское хозяйство . .	18 442	158 340	0,33	2,82	858,06
Каменное и земляное производство . . .	3 058	20 615	0,65	4,40	674,01
Строительное дѣло . .	19 408	145 121	1,68	12,60	747,74

Особенно сильно обнаруживается безработица въ отдѣльныхъ крупныхъ городахъ. Насчитывалось безработныхъ (не больныхъ):

14-го іюня 1895 г.	Процентъ рабочихъ
Въ Гамбургѣ . . .	6,24
» Альтонѣ . . .	5,79
» Берлинѣ . . .	4,70
» Лейпцигѣ . . .	4,05

2-го декабря 1895 г.	Процентъ рабочихъ
Въ Альтонѣ	9,51
» Данцигѣ	9,09
» Кенигсбергѣ . .	7,57
» Штеттинѣ . . .	7,19
» Гамбургѣ . . .	6,94
» Берлинѣ . . .	6,36
» Магдебургѣ . .	6,11

Эти цифры какъ разъ довольно высоки. Но онѣ, очевидно, приняли бы совершенно иной характеръ, если бы, вмѣсто того, чтобы дать намъ перепись двухъ моментовъ, записывали бы каждаго, кто въ теченіе года хоть разъ былъ безработнымъ и если бы причислили къ безработнымъ каждаго, кто былъ лишенъ занятія въ своей главной профессіи.

Въ Англіи среди организованныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ гораздо постояннѣе, чѣмъ трудъ массы неорганизованныхъ, число безработныхъ составляло въ 1893 г. 7,5%, въ 1894 г. 6,9%, а въ 1895 г. 5,8% всѣхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ.

Самая лучшая перепись безработныхъ—это, повидимому, послѣдняя перепись въ Соединенныхъ Штатахъ. Она основывается не на «описи момента», а обнимаетъ всѣхъ, хоть разъ въ теченіе года не имѣвшихъ занятія въ своей профессіи (отъ 1-го іюня 1889 г. до 31 мая 1890 г.). Насчитывалось 3 013 117 мужскихъ и 510 613 женскихъ безработныхъ, т. е., 16%, resp. 13% всѣхъ *занятыхъ работой* (не просто наемныхъ рабочихъ) соотвѣтствующаго пола. И это было въ періодъ экономическаго расцвѣта!

Безработные раздѣлялись по отдѣльнымъ отраслямъ промышленности слѣдующимъ образомъ:

Профессіи	Лицъ, занятыхъ въ работѣ, муж. пола, старше 10 л.			Лицъ, занятыхъ въ работѣ, жен. пола, старше 10 л.		
	Всего	Изъ нихъ безработныхъ		Всего	Изъ нихъ безработныхъ	
		Число	%		Число	%
Сел. хоз. рыболовство, горн. дѣло	8333813	1120827	13,45	679523	108973	16,04
Своб. проф. profesional service.	632646	54654	8,64	311657	87920	28,21
Личное услуженіе	2692879	689307	25,60	1667698	130774	7,84
Тор. и обращеніе	3097701	247757	8,00	228421	15114	6,62
Индустрія . . .	4064051	900572	22,16	1027242	167832	16,34
Итого	18 821 090	3 013 117	16,01	3914541	510 613	13,00

Итакъ, больше всего безработныхъ мы видимъ въ рубрикахъ: индустрія и личное услуженіе—почти *одна четверть* всѣхъ занятыхъ этими работами!

Изъ вошедшихъ въ перепись не имѣли работы въ теченіе:

Безработные	1—3 мѣсяц.		4—6 мѣсяц.		7—12 мѣсяц.	
	Число	Проц.	Число	Проц.	Число	Проц.
Мужскаго пола	1 553 750	51,57	1 179 426	39,14	279 932	9,29
Женскаго пола	265 106	51,92	188 992	37,01	56 515	11,07

Итакъ, почти половина безработныхъ не имѣла работы болѣе 4-хъ мѣсяцевъ въ году! По вычисленію сводного отчета ежемѣсячно можно найти въ странѣ среднимъ числомъ *свыше милліона* безработныхъ, т. е., почти *пять процентовъ* весго трудящагося населенія.

Какой видъ принимаютъ эти цифры во время кризиса— на этотъ счетъ у насъ нигдѣ еще нѣтъ переписи.

Но безработные составляютъ только одну часть того относительнаго перенаселенія, которое создается развитіемъ капитализма. Тотъ, кто лишается работы въ своей профессіи, не принадлежитъ къ организаціи, его поддерживающей, и не имѣетъ надежды въ скоромъ времени опять найти мѣсто въ своей профессіи,—тотъ старается пристроиться въ другой области; болѣе всего приспособлена къ этому паразитская мелкая торговля, самостоятельныя «предпріятія» которой—разные разносчики, мелкіе лавочники и проч.—очень часто являются не чѣмъ инымъ, какъ замаскированной безработицей, стоящей чуточку выше голаго нищенства.

Съ 1882 г. по 1895 г. въ Германіи число трудящихся въ сельскомъ хозяйствѣ почти совсѣмъ не измѣнилось, въ промышленности оно возрасло на 29,5%, въ торговлѣ и обращеніи на цѣлыхъ 49%.

Здѣсь, кстати, въ качествѣ иллюстраціи къ сказанному выше насчетъ строительнаго дѣла, можно замѣтить, что въ то время, какъ число трудящихся во всей индустріи увеличилось на 29,5%, число занятыхъ въ строительномъ дѣлѣ, которое къ тому же носитъ чисто мѣстный, а не экспортный характеръ, возрасло на 42,9%, тогда какъ общая сумма населенія увеличилась всего на 14,5%.

Уже одни эти примѣры указываютъ намъ на цѣлый рядъ явленій, которыя въ состояніи и безъ увеличенія числа собственниковъ поглощать продукты увеличивающейся продуктивности. Съ одной стороны, постоянно растущее расточеніе рабочихъ силъ, увеличеніе числа непроизводительныхъ

элементовъ въ обществѣ; съ другой—увеличивающееся расточеніе продуктовъ труда.

При этомъ мы еще совсѣмъ не упомянули о главнѣйшемъ сточномъ каналѣ для постояннаго растущаго перепроизводства продуктовъ: *о накопленіи капитала*.

Бернштейнъ смотритъ на дѣло такъ, какъ будто мы живемъ въ эпоху натуральнаго хозяйства, когда эксплуататоръ не могъ ничего иного дѣлать съ попадавшимъ къ нему въ натуральной формѣ прибавочнымъ продуктомъ, выжатымъ у подданныхъ, какъ только съѣдать его совмѣстно со своими сотрапезниками и слугами: «Капиталисты-магнаты могли бы имѣть въ десять разъ большіе желудки, чѣмъ имъ приписываетъ народная острота, и держать въ десять разъ больше прислуги, чѣмъ они въ дѣйствительности держатъ,—все же, по сравненію со всей массой годового національнаго продукта, ихъ потребленіе было бы каплей въ морѣ».

Итакъ, по мнѣнію Бернштейна, капиталисты-магнаты никакъ не могутъ иначе поступить со своимъ годовымъ доходомъ, какъ только откармливать себя и своихъ слугъ! Не диво, что онъ задаетъ вопросъ: куда дѣвается прибавочный продуктъ?

Если бы онъ вспоминалъ о «Капиталѣ» и съ иной цѣлью, чѣмъ для выуживанія противорѣчій и тенденціозныхъ искаженій, то онъ, навѣрное, помнилъ бы еще, что 22-ая глава, изображающая превращеніе прибавочной стоимости въ капиталъ, является одной изъ важнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ во всей книгѣ. Годовой доходъ капиталиста дѣлится на двѣ части: на фондъ личнаго потребленія и на фондъ накопленія. Чѣмъ больше одинъ, тѣмъ меньше другой. Но общественная задача капиталиста состоитъ главнымъ образомъ въ накопленіи, въ нагроможденіи капитала. Въ начальныхъ стадіяхъ капиталистической формы производства, когда продуктивность труда и норма прибавочной стоимости, а, слѣдовательно, доходы средняго капиталиста—невысоки, расточительный образъ жизни капиталиста сильно угрожаетъ накопленію капитала. Расточительство въ тѣ времена считается дворянскимъ порокомъ, а бережливость и даже скупость противопоставляется ему, какъ гражданская добродѣтель. Но чѣмъ болѣе растетъ продуктивность труда, тѣмъ больше накопленіе можетъ ускоряться и въ то же время роскошь капиталистовъ расти. «Магнатъ» можетъ давать большій просторъ своимъ грубымъ и изысканнымъ наклонностямъ и все-таки каждый годъ превра-

щать въ новыя средства производства большую сумму прикарманиваемой имъ прибавочной стоимости.

Если Бернштейнъ задаетъ вопросъ, куда дѣвается прибавочный продуктъ, то пусть онъ посмотритъ на новыя машины, устраиваемыя рядомъ со старыми, на новыя фабрики, заводы, рудники, желѣзныя дороги, появляющіяся рядомъ со старыми; пускай онъ далѣе посмотритъ, какъ въ странахъ, которыя всего нѣсколько десятилѣтій, а часто всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ были еще пустыней или родиной первобытныхъ варваровъ,—появляются развитое капиталистическое сельское хозяйство, капиталистическій транспортъ, капиталистическая индустрія: вся эта безконечная масса новыхъ средствъ производства является продуктомъ прибавочнаго труда, доставляемаго капиталу пролетаріями. Все это такой же «прибавочный продуктъ», присваиваемый капиталистомъ, какъ и его трюфели и устрицы, рысаки и дворцы, брилліанты его жены и его любовницъ.

Въ классѣ капиталистовъ развивается роскошь, неслыханная со временъ римской имперіи; съ этимъ связано увеличеніе продуктивности труда и расширеніе сферы капиталистическаго производства въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій съ быстротой, не имѣющей въ міровой исторіи ничего хоть сколько-нибудь ее напоминающаго; и несмотря на это рѣзкое, прямо-таки баснословное развитіе, Бернштейнъ спрашиваетъ: что дѣлается съ прибавочнымъ продуктомъ? И онъ полагаетъ, что весь прибавочный продуктъ, не находящій себѣ мѣста въ толстыхъ животахъ магнатовъ, долженъ наполнить животы другихъ собственниковъ; а такъ какъ всякій животъ, даже у самаго крупнаго милліонера, имѣетъ лишь ограниченную емкость, то для него увеличеніе массы прибавочной стоимости, естественно, равносильно увеличенію числа животовъ, долженствующихъ ее вмѣстить, и превращенію владѣльцевъ этихъ животовъ въ собственниковъ.

Такимъ способомъ Бернштейнъ подымаетъ «Капиталъ» на высшую ступень научности, растворяя его противорѣчія и софизмы въ желудочномъ соку собственниковъ.

Но довольно объ увеличеніи массы прибавочной стоимости и объ увеличеніи числа собственниковъ. Мы видимъ, что первое явленіе отнюдь не необходимо обусловливаетъ собою второе. Точно такъ же, какъ цифры статистики подоходныхъ налоговъ и акціонерное дѣло и ростъ числа наемныхъ рабочихъ, продуктивности ихъ труда и растущая эксплуатація ихъ—а результатомъ всего этого является и ростъ массы

прибавочной стоимости—тоже совсѣмъ не доказываютъ, что распредѣленіе имущества развивается въ иномъ направленіи, а не ведетъ къ концентраціи капитала.

Пунктъ этотъ могъ бы быть всѣмъ этимъ исчерпанъ, но, чтобы не дать повода къ недоразумѣніямъ, мы должны прибавить еще нѣкоторыя соображенія.

Мы видѣли, что Бернштейнъ не даетъ намъ возможности точно узнать, что онъ понимаетъ подъ увеличеніемъ числа собственниковъ; увеличеніе ли числа капиталистовъ, повышеніе ли жизненнаго уровня всего населенія, или же возникновеніе новаго средняго сословія на мѣстѣ идущаго къ упадку стараго. Это—три весьма различныхъ явленія, которыя слѣдуетъ строго отличать другъ отъ друга.

Какъ обстоитъ дѣло съ увеличеніемъ числа капиталистовъ это мы видѣли. Мы находимъ до сихъ поръ быстрое увеличеніе числа крупныхъ капиталистовъ и, наоборотъ, относительное пониженіе числа мелкихъ предпринимателей, причемъ ни одинъ изъ признаковъ не говоритъ за то, что это пониженіе можетъ подъ вліяніемъ акціонернаго дѣла превратиться въ увеличеніе числа мелкихъ капиталовъ.

Другимъ вопросомъ является «обнищаніе» народной массы. Ясно, что общее благосостояніе класса наемныхъ рабочихъ можетъ повыситься при одновременномъ уменьшеніи числа мелкихъ капиталистовъ.

Бернштейнъ считаетъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ, онъ считаетъ излишнимъ поближе разсмотрѣть его: «Отъ теоріи обнищанія отказались почти всѣ, если не отъ всѣхъ ея выводовъ и не высказывая этого прямо, то, по крайней мѣрѣ, по возможности, оставляя ее совершенно въ сторонѣ (стр. 140).

Но дѣло не такъ просто и не такъ удобно, и въ виду того, что какъ разъ эта самая «теорія» за послѣднее время даже въ партійныхъ кругахъ, не считая Бернштейна, подверглась нападкамъ, то мнѣ кажется умѣстнымъ посвятить ей здѣсь нѣсколько соображеній.

f) Теорія обнищанія.

Точно такъ же, какъ слова «теорія краха» и «теорія катастрофы», и слово «теорія обнищанія» обязано своимъ происхожденіемъ не Марксу и Энгельсу, а критикамъ ихъ взглядовъ.

Правда, Марксъ въ своей главѣ объ исторической тенденціи накопленія капитала говоритъ о ростѣ «массы нищеты,

угнетенія, порабощенія, вырожденія, эксплуатаціи», но онъ тамъ говоритъ и о «возмущеніи рабочаго класса, постоянно возрастающаго и самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства вышколеннаго, объединеннаго и организованнаго».

Бернштейнъ утверждаетъ, что отсюда нельзя заключить, что Марксъ говоритъ о растущей зрѣлости и силѣ пролетаріата:

«Можно ли въ томъ мѣстѣ марксова положенія о крахѣ, гдѣ говорится о растущемъ числѣ, объединеніи и вышколенности пролетаріата, видѣть утвержденіе о растущей зрѣлости и силѣ пролетаріата,—это зависитъ отъ того, насколько эту силу и зрѣлость можно примирить съ вырожденіемъ и рабствомъ того же самаго пролетаріата. Я, разумѣется, далекъ отъ того, чтобы копаться въ словахъ, однако, могу сказать, что въ такомъ случаѣ для меня существуетъ большая разница между растущимъ числомъ, объединеніемъ, вышколенностью—подъ которой, вѣдь, здѣсь слѣдуетъ понимать главнымъ образомъ политическую выучку—и растущей зрѣлостью и силой,—такая же разница, какая существуетъ между временной побѣдой и длительнымъ господствомъ» («Vorwärts», 21 апрѣля).

Разумѣется, плохо было бы дѣло, если бы намъ необходимо было «копаться въ словахъ» для того, чтобы уяснить себѣ смыслъ цитируемаго мѣста. Но какъ бы оно ни было двусмысленно само по себѣ, оно заканчиваетъ собою объемистое произведеніе въ 800 страницъ, произведеніе, появившееся въ итогѣ болѣе, чѣмъ двадцатилѣтней научной и политической дѣятельности. Кто хочетъ понять это лаконическое положеніе, резюмирующее собою все произведеніе, тотъ долженъ не копаться въ словахъ, а имѣть передъ глазами всю дѣятельность Маркса и всю суть его произведеній. Но прежде всего необходимо обращать вниманіе на факты дѣйствительности.

Если мы такъ станемъ поступать, то найдемъ три возможныхъ толкованія «теоріи обнищанія», толкованія не исключающія одно другое, а дополняющія и тѣснѣйшимъ образомъ связанныя.

Прежде всего, это положеніе можно понять, какъ признаніе двухъ противодѣйствующихъ одна другой *тенденціи*—къ униженію и къ возвышенію пролетаріата. Но антагонизмъ между обѣими этими тенденціями есть не что иное, какъ антагонизмъ между самими капиталистами и наемными рабочи-

ми. Капиталисты безпрерывно стремятся и подъ давленіемъ конкурренціи даже вынуждены все болѣе угнетать своихъ рабочихъ, удлинять ихъ рабочее время, уменьшать ихъ заработную плату, увеличивать ихъ зависимость и т. д. Но съ такой же необходимостью, рано или поздно, противъ этого возстаетъ порабощенный и угнетенный, но въ то же время самимъ процессомъ производства объединенный и организованный, рабочій классъ.

Это—всѣмъ извѣстное явленіе. Но вотъ являются либеральные экономисты и заявляютъ: да, это вѣрно, но тенденція къ обнищанію пролетаріата—это только переходящее явленіе, замѣчающееся въ начальной стадіи капиталистической формы производства; съ теченіемъ времени она исчезаетъ.

Но это невѣрно. Исчезли только кое-какія *слѣдствія* этой тенденціи, но не сама тенденція. Она неразрывно связана съ системой капиталистической эксплуатаціи и можетъ исчезнуть только съ устраненіемъ этой послѣдней.

Стремленіе предпринимателей ухудшить положеніе рабочихъ или, по крайней мѣрѣ, всѣми силами противодѣйствовать попыткамъ къ улучшенію ихъ положенія—это стремленіе является необходимымъ слѣдствіемъ капиталистической формы производства, конкурренціи и погони за прибылью, побуждающихъ къ постоянной экономіи во всѣхъ издержкахъ производства, а, слѣдовательно, и въ издержкахъ на трудъ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ нѣкоторые фабриканты заходятъ такъ далеко—они всегда являются только бѣлыми воронами между фабрикантами—,что признаютъ, какъ сильно хорошая плата и короткое рабочее время увеличиваютъ продуктивность труда, но этимъ не устраняются ихъ стремленія къ «обнищанію». Именно эти интеллигентные фабриканты обыкновенно болѣе всего думаютъ о томъ, какъ бы при помощи сберегающихъ трудъ методовъ и машинъ уменьшить число своихъ рабочихъ и замѣнить квалифицированную рабочую силу простой. Мы видимъ также образующіеся повсюду союзы предпринимателей для завершенія порабощенія и вырожденія рабочихъ въ безвольныхъ рабовъ.

Тамъ, гдѣ рабочимъ удается кое-что вырвать у капиталистовъ, какъ это мы видимъ въ Англіи, формы борьбы между капиталистической тенденціей къ обнищанію и пролетарской—къ возвышенію смягчаются, но сама эта борьба остается и принимаетъ все болѣе гигантскіе размѣры, такъ какъ масса, рѣшимость и боевая способность борющихся съ обѣихъ сторонъ постоянно растетъ.

Слѣдовательно, въ смыслѣ тенденціи, на почвѣ капиталистическаго общества *неискоренимой тенденціи,* проявляющейся всякій разъ все въ болѣе широкихъ размѣрахъ, выраженіе объ увеличеніи нищеты и порабощенія и въ то же время возмущенія—вполнѣ вѣрно.

Но фактамъ не противорѣчитъ еще и другое пониманіе. Слово *нищета* можетъ имѣть значеніе *физической нищеты*, но также и *нищеты соціальной.* Нищета въ первомъ смыслѣ измѣряется *физіологическими* потребностями человѣка, которыя, правда, не вездѣ и не во всѣ времена оставались неизмѣнными, но которыя все-жъ таки не такъ быстро развивались, какъ *соціальныя потребности*, неудовлетвореніе которыхъ порождаетъ соціальную нищету. Если понять это слово въ физіологическомъ его смыслѣ, то тогда, правда, выраженіе Маркса было бы несостоятельнымъ. Какъ разъ въ наиболѣе прогрессивныхъ странахъ нельзя уже констатировать общаго увеличенія физической нищеты; всѣ факты, напротивъ, указываютъ на то, что въ этихъ странахъ физическая нищета уменьшается, хотя крайне медленно и далеко не повсюду. Жизненный уровень рабочаго класса въ настоящее время болѣе высокій, чѣмъ какимъ онъ былъ 50 лѣтъ тому назадъ. Конечно, ошибочно было бы измѣрять его повышеніе повышеніемъ денежной платы. Не слѣдуетъ забывать, какъ сильно съ тѣхъ поръ вздорожали средства къ жизни. Цѣны на хлѣбъ въ послѣдніе годы упали, цѣны на мясо колеблются, за то цѣны за квартиры и налоги весьма повысились, точно также увеличились и другія подати, взимаемыя съ рабочаго класса. Указываютъ на уменьшеніе числа нищихъ, какъ это можно, напр., увидѣть въ Англіи, и забываютъ, что за то профессіональные союзы и другія вспомогательныя кассы должны на взносы рабочихъ содержать массу безработныхъ, больныхъ, инвалидовъ, которые въ противномъ случаѣ попадали бы въ богадѣльни или даже на каторгу. Эти расходы, которые раньше въ видѣ поддержки бѣднымъ брались главнымъ образомъ изъ налоговъ на состоятельныхъ, слѣдуетъ отнять отъ повышенной платы, если сравниваютъ настоящее съ прошлымъ.

Успѣхъ далеко не такой большой, какимъ онъ кажется при взглядѣ на денежную плату, и даже выраженіе денежной платы въ хлѣбѣ даетъ еще слишкомъ благопріятные результы, такъ какъ оставляетъ безъ вниманія какъ разъ тѣ потребности, которыя вздорожали.

Нигдѣ условія развитія рабочаго класса не были такъ благопріятны, какъ въ Англіи. Столь трезвый и столь мало склонный къ преувеличеніямъ изслѣдователь, какъ Сидней Веббъ, прослѣдилъ измѣненія, происшедшія въ положеніи англійскаго пролетаріата, начиная съ 30-хъ годовъ, и нашелъ слѣдующее:

«Во всякомъ случаѣ можно указать на то, что хотя значительный слой наемныхъ рабочихъ съ 1837 года сдѣлалъ большіе успѣхи, за то другіе слои, если только вообще добились, то добились лишь незначительнаго участія въ общемъ прогрессѣ богатства и цивилизаціи. Если мы возьмемъ различныя условія жизни и труда и установимъ уровень, ниже котораго рабочій не можетъ уже прилично жить, то мы найдемъ, что по отношенію къ платѣ, рабочему времени, квартирнымъ условіямъ и общей культурности *процентъ* стоящихъ ниже этого уровня въ настоящее время меньше, чѣмъ въ 1837 году. Но мы также найдемъ, что самый низкій уровень *въ настоящее время столь же низокъ, какъ и тогда*, и что общее число лицъ, стоящихъ ниже принятаго нами уровня, *абсолютно превышаетъ* въ настоящее время число таковыхъ же лицъ въ 1837 г. Бездна нищеты въ настоящее время не менѣе глубока, чѣмъ когда бы то ни было; она столь же, если не больше, распространена» (Labour id the longest reign, стр. 18).

Уже десять лѣтъ тому назадъ Энгельсъ пришелъ почти къ тому же выводу. Въ 1885 году онъ въ «Neue Zeit» писалъ объ англійскомъ рабочемъ классѣ:

«Длительное улучшеніе положенія (съ 1848 г.) мы находимъ только у двухъ, пользующихся охраной, частей рабочаго класса. Первая часть—это фабричные рабочіе. Установленіе закономъ въ ихъ пользу сравнительно, по крайней мѣрѣ, раціональнаго нормальнаго рабочаго дня возстановило у нихъ относительно нормальное тѣлосложеніе и дало имъ моральное превосходство, еще болѣе укрѣпившееся, благодаря ихъ концентраціи въ одномъ мѣстѣ. Ихъ положеніе несомнѣнно лучше, чѣмъ въ 1848 г.... Вторая часть — это крупные трэдъюніоны. Эти организаціи принадлежатъ къ тѣмъ отраслямъ труда, въ которыхъ примѣняется исключительно или главнымъ образомъ трудъ *взрослыхъ мужчинъ*. Здѣсь еще нѣтъ ни конкурренціи женскаго и дѣтскаго труда, ни машинъ, которыя могли бы сломить ихъ организованную силу. Механики, плотники, столяры, строительные рабочіе имѣютъ, каждые въ отдѣльности, столь великую силу, что могутъ даже съ успѣхомъ

противиться введенію машинъ. Ихъ положеніе, сравнительно съ 1848 г., несомнѣнно значительно улучшилось; лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то обстоятельство, что вотъ уже болѣе 15 лѣтъ не только ихъ работодатели довольны ими, но и они въ высшей степени довольны своими предпринимателями. Они составляютъ аристократію рабочаго класса. Они сумѣли добиться сравнительно сноснаго положенія, и это положеніе они принимаютъ, какъ окончательное. Они примѣрные рабочіе гг. Леона Леви, Джиффена, а также и честнаго Брентано, и на самомъ дѣлѣ они очень милые, терпимые люди для всего класса капиталистовъ вообще и для всякаго разумнаго капиталиста въ частности.

Но что касается широкихъ массъ рабочихъ, то уровень ихъ нищеты и необезпеченности въ настоящее время столь же низокъ, если не ниже, чѣмъ когда бы то ни было. Остъ-Эндъ въ Лондонѣ — это постоянно расширяющееся стоячее болото нищеты, отчаянія и голода, когда нѣтъ работы, физическаго и нравственнаго униженія, когда работа имѣется».

Это очень подходитъ къ картинѣ, нарисованной Веббомъ.

Но если обѣ эти картины вѣрны, если въ эльдорадо трэдъ-юніонизма, потребительскихъ обществъ, муниципальнаго соціализма рабочіе не ушли далеко, то совсѣмъ не слѣдуетъ переоцѣнивать тѣхъ успѣховъ, которые они сдѣлали въ другомъ мѣстѣ.

Но если поднятіе рабочаго класса изъ физической нищеты является столь медленнымъ процессомъ, то уже отсюда можно заключить о постоянномъ разрастаніи ихъ *соціальной нищеты*, такъ какъ производительность труда необычайно быстро растетъ. Это значитъ не что иное, какъ то, что рабочій классъ все въ большей мѣрѣ лишается участія въ прогрессѣ культуры, имъ же производимомъ, что жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе уровня пролетаріата, что соціальный антагонизмъ между этими классами растетъ.

Можно думать, что въ *соціальной* теоріи понятіе нищеты слѣдуетъ принимать въ его *соціальномъ* смыслѣ. Бернштейнъ держится иного мнѣнія. Въ пониманіи нищеты, какъ соціальнаго явленія, онъ видитъ не что иное, какъ отказъ отъ «теоріи нищеты», хотя это и не «высказывается прямо» —на это мы, «апологеты и крючкотворцы», неспособны—но, «по крайней мѣрѣ, ее, по возможности, толкуютъ чрезвычайно широко»

«Подобный опытъ толкованія», говоритъ онъ, «дѣлаетъ Куновъ въ своей статьѣ о крахѣ. Если Марксъ въ концѣ I тома «Капитала» говоритъ о «растущей массѣ нищеты», возникающей вмѣстѣ съ ростомъ капиталистическаго производства, то, по его мнѣнію, подъ этимъ нужно понимать не просто реакцію въ экономическомъ положеніи рабочихъ, а „ухудшеніе лишь его общественнаго положенія, сравнительно съ прогрессирующимъ культурнымъ развитіемъ, т. е., сравнительно съ увеличеніемъ производительности и повышеніемъ общихъ культурныхъ потребностей". Понятіе нищеты не является чѣмъ то неподвижнымъ. «То, что какому-нибудь рабочему опредѣленной категоріи, отдѣленному отъ своего работодателя глубокой разницей въ образованіи, покажется завиднымъ положеніемъ,—то квалифицированному рабочему другой категоріи, умственно, быть можетъ, превосходящему своего хозяина, можетъ показаться такой «массой нищеты и угнетенія», что онъ противъ этого рѣшительно возстанетъ». «Neue Zeit», XVII, I, стр. 402—403).

Къ сожалѣнію, Марксъ въ данномъ мѣстѣ говоритъ не только о растущей массѣ нищеты и угнетенія, но и о «рабствѣ, вырожденіи и эксплуатаціи». Понимать ли все это также въ сказанномъ неопредѣленномъ смыслѣ? Скажемъ, признавать ли вырожденіе рабочихъ лишь какъ вырожденіе относительное—сравнительно съ общимъ повышеніемъ культурности. Я не склоненъ къ такому пониманію, да и Куновъ, навѣрное, тоже. Нѣтъ, въ данномъ мѣстѣ Марксъ говоритъ вполнѣ опредѣленно: «Постоянное уменьшеніе числа капиталистовъ-магнатовъ, узурпирующихъ всѣ выгоды» капиталистическаго процесса превращенія и увеличеніе «массы нищеты, угнетенія» и т. д. и т. д. («Капиталъ» I, гл. 24,7). На этомъ противопоставленіи можно обосновывать теорію краха, но не на нравственномъ страданіи, вызываемомъ подчиненіемъ умственно стоящимъ ниже начальникамъ, съ чѣмъ можно встрѣтиться въ любой канцеляріи, во всякихъ іерархическихъ организаціяхъ» (стр. 148).

Вотъ это значитъ попасть пальцемъ въ небо. Соціальная нищета, растущій антагонизмъ между буржуазнымъ и пролетарскимъ жизненнымъ уровнемъ внезапно превращается у Бернштейна въ нравственное страданіе, вызываемое подчиненіемъ умственно стоящимъ ниже начальникамъ, съ чѣмъ можно встрѣтиться въ любой канцеляріи, въ нравственное страданіе непризнаннаго генія. Понимать нищету, какъ соціальное, а не какъ физическое явленіе, по мнѣнію Бернштей-

на, значитъ придавать этому слову пиквикскій смыслъ. Если это такъ, то клубъ этихъ пиквикіянцевъ порядочно обширенъ.

Я припоминаю извѣстное мѣсто изъ лассалевскаго «открытаго письма»:

«Всякое человѣческое страданіе и лишеніе зависитъ исключительно отъ отношенія средствъ удовлетворенія къ наличнымъ *въ то же самое время потребностямъ и привычкамъ.* Всякое человѣческое *страданіе и лишеніе* и всякая человѣческая *удовлетворенность*, т. е., *любое положеніе людей*, *измѣряется, слѣдовательно, только* путемъ *сравненія* съ положеніемъ, въ которомъ находятся *другіе люди той же эпохи* насчетъ удовлетворенія обычныхъ своихъ жизненныхъ потребностей. Слѣдовательно, положеніе любого класса всегда измѣряется лишь путемъ *сравненія съ положеніемъ другихъ классовъ той же эпохи*». (Изд. Бернштейна, II, стр. 426).

Сходное положеніе высказалъ и *Родбертусъ*, еще въ 1850 г. въ своемъ первомъ соціальномъ письмѣ къ Кирхману:

«Бѣдность—это общественное, т. е., относительное понятіе. И вотъ я утверждаю, что законныя потребности рабочаго класса, послѣ того, какъ онъ занялъ болѣе высокое общественное положеніе, значительно увеличились, и было бы неправильно въ настоящее время, когда онъ занялъ это болѣе высокое общественное положеніе, *не* говорить объ ухудшеніи его положенія, даже если бы плата его осталась тою же... Если прибавить къ этому, что увеличеніе національнаго богатства даетъ средства къ повышенію доходовъ этого класса, но на самомъ дѣлѣ оно идетъ въ пользу исключительно другихъ классовъ, то, разумѣется, становится яснымъ, что подъ вліяніемъ этого противорѣчія между потребностью и ея удовлетвореніемъ, между страстью и вынужденнымъ воздержаніемъ, — экономическое положеніе рабочаго класса разстраивается». (Письмо это напечатано у Zeller'a, «Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände», стр. 272).

Что Марксъ былъ такого же мнѣнія, видно изъ того, что онъ говоритъ объ увеличеніи нищеты въ «Капиталѣ», произведеніи, гдѣ такъ сильно подчеркивается физическое возрожденіе англійскаго рабочаго класса подъ вліяніемъ фабричнаго законодательства. Также и Энгельсъ замѣтилъ въ 1891 г.—годъ изданія эрфуртской программы—, что растущее противорѣчіе между трудомъ и капиталомъ вызывается тѣмъ,

что классъ капиталистовъ беретъ себѣ самую большую часть возрастающей массы продуктовъ, «въ то время, какъ часть, приходящаяся на долю рабочаго класса (принимая во вниманіе его численность) увеличивается или слишкомъ медленно и незначительно, или совсѣмъ не увеличивается, а при извѣстныхъ обстоятельствахъ *можетъ* даже и уменьшаться, но не уменьшается *непремѣнно*». (Предисловіе къ марксовскому «Наемному труду и капиталу», стр. 9. Ср. также пред. ко 2-му изд. его «Положеніе рабочаго класса въ Англіи», стр. 10).

Какъ видите, нашъ пиквикскій клубъ представляетъ собою не очень-то плохую компанію. И эти пиквикіянцы начали «широко толковать» свои утвержденія уже тогда, когда они ихъ устанавливали.

Но какъ же быть съ «вырожденіемъ»? Но если намъ уже приходится «копаться въ словахъ», то, прежде всего, мы должны замѣтить, что Марксъ говорилъ не о «вырожденіи», а о «деградаціи». Въ позднѣйшихъ изданіяхъ «Капитала» Энгельсъ во многихъ мѣстахъ замѣнилъ иностранныя слова нѣмецкими,—и вотъ вмѣсто «деградаціи» получилось «вырожденіе». Я бы предпочелъ слово «униженіе», имѣющее значеніе скорѣе соціальнаго, чѣмъ физіологическаго упадка. Въ моемъ проектѣ программы отъ 1891 г. я и говорилъ о растущемъ «униженіи», а не о «вырожденіи».

Но и слово «вырожденіе» можно тоже отстаивать. Мы видимъ, что число самоубійствъ и случаевъ умопомѣшательства увеличивается, данныя наборовъ указываютъ намъ, что вырожденіе изъ городовъ переносится уже и въ деревню, раньше снабжавшую города свѣжею кровью — слѣдовательно, можно говорить, и даже очень, о вырожденіи, правда, не одного только рабочаго класса, но всего населенія въ капиталистическомъ обществѣ. Но я думаю, что Марксъ въ данномъ мѣстѣ хотѣлъ отмѣтить растущій антагонизмъ между буржуазіей и пролетаріатомъ, а, вѣдь, этотъ антагонизмъ не обостряется подъ вліяніемъ увеличивающагося физическаго вырожденія всѣхъ классовъ—развѣ только въ томъ смыслѣ, что оно дѣлаетъ обѣ стороны нервнѣе.

Какъ бы тамъ ни было, остроты Бернштейна на счетъ «относительнаго вырожденія» не должны насъ смущать при соціальномъ пониманіи нищеты.

Но о ростѣ нищеты въ соціальномъ смыслѣ говорятъ и сами буржуа, они только дали ему иное наименованіе; они называютъ его *жадностью*. Но, вѣдь, не въ словѣ дѣло. Глав-

ное это фактъ, что антагонизмъ между потребностями рабочихъ и возможностью удовлетворить ихъ изъ получаемой ими платы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и антагонизмъ между наемнымъ трудомъ и капиталомъ, все болѣе растетъ. Въ этой растущей нищетѣ крѣпкаго физически и духовно рабочаго класса, а не въ растущемъ отчаяніи полуозвѣрѣвшихъ, покрытыхъ язвами ордъ, авторъ «Капитала» видѣлъ могучій рычагъ перехода къ соціализму. Дѣйствіе этой нищеты не уничтожается указаніемъ на повышающійся жизненный уровень рабочаго класса.

Конечно, врядъ ли можно дать цифровое доказательство роста соціальной нищеты. Намъ необходимо было бы имѣть точныя данныя, относящіяся къ разнымъ десятилѣтіямъ, о массѣ ежегодно создаваемыхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи между пролетаріями и капиталистами, чтобы быть въ состояніи опредѣлить, въ какой мѣрѣ эксплуатація первыхъ повысилась, и насколько, благодаря этому, ухудшилось ихъ соціальное положеніе.

Но у насъ имѣются указанія, по которымъ можно судить о направленіи развитія.

Марксъ въ «Капиталѣ» указалъ намъ главное средство, при помощи котораго предприниматели увеличиваютъ нищету рабочаго класса даже тамъ, гдѣ рабочая сила оплачивается по ея цѣнности, гдѣ плата не ниже издержекъ воспроизводства рабочаго класса. Это—стремленіе къ увеличенію *абсолютной* и *относительной* прибавочной цѣнности.

Простѣйшей формой увеличенія первой является *удлиненіе рабочаго дня*. Изнеможеніе рабочаго скоро ставитъ естественную границу этому удлиненію. Оно не можетъ превысить извѣстной мѣры, начиная съ которой развитіе возможно лишь въ формѣ сокращенія. Ему способствуетъ при развитомъ капиталистическомъ производствѣ цѣлый рядъ факторовъ, которые невозможно подробно здѣсь описать; всѣ эти факторы привели къ тому результату, что въ борьбѣ за рабочій день въ капиталистическихъ странахъ за послѣднія десятилѣтія повсюду замѣчается тенденція къ прогрессивному сокращенію рабочаго времени. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, нельзя говорить объ увеличеніи нищеты. Но сокращеніе рабочаго времени обыкновенно возмѣщается увеличивающимся высасываніемъ труда за болѣе короткій промежутокъ времени, путемъ интенсификаціи труда, причемъ часто пускаются въ ходъ утонченнѣйшія системы поштучной работы, системы премій и участія въ прибыли. Но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что

униженіе рабочихъ путемъ увеличенія абсолютной прибавочной стоимости въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ нашло свои границы.

Но чѣмъ болѣе передъ капиталомъ заграждается этотъ путь къ увеличенію выжимаемой прибавочной цѣнности, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ онъ обращается къ средствамъ, помогающимъ увеличить относительную прибавочную цѣнность, т. е., старается при помощи прогрессивнаго раздѣленія труда и усовершенствованныхъ машинъ замѣнить обученныхъ рабочихъ необученными, мужчинъ—женщинами, взрослыхъ—малолѣтними. И этому стремленію ставится предѣлъ, хотя и далеко не полный, законодательствомъ объ охранѣ труда. Защита дѣтей старше 14-ти лѣтъ, даже въ самыхъ лучшихъ законодательствахъ объ охранѣ труда, неудовлетворительна; многіе виды дѣтской эксплуатаціи, и къ тому же самые худшіе, какъ, напр., въ домашней промышленности, свободны еще отъ всякихъ ограниченій.

Во всякомъ случаѣ, прогрессъ машинъ и ростъ женскаго труда ничѣмъ не ограничиваются, да и не могутъ ограничиваться, если не желаютъ парализовать экономическое развитіе. Оба эти пріема, ведущіе къ пониженію положенія рабочихъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть запрещены капиталисту, и онъ тѣмъ болѣе пускаетъ ихъ въ ходъ, чѣмъ больше ему мѣшаютъ пускать въ ходъ другіе пріемы.

Уже одно увеличеніе дѣтскаго и женскаго труда служитъ несомнѣннымъ симптомомъ растущей нищеты рабочаго класса, не непремѣнно растущей физической нищеты, а постоянно увеличивающейся невозможности покрывать потребности рабочей семьи изъ платы одного только главы семьи. Совсѣмъ не безразлично, происходитъ ли это отъ того, что плата падаетъ, или же оттого, что потребности растутъ; въ послѣднемъ случаѣ нищета гораздо скорѣе повлечетъ за собою возмущеніе, а возмущеніе гораздо скорѣе добьется осязательныхъ результатовъ, чѣмъ въ первомъ, но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ можно говорить объ увеличеніи нищеты. Тамъ, гдѣ платы мужа не хватаетъ на содержаніе жены и дѣтей, тамъ, съ одной стороны, дѣти и супруги наемныхъ рабочихъ должны идти на фабрику для увеличенія заработка, а, съ другой стороны, мужчины воздерживаются отъ вступленія въ бракъ и замѣняютъ его проституціей. Благодаря этому, увеличивается число незамужнихъ дѣвушекъ, которыя въ свою очередь также вынуждены приняться за наемный трудъ. Такимъ путемъ капиталистическая форма производства разлагаетъ, ставшую

пережиткомъ, буржуазную семью, не замѣняя ея никакой другой формой семьи, и создаетъ этимъ главнѣйшій источникъ обнищанія и вырожденія.

Число браковъ колеблется, смотря по благопріятному или неблагопріятному положенію дѣлъ, но въ общемъ уменьшается. На каждые 1000 жителей заключалось браковъ:

	Въ Германіи	Въ Австріи	Во Франціи	Въ Великобританіи
1872	10,3	9,3	9,7	8,5
1873	10,0	8,9	8,8	8,6
1874	9,5	9,0	8,3	8,3
1880	7,5	7,6	7,4	7,3
1881	7,5	8,0	7,5	7,5
1882	7,1	8,2	7,4	7,6
1890	8,0	7,6	7,07	7,6
1891	8,0	7,8	7,5	7,7
1895	7,9	7,9	7,5	7,4

При этомъ число взрослыхъ лицъ возрасло. По переписи 1880 г. въ Германіи дѣти моложе пятнадцатилѣтняго возраста составляли 35,4% населенія, въ 1890 г.—35,15%. Число состоящихъ въ бракѣ, овдовѣвшихъ, разведенныхъ за тотъ же періодъ времени увеличилось съ 18 100 000 до 19 800 000, т. е., на 9,3%. Число не состоящихъ въ бракѣ старше 15 лѣтъ возрасло съ 11 100 000 до 12 300 000, т. е., на 10,2%.

За то же время количество женскаго труда чрезвычайно возрасло. Въ Германіи число занятыхъ въ промыслахъ женщинъ съ 1882 г. по 1895 г. увеличилось съ 5 541 517 до 6 578 350, т. е., болѣе, чѣмъ на *милліонъ*. Въ промышленности и торговлѣ за тотъ же періодъ увеличилось число занятыхъ:

	Мужчинъ	Женщинъ	Всего
Служащихъ	на 115,6%	на 254,7%	118,9%
Рабочихъ	» 52,8%	» 104,9%	62,6%

Слѣдовательно, ростъ числа наемныхъ рабочихъ женскаго пола *вдвое превысилъ* ростъ числа рабочихъ мужчинъ.

Кстати, замѣтимъ: отношеніе числа *работницъ* къ общему числу рабочихъ было:

Весьма большимъ	Процентъ всѣхъ рабочихъ даннаго промысла.	Очень низкимъ	Процентъ всѣхъ рабочихъ даннаго промысла.
Въ гостиницахъ, ресторанахъ и проч. . . .	66,9	Въ транспортѣ	0,9
Въ текстильной промышленности	50,8	» строительномъ дѣлѣ	1,1
Приготовленіе и чистка платья, прачешныя и проч.	37,6	» производствѣ машинъ	2,6
Въ бумажномъ производствѣ	35,9	» горномъ дѣлѣ . . .	3,1
Въ торговомъ дѣлѣ . .	29,2	» скотоводствѣ и рыболовствѣ	4,0
» искусственномъ садоводствѣ	24,6	Въ производствѣ дерева	6,1
Въ приготовленіи съѣстныхъ припасовъ и пр.	20,1	» страховомъ дѣлѣ .	6,4

Ростъ женскаго труда—несомнѣнный признакъ роста нищеты. Порожденный ею, онъ создаетъ новую нищету. Ибо капиталистическое общество не создаетъ другихъ высшихъ формъ домашней жизни, которыя могли бы замѣнить собою индивидуальный домашній очагъ. Отъ наемнаго труда, прибавляющагося къ работѣ по дому, женщина грубѣетъ, пролетарскій домашній очагъ разстраивается, пролетарскія дѣти остаются безъ ухода, посѣщеніе трактировъ учащается, обремененная непосильной ношей, не воспитанная для занятій по домашнему хозяйству, не умѣющая ни шить, ни варить, наемная работница понапрасну тратитъ всякаго рода матеріалы. Что пользу наемному рабочему въ повышеніи платы, въ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, если жена его уже не умѣетъ экономно приготовить изъ муки вкуснаго, питательнаго блюда! Какая ему польза отъ пониженія цѣнъ на платье, если жена его не можетъ починить поношеннаго, такъ что теперь онъ долженъ покупать его вдвое больше прежняго! Какъ легко наемный трудъ женщины ведетъ къ физической, а не только къ соціальной нищетѣ!

Но, разумѣется, эта причина растущей деградаціи становится также и причиной растущаго возмущенія, такъ какъ она гонитъ въ ряды борющагося пролетаріата и работающую за плату женщину, которая, оставаясь хозяйкой, была бы индифферентна къ его борьбѣ.

Наряду съ эксплуатаціей женскаго труда растетъ и эксплуатація труда малолѣтнихъ. Къ сожалѣнію, перепись занятыхъ въ промыслахъ лицъ моложе 20 лѣтъ, въ германской статистикѣ занятій 1895 г., совершалась по совершенно иному плану, чѣмъ въ 1887 г., такъ что нельзя прослѣдить эволюціи наемнаго труда отдѣльныхъ возрастныхъ группъ ниже 20 лѣтъ. Мы можемъ только сравнить долю всѣхъ возрастныхъ группъ ниже 20 лѣтъ въ промысловомъ, resp. наемномъ трудѣ за оба эти года. Тогда мы находимъ, что на каждые 100 раб. было рабочихъ моложе 20 лѣтъ:

	Въ сельскомъ хозяйствѣ		Въ промышленности		Въ торговлѣ		Всего	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Наемныхъ рабочихъ	30,51	32,61	28,41	28,80	23,09	25,03	29,20	30,11

Разсматривать дѣйствія машиннаго хозяйства и другихъ факторовъ, принижающихъ рабочихъ, не позволяетъ мѣсто. На безработицу мы указали уже въ другомъ мѣстѣ. Приведемъ здѣсь еще одно резюмирующее мѣсто изъ «Капитала»: «Въ четвертомъ отдѣлѣ, при анализѣ производства прибавочной цѣнности, мы видѣли, что всѣ способы увеличенія общественной производительной силы труда въ капиталистической формѣ развиваются на счетъ индивидуальнаго работника; что всѣ средства развитія производства обращаются въ средства эксплуатаціи производителя и господства надъ нимъ; что они уродуютъ рабочаго, дѣлая изъ него полу-человѣка; унижаютъ его, обращая въ придатокъ машины, оставляя тягости труда, уничтожаютъ его содержательность; отчуждаютъ отъ работника духовную сторону процесса труда, по мѣрѣ того, какъ овладѣваютъ наукой, какъ самостоятельной силой; условія, въ которыхъ онъ работаетъ, дѣлаютъ все болѣе ненормальными; подчиняютъ его во время процесса труда самому мелочному и ненавистному деспотизму; всю жизнь его превращаютъ въ рабочее время; жену и дѣтей его бросаютъ подъ джагернаутову колесницу капитала. Но всѣ способы производства прибавочной стоимости суть въ то же время и способы накопленія, а каждое расширеніе накопленія становится, наоборотъ, средствомъ развитія этихъ способовъ. Отсюда слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала ухудшается положеніе рабочаго, какова бы ни была его заработная плата.

Наконецъ, законъ, по которому относительное перенаселеніе или резервная промышленная армія постоянно находится въ равновѣсіи съ размѣрами и силою накопленія,—этотъ законъ приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ молотъ Гефеста приковалъ Прометея къ скалѣ. Этотъ законъ обусловливаетъ накопленіе нищеты, соотвѣтствующее накопленію капитала. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ является въ то же время на другомъ,—т. е., на сторонѣ класса, производящаго свой собственный продуктъ въ видѣ капитала,—накопленіемъ нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія» («Капиталъ», I, 2 изд., стр. 671).

О пониженіи платы Марксъ здѣсь не говоритъ. Кое-какія изъ тенденцій, имъ здѣсь изображенныхъ, напр., тенденція къ превращенію всей жизни рабочаго въ рабочее время, подверглись съ тѣхъ поръ нѣкоторымъ ограниченіямъ, но весьма большая часть ихъ дѣйствуетъ еще и теперь съ такой же силой, какъ и когда бы то ни было, и даютъ намъ полное право говорить о ростѣ массы нищеты, рабства, деградаціи, эксплуатаціи. Но это положеніе можно понять еще и въ третьемъ смыслѣ.

Мы до сихъ поръ говорили только о классѣ наемныхъ рабочихъ, но Марксъ въ параграфахъ о тенденціи капиталистическаго накопленія говоритъ и о другихъ классахъ народа.

Если положеніе пролетаріевъ—нищенское и порабощенное, то масса нищеты и рабства всего народа должна расти пропорціонально увеличенію числа пролетаріевъ сравнительно съ численностью прочихъ классовъ народа; а что пропорція эта увеличивается—это фактъ неопровержимый.

Но увеличеніе числа пролетаріевъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ, само въ свою очередь является только симптомомъ, но въ то же время и причиной растущей нищеты и въ другихъ классахъ.

Въ областяхъ, недавно завоеванныхъ капиталистической индустріей въ ея пограничныхъ областяхъ—слово «область» понимается здѣсь, какъ въ экономическомъ, такъ и въ географическомъ смыслѣ—эти мучительныя дѣйствія капитализма обнаруживаются особенно энергично и въ громадныхъ размѣрахъ, до такой степени, что вызываютъ не только соціальную, но и крайнюю физическую нищету, прямой голодъ, лишеніе самаго необходимаго, полную гибель.

Это—извѣстное и даже всѣми признанное явленіе. Но буржуазный экономистъ и здѣсь утѣшается тѣмъ, что оно

только временное, что это только переходная стадія, за которой послѣдуетъ подъемъ угнетенныхъ классовъ.

Это вѣрно по отношенію къ отдѣльнымъ странамъ и отраслямъ промышленности, но не по отношенію ко всему капиталистическому обществу. Поднятіе изъ физической нищеты рано или поздно наступаетъ для многихъ слоевъ класса наемныхъ рабочихъ. Но капиталистическая форма производства постоянно развивается, постоянно захватываетъ новыя отрасли промышленности и новыя страны, гдѣ она деградируетъ, пролетаризируетъ, ввергаетъ въ нищету собственниковъ самостоятельныхъ мелкихъ предпріятій, и процессъ этотъ можетъ закончиться только вмѣстѣ съ самой капиталистической формой производства, такъ какъ она можетъ существовать только, постоянно расширяя свою сферу.

Бернштейнъ съ удовлетвореніемъ указываетъ на то, какъ многочисленно еще повсюду мелкое производство. Мы видѣли, какъ мало этотъ фактъ говоритъ противъ концентраціи капитала. Но онъ говоритъ нѣсколько въ пользу «теоріи обнищанія». Мелкіе ремесленники, мелкіе лавочники, парцельные крестьяне нищаютъ все болѣе и болѣе. Если жизненный уровень буржуазіи повышается быстрѣе уровня класса наемныхъ рабочихъ, то послѣдній, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые его слои, стоитъ выше собственниковъ мелкихъ предпріятій. Владѣльцы мнимо самостоятельныхъ нищенскихъ хозяйствъ все болѣе перестаютъ быть переходной ступенью отъ буржуазіи къ пролетаріату, они становятся переходной ступенью отъ класса наемныхъ рабочихъ къ босячеству. Излишекъ населенія все болѣе переходитъ къ нимъ, а не къ классу наемныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ мелкое хозяйство всякій разъ снова возобновляется, находитъ всякій разъ новыхъ рекрутъ, несмотря на то, что ряды его постоянно опустошаются свирѣпствующимъ въ нихъ банкротствомъ. Мелкое хозяйство не исчезаетъ, но оно гибнетъ.

Но еще быстрѣе, рѣзче и неопровержимѣе растетъ нищета въ тѣхъ странахъ, которыя недавно подчинились капиталистическому режиму. Тутъ, разумѣется, намъ могутъ замѣтить, что рабочіе Германіи, Англіи, Франціи, Америки мало должны интересоваться тѣмъ, что происходитъ заграницей. Они—примѣрные люди въ духѣ этической политической экономіи, т. е., одарены здоровымъ и близорукимъ эгоизмомъ. Чего имъ безпокоиться, если увеличиваются голодъ и нищета въ Италіи, въ славянскихъ и венгерскихъ областяхъ Австріи, на Балканахъ, въ Россіи, въ Китаѣ, въ Остъ-

Индіи? Если только ихъ собственное положеніе улучшается, то они, разумѣется, могли бы быть довольными капиталистическимъ обществомъ.

Эти пресловутые «практики» и «этики» забываютъ, что врядъ ли найдется страна, въ которой не осталось бы еще мѣстностей, мало затронутыхъ капиталистической крупной промышленностью и являющихся очагами нищеты. Перестала ли уже Ирландія быть такой мѣстностью въ Англіи—это еще большой вопросъ. Постоянное уменьшеніе ея населенія говоритъ не въ пользу такого мнѣнія. Германія имѣетъ еще свою Силезію, американская унія—свои южные штаты.

Но и международная солидарность пролетаріата тоже не пустой звукъ. Чѣмъ глубже нищета въ однѣхъ странахъ, чѣмъ выше пролетарскій жизненный уровень въ другихъ, чѣмъ болѣе развиты средства сообщенія, тѣмъ все болѣе и болѣе обнищавшія массы текутъ въ области съ высшимъ жизненнымъ уровнемъ. Если итальянцы, поляки, словаки, кули нищаютъ, то они экспортируютъ свою нищету въ страны съ болѣе высокой культурой, въ которыхъ противодѣйствіе деградирующимъ тенденціямъ капитала сильнѣе развито; они принижаютъ эту культуру и парализуютъ это противодѣйствіе.

Вопросъ объ «обнищаніи», какъ видите, не простой, а очень сложный. Нищета принимаетъ самыя разнообразныя формы, и каждая изъ этихъ формъ развивается по иному, но всѣ онѣ приводятъ къ одному результату; обостреніе соціальныхъ противорѣчій, обостреніе пролетарской борьбы съ капиталистическимъ игомъ.

Мы видѣли, какъ капиталистическая форма производства порождаетъ массу нищеты тамъ, гдѣ она захватываетъ новую отрасль промышленности или новую страну. Въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности и мѣстностяхъ, гдѣ эта форма высоко развита, противодѣйствія физическому обнищанію, благодаря укрѣпленію пролетаріата, постепенно начинаютъ брать верхъ надъ принижающими тенденціями; но соціальное обнищаніе и тамъ развивается, благодаря прогрессу въ раздѣленіи труда и распространенію машинъ, дѣлающихъ трудъ монотоннымъ и противнымъ, благодаря распространенію женскаго, а часто и дѣтскаго труда, вытѣсненію квалифицированнаго труда, увеличенію необезпеченности, благодаря, наконецъ, тому, что повышеніе пролетарскаго жизненнаго уровня все же ниже одновременнаго повышенія буржуазнаго уровня. Исключительно избраннымъ слоямъ рабочихъ, которымъ бла-

гопріятствуетъ счастье, быть можетъ, удается перешагнуть и эту стадію обнищанія и подняться до жизненнаго уровня, который даже по буржуазному масштабу нельзя назвать нищенскимъ. Но и имъ грозитъ господствующая надъ областью всего капиталистическаго хозяйства *тенденція* къ обнищанію. Они постоянно подвергаются опасности, подъ вліяніемъ кризиса, изобрѣтенія, коалиціи фабрикантовъ, конкурренціи ниже стоящихъ слоевъ рабочихъ, быть вытѣсненными изъ своего привилегированнаго положенія и ввергнутыми въ нищету, общую всему классу. Итакъ, при капиталистической формѣ производства нищета господствуетъ повсюду; тѣмъ бо́льшая масса нищеты, чѣмъ больше имѣется въ наличности пролетаріевъ, чѣмъ больше мелкихъ хозяйствъ деградируются капиталомъ или подчиняются ему, но тѣмъ больше и борьба съ нищетой, тѣмъ сильнѣе возмущеніе рабочаго класса противъ капиталистическаго господства.

Вотъ какова, въ моемъ пониманіи, та марксова теорія, которую критики марксизма называютъ теоріей обнищанія. Бернштейнъ прочиталъ ей отходную, но онъ не указалъ ничего, что говорило бы противъ нея, онъ даже ни разу не указалъ, что слѣдуетъ понимать подъ этой теоріей.

Развитіе различныхъ формъ нищеты, которое мы здѣсь отмѣтили, цѣликомъ соединимо съ «догмами», изложенными въ «Капиталѣ», существенные моменты этого развитія какъ разъ тамъ подверглись классическому изслѣдованію. Итакъ, намъ оставалось бы еще разсмотрѣть, выражены ли были изображенныя тенденціи наиболѣе точно въ одномъ мѣстѣ «Капитала». Но я не стану копаться въ словахъ. Мнѣ кажется, что такое пониманіе этого мѣста совершенно ясно, недвусмысленно и неуязвимо для всякаго, кому только знакомъ самъ «Капиталъ», и я никогда не понималъ его въ иномъ смыслѣ, чѣмъ въ здѣсь разсмотрѣнномъ. Но этотъ вопросъ имѣетъ весьма второстепенное значеніе. Разсужденія «Капитала» насчетъ развитія положенія пролетаріата не опровергаются тѣмъ, что Бернштейнъ слова: нищета и деградація, толкуетъ въ такомъ смыслѣ, что въ немъ они менѣе всего согласуются съ дѣйствительностью.

Если мы отъ теоріи обнищанія вернемся опять къ вопросу, куда дѣвается возрастающее богатство капиталистическаго общества, то мы теперь можемъ дать на него слѣдующій отвѣтъ: эта теорія отнюдь не исключаетъ того, что часть прироста богатства попадаетъ и къ рабочимъ. Однакожъ, капиталистическая форма производства постоянно имѣетъ

тенденцію унижать классъ наемныхъ рабочихъ, равно какъ и всю остальную массу населенія. Такимъ путемъ она порождаетъ всякій разъ новую нищету, но она же порождаетъ и тенденціи, стремящіяся ограничить эту нищету. Не физическая, а соціальная нищета, т. е., противорѣчіе между культурными потребностями и средствами отдѣльнаго рабочаго для ихъ удовлетворенія,—постоянно растетъ. Другими словами *масса* продуктовъ, приходящихся на отдѣльнаго рабочаго, можетъ возрастать, но *доля* рабочаго въ массѣ производимыхъ имъ продуктовъ уменьшается.

g) Новое среднее сословіе.

Прежде, чѣмъ оставить вопросъ объ увеличеніи числа собственниковъ и перейти къ другимъ вопросамъ, разсмотримъ вкратцѣ еще то мнѣніе, будто Бернштейнъ подъ этимъ увеличеніемъ подразумѣваетъ не увеличеніе числа капиталистовъ, а увеличеніе тѣхъ слоевъ населенія, которые по своимъ доходамъ относятся къ среднему сословію. Такое толкованіе объяснило бы намъ, почему онъ придаетъ столь большое значеніе статистикѣ подоходнаго налога, которая ничего, вѣдь, намъ не говоритъ о распредѣленіи собственности. Къ тому же и кое-какія его выраженія говорятъ въ пользу подобнаго пониманія, хотя въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, онъ говоритъ недвусмысленно объ увеличеніи числа собственниковъ.

Если бы Бернштейнъ не хотѣлъ сказать ничего иного, какъ только то, что среднее сословіе не вымираетъ, а только на смѣну старому является новое среднее сословіе, на смѣну самостоятельнымъ ремесленникамъ и мелкимъ купцамъ выступаетъ «интеллигенція», то мы бы, безъ всякихъ, согласились съ нимъ. Могу указать здѣсь на то, что уже въ 1895 году въ серіи статей въ «Neue Zeit» объ «интеллигенціи и соціаль-демократіи», я призналъ появленіе этого средняго сословія и указывалъ на изученіе условій привлеченія на нашу сторону этого слоя населенія, какъ на одну изъ важнѣйшихъ задачъ нашей партіи. «Образуется новое, все усиливающееся и постоянно возрастающее среднее сословіе, ростъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ покрыть собою убыль всего средняго сословія, порождаемую упадкомъ мелкаго производства» («Neue Zeit», XIII, 2, стр. 16).

Главная причина увеличенія этого слоя населенія заключается въ томъ, что господствующіе и эксплуатирующіе клас-

сы все больше переносятъ свои функціи на платныхъ интеллигентныхъ работниковъ, продающихъ свои услуги или поштучно — врачи, адвокаты, художники — или же за опредѣленное жалованье, какъ всякаго рода должностныя лица. Въ средніе вѣка духовенство поставляло ученыхъ, врачей, художниковъ и часть чиновниковъ; дворянство въ свою очередь занималось дѣлами общественнаго управленія, вѣдало судъ, несло полицейскую и, прежде всего — военную службу. Съ появленіемъ современнаго государства и современной науки, оба названныхъ класса лишились этихъ функцій, и продолжая существовать, они, — одновременно со своимъ соціальнымъ значеніемъ, потеряли въ большинствѣ случаевъ и свою независимость.

А функціи, у нихъ отнятыя, съ тѣхъ поръ все болѣе расширялись; съ каждымъ годомъ растетъ число работниковъ, исполняющихъ эти функціи, по мѣрѣ того, какъ растутъ задачи, которыя ставитъ соціальное развитіе государству, общинамъ и наукѣ.

Но и классъ капиталистовъ давно уже началъ освобождать себя отъ функцій, выполняемыхъ имъ въ торговлѣ и промышленности, и переносить ихъ на платныхъ работниковъ, купцовъ и техниковъ. Вначалѣ послѣдніе были только помощниками капиталиста, переносившаго на нихъ лишь ту часть своихъ функцій по надзору за рабочими, по организаціи труда, по покупкѣ средствъ производства и по продажѣ продуктовъ, съ которой онъ, при постоянно возрастающей потребности въ спеціальной подготовкѣ къ отдѣльнымъ функціямъ, не въ состояніи былъ управиться самъ; но, въ концѣ концовъ, капиталистъ сталъ совершенно излишнимъ, благодаря акціонернымъ обществамъ, передающимъ даже высшее управленіе предпріятіемъ въ руки наемнаго лица. Что акціонерное дѣло способствуетъ увеличенію числа хорошо оплачиваемыхъ служащихъ и содѣйствуетъ, такимъ образомъ, образованію средняго сословія, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если Бернштейнъ отожествляетъ получающихъ средній доходъ съ собственниками, тогда онъ, разумѣется, можетъ сказать, что акціонерное дѣло способствуетъ возрастанію ихъ числа, но не потому, что оно допускаетъ раздробленіе капиталовъ.

Интеллигенція является быстрѣе всѣхъ возрастающимъ слоемъ населенія. По германской промышленной переписи, число наемныхъ рабочихъ, занятыхъ въ промыслахъ съ 1882 г. по 1895 г. увеличилось на 62,6%, число же служащихъ на 118,9%. И все-таки это быстрое увеличеніе числа служащихъ было еще недостаточно для того, чтобы паралізовать отно-

сительное уменьшенiе числа предпринимателей, абсолютное число которыхъ увеличилось всего на 1,3%. Процентное отношенiе занятаго въ производствѣ персонала было:

	въ 1882 г.	въ 1895 г.
Предпринимателей . . .	39,6	28,7
Служащихъ	2,8	4,4
Рабочихъ	57,6	66,9

Такимъ образомъ, если бы мы даже и служащихъ, и предпринимателей вмѣстѣ причислили къ собственникамъ, то и въ такомъ случаѣ ихъ процентное отношенiе съ 1882 г. по 1895 г. упало бы съ 42,4% до 33.1%. Даже при такомъ подсчетѣ мы не могли бы придти къ результату, найденному Бернштейномъ.

Результатъ не измѣнится, если мы, пользуясь статистикой занятiй, примемъ во вниманiе и сельское хозяйство. Въ Германiи на каждые 100 трудящихся считалось:

		Самостоятельныхъ	Служащихъ	Рабочихъ
Въ сельск. хозяйствѣ	1882 г.	27,78	0,81	71,41
	1895 г.	30,98	1,16	67,86
Въ промышленности	1882 г.	34,41	1,55	64,04
	1895 г.	24,90	3,18	71,92
Въ торговлѣ . . .	1882 г.	44,67	9,02	46,31
	1895 г.	36,07	11,20	52,73
Всего	1882 г.	32,03	1,90	66,07
	1895 г.	28,94	3,29	67,77

Увеличенiе числа государственныхъ общинныхъ чиновниковъ, церковнослужителей и лицъ, занятыхъ свободной профессiей было меньше увеличенiя числа служащихъ въ промышленности, но все же больше увеличенiя всей суммы населенiя (14,5%). Ихъ число возрасло съ 579 332 до 794 983, т. е., на 37, 2%.

Итакъ, численность этихъ элементовъ быстро увеличивается. Но мы сдѣлали бы громадную ошибку, причисливъ ихъ просто къ собственникамъ. Новое среднее сословiе возникаетъ на основанiяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ старое, слу-

жившее прочнымъ оплотомъ частной собственности на средства производства, такъ какъ на этой собственности основывалось его существованіе.

Основа новаго средняго сословія совершенно иная. Частная собственность на средства производства въ большинствѣ случаевъ не играетъ для него никакой роли. Тамъ, гдѣ его представители функціонируютъ, какъ самостоятельные работники, средства эти почти всегда имѣютъ весьма незначительную цѣнность, напр., у художниковъ, врачей, писателей. Тамъ же, гдѣ средства производства являются капиталомъ, «умственные работники» являются, главнымъ образомъ, въ роли рабочихъ, а не капиталистовъ.

Но, разумѣется, было бы столь же неправильно прямо причислить новое среднее сословіе къ пролетаріату.

Оно вышло изъ буржуазіи, связано съ нею самыми разнообразными родственными и соціальными узами, стоитъ на одинаковомъ съ нею жизненномъ уровнѣ. А цѣлый рядъ интеллигентныхъ профессій еще тѣснѣе связанъ съ нею; это именно тѣ профессіи, которыя дѣлаютъ излишнимъ капиталиста, благодаря тому, что берутъ на себя его функціи въ качествѣ директоровъ и служащихъ его предпріятій. Но одновременно съ функціями капиталиста къ нимъ переходятъ его образъ мыслей, его антагонизмъ къ пролетаріату. У другого ряда интеллигентныхъ профессій сама профессіональная дѣятельность состоитъ въ исповѣдываніи извѣстныхъ политическихъ или религіозныхъ взглядовъ. Это можно сказать о публицистахъ, нѣкоторыхъ судебныхъ чиновникахъ, напр., прокурорахъ, о полицейскихъ, духовныхъ и т. п. Государство, церковь, капиталистическіе издатели и т. д. даютъ въ этихъ профессіяхъ занятія лишь такимъ людямъ, которые или раздѣляютъ взгляды своихъ «работодателей», или же за плату готовы отстаивать чужіе взгляды. Это обстоятельство также вызываетъ антагонизмъ многихъ «интеллигентовъ» къ пролетаріату.

Но наибольшій антагонизмъ между интеллигенціей и пролетаріатомъ порождается тѣмъ, что первая является классомъ привилегированнымъ. Ея привилегированное положеніе основывается на *привилегіи образованія*. Хотя она заинтересована въ томъ, чтобы народная масса была настолько образована, чтобы понимать значеніе науки и преклоняться предъ нею и ея представителями, однако, личный интересъ заставляетъ ее выступать противъ всѣхъ стремленій расширить кругъ лицъ, могущихъ получить доступъ къ высшему образованію.

Разумѣется, капиталистическая форма производства нуждается въ большой массѣ интеллигентовъ. Учебныя заведенія феодальнаго государства не въ состояніи были выпускать ихъ въ достаточномъ количествѣ. Поэтому буржуазный режимъ повсюду поощрялъ улучшеніе и расширеніе не только низшаго, но и высшаго образованія. Думали, что такія мѣры не только будутъ содѣйствовать развитію производства, но и поведутъ къ смягченію классовыхъ противорѣчій; въ виду того, что высшее образованіе поднимаетъ человѣка до буржуазнаго уровня, то считали само собою понятнымъ, что всеобщее распространеніе высшаго образованія будетъ равносильно всеобщему подъему пролетаріата до уровня буржуазныхъ условій жизни.

Но буржуазный standard of life лишь тамъ оказывается необходимымъ коррелятомъ высшаго образованія, гдѣ это послѣднее является привилегіей. Гдѣ же оно становится всеобщимъ, тамъ оно не поднимаетъ пролетарія до уровня буржуа, а, напротивъ, низводитъ «умственнаго работника» до уровня пролетарія. Это тоже одно изъ проявленій процесса обнищанія народной массы.

Въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ учебныя заведенія распространены такъ широко, что уничтожаютъ прежнее привилегированное положеніе образованія, — начинаетъ развиваться среди интеллигенціи враждебность къ распространенію образованія. Эти враждебные просвѣщенію слои попадаютъ въ противорѣчіе съ современной формой производства, они становятся болѣе ожесточенными врагами прогресса, чѣмъ сами капиталисты, попадаютъ въ компанію самыхъ реакціонныхъ изъ реакціонеровъ — сторонниковъ цеховъ и аграріевъ. Цвѣтъ современной науки, профессора и студенты университетовъ чаще всего возстаютъ противъ женскаго образованія, стараются оттѣснить еврейскую интеллигенцію отъ всякаго соперничества за мѣста и функціи, думаютъ о томъ, какъ бы сдѣлать высшее образованіе по возможности болѣе дорогимъ и закрыть доступъ къ нему людямъ небогатымъ.

При этомъ они наталкиваются на весьма энергичное сопротивленіе пролетаріата, который самымъ рѣшительнымъ образомъ борется со всѣми привилегіями, въ томъ числѣ и съ привилегіей образованія.

Несмотря на всѣ помѣхи, распространеніе народнаго образованія идетъ впередъ, но вмѣстѣ съ этимъ одинъ слой интеллигенціи за другимъ подпадаетъ процессу пролетаризаціи. Вспомните только, какую массу коммерсантовъ выпускаютъ

ежегодно наши коммерческія училища, музыкантовъ—наши музыкальныя школы, скульпторовъ и художниковъ—наши художественныя училища, механиковъ и химиковъ—наши техническія училища. А процессъ капиталистической концентраціи пролагаетъ уже себѣ дорогу и въ область торговли, и въ область искусства, и въ область прикладныхъ наукъ; сумма капитала, необходимая для того, чтобы основать въ этихъ отрасляхъ производства самостоятельное и жизнеспособное предпріятіе, все возрастаетъ. Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ растетъ число ученыхъ работниковъ во всѣхъ этихъ областяхъ,—ихъ шансы стать самостоятельными предпринимателями все болѣе уменьшаются, наемный трудъ все чаще становится ихъ удѣломъ на всю жизнь. Въ то же время быстрое увеличеніе числа ученыхъ работниковъ ведетъ къ тому, что одинъ слой интеллигенціи за другимъ теряетъ надежду основать свое благополучіе на цеховой замкнутости и искусственномъ ограниченіи круга конкуррентовъ. И здѣсь начинается процессъ соціальнаго обнищанія, и процессъ этотъ здѣсь ощущается тѣмъ болѣзненнѣе, что здѣсь нищета измѣряется прямо путемъ сравненія съ повышающимся жизненнымъ уровнемъ буржуазіи. Поддержать этотъ жизненный уровень, хотя бы только съ виду, на опредѣленной высотѣ—это вопросъ жизни для умственнаго работника. Если у рабочаго—представителя физическаго труда, физическое обнищаніе обнаруживается прежде всего въ ухудшеніи его жилища, затѣмъ—одежды, и уже послѣ всего—питанія, то у интеллигента процессъ этотъ совершается въ прямо противоположномъ порядкѣ. Экономить онъ начинаетъ прежде всего на пищѣ.

Но какъ они ни прикрываются буржуазными ширмами, все же для каждаго изъ этихъ пролетаризованныхъ слоевъ интеллигенціи настаетъ время, когда обнаруживается ихъ пролетарское сердце; они начинаютъ интересоваться классовой борьбой пролетаріата и, въ концѣ концовъ, принимать въ ней активное участіе. Такъ обстоитъ дѣло съ приказчиками, скульпторами, музыкантами. Другіе послѣдуютъ за ними.

Если либеральные экономисты указываютъ на ростъ «интеллигенціи», какъ на признакъ того, что капиталистическая форма производства создаетъ свое собственное среднее сословіе, то они забываютъ, что чѣмъ быстрѣе совершается этотъ ростъ, тѣмъ быстрѣе развивается и процессъ пролетаризаціи въ новомъ среднемъ сословіи.

Но между рѣзко антипролетарскими, капиталистически настроенными и рѣзко пролетарски настроенными слоями ин-

теллигенціи остается широкій слой интеллигенціи, настроенной не пролетарски и не капиталистически, которая по своимъ взглядамъ стоитъ надъ классовыми противорѣчіями.

Этотъ средній слой новаго средняго сословія имѣетъ общее съ прежней мелкой буржуазіей—двусмысленность своего соціальнаго положенія. Поэтому онъ въ своихъ отношеніяхъ къ пролетаріату столь же ненадеженъ и непостояненъ, какъ она. Сегодня онъ возмущается жадностью капитала, а завтра—грубыми манерами пролетаріата. Сегодня онъ призываетъ пролетаріатъ сохранить свое человѣческое достоинство, а завтра накидывается на него съ требованіемъ сохранить соціальный миръ.

Но два момента отличаютъ его отъ старой мелкой буржуазіи—одинъ въ благопріятномъ, другой въ неблагопріятномъ смыслѣ. Онъ отличается отъ нея, во-первыхъ, болѣе широкими умственными горизонтами и выработанной способностью къ абстрактному мышленію. Онъ является тѣмъ слоемъ населенія, который легче всего можетъ подняться надъ классовой и сословной ограниченностью, идеалистически возвыситься надъ минутными и личными интересами, интересоваться непреходящими потребностями всего общества и отстаивать ихъ.

Но, съ другой стороны, онъ отличается отъ старой мелкой буржуазіи отсутствіемъ у него боевой способности. Если мелкая буржуазія до того, какъ капиталъ сломилъ ея силу, была классомъ въ высшей степени способнымъ и готовымъ къ борьбѣ, то слои интеллигенціи, стоящіе между пролетаріатомъ и капитализмомъ, наоборотъ, лишены всякихъ средствъ для неустанной борьбы съ господствующими классами. Слабые числомъ, безъ единыхъ классовыхъ интересовъ, а потому и безъ крѣпкой организаціи, безъ крупной собственности, но за то обладая потребностями, присущими капиталистическому жизненному уровню, они могутъ сражаться только въ хвостѣ другихъ классовъ, которые сами настолько могущественны, что могутъ дать имъ средства для борьбы за существованіе. Средній слой интеллигенціи, «умственная аристократія», могла, поэтому, въ массѣ своей быть оппозиціонной лишь то тѣхъ поръ, пока оппозиціонной была буржуазія; она теряетъ свою оппозиціонную охоту и способность къ борьбѣ тамъ, гдѣ буржуазія политически успокаивается; она становится жеманной и робкой; она объявляетъ безнравственными всѣ средства добиться успѣха въ жизни, за исключеніемъ

снисканія путемъ лести благоволенія сильныхъ міра сего, она дѣлается трусливой и развратной.

Классовая борьба ей ненавистна. Она проповѣдуетъ ея устраненіе или, по крайней мѣрѣ, ея ослабленіе. Классовая борьба — это для нихъ возстаніе, бунтъ, революція; она должна стать излишней подъ вліяніемъ соціальныхъ реформъ.

Не имѣя въ виду никакихъ полемическихъ выходокъ противъ Бернштейна, превращеніе котораго тогда лишь подготовлялось, я говорилъ, «что среди тѣхъ, которые не прямо заинтересованы въ капиталистической эксплуатаціи, врядъ ли найдется еще хотя бы одинъ самостоятельно мыслящій и честный образованный человѣкъ, который не стоялъ бы на «соціально-политической» точкѣ зрѣнія, который говорилъ бы, что не слѣдуетъ сдѣлать *что-нибудь* для рабочихъ — разумѣется, подъ этимъ «что-нибудь» могутъ подразумѣваться самыя разнообразныя вещи. Штуммъ и Евгеній Рихтеръ патріархально-абсолютистскій предприниматель и манчестерецъ, не имѣютъ уже среди интеллигенціи значительнаго числа сторонниковъ. Жалобы на капиталъ и симпатіи къ пролетаріату, — по крайней мѣрѣ, къ угнетенному, если не къ борющемуся пролетаріату — вошли въ моду, и выраженіе Гаркурта: «Мы всѣ соціалисты,—начинаетъ оправдываться по отношенію къ этимъ кругамъ. Однако-жъ, наши поэты и художники, наши ученые и журналисты и т. д. въ своихъ салонахъ и кафе, въ ателье и залахъ исповѣдуютъ не пролетарскій и революціонный соціализмъ, а тотъ сортъ соціализма, который имѣетъ отчаянно много сходства съ «истиннымъ соціализмомъ», отмѣченнымъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ 1847 г.

Эти элементы не разъ заявляли, что отъ соціаль-демократіи ихъ отдѣляетъ одна только пролетарская грубость, но на самомъ дѣлѣ ихъ отталкиваетъ не внѣшній признакъ, а собственное неразуміе и безхарактерность. По своему разуму далеко превосходя ограниченныхъ капиталистовъ, они все же не понимаютъ, что нельзя спасти существующій общественный строй и задержать побѣду пролетаріата; они не понимаютъ своего безсилія противъ хода общественнаго развитія, или же у нихъ не хватаетъ самоотверженности, храбрости и силы, необходимыхъ для того, чтобы сознать это и порвать съ буржуазнымъ обществомъ» («N. Z.», XIII, 2, стр. 76—7).

Лишь немногіе отваживаются и могутъ отважиться на этотъ разрывъ. Разумѣется, пролетаріатъ имѣетъ вѣрныхъ друзей и среди рыцарей духа, но эти сторонники ишь влъ

тиши желаютъ ему побѣды, а открыто выступить смогутъ лишь тогда, когда онъ побѣдитъ. На сильный притокъ *борцовъ* изъ рядовъ рыцарей духа пролетаріату нечего разсчитывать, но за то въ ихъ рядахъ найдутся лишь немного упорныхъ его противниковъ.

Уже этихъ немногихъ указаній достаточно для того, чтобы видѣть, что растущая интеллигенція является классомъ, скрывающимъ въ себѣ для борющагося пролетаріата важныя и интересныя проблемы. Что всю ее можно привлечь на сторону пролетаріата, было бы преувеличеніемъ, но еще болѣе ошибочно было бы причислить ихъ прямо къ «собственникамъ». Въ этомъ слоѣ мы находимъ въ миніатюрѣ всѣ соціальныя противорѣчія, отмѣчающія собою все капиталистическое общество, но мы въ то же время видимъ, что въ этомъ микрокосмѣ, какъ и во всемъ общественномъ организмѣ, пролетарскій элементъ растетъ.

Это опровергаетъ и послѣдній упрекъ Бернштейна противъ того, что онъ называетъ марксовой теоріей краха.

Ростъ новаго средняго сословія — интеллигенціи — столь же мало можно отрицать, какъ и ростъ физическаго благосостоянія отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ. Но какъ то, такъ и другое явленіе не противорѣчитъ ученіямъ Маркса о концентраціи капитала, о ростѣ эксплуатаціи пролетаріата и объ обостреніи соціальныхъ противорѣчій. Разумѣется, увеличеніе числа собственниковъ противорѣчило бы теоріи краха. Но этого увеличенія Бернштейнъ не доказалъ. Статистическія данныя, равно какъ и теоретическія разсужденія говорятъ противъ этого.

h) Теорія кризисовъ.

По сравненію съ теоріей концентраціи капитала и обостренія соціальныхъ противорѣчій, теорія періодическихъ экономическихъ кризисовъ имѣетъ только второстепенное значеніе. Кризисы эти только усиливаютъ дѣйствіе вышеупомянутаго развитія, способствуютъ процессу концентраціи капитала, увеличиваютъ массу пролетаріевъ и необезпеченность ихъ положенія. Но конечный результатъ этого развитія ничуть не измѣнился если бы неизбѣжность періодическихъ кризисовъ не коренилась необходимо въ самой сущности капиталистической формы производства.

Однако-жъ, Бернштейнъ не заходитъ такъ далеко, чтобы опредѣленно утверждать это. Мы уже указывали на то, что въ одной изъ своихъ статей о «Проблемахъ соціализма» онъ

воюетъ противъ теоріи кризисовъ какого-то великаго незнакомца,—теоріи, согласно которой соціализмъ явится результатомъ имѣющаго вскорѣ наступить мірового кризиса. Марксъ и Энгельсъ никогда подобнаго утвержденія не высказывали; ни въ одномъ изъ болѣе извѣстныхъ марксистскихъ сочиненій его также нельзя найти. И все-таки Бернштейнъ въ своей книгѣ «Предпосылки соціализма» повторяетъ эти же разсужденія, но уже безъ указанія того взгляда, противъ котораго они были первоначально направлены. Нельзя, поэтому, уяснить себѣ связь этихъ разсужденій съ изслѣдованіемъ предпосылокъ соціализма; напрасно ищешь отвѣта на вопросъ, что собственно доказывается разсужденіями о томъ, что наступленіе мірового кризиса въ ближайшемъ будущемъ не безусловно необходимо и что будущіе кризисы, возможно, примутъ форму кризисовъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности и въ отдѣльныхъ странахъ. Ихъ дѣйствіе, обостряющее процессъ развитія капитализма, остается, вѣдь, неизмѣннымъ.

Поэтому, вопросъ о кризисахъ можно спокойно выдѣлить изъ изслѣдуемыхъ Бернштейномъ предпосылокъ соціализма, и мы тѣмъ охотнѣе переходимъ къ очереднымъ дѣламъ, что сознаемъ громадныя трудности этихъ вопросовъ; полное преодолѣніе этихъ трудностей потребовало бы больше времени и мѣста, чѣмъ въ данный моментъ имѣется въ нашемъ распоряженіи.

Если мы, все-жъ таки, сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній по этому вопросу, то только для того, чтобы устранить кое-какія недоразумѣнія, вызванныя его главой о кризисахъ.

Нѣкоторые мудрецы дошли до того, что утверждаютъ, будто Бернштейнъ совершенно опровергъ марксову теорію кризисовъ, доказавъ, что не существуетъ десятилѣтняго цикла кризисовъ.

На это, прежде всего, можно замѣтить, что десятилѣтній циклъ кризисовъ—это вовсе не *теорія* Маркса, а фактъ, установленный *эмпирически*. Крупные промышленные кризисы были въ 1815, 1825, 1836, 1847 и 1857 г.г. Затѣмъ послѣдовали большія войны: итальянская, американская междуусобная, датская, прусско-австрійская, нѣмецко-французская, — и съ тѣхъ поръ десятилѣтній (приблизительно) циклъ нарушенъ. Слѣдующій общій кризисъ былъ въ 1873 г., за нимъ послѣдовала депрессія, длившаяся неслыханно долго — полтора десятка лѣтъ; наконецъ, къ концу 80-хъ годовъ начался но-

вый расцвѣтъ; нѣсколько лѣтъ спустя, опять періодъ общаго неблагопріятнаго хода дѣлъ, сопровождаемый сильными кризисами въ отдѣльныхъ странахъ—въ 1890 г. въ Аргентинѣ, въ 1893 г. въ Соединенныхъ Штатахъ; теперь, вотъ уже приблизительно три года, у насъ снова періодъ общаго процвѣтанія. Является ли онъ предвѣстникомъ новаго кризиса, или же ему суждено начать собою продолжительную эру ничѣмъ не смущаемаго капиталистическаго благополучія?

Биржа готовится уже къ новому краху. У нея кругозоръ, повидимому, шире, чѣмъ у нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ соціалистовъ, которымъ достаточно было всего какихъ-нибудь двухъ лѣтъ процвѣтанія промышленности, чтобы выбросить за бортъ опытъ цѣлаго вѣка и тѣ теоріи, въ которыхъ опытъ этотъ нашелъ себѣ выраженіе. Пускай нѣкоторые болѣе или менѣе соціалистическіе теоретики считаютъ теорію Маркса опровергнутой. Вполнѣ буржуазные практики уже считаются съ кризисомъ, ожидаемомъ черезъ немного лѣтъ.

Марксъ не *открылъ* цикла кризисовъ, а *наблюдалъ* и *объяснилъ* его. Что циклъ этотъ пересталъ быть десятилѣтнимъ, объ этомъ знали уже задолго до Бернштейна. Послѣдній и не утверждаетъ, что онъ своимъ открытіемъ сказалъ марксистамъ что-либо новое. Вопросъ не въ томъ, повторяются ли кризисы черезъ каждыя 10 лѣтъ, а въ томъ, должны ли они вообще время отъ времени повторяться.

Элементы кризиса заранѣе скрыты въ самомъ товарномъ производствѣ. Товарное производство – это производство на рынокъ независимыхъ другъ отъ друга производителей, т. е., производство для колеблющихся потребностей неопредѣленнаго числа потребителей. Регулирующимъ элементомъ въ этой анархической системѣ производства является колебаніе цѣнъ. Если произведено продуктовъ больше, чѣмъ имѣется спросъ на нихъ, цѣны падаютъ, если же меньше, то цѣны подымаются выше ихъ средняго уровня. Невозможность продать товары по цѣнѣ производства есть, поэтому, неизбѣжно наступающее время отъ времени явленіе товарнаго производства, а эта невозможность и составляетъ основу кризиса. Однако-жъ, чобы дѣло дошло до настоящаго кризиса, необходимы условія, которыя еще отсутствуютъ при началѣ товарнаго производства и создаются лишь капиталистическимъ способомъ производства. Только этотъ послѣдній все больше превращаетъ все производство въ товарное, тогда какъ до него значительная часть производства служила соб-

ственному потребленію. Лишь благодаря этому способу производства, экономическое существованіе массы членовъ общества становится въ зависимость отъ успѣшной продажи ими своихъ товаровъ. При томъ же, подъ вліяніемъ развитія общественнаго раздѣленія труда и развитія системы кредита, эта зависимость отдѣльныхъ производителей другъ отъ друга становится все болѣе тѣсной, такъ что каждая заминка въ сбытѣ товаровъ въ одномъ пунктѣ влечетъ за собой заминки и въ другихъ пунктахъ, кризисъ въ одной какой-нибудь важной отрасли промышленности, изготовляющей массовые продукты, ведетъ къ остановкѣ всего промышленнаго механизма и къ бѣдствіямъ для всей націи и даже для цѣлаго ряда націй.

Въ то же время капиталистическая форма производства превращаетъ ограниченный, легко обозримый и почти неизмѣняющійся мѣстный рынокъ простого товарнаго производства въ огромный, необозримый, подверженный постояннымъ измѣненіямъ міровой рынокъ и увеличиваетъ число посредниковъ, отдѣляющихъ производителей отъ потребителей. Такимъ образомъ, производитель все больше теряетъ возможность слѣдить за состояніемъ рынка.

Въ то же время чрезмѣрно увеличивается эластичность производительныхъ силъ, благодаря современной научной техникѣ и системѣ кредита, а еще больше,—благодаря промышленной резервной арміи, всегда имѣющейся при капиталистической формѣ производства и дающей возможность скачкообразно расширять производство.

Такимъ образомъ, всякое значительное повышеніе спроса ведетъ къ крайне быстрому расширенію производства далеко за предѣлы существующей потребности, ведетъ къ перепроизводству, за которымъ слѣдуютъ остановка въ сбытѣ, паденіе цѣнъ, сокращеніе производства, многочисленныя банкротства и широко распространенная безработица—словомъ, кризисъ.

Съ этимъ процессомъ переплетается другой, который не слѣдуетъ смѣшивать съ только что упомянутымъ.

Въ отличіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ формъ производства, постоянное расширеніе его стало для капиталистической — вопросомъ жизни, ибо и капиталъ и рабочая сила безпрерывно и быстро возрастаютъ.

Капиталистическій способъ производства весьма благопріятствуетъ даже и естественному размноженію пролетаріата. При цеховомъ ремеслѣ, равно и при крестьянскомъ хозяй-

ствѣ,—по крайней мѣрѣ, тамъ, гдѣ находящаяся въ его распоряженіи земельная площадь ограничена—увеличеніе народонаселенія встрѣчаетъ сильную задержку, такъ какъ только собственникъ предпріятія въ состояніи обзавестись семьей и содержать ее. Несамостоятельный рабочій на этой ступени хозяйства обыкновенно является домочадцемъ мастера или сельскаго хозяина; собственнаго очага у него нѣтъ. Капиталистическая же форма производства повсюду отдѣляетъ производство на рынокъ отъ домашняго хозяйства, даетъ возможность обзаводиться послѣднимъ и пролетарію, но въ то же время устраняетъ для него возможность откладывать это обзаведеніе до тѣхъ поръ, пока онъ станетъ хозяиномъ собственнаго предпріятія. Эта же форма производства разлагаетъ семью, гонитъ жену и дѣтей его на фабрику и въ мастерскую, рано дѣлаетъ самостоятельнымъ молодого рабочаго, истощая, однако, его рабочія силы до такой степени, что онъ рано становится инвалидомъ. Откладываніе брака до сравнительно поздняго возраста было для подмастерья или для батрака дѣломъ необходимымъ: онъ долженъ былъ дожидаться, пока не накопитъ достаточнаго количества средствъ, необходимыхъ для обзаведенія собственнымъ хозяйствомъ. Наемному же рабочему при капиталистической формѣ производства откладывать бракъ не только безцѣльно, но даже безсмысленно: чѣмъ онъ старше, тѣмъ меньше у него шансовъ содержать семью на свою заработную плату. А женщины пролетарскаго класса тѣмъ легче рѣшаются на бракъ, что онѣ и сами зарабатываютъ; далѣе, такъ какъ дѣвушки и молодые люди рано становятся экономически самостоятельными, то родителей не очень-то и спрашиваютъ при заключеніи браковъ, а прежде, вѣдь, ихъ мнѣніе было важнѣе мнѣнія самихъ жениха и невѣсты.

Разумѣется, при капиталистической формѣ производства, другіе факторы, напр., проституція, противодѣйствуютъ быстрому размноженію населенія. Все-жъ таки, въ государствахъ съ крупной промышленностью, напр., въ Германіи, Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, мы видимъ быстрое возрастаніе населенія, которому въ Соединенныхъ Штатахъ, разумѣется, способствуетъ и иммиграція, хотя все въ меньшей мѣрѣ. Число населенія равнялось:

Въ Германіи	(1871)	41 100 000	(1895)	52 200 000
» Англіи и Уэльсѣ . . .	»	22 700 000	(1896)	30 700 000
» Соедин. Штатахъ . .	(1870)	38 500 000	(1897)	72 200 000

Говорятъ, что столь быстрое увеличеніе населенія дѣлаетъ необходимымъ столь же быстрое расширеніе промышленности. Это вѣрно, но, съ другой стороны, это быстрое увеличеніе населенія въ свою очередь является слѣдствіемъ постояннаго расширенія капиталистическаго индустріализма.

Но еще быстрѣе, чѣмъ все населеніе увеличивается число его рабочихъ силъ. Въ Германіи число лицъ, занятыхъ промысломъ составляло въ 1882 году 38,99%, а въ 1895 году 40,12% всего населенія. За тотъ же періодъ времени, число членовъ семьи безъ опредѣленной профессіи упало съ 55,08% до 53,15%. Это можно приписать, главнымъ образомъ, распространенію женскаго труда.

То же самое экономическое развитіе, которое порождаетъ увеличеніе числа рабочихъ силъ, уменьшаетъ число тѣхъ рабочихъ силъ, которымъ можетъ дать занятіе опредѣленная сумма капитала, увеличиваетъ количество и стоимость машинъ, сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, приходящихся на опредѣленное число рабочихъ. Поэтому, для того, чтобы то же самое или даже увеличивающееся число рабочихъ могло найти занятіе, сумма вкладываемаго въ производство капитала должна постоянно и быстро возрастать.

А въ капиталѣ недостатка нѣтъ. Чѣмъ выше продуктивность труда, чѣмъ шире примѣненіе необученныхъ, незрѣлыхъ и женскихъ рабочихъ силъ, тѣмъ выше норма прибавочной цѣнности, тѣмъ быстрѣе можетъ идти накопленіе новаго капитала. Капиталисты прямо-таки вынуждаются къ этому, такъ какъ съ ходомъ экономическаго развитія повышается въ каждой отрасли промышленности минимальная сумма капитала, необходимая для того, чтобы предпріятіе способно было выдержать конкурренцію, и чѣмъ ожесточеннѣе конкурренція, тѣмъ больше шансовъ на побѣду имѣетъ крупный капиталъ, тѣмъ меньше ихъ у болѣе мелкаго. Такимъ образомъ, постоянное увеличеніе размѣровъ хозяйствъ, постоянное расширеніе производства при капиталистической его формѣ, является вопросомъ жизни не только для наемнаго пролетаріата, но и для класса капиталистовъ.

Но предпосылкой этого расширенія является соотвѣтственное расширеніе рынка, не простое увеличеніе физическихъ потребностей, что происходитъ само собою, а увелиличеніе экономическаго спроса, платежеспособнаго спроса на массу продуктовъ капиталистическаго производства; при чемъ это производство стремится къ тому, чтобы все больше принижать цѣнность того, что трудящіяся массы могутъ предъ-

явить къ обмѣну, а именно ихъ рабочей силы, такъ что массы эти могутъ покупать все меньшую долю ими же производимаго продукта.

Постоянное расширеніе рынка является, поэтому, одной изъ важнѣйшихъ проблемъ для промышленныхъ капиталистовъ.

Рынокъ бываетъ двоякій: внутренній и внѣшній. Въ послѣднее время, когда говорятъ о расширеніи рынка, то имѣютъ въ виду почти исключительно внѣшній рынокъ, но Зомбартъ совершенно правильно указалъ на то значеніе, какое все еще, рядомъ съ внѣшнимъ, имѣетъ рынокъ внутренній. Разумѣется, тѣ злобныя выходки противъ соціаль-демократіи, которыми онъ сопровождаетъ свои разсужденія въ «Sociale Praxis», совершенно излишни.

Мы здѣсь не станемъ касаться вопроса о вытѣсненіи иностранной промышленнности съ внутренняго рынка при помощи охранительныхъ пошлинъ. Оно равносильно расширенію внутренняго рынка для одной только національной капиталистической промышленности, а не для всей промышленности, имѣющей значеніе для всемірнаго рынка.

Но расширеніе внутренняго рынка для капиталистической промышленности все еще возможно путемъ вытѣсненія примитивной домашней промышленности, каковой процессъ совершался съ особой силой въ прошлое столѣтіе, но и теперь ни въ одномъ государствѣ, даже въ Британскомъ королевствѣ, процессъ этотъ не вполнѣ еще закончился. Ему благопріятствуетъ улучшеніе путей сообщенія, въ особенности желѣзныхъ дорогъ, само проведеніе которыхъ, въ свою очередь, имѣетъ громадное значеніе для капиталистической промышленности. Чѣмъ больше желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ сильнѣе притокъ деревенскаго населенія въ города, тѣмъ оживленнѣе строительная дѣятельность въ этихъ послѣднихъ, дѣятельность, въ свою очередь, опять-таки порождающая новый спросъ на трудъ и матеріалы. Отливъ рабочихъ силъ изъ деревень, съ своей стороны, способствуетъ введенію въ сельскомъ хозяйствѣ сберегающихъ трудъ машинъ и такимъ путемъ расширяетъ рынокъ для машиностроительной промышленности.

Крупныя измѣненія въ техникѣ вообще являются важнымъ факторомъ развитія внутренняго рынка. Теперешнему промышленному расцвѣту, безъ сомнѣнія, не мало способствовало развитіе въ послѣднее десятилѣтіе электротехники, вызвавшее многочисленныя новыя сооруженія всякаго рода для

цѣлей освѣщенія, транспорта, индустріи, кое-гдѣ даже сельскаго хозяйства.

Но внутренній рынокъ можетъ внезапно расшириться, также благодаря быстрому увеличенію количества денежнаго металла, хотя бы послѣдній добывался и не въ самой странѣ. Достаточно, чтобы въ странѣ жили владѣльцы золотыхъ и серебряныхъ пріисковъ. Какъ открытіе золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи сильно содѣйствовало преодолѣнію кризиса 1847—49 г. въ самой Европѣ, такъ и золотыя розсыпи въ Южной Африкѣ помогли преодолѣть кризисъ 1873—87 г. и способствовали теперешнему расцвѣту. Средняя цѣнность добываемаго ежегодно золота составляла въ милліонахъ марокъ:

Въ 1831—40 г.г.	56,6	въ 1851—55 г.г.	556,3
» 1841—50 »	152,8	» 1856—60 »	562,9

Съ тѣхъ поръ добыча золота снова понизилась; въ 1881—85 г.г. она составляла въ среднемъ за годъ 432 милліона марокъ. Въ 1889 г. снова началось быстрое повышеніе:

Въ 1889 г.—503,8	мил. мар.	Въ 1894 г.—736,5	мил. мар.
» 1890 г.—487,5	» »	» 1895 г.—813,9	» »
» 1891 г.—532,4	» »	» 1896 г.—828,2	» »
» 1892 г.—594,7	» »	» 1897 г.—961,0	» »
» 1893 г.—672,7	» »	» 1898 г. 1224,0	» »

Тѣ же самыя условія, которыя расширяютъ внутренній рынокъ: увеличеніе производства денежнаго металла, расширеніе и улучшеніе средствъ сообщенія—постройка пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ—разрушеніе примитивной домашней промышленности и, наконецъ, введеніе новой формы производства, возникновеніе крупной индустріи въ экономически отсталыхъ странахъ, получающихъ необходимыя машины изъ странъ съ болѣе развитой крупной индустріей, — всѣ они вліяютъ также и на расширеніе внѣшняго рынка.

Съ 1891 г. по 1895 г. протяженіе желѣзныхъ дорогъ увеличилось въ:

	процентовъ	километровъ
Германіи	на 6,8	на 2 989
Франціи	» 6,5	» 2 476
Бельгіи	» 4,5	» 238
Великобританіи и Ирландіи	» 3,5	» 1 161

За то въ:

Россіи	на 21,4	на 6 675
Азіи	» 22,1	» 7 838
Африкѣ	» 25,2	» 2 647

Грандіозныя сибирская и китайская желѣзныя дороги въ 1895 г. только что начали строиться.

Разрушеніе примитивной домашней промышленности ведетъ прежде всего къ расширенію рынка для *текстильной промышленности*. Развитіе же и значеніе *желѣзной промышленности* основывается на расширеніи и улучшеніи путей сообщенія и на развитіи заграничной крупной промышленности.

Оба очерченные здѣсь процесса—промышленный циклъ, т. е., смѣна процвѣтанія, кризиса, застоя и новаго оживленія въ дѣлахъ съ одной стороны, а съ другой—постоянное стремленіе къ расширенію производства и рынковъ для сбыта,—переплетаются другъ съ другомъ и кажутся однимъ общимъ процессомъ. Всякое крупное расширеніе рынка даетъ толчекъ производству, толкаетъ его къ перепроизводству и кризису. И, наоборотъ, каждый кризисъ настоятельно побуждаетъ стремиться къ расширенію рынка.

Но для соціальнаго развитія эти два процесса не однозначущи. Кризисы ведутъ къ соціализму, ускоряя концентрацію капитала и увеличивая необезпеченность положенія пролетаріевъ, т. е., обостряя импульсы, толкающіе ихъ въ объятія соціализма. Постоянная же необходимость въ расширеніи рынка заключаетъ въ себѣ еще одинъ моментъ: ясно, что капиталистическая форма производства станетъ невозможной съ того историческаго момента, когда окажется, что рынокъ не можетъ расширяться съ тѣмъ же темпомъ, что и производство, т. е., когда перепроизводство станетъ хроническимъ.

Бернштейнъ понимаетъ подъ исторической необходимостью лишь принудительное положеніе. Здѣсь мы имѣемъ именно такое положеніе, которое, разъ оно наступитъ, неизбѣжно должно привести къ соціализму.

Но такое положеніе непремѣнно наступитъ, *если экономическое развитіе будетъ и впредь идти такъ, какъ оно до сихъ поръ шло,* ибо внутренній и внѣшній рынокъ имѣетъ свои границы, въ то время какъ расширеніе производства на практикѣ не имѣетъ границъ. Дѣло тутъ идетъ не о прочной, неизмѣнной границѣ — такой границы въ эко-

номическомъ развитіи никогда невозможно достигнуть — дѣло идетъ объ эластичной, однако все болѣе суживающейся, границѣ. Такого пункта, начиная съ котораго рынокъ уже абсолютно не могъ бы болѣе расширяться, никогда не достигнуть; но капиталистическая форма производства должна стать невыносимой не только для пролетаріевъ, но и для массы населенія, какъ только способность рынка расширяться отстанетъ отъ потребности производства въ расширеніи, потребности, вытекающей изъ роста промышленнаго населенія, изъ роста капитала, изъ прогресса технологіи.

Но чѣмъ большій процентъ населенія живетъ наемнымъ трудомъ, тѣмъ быстрѣе, въ свою очередь, растетъ число трудящагося населенія.

Чѣмъ больше количество капитала и чѣмъ выше норма эксплуатаціи, тѣмъ больше масса ежегодно накопляемой прибыли, а чѣмъ больше распространяется капиталистическая форма производства, тѣмъ больше расширяется область современной науки, тѣмъ многочисленнѣе становится количество интеллигентовъ, тѣмъ больше средствъ къ услугамъ изобрѣтателей, слѣдовательно, чѣмъ быстрѣе совершаются перевороты въ техникѣ, тѣмъ выше становится продуктивность труда.

Такимъ образомъ, темпъ развитія мірового производства все болѣе учащается; но способенъ ли міровой рынокъ въ такой же мѣрѣ безпрестанно расширяться?

Для той отрасли капиталистической крупной промышленности, которая прежде всѣхъ начала играть большую роль на міровомъ рынкѣ — для *текстильной промышленности* — наступилъ уже въ настоящее время въ ея старыхъ центрахъ періодъ хроническаго перепроизводства. Правда, рынокъ все еще расширяется, но число иностранныхъ конкуррентовъ растетъ гораздо быстрѣе.

На самомъ дѣлѣ, въ Англіи ея могучая текстильная промышленность вступила уже въ періодъ застоя. Даже эпоха процвѣтанія не приноситъ съ собой значительнаго подъема этой отрасли индустріи. Стоимость вывоза изъ Соединеннаго Королевства составляла въ милліонахъ фунтовъ стерлинговъ:

	1880	1885	1890	1895	1897
Хлопчатобумажной пряжи . .	11,9	11,9	12,3	9,3	9,9
» матеріи. .	63,7	55,1	62,1	54,5	54,0

Немногимъ отличается положеніе хлопчатобумажной промышленности остальной Западной Европы; лишь съ большимъ трудомъ расширяетъ она область своего сбыта.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ желѣзной промышленностью. Хотя въ Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ постройка желѣзныхъ дорогъ сравнительно все больше и больше задерживается, за то для нея открыты еще неизмѣримыя пространства въ варварскихъ и полу-цивилизованныхъ странахъ; а машиностроеніе также имѣетъ еще передъ собой обширныя области, которыя тѣмъ скорѣе созрѣваютъ для введенія капиталистической крупной промышленности и капиталистическаго горнаго дѣла, чѣмъ больше Европа и Америка вывозятъ излишняго капитала и чѣмъ тѣснѣе онѣ связываются посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ съ міровымъ рынкомъ.

Но какіе бы большіе размѣры ни принялъ вывозъ ссужаемаго капитала, все-таки отсталыя страны однимъ только этимъ капиталомъ не могутъ оплатить всѣ тѣ продукты промышленности, которые посылаются имъ болѣе развитыми странами. Напротивъ, эти капиталы еще обременяютъ отсталыя страны постоянно растущими процентами по займамъ. Для оплаты продуктовъ промышленности и для уплаты процентовъ по займамъ, эти страны могутъ, главнымъ образомъ, продавать лишь свои сырые продукты, въ томъ числѣ массу такихъ продуктовъ, которые производятся и европейскимъ сельскимъ хозяйствомъ, или которые замѣняютъ продукты европейскаго сельскаго хозяйства. И чѣмъ совершеннѣе пути сообщенія, тѣмъ легче продукты эти попадаютъ въ Европу, тѣмъ сильнѣе они могутъ принижать цѣны на европейскіе продукты.

Такимъ образомъ, рядомъ съ хроническимъ, прерываемымъ лишь краткими періодами слабаго оживленія, кризисомъ въ текстильной промышленности или же, по меньшей мѣрѣ, рядомъ съ застоемъ въ текстильной промышленности, — мы видимъ также и кризисъ въ сельскомъ хозяйствѣ и сельскохозяйственной промышленности — въ винокуреніи, въ сахевареніи. Если сахарная промышленность, тѣмъ не менѣе, все еще развивается дальше, благодаря искусственному поощренію, то предстоящій, въ концѣ концовъ, крахъ будетъ тѣмъ болѣе опустошительнымъ.

Но и процвѣтаніе желѣзной промышленности (включая сюда и машиностроеніе), являющейся въ настоящее время передовой промышленностью, которой мы, главнымъ образомъ,

обязаны и современнымъ періодомъ процвѣтанія, должно когда-нибудь имѣть конецъ. Періодъ этотъ, — при томъ предположеніи, что капиталистическая форма производства и впредь будетъ развиваться безъ помѣхъ — закончится не только временнымъ, преходящимъ кризисомъ, но, въ концѣ концовъ, и хроническимъ перепроизводствомъ и застоемъ; такъ что, вводя машины и въ другія страны, желѣзная промышленность сама себѣ роетъ могилу. Если она сначала создаетъ, главнымъ образомъ, конкуррентовъ для туземной текстильной промышленности и туземнаго сельскаго хозяйства, то рано или поздно она создаетъ конкуррентовъ и для себя самой, которые не только сами удовлетворяютъ потребности своей страны, но производятъ даже постоянно растущій излишекъ для мірового рынка.

Повидимому, положеніе дѣла таково, что желѣзная промышленность Англіи дошла уже почти до предѣла своей способности къ расширенію,—по сравненію съ Германіей и особенно съ Соед. Штатами. Теперешній періодъ процвѣтанія лишь очень мало повысилъ производство чугуна въ Англіи. Оно составляло въ тоннахъ («Oeconomist», 1-го іюля 1899 г.)

	1896	1897	1898
Въ Великобританіи . . .	8 659 681	8 681 151	8 877 109
» Германіи	6 372 575	6 864 405	7 215 927
» Соединен. Штатахъ . .	8 623 127	9 652 680	11 733 934

По даннымъ W. K. Lawson'а произведено стальныхъ рельсовъ въ тоннахъ (ст. въ «Bankers magazine» за августъ 1899 г.):

	Англія	Соединен. Штаты
Въ 1897 г.	921 131	1 644 520
» 1898 г.	751 591	1 976 702

Общая сумма производства бессемеровской стали равнялась (въ тоннахъ):

	Англія	Соединен. Штаты
Въ 1897 г.	1 884 155	5 475 315
» 1898 г.	1 759 368	6 609 017

Лаусонъ, вопреки противоположнымъ увѣреніямъ англійскихъ желѣзопромышленниковъ, видитъ въ этихъ цифрахъ очень угрожающій симптомъ для желѣзной промышленности его страны.

Но какъ только желѣзная промышленность въ странахъ съ крупной промышленностью займетъ то положеніе, въ ка-

комъ находится теперь текстильная промышленность и сельское хозяйство въ Англіи, тогда наступитъ конецъ способности капиталистической формы производства къ расширенію, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и конецъ ея жизнеспособности.

А ждать этого не придется слишкомъ долго, если вспомнить, съ какой быстротой развилась въ Соед. Штатахъ, Японіи, Россіи значительная крупная промышленность; въ Соед. Штатахъ, возникши всего лишь одно поколѣніе тому назадъ, она уже оставила далеко за собой англійскую и германскую промышленность.

Однако, допускать наступленіе подобнаго рода неизлѣчимаго производства еще не значитъ предсказывать наступленіе въ близкомъ будущемъ гигантскаго мірового кризиса, мірового пожара, изъ пепла котораго соціалистическое общество, подобно фениксу, возстанетъ во всей своей красѣ.

Процессъ наступленія хроническаго перепроизводства можетъ тянуться очень медленно. Какъ и когда оно произойдетъ—и то, и другое намъ одинаково неизвѣстно. Я охотно соглашусь даже и съ тѣмъ, что можно сомнѣваться, наступитъ ли оно вообще когда-либо; сомнѣваться тѣмъ сильнѣе, чѣмъ быстрѣе растутъ успѣхи соціалистическаго движенія.

Неизлѣчимое хроническое перепроизводство — это тотъ послѣдній предѣлъ, до котораго вообще еще можетъ существовать капиталистическій режимъ; но это перепроизводство еще не является непремѣнной причиной его гибели. Мы видѣли, что матеріалистическое пониманіе исторіи наряду съ экономическимъ принужденіемъ признаетъ еще и другіе факторы соціальнаго развитія, которые, хотя и мотивируются экономически, часто, однако, носятъ идеальный, этическій характеръ, и которые всѣ резюмируются формулой классовой борьбы. Классовая борьба пролетаріата можетъ повести къ ниспроверженію капиталистической формы производства и раньше, чѣмъ эта послѣдняя вступитъ въ стадію разложенія. Если указаніе на хроническое перепроизводство неравносильно предсказанію наступленія огромнаго мірового кризиса, то тѣмъ паче оно не равносильно предсказанію особой формы гибели капиталистическаго производства. Значеніе его состоитъ въ томъ, что, установляя самый крайній предѣлъ жизнеспособности современнаго общества, это указаніе придвигаетъ ближе къ намъ соціализмъ изъ тѣхъ туманныхъ сферъ, куда его въ настоящее время отодвигаютъ столь многіе соціалисты; благодаря ему, соціализмъ изъ цѣли, которая, быть можетъ, осуществится лѣтъ черезъ пятьсотъ, а можетъ

быть и совсѣмъ не осуществится,—становится осязательной и необходимой цѣлью практической политики.

Вотъ каковы, по моему мнѣнію, важнѣйшіе пункты, которые необходимо принимать во вниманіе при разсмотрѣніи связи между кризисами и наступленіемъ соціализма.

Но какъ разъ объ этихъ пунктахъ Бернштейнъ совсѣмъ не высказывается, потому что онъ занимается почти исключительно опроверженіемъ неимѣющей никакого значенія фантазіи о неслыханномъ всеобщемъ міровомъ кризисѣ.

Онъ ставитъ вопросъ, «не увеличило ли громадное пространственное расширеніе мірового рынка, въ связи съ чрезвычайнымъ сокращеніемъ времени, требующагося для передачи извѣстій и для транспорта, возможности *уравновѣшенія* разстройствъ; не уменьшилъ ли громадный ростъ богатства европейскихъ промышленныхъ странъ, въ связи съ эластичностью современной кредитной системы и съ распространеніемъ картелей, *силы воздѣйствія* мѣстныхъ и частныхъ разстройствъ на общее положеніе дѣлъ до такой степени, что можно считать невѣроятными, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, довольно продолжительнаго времени общіе промышленные кризисы по образцу прежнихъ» (стр. 70).

По какому образцу будутъ происходить грядущіе кризисы, этого сейчасъ, конечно, предсказать нельзя. Весьма вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ они будутъ отличаться отъ прежнихъ. Но, вѣдь, дѣло не въ этомъ. Вопросъ сводится къ тому, будутъ ли грядущіе кризисы точно такъ же вліять на пролетаріатъ и средніе слои населенія, какъ и предшествовавшіе, и нѣтъ ничего, что говорило бы противъ этого.

Впрочемъ, почему расширеніе мірового рынка и системы кредита, равно какъ и увеличеніе богатства, должны препятствовать всеобщности кризисовъ,—это мнѣ не совсѣмъ понятно. Тутъ, вѣдь, дѣло идетъ не о «мѣстныхъ и частныхъ разстройствахъ въ общемъ положеніи дѣлъ», а объ общемъ перепроизводствѣ. Чѣмъ средства сношенія и транспорта лучше, тѣмъ больше міровой рынокъ долженъ представлять собою нѣчто единое, тѣмъ скорѣе состояніе одной части отзовется на другихъ. Развитіе кредита должно дѣйствовать въ томъ же направленіи. Но это же развитіе облегчаетъ также и внезапное расширеніе производства. Такое же дѣйствіе оказываетъ и ростъ богатства, который обозначаетъ, вѣдь, не что иное, какъ увеличеніе капитала, предназначеннаго на расширеніе производства. Несомнѣнно, что *мѣстныя* и *частныя* разстройства, благодаря быстротѣ сношеній, можно лег-

че устранить при помощи этихъ массъ капитала и кредита; цѣлый рядъ факторовъ, кризисовъ и ихъ очаговъ устранены такимъ путемъ, какъ указалъ еще Энгельсъ, но какъ же это развитіе можетъ препятствовать перепроизводству всеобщему? Но если перепроизводство всеобщее, то и крахъ долженъ быть всеобщимъ. Процвѣтаніе и кризисъ при капиталистическомъ хозяйствѣ неразрывно связаны другъ съ другомъ.

Это, разумѣется, вовсе не значитъ, что грядущій кризисъ непремѣнно будетъ послѣднимъ и всепоглощающимъ.

Но картели? Развѣ онѣ не являются средствомъ ограниченія и регулированія производства, а тѣмъ самымъ и средствомъ, могущимъ предотвратить перепроизводство и кризисы.

Ихъ *цѣль*, несомнѣнно, не такова. Ихъ задача—это повысить капиталистическую прибыль. Правда, однимъ изъ путей, ведущихъ къ этому, служитъ повышеніе цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нормы прибыли, путемъ сокращенія предложенія на рынкѣ. Но этимъ путемъ невозможно произвольно повышать цѣны даже и тогда, если монопольно господствовать надъ рынкомъ, чего и добиваются картели. По мѣрѣ возрастанія цѣнъ, падаетъ, съ одной стороны, спросъ, а для капиталистовъ, стоящихъ внѣ картели, возрастаетъ, съ другой стороны, соблазнъ принять участіе въ непомѣрно высокихъ прибыляхъ, посредствомъ основанія конкуррирующихъ съ картелью предпріятій; но это значитъ подорвать монополію и расширить производство.

Ограниченіе предложенія на рынкѣ при помощи картели или треста имѣетъ, слѣдовательно, свои предѣлы.

Съ другой стороны, прибыль, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тѣмъ выше, чѣмъ дешевле производится продуктъ, что, между прочимъ, означаетъ и болѣе крупные размѣры производства. Чѣмъ шире масштабъ, по которому ведется производство, тѣмъ болѣе совершеннымъ технически оно можетъ быть, тѣмъ скорѣе оно въ состояніи подавить въ зародышѣ всякую возникающую конкурренцію, которая, въ противномъ случаѣ, угрожала бы монополіи картели. А чѣмъ крупнѣе и быстрѣе оборотъ производства, тѣмъ больше, при прочихъ равныхъ условіяхъ, масса прибыли.

Такимъ образомъ, о руководителѣ картели можно съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ о Марксѣ, сказать, что въ его груди—двѣ души: одна, думающая о томъ, какъ бы возможно болѣе ограничить производство, а другая — какъ бы побольше расширить его. Но руководитель картели—не умствующій Фаустъ, онъ человѣкъ дѣла, и вмѣсто того, чтобы

предоставить двумъ душамъ бороться въ его груди, онъ просто-напросто старается осуществить различныя стремленія къ увеличенію своей прибыли на двухъ различныхъ рынкахъ.

На внутреннемъ рынкѣ предложеніе по возможности ограничивается, цѣны подымаются настолько высоко, насколько это допускаетъ полученіе возможно болѣе высокой прибыли. Но ограничивается только *предложеніе*, а не *производство*. Послѣднее по возможности расширяется, а избытокъ его сбывается заграницу. Чѣмъ выше цѣны и прибыль на внутреннемъ рынкѣ, тѣмъ успѣшнѣе можетъ идти понижающая цѣны конкурренція на внѣшнемъ. Если тамъ покрываются однѣ только издержки производства, то сбытъ все-таки является прибыльнымъ уже потому, что позволяетъ продолжать производство въ самыхъ крупныхъ размѣрахъ.

Слѣдовательно, въ отрасляхъ промышленности, производящихъ массовые продукты и на вывозъ—а именно эти отрасли и толкаются болѣе всего къ перепроизводству—невозможно ожидать сокращенія и регулированія производства картелями.

Соединенные Штаты — страна картелей. Но мы не замѣчаемъ, чтобы производство тамъ ограничивалось. Наоборотъ, производство чугуна за послѣднія пять лѣтъ тамъ *болѣе, чѣмъ удвоилось*. Въ 1894 г. оно составляло нѣсколько болѣе $6^1/_2$ милліоновъ тонъ, въ 1898 г. — почти 12 милліоновъ, а въ 1899 г. оно, по даннымъ за первое полугодіе, опредѣляется въ 14 милліоновъ (Lawson, въ «Bankers magazine»).

Бернштейнъ и самъ не можетъ отрицать, что при извѣстныхъ условіяхъ картели непремѣнно ведутъ къ перепроизводству.

Но, возражаетъ онъ, «этотъ маневръ удается лишь тамъ, гдѣ картель находитъ себѣ прикрытіе въ охранительномъ тарифѣ, не позволяющемъ другимъ странамъ отплатить ей тою же монетой» (стр. 78). Разумѣется, онъ убѣжденъ, «что тамъ, гдѣ въ современныхъ промышленныхъ странахъ картели и тресты поддерживаются и дѣйствіе ихъ обостряется охранительными пошлинами, — тамъ они неизбѣжно должны превратиться въ *факторовъ, ведущихъ къ кризису* въ соотвѣтствующей отрасли промышленности — и затѣмъ, если не сразу, то, во всякомъ случаѣ, въ концѣ концовъ и для самой «охраняемой» страны. Вопросъ, слѣдовательно, только въ томъ, до какихъ поръ соотвѣтствующіе народы будутъ терпѣть такое хозяйство» (стр. 79).

Слѣдовательно, будучи далекими отъ того, чтобы регулировать производство, картели должны превратиться въ факторовъ кризисовъ, — «вопросъ только въ томъ, до какихъ поръ народы будутъ терпѣть такое хозяйство».

Да, вопросъ дѣйствительно въ этомъ. Но на него, какъ и на многіе другіе имъ поставленные вопросы, Бернштейнъ отвѣта не далъ.

Бернштейнъ исходилъ изъ соображенія, что расширеніе мірового рынка, увеличеніе богатства, эластичность современнаго кредита, въ связи съ появленіемъ картелей, сдѣлало невѣроятными общіе кризисы въ дѣлахъ, *«по крайней мѣрѣ, на довольно продолжительное время»*. И вдругъ оказывается, что эти самыя картели являются новыми факторами кризисовъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока народы будутъ терпѣть это покровительственное хозяйство, т. е., несомнѣнно, *«по крайней мѣрѣ, на довольно продолжительное время»*.

У насъ нѣтъ ровно никакихъ шансовъ за то, что мы еще когда-нибудь будемъ жить при режимѣ свободной торговли. Пока народы терпятъ капитализмъ, они будутъ также терпѣть и протекціонизмъ, именно по причинѣ возрастающаго перепроизводства. Капиталистическій режимъ не обладаетъ никакимъ лекарствомъ противъ этой болѣзни, а протекціонизмъ является все-таки попыткой смягчить ее, т. е., попыткой свалить ея послѣдствія со своей страны на чужія страны. Такое смягченіе продолжается, разумѣется, лишь до тѣхъ поръ, пока другія не дѣлаютъ той же попытки; протекціонный же тарифъ легче ввести, чѣмъ отмѣнить, въ особенности, въ періодъ столь бѣшеной конкурренціи на міровомъ рынкѣ, а безуспѣшность попытки толкаетъ скорѣе къ усиленію, чѣмъ къ отмѣнѣ этого средства.

Гдѣ вы найдете въ настоящее время среди буржуазныхъ партій фритредерское движеніе? Для нихъ важно лишь то, выше или ниже охранительныя пошлины, торговый договоръ или возможность таможенныхъ войнъ. Ну, а свобода торговли?! Для капиталистовъ — это идеалъ минувшихъ дней. Свобода торговли въ Англіи, по его мнѣнію, служитъ однимъ изъ многихъ признаковъ того, что она — страна исключительная. Да и въ Англіи растетъ протекціонистское движеніе.

Итакъ, если уничтоженіе тенденціи картелей, вызывающей кризисы, ставить въ зависимость отъ свободы торговли, то эта тенденція останется еще на неопредѣленно долгое время. Грядущій кризисъ, наступленіе котораго мы должны

ожидать, можетъ быть, уже черезъ 2—3 года, не будетъ задержанъ такимъ путемъ.

Но многiе и какъ разъ наиболѣе сильные картели и тресты вызываютъ кризисы не только тѣмъ, что они даютъ толчекъ производству и конкуррируютъ на мiровомъ рынкѣ, понижая цѣны ниже стоимости, но въ такой же мѣрѣ и тѣмъ, что даютъ толчекъ спекуляцiи.

Бернштейнъ думаетъ, что спекуляцiя это скорѣе всего дѣтская болѣзнь капиталистической формы производства, которая съ годами проходитъ. «Спекуляцiя обусловливается отношенiемъ между предвидимыми и непредвидимыми обстоятельствами. Чѣмъ больше преобладаютъ послѣднiя, тѣмъ она сильнѣе; почва для нея исчезаетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше предвидимыя обстоятельства вытѣсняютъ непредвидимыя. Поэтому, безумные взрывы коммерческой спекуляцiи совпадаетъ *съ началомъ капиталистической эры* и свои наиболѣе опустошительныя оргiи спекуляцiя празднуетъ въ странахъ, гдѣ *капитализмъ недавно началъ развиваться*».

Но гдѣ же причина того, что въ нѣкоторыхъ странахъ «недавно началъ развиваться капитализмъ»? Причина эта—главнымъ образомъ, капиталы, притекающiе въ эти страны изъ болѣе развитыхъ странъ. Непредвидимыя обстоятельства въ болѣе молодыхъ странахъ вызываютъ тѣмъ большiя оргiи спекуляцiи въ болѣе развитыхъ странахъ, чѣмъ больше своего капитала послѣднiя помѣщаютъ заграницей. Аргентинская и трансваальская спекуляцiи праздновали свои «наиболѣе опустошительныя оргiи» не только въ Буэносъ-Айресѣ и Iоганнесбургѣ, но въ такой же мѣрѣ и въ старомъ достопочтенномъ лондонскомъ Сити.

Какъ при открытiи новыхъ странъ, при реализацiи новыхъ изобрѣтенiй, такъ и при образованiи новыхъ отраслей промышленности «непредвидимыя обстоятельства» преобладаютъ и составляютъ, поэтому, предметъ спекуляцiи. Нельзя утверждать, что тотъ или другой изъ этихъ факторовъ съ ходомъ развитiя капиталистической эры отступаетъ на заднiй планъ. Наоборотъ.

Точно также нельзя утверждать и того, что въ настоящее время спекуляцiя слабѣе прежней. Капиталисты были осторожны, пока имъ давали себя чувствовать послѣдствiя ужасающей депрессiи 80-хъ годовъ. Въ настоящее время они спекулируютъ охотнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Иллюстрацiей къ этому могутъ послужить нѣкоторыя данныя, за-

имствуемыя нами изъ «Deutscher Oekonomist»'а отъ 22-го іюля, 1899 года.

Въ Германіи величина дѣйствительно употребленнаго капитала равнялось (въ милл. марокъ):

Для выпуска	Биржевыхъ бумагъ вообще	Акцій нѣмецкихъ промышленныхъ обществъ
1887	1008	?
1888	1985	194,5
1889	1745	337,4
1890	1520	200,5
1891	1217	29,7
1892	1016	14,8
1893	1266	25,3
1894	1420	79,0
1895	1375	223,2
1896	1896	333,9
1897	1944	318,2
1898	2407	520,6
1899 (1-го сентября)	1595	518

Нижній рядъ цифръ очень хорошо позволяетъ прослѣдить промышленный циклъ съ его апогеемъ въ 1889 году, самымъ низкимъ уровнемъ въ 1892 г., новымъ оживленіемъ съ 1895 г. и скачкообразнымъ расцвѣтомъ за послѣдніе годы —за первое полугодіе 1899 г. выпущено было столько же новыхъ акцій, сколько за весь предыдущій, бывшій уже тоже годомъ высшаго подъема.

А вотъ еще рядъ цифръ, показывающій средній эмиссіонный лажъ германскихъ промышленныхъ акцій.

Онъ выражался въ процентахъ:

1888	1889	1890	1891	1892	1893 (1-го сентября)
38,06	45,87	30,05	20,0	14.7	29,1
1894	1895	1896	1897	1898	1899 (1-го сентября)
31,0	38,6	36,1	66,7	67,7	69,9

Къ этому редакція цитируемой газеты дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: «Эмиссіонный курсъ достигъ *раньше никогда невиданной* высоты. Притомъ бумаги, постоянно поднимаются въ цѣнѣ еще гораздо выше эмиссіоннаго курса. *Ненормальность этихъ чрезмѣрныхъ повышеній* не разъ уже отмѣчалась нами... На самомъ дѣлѣ повышеніе курса основывается не на высшей оцѣнкѣ стоимости вкладовъ, а един-

ственно лишь на всеобщемъ ожиданіи, что курсъ подымется еще выше, т. е., на самой обыкновенной спекуляціи на курсовую разность. Что эта спекуляція приняла небывалые размѣры, это можно видѣть изъ неслыханной раньше высоты эмиссіоннаго лажа, достигшаго въ среднемъ около 70%.

То же самое говоритъ и Lawson въ вышеупомянутой статьѣ о спекуляціи Wallstreet'a. Онъ полагаетъ, что если бы не разумная политика нью-іоркскихъ банковъ, то повторилась бы уже южно-африканская афера. Главный объектъ аферизма—это тресты.

Соединенные Штаты—страна картелей. Страна эта обладаетъ наиболѣе эластичной организаціей кредита, громадными богатствами, высоко развитыми способами сношенія и транспортомъ, самымъ обширнымъ внутреннимъ рынкомъ; и, несмотря на это, здѣсь произошелъ (1893—96) самый ужасный кризисъ, какой только видѣло послѣднее десятилѣтіе.

Но допустимъ, что картели дѣйствительно въ состояніи путемъ сокращенія производства предотвратить кризисы. Какая польза была бы отъ этого пролетаріату и среднимъ слоямъ? Картели являются однимъ изъ наиболѣе могучихъ средствъ, ведущихъ къ экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ. Если вліяніе картелей уничтожитъ идущее въ томъ же направленіи дѣйствіе кризисовъ, то отъ этого господство крупнаго капитала не станетъ менѣе невыносимымъ.

Ну, а пролетарій? Всѣмъ извѣстно, что соединеніе предпринимателей въ прочные союзы не содѣйствуетъ ни повышенію платы, ни развитію профессіональнаго движенія, ни самостоятельности рабочихъ. Но, можетъ быть, рабочіе взамѣнъ этого начинаютъ пользоваться хотя бы большимъ постоянствомъ заработка? Нѣтъ, именно тамъ, гдѣ картелямъ дѣйствительно удалось сократить производство, подобное постоянство встрѣчается всего менѣе. Трестъ гораздо скорѣе, чѣмъ единичное предпріятіе можетъ достигнуть наивысшей продуктивности труда. Мелкія, ирраціональныя хозяйства онъ совсѣмъ закрываетъ, онъ упрощаетъ управленіе, проводитъ дальше раздѣленіе труда, благодаря своимъ колоссальнымъ средствамъ, онъ поощряетъ къ опытамъ и къ примѣненію новыхъ изобрѣтеній. Чѣмъ больше все это сопровождается ограниченіемъ производства, тѣмъ скорѣе эти успѣхи должны вести къ сокращенію числа рабочихъ. Для одной части рабочихъ—наиболѣе безотвѣтныхъ и наиболѣе искусныхъ—картель, быть можетъ, и приноситъ съ собою большее постоянство занятій; для всѣхъ же остальныхъ этому постоянству

соотвѣтствуетъ не что иное, какъ большее постоянство безработицы.

Какимъ путемъ картель можетъ предотвратить кризисъ? Не иначе, какъ только сокращеніемъ производства. Но мы видѣли, что постоянное расширеніе производства является вопросомъ жизни для капиталистической формы производства и, прежде всего, для самого пролетаріата. Что стали бы дѣлать картели, если бы имъ удалось регулировать производство, съ вновь накопленнымъ капиталомъ; не повело ли бы давленіе этого капитала къ тому, что картелямъ пришлось бы или снова расширить производство, или же распасться самимъ,— до всего этого намъ здѣсь нѣтъ дѣла. Но вотъ что несомнѣнно: всякая задержка расширенія производства при современной его формѣ необходимо вызоветъ невыносимое положеніе вещей; и было бы нелѣпостью думать, что послѣднее менѣе тягостно чувствовалось бы рабочими, если оно будетъ вызвано искусственной картелизаціей предпринимателей, а не кризисами и банкротствами. Наоборотъ. Если предприниматели хотятъ предотвратить кризисы тѣмъ, что скверныя послѣдствія ихъ взваливаютъ на плечи рабочихъ въ періоды расцвѣта; если они хотятъ ради спасенія прибыли возложить исключительно на рабочихъ послѣдствія сокращенія производства; если они взваливаютъ на нихъ послѣдствія перепроизводства еще раньше, чѣмъ оно наступило,—то это можетъ повести только къ самому крайнему обостренію антагонизма между капиталомъ и трудомъ.

Далекія отъ того, чтобы уничтожить дѣйствія кризисовъ, ведущія къ соціализму, картели, напротивъ, необходимо дѣйствуютъ въ томъ же направленіи и, повидимому, ничуть не препятствуя кризисамъ. Болѣе, чѣмъ всякое иное явленіе капиталистической экономической жизни, картели внушаютъ трудящимся слоямъ населенія убѣжденіе въ необходимости экспропріаціи экспропріаторовъ и сознаніе того, что завоеваніе политической власти пролетаріатомъ является единственнымъ средствомъ справиться съ ними.

Самъ Бернштейнъ также понимаетъ, что картели могутъ нанести тяжелый уронъ пролетаріату, но его всякій разъ гипнотизируетъ его idée fixe, а именно, что въ средѣ соціальдемократіи находятся вліятельные люди, ожидающіе побѣды пролетаріата не отъ его неустанной борьбы съ врагами, а отъ фантастическаго міроваго кризиса.

«Капиталистическое средство обороны противъ кризисовъ», говоритъ онъ, «потенціально носитъ въ себѣ зароды-

ши новой, усиленной крѣпостной зависимости рабочаго класса, а также и новыхъ промышленныхъ привилегій, представляющихъ собой болѣе рѣзкую форму цеховыхъ привилегій. Мнѣ кажется, съ точки зрѣнія рабочаго гораздо важнѣе считаться съ возможностью возникновенія картелей и трестовъ, чѣмъ предсказывать ихъ «безсиліе». Долго ли они будутъ выполнять свою первую цѣль—охрану отъ кризисовъ—это для рабочаго класса вопросъ второстепенный. Но этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ громадное значеніе въ томъ случаѣ, если съ наступленіемъ всеобщаго кризиса связываются какія-либо надежды для освободительнаго движенія рабочаго класса. Ибо тогда представленіе, что картели не оказываютъ никакого вліянія на кризисы, можетъ повести къ очень роковымъ упущеніямъ».

Какими фантазерами считаетъ Бернштейнъ своихъ партійныхъ товарищей! И какое фантастическое представленіе онъ имѣетъ о нашемъ движеніи, если предполагаетъ, что съ грядущимъ кризисомъ связываются какія бы то ни было столь опредѣленныя надежды, что онѣ могутъ даже повести къ весьма роковымъ упущеніямъ. Къ сожалѣнію, находятся люди, которые, наслышавшись подобныхъ мрачныхъ возгласовъ, сплеча осуждаютъ всю соціаль-демократію.

і) Формулировка программы.

Своими разсужденіями о кризисахъ и картеляхъ Бернштейнъ заканчиваетъ свои изслѣдованія объ экономическомъ развитіи современнаго общества. Даютъ ли они намъ поводъ измѣнить нашу программу? Доказали ли они, что экономическое развитіе идетъ въ другомъ направленіи, чѣмъ указанное Марксомъ?

Я думаю, что мы на этотъ вопросъ можемъ спокойно отвѣтить «нѣтъ».

Я здѣсь говорю не только объ эрфуртской программѣ, но иобъ основныхъ принципахъ, заключающихся почти во всѣхъ современныхъ соціаль-демократическихъ программахъ, вообще дающихъ обоснованіе своимъ соціаль-демократическимъ требованіямъ.

Такъ, напр., гайнфельдская программа австрійской рабочей партіи заявляетъ:

«Соціалистическая рабочая партія Австріи добивается для всего народа безъ различія національности, расы и пола, освобожденія отъ оковъ экономической зависимости, устраненія

политическаго безправія, поднятія изъ духовнаго вырожденія. Причины этого недостойнаго состоянія слѣдуетъ искать не въ отдѣльныхъ политическихъ институтахъ, а въ обусловливающемъ сущность всего общественнаго строя и господствующемъ надъ нею фактѣ, что средства труда монополизированы въ рукахъ отдѣльныхъ собственниковъ. Собственникъ рабочей силы, рабочій классъ, становится, благодаря этому, рабомъ собственника средствъ производства, класса капиталистовъ, политическое и экономическое господство которыхъ находитъ себѣ выраженіе въ современномъ государствѣ. Частная собственность на средства производства, политическимъ выраженіемъ которой является классовое государство, экономически равносильна возрастающей массѣ нищеты и растущему обнищанію все болѣе широкихъ слоевъ населенія.

Благодаря развитію техники, колоссальному росту производительныхъ силъ, это форма собственности оказывается не только излишней, *для громаднаго большинства населенія она устраняется и фактически, а въ то же время создаются духовныя и матеріальныя предпосылки*, *необходимыя для формы общей собственности.* Переходъ средствъ производства въ общую собственность всего трудящагося населенія, слѣдовательно, не только означаетъ освобожденіе рабочаго класса, но и является результатомъ исторически необходимаго развитія. Носителемъ этого развитія можетъ быть только сознающій свои классовые интересы и организованный въ политическую партію пролетаріатъ. Политическая организація пролетаріата, внушеніе ему сознанія его положенія и его задачъ, развитіе и поддержаніе въ немъ духовной и физической боевой способности,—является, поэтому, сущностью программы соціаль-демократической рабочей партіи въ Австріи, для выполненія которой она будетъ пользоваться всѣми цѣлесообразными и соотвѣтствующими естественному правосознанію народа средствами».

Программа французской рабочей партіи начинается съ заявленія:

«Что освобожденіе производительнаго класса является освобожденіемъ всѣхъ людей, безъ различія пола и расы;

что производители не могутъ быть свободными, если средства производства не имъ принадлежатъ;

что существуютъ двѣ формы, въ которыхъ средства производства могутъ имъ принадлежать:

1) форма частной собственности, никогда не бывшая всеобщимъ фактомъ и *все болѣе устраняющаяся подъ вліяніемъ промышленнаго развитія.*

2) форма общей собственности, матеріальные и интеллектуальные элементы *которой создаются развитіемъ самого капиталистическаго производства.*

Повсюду мы находимъ въ существенныхъ чертахъ тотъ же самый ходъ мысли, что и въ эрфуртской программѣ. Слѣдовательно, прежде всего дѣло идетъ не объ особой формѣ ея, а о тѣхъ общихъ взглядахъ, которые лежатъ въ основѣ международнаго соціаль-демократическаго движенія.

Какъ разъ передъ тѣмъ, какъ эти строки были сданы въ печать, Бернштейнъ напечаталъ въ Vorwärts'ѣ (3 сент.) статью: «Мое отношеніе къ теоретической части эрфуртской программы», въ которой онъ высказывается только противъ «теперешняго аподиктическаго пониманія» отдѣльныхъ ея положеній. «Я говорю, ея теперешняго пониманія, потому что я — за исключеніемъ аграрнаго вопроса—все же признаю ея правильность съ нѣкоторыми *оговорками.* Что же касается аграрнаго вопроса, то о немъ здѣсь еще не сказано послѣдняго слова».

Отсюда не видно настоятельной потребности въ пересмотрѣ программы. Въ концѣ статьи онъ и говоритъ:

«Насчетъ моего отношенія къ теоретической части партійной программы, согласно вышесказанному, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если бы измѣненіе программы стояло на очереди, я бы, если бы пожелали, ни одной минуты не медлилъ выработать такой ея текстъ, который соотвѣтствуетъ моимъ взглядамъ. Но самъ по себѣ я не чувствую большого влеченія къ этому. Не мною начаты дебаты о программномъ вопросѣ. Я бы только тогда считалъ умѣстнымъ его дебатировать, когда въ самой партіи было бы распространено убѣжденіе, что программа въ ея теперешнемъ пониманіи уже не соотвѣтствуетъ состоянію соціальнаго познанія и пропагандистскимъ требованіямъ. До тѣхъ поръ задача писателей, занимающихся теоретическими вопросами, можетъ состоять только въ томъ, чтобы, по мѣрѣ возможности, работать для расширенія теоретическаго познанія».

Я тоже не вижу во всемъ предшествовавшемъ ходѣ дискуссіи никакихъ поводовъ къ тому, чтобы подвергнуть пересмотру текстъ эрфуртской программы. Но если бы дѣло дошло до такого пересмотра, то прежде всего необходимо было бы изслѣдовать, дѣйствительно ли текстъ этотъ говоритъ то, что вкладываетъ въ него Бернштейнъ.

Мнѣ думается, я доказалъ, что бернштейнова критика такъ называемой теоріи краха страдаетъ не только тѣмъ, что неправильно толкуетъ дѣйствительную связь явленій, но и тѣмъ, что понимаетъ соціаль-демократическую теорію въ такой формѣ, которая не соотвѣтствуетъ господствующимъ въ нашей партіи взглядамъ. То же самое явленіе обнаруживается и при его критикѣ текста эрфуртской программы.

Тамъ онъ, между прочимъ, говоритъ:

«Итакъ, я—коротко говоря—постольку именно не могу подписаться подъ этими положеніями, поскольку они дѣлаютъ соціализмъ *необходимымъ* результатомъ чисто экономическихъ процессовъ, выходомъ изъ экономическаго *краха*, альтернативой или результатомъ могучаго *удара*».

Я спрашиваю, гдѣ въ эрфуртской программѣ говорится о *крахѣ* и *могучемъ ударѣ*. Мѣсто, въ которомъ тамъ говорится о соціализмѣ, гласитъ: «Лишь превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства въ общественную собственность и преобразованіе товарнаго производства въ соціалистическое можетъ повести къ тому, что крупное производство и постоянно растущая доходность общественнаго труда превратятся для эксплуатируемыхъ нынѣ классовъ изъ источника нищеты и угнетенія въ источникъ высшаго благополучія и всесторонняго гармоническаго усовершенствованія».

Гдѣ мы здѣсь видимъ крахъ, гдѣ ударъ? О формахъ развитія, ведущаго къ соціализму, эрфуртская программа совсѣмъ ничего не говоритъ, по той простой причинѣ, что по этому поводу ничего нельзя сказать.

Эрфуртская программа *единогласно* принята въ 1891 г. коммиссіей, которой поручено было ея составленіе. Въ этой коммиссіи засѣдалъ и Фольмаръ, произносившій на томъ же партейтагѣ свои райскія рѣчи. Неужели же Бернштейнъ думаетъ, что Фольмаръ согласился бы съ аподиктической формой программы, если бы она подчеркивала необходимость могучаго удара?

Нѣтъ, о томъ, какимъ путемъ осуществится соціализмъ, путемъ ли мирной кропотливой работы, или могучаго удара, или же—каково, конечно, мнѣніе большинства изъ насъ—какъ тѣмъ, такъ и другимъ путемъ, объ этомъ программа совсѣмъ не высказывается.

Другой упрекъ Бернштейна противъ текста эрфуртской программы неразрывно связанъ съ его толкованіемъ понятія «экономическая необходимость», которую онъ въ упомянутой

статьѣ отожествляетъ съ *технической* необходимостью и противопоставляетъ *общественной* потребности. Онъ замѣчаетъ, что «необходимость обобществленія не можетъ быть выведена изъ *промышленной техники*», какъ будто въ эрфуртской программѣ есть хотя бы одно слово объ этомъ! «*Техническое* развитіе производства не въ томъ смыслѣ является вещнымъ факторомъ соціалистическаго развитія, что *непосредственно* изъ себя ведетъ къ обобществленію. Это развитіе, наоборотъ, совершается лишь *посредственно*, подъ давленіемъ широкихъ *соціальныхъ* или даже *политическихъ* потребностей, напримѣръ, въ почтовомъ, желѣзнодорожномъ дѣлѣ и т. д.»

Сравните это съ выше цитированнымъ отрывкомъ изъ эрфуртской программы, гдѣ необходимость соціализма выводится изъ потребностей рабочаго класса, а не изъ потребностей *промышленной техники*,— и вы увидите, какой смыслъ въ бернштейновскомъ ограниченіи и экономической необходимости.

Въ другомъ мѣстѣ упомянутой статьи Бернштейнъ возстаетъ противъ того положенія, что переходъ къ соціализму «можетъ быть дѣломъ одного только рабочаго класса», и чувствуетъ себя вынужденнымъ пространно намъ доказывать, что въ партіи наряду съ пролетаріями участвуютъ и другіе элементы, часто приносящіе ей громаднѣйшую пользу.

Но, если бы этотъ фактъ противорѣчилъ вышеупомянутому положенію, то какъ же могло случиться, что всѣ 21 членъ программной коммиссіи, и между ними цѣлый рядъ «академиковъ» и «мелкихъ буржуа», согласились съ нимъ, что даже Бернштейнъ не нашелъ ничего возразить противъ него? Но, быть можетъ, онъ стоялъ тогда на точкѣ зрѣнія, что въ соціаль-демократіи можетъ имѣть какое-нибудь значеніе только мозолистый рабочій кулакъ? Если, слѣдовательно, онъ въ настоящее время не можетъ подписаться подъ положеніемъ, подъ которымъ онъ подписался восемь лѣтъ тому назадъ, то это можетъ происходить только оттого, что онъ въ настоящее время толкуетъ это положеніе иначе, чѣмъ тогда. Раньше онъ отлично зналъ, что это положеніе относится только къ *классамъ,* а не къ *индивидуумамъ,* что оно говоритъ о томъ, что *рабочій классъ,* единственный изъ всѣхъ *классовъ,* является носителемъ идеи соціализма. Ниже мы еще къ этому вернемся.

Поэтому, если желательно разсмотрѣть бернштейновы ограниченія текста программы, то сначала слѣдуетъ выяснить,

на самомъ ли дѣлѣ говорится тамъ то, что теперь вычитываетъ изъ него Бернштейнъ.

Въ частности Бернштейнъ недоволенъ, аподиктической формулировкой положенія объ упадкѣ мелкаго производства, равно какъ и указаніемъ на ростъ нищеты, на обостреніе классовыхъ противорѣчій и на кризисы.

Послѣ всего вышесказаннаго нужно ли намъ еще доказывать, что мы со спокойной совѣстью можемъ сохранить эти положенія, если только не вычитывать изъ нихъ того, чего въ нихъ нѣтъ?

Положеніе объ упадкѣ мелкаго производства совершенно правильно, если смотрѣть на развитіе всего общества, а не отдѣльныхъ отраслей труда. Но такая точка зрѣнія является, вѣдь, для насъ рѣшающей. Какъ слѣдуетъ понимать теорію обнищанія, мы видѣли. Растущее обостреніе соціальныхъ противорѣчій, думается, тоже доказано нами. Но мы еще къ этому вернемся. Если же мы, наконецъ, устранимъ параграфъ, трактующій о кризисахъ, то мы подвергнемся опасности, что съ нами произойдетъ то, что случилось съ выскочками священной прусско-германской имперіи, которымъ Марксъ въ 1872 г. предсказывалъ крахъ, и что лишь горькій опытъ доставитъ намъ необходимое количество діалектики.

Но вернемся опять къ брошюрѣ Бернштейна. Тамъ дѣло идетъ не о формулировкѣ отдѣльныхъ параграфовъ программы, а о взглядахъ, лежащихъ въ основѣ любой соціальдемократической программы. Наши противники такъ и поняли эту брошюру, какъ разрывъ съ нашими принципами, какъ признакъ того, что соціаль-демократія разочаровалась въ самой себѣ. И въ дѣйствительности, изъ его разсужденій можно заключить, что не только формулировка отдѣльныхъ параграфовъ слишкомъ аподиктична. Вѣдь утверждаетъ же онъ, между прочимъ весьма аподиктично, какъ мы видѣли, что экономическое развитіе современнаго общества отнюдь не идетъ по тому направленію, которое указалъ Марксъ, и которое, вслѣдъ за Марксомъ принято въ программахъ соціальдемократіи. Если Бернштейнъ правъ, то не только *редакція* вводной части нашей программы, но и ея *содержаніе* должны быть признаны несостоятельными.

Его оруженосецъ Герцъ, который, по словамъ Бернштейна, понялъ его лучше, чѣмъ всѣ его критики, тотъ прямотаки заявляетъ въ «Deitsche Worte», что для него «эрфуртская программа *абсолютно необязательна*».

Вотъ это, дѣйствительно, логическій выводъ изъ бернштейновскаго штандпункта. Но что же тогда станется съ соціалистическими требованіями, которыя наша программа выводитъ изъ своей общей части?

Разумѣется, требованія эти отнюдь не необходимо отбрасываются только благодаря одному тому, что ихъ обоснованіе невѣрно. Очень часто вѣрные взгляды невѣрно обосновывались. Но никакіе взгляды не могутъ претендовать на то, чтобы ихъ признавали правильными, пока они не обоснованы.

Я охотно соглашусь съ тѣмъ, что соціализмъ можно обосновать не только по марксистски.

Было много соціалистовъ—и предшественниковъ Маркса и его современниковъ,—которые удачно и глубоко обосновывали свои соціалистическія требованія,—но всѣ они все-таки обосновывали эти требованія.

Конечно, Бернштейнъ правъ, когда говоритъ, что «не пониманіе формъ фактическаго развитія дѣлаетъ людей соціалистами, а пониманіе того, что *должно* быть въ обществѣ, соціалистическое *настроеніе — воля* («Vorwärts», 6-го мая 1899 г.) Но если эта воля является въ формѣ sic volo, sic jubeo, безъ всякаго обоснованія, то врядъ ли такого рода соціализмъ будетъ имѣть большую пропагандистскую силу. На такой волѣ можетъ опираться соціализмъ отдѣльнаго индивидуума, но не такой соціализмъ, вокругъ котораго должна сгруппироваться крупная партія.

Отъ Бернштейна, какъ это мы видѣли уже въ первой главѣ, мы не узнаемъ, считаетъ ли онъ соціализмъ необходимымъ или же только благочестивымъ пожеланіемъ. Но мы не узнаемъ отъ него и того, почему соціализмъ даже желателенъ. Его чисто экономическое обоснованіе онъ отбрасываетъ; но гдѣ же другое, взамѣнъ его?

Правда, случайно онъ замѣчаетъ (въ «Vorwärts»'ѣ, 26 марта 1899 г.): «Въ соціалистическомъ движеніи *правосознаніе*, стремленіе къ *болѣе справедливымъ* отношеніямъ является, по меньшей мѣрѣ, столь же вліятельнымъ и важнымъ факторомъ, какъ и матеріальная нужда», но напрасно вы станете искать у него отвѣта на вопросъ, почему соціалистическое общество «болѣе справедливо», чѣмъ современное; онъ, вѣдь, доказываетъ, что послѣднее вовсе не такъ несправедливо, какъ это обыкновенно думаютъ. И почему «правосознаніе» (рабочихъ, какъ онъ потомъ добавляетъ) должно толкать непремѣнно къ соціализму? Я понялъ слово правосознаніе въ смыслѣ чувства права, стремленія къ справедливости, въ смы-

слѣ синонима «стремленія къ справедливымъ отношеніямъ». Бернштейнъ же поучаетъ меня, что правосознаніе—это «сознаніе того, что право на *моей* сторонѣ». Это, разумѣется, не то, что я думалъ, но мнѣ что-то непонятно, почему это возвышенное сознаніе ведетъ не только къ оппозиціи, но и къ соціалистическому мышленію. Соціаль-демократы, разумѣется, благодаря такого рода правосознанію приковываются къ соціаль-демократіи, но, вѣдь, надо думать, что то же самое сознаніе будетъ отдалять отъ нея ея противниковъ, даже изъ среды самого рабочаго класса.

Въ другомъ мѣстѣ Бернштейнъ указываетъ на то, что «помимо самой крайней матеріальной нужды, имѣется еще и классовая борьба, такъ какъ растущія культурныя требованія рабочихъ, ихъ повышающійся культурный уровень и ихъ растущая сознательность,—являются рычагами рабочаго движенія».

Да, но эти факторы, равно какъ и вышеупомянутое «правосознаніе» имѣютъ своимъ послѣдствіемъ только то, что существуетъ рабочее движеніе, существуетъ стремленіе рабочихъ къ болѣе высокой культурѣ и къ равноправію, но они вовсе не ручаются за то, что рабочіе должны быть убѣждены въ томъ, что добиться болѣе высокой культуры и равноправія они могутъ, только ниспровергнувъ капиталистическую форму производства и уничтоживъ капиталистическій строй собственности. Факторы, на которые указываетъ въ этомъ мѣстѣ Бернштейнъ, признаетъ и Максъ Гиршъ.

Другихъ факторовъ рабочаго движенія вы напрасно станете искать въ книгѣ Бернштейна. Изъ его книги не только неясна, но даже въ высшей степени сомнительна необходимость или даже просто желательность наступленія соціализма.

Упреки, дѣлаемые имъ марксовой теоріи капитала, это тѣ же самые упреки, которые съ давнихъ поръ либеральные экономисты дѣлаютъ соціализму вообще. Пока мнѣ не укажутъ, я не вижу никакой причины дѣлать изъ этихъ возраженій иные выводы, чѣмъ сдѣлали либералы.

Если наиболѣе крупные недостатки капиталистической формы производства присущи только ея первоначальнымъ стадіямъ, а съ ходомъ развитія уменьшаются, если число собственниковъ растетъ, соціальныя противорѣчія все болѣе и болѣе притупляются, если пролетаріи имѣютъ все больше шансовъ стать самостоятельными, или же, по крайней мѣрѣ, добиться сноснаго положенія,—то помилуйте, къ чему же тогда соціализмъ? Если это стремленіе къ соціализму не

безсмысленный спортъ, то тогда носителемъ этого стремленія должно быть не только опредѣленное *настроеніе, извѣстная воля,* но и опредѣленное убѣжденіе о *ходѣ развитія.* Если бы я придерживался тѣхъ взглядовъ на ходъ капиталистическаго развитія, какіе выражаетъ Бернштейнъ въ своей книгѣ, то тогда, долженъ откровенно въ этомъ признаться, я считалъ бы соціализмъ тяжкимъ заблужденіемъ. Если бы Бернштейну удалось убѣдить меня, что его возраженія противъ соціалистическаго пониманія современной формы производства правильны, тогда бы я согласился съ проф. Дилемъ и сказалъ бы: наше мѣсто не въ рядахъ соціаль-демократіи, а скорѣе въ южно-германской народной партіи, или же, такъ какъ я не хотѣлъ бы выйти изъ своей партіи, я бы ей предложилъ замѣнить эрфуртскую программу программой народной партіи, такъ какъ послѣдняя требуетъ законодательства объ охранѣ труда, свободы союзовъ и поддержки кооперативному движенію и заявляетъ, что демократія и эмансипація рабочаго класса взаимно обусловливаютъ одна другую. Чего еще нужно Бернштейну?

И на самомъ дѣлѣ, различные оттѣнки соціально-реформаторскаго либерализма назвали Бернштейна своимъ. Они не вправѣ говорить этого о Бернштейнѣ, какъ о *членѣ партіи.* Его отношеніе къ партіи опредѣляется его *волей,* его *образомъ мыслей.* А эти послѣдніе, согласно его заявленію, остались попрежнему соціаль-демократичными. Но по моему крайнему разумѣнію, они въ правѣ сказать, что его *теоретическія разсужденія* говорятъ въ ихъ пользу, а значеніе этихъ разсужденій опредѣляется уже не волей и не образомъ мыслей.

Къ счастью факты дѣйствительности не таковы, чтобы изъ за этого права либераловъ наше «правосознаніе» потерпѣло хотя бы даже малѣйшій ущербъ.

III. Тактика.

а) Политика и экономика.

Мы подошли къ послѣдней стадіи бернштейновской критики. Этотъ отдѣлъ занимаетъ большую половину бернштейновской книги, у насъ же онъ займетъ наименьшее мѣсто. Здѣсь теорія двухъ душъ, примѣнявшаяся раньше къ Марксу

и Энгельсу, переносится на соціаль-демократію. Двѣ души, ахъ, въ груди ея живутъ: одна революціонная, а другая реформаторская. Но первая осталась только по традиціи; за то вторая черпаетъ свою жизненную силу изъ настоящей дѣйствительности. Въ распоряженіи революціонной души остались только *слова* соціаль-демократіи, реформаторская же— распоряжается ея *дѣйствіями*. Поэтому, соціаль-демократія должна набраться храбрости и *принять тотъ характеръ*, какой она носитъ въ дѣйствительности, а именно, характеръ *демократически-соціалистической партіи реформъ*; тогда она избавится отъ противорѣчій въ себѣ самой и лишитъ всякой силы наиболѣе опасныя нападки своихъ противниковъ.

Поэтому, позволительно было думать, что критика Бернштейна въ этой области направляется противъ однихъ только *словъ*. Противорѣчіе, имъ открытое, не является, вѣдь, результатомъ существенныхъ разногласій, а зависитъ отчасти отъ безсмысленной любви къ громкимъ фразамъ, отчасти отъ нелѣпой ортодоксальности (Buchstabengläubigkeit), благодаря которой члены партіи не могутъ возвыситься до самостоятельнаго пониманія вещей и лишь механически повторяютъ отжившія фразы.

Такая точка зрѣнія, несомнѣнно, весьма лестна для Бернштейна и его единомышленниковъ. Они оказываются смѣлыми, самостоятельными и разумными мыслителями, по сравненію съ тупой массой правовѣрныхъ фанатиковъ. Но лучше было бы, если бы, вмѣсто того, чтобы искать причину противорѣчія въ самой партіи, въ неразуміи однихъ и болѣе высокой интеллигентности другихъ, пошли дальше и искали противорѣчій не только въ *словахъ* и *аргументахъ*, но и въ самихъ *вещахъ*.

Бернштейнъ говоритъ намъ о значеніи кооперативнаго и профессіональнаго движенія и такъ называемаго муниципальнаго соціализма. Безъ сомнѣнія, что во всѣхъ этихъ областяхъ можно и должно сдѣлать многое для освободительной борьбы пролетаріата. Но противъ этого не возражали и самые рѣшительные противники Бернштейна. *Парвусъ*, тотъ даже не разъ упрекалъ нашъ Vorstand за то, что онъ слишкомъ мало вниманія обращаетъ на профессіональные союзы; потребительныя товарищества нигдѣ такъ не распространены, какъ въ Саксоніи—странѣ, откуда идутъ наиболѣе ожесточенныя нападки на Бернштейна.

На этотъ счетъ, слѣдовательно, вовсе нѣтъ никакихъ разногласій. Разногласія начинаются лишь тамъ, гдѣ вопросъ

идетъ объ установленіи точныхъ предѣловъ того, что въ каждой изъ этихъ областей можетъ быть сдѣлано для освободительной борьбы пролетаріата. Здѣсь то и начинаются противорѣчія, но Бернштейнъ только чувствовалъ, но не выразилъ ясно, въ чемъ ихъ сущность. Попутно онъ касается этой проблемы соціализма, но всякій разъ опять оставляетъ ее. Но вопросъ о значеніи для пролетаріата кооперативныхъ обществъ, профессіональныхъ союзовъ, коммунальной политики тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ ихъ отношеніи къ политикѣ государства.

Бернштейнъ этого вопроса не поставилъ; поставилъ же его одинъ изъ сторонниковъ Бернштейна, уже упоминавшійся д-ръ Вольтманъ, въ серіи статей въ «Elberfelde Freie Presse» относительно книги Бернштейна, озаглавленныхъ: «Къ дискуссіи о конечной цѣли и движеніи» (апрѣль 1899 г.), а также еще раньше—въ рефератѣ объ «Экономической и политической силѣ» (читанномъ въ Барменѣ, 22-го февраля 1899 г.).

Какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что только экономическая сила даетъ силу политическую. Поэтому, стремленіе пролетаріата къ политической силѣ безполезно, если онъ заранѣе не пріобрѣлъ экономической силы при помощи профессіональной и кооперативной органиcанціи. Если въ эрфуртской программѣ сказано: «Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо должна быть борьбою политической. Рабочій классъ не можетъ вести своей экономической борьбы, не можетъ развивать своей экономической организаціи, не имѣя политическихъ правъ», то Вольтманъ дѣлаетъ къ этому слѣдующее примѣчаніе:

«Требованіе это вполнѣ правильное, вопросъ только въ томъ: какъ можетъ добиться рабочій классъ политическихъ правъ? Объ этомъ въ программѣ ничего не сказано. Составители программы настолько *наивны*, что во второй части требуютъ этого отъ *государства*. По чьему приказу?

Положеніе это должно было бы гласить какъ разъ обратно: „Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи необходимо является экономически-политической борьбой. Рабочій классъ не можетъ завоевать себѣ безъ экономической организаціи ни политическихъ правъ, ни политическаго вліянія“».

Несомнѣнно, весьма наивно требовать политическихъ правъ отъ государства, но, къ сожалѣнію, Вольтманъ забываетъ намъ сообщить, отъ кого же еще можно требовать

правъ, какъ не отъ государства и его органовъ—правительства и парламента. Какъ разъ въ данный моментъ наши бельгійскіе товарищи также настолько наивны, что требуютъ всеобщаго избирательнаго права отъ парламента и правительства, а не, скажемъ, отъ потребительнаго союза.

Но на основаніи какого приказа мы требуемъ политическихъ правъ? Развѣ экономія не господствуетъ надъ политикой, развѣ мы не должны обладать экономической силой раньше, чѣмъ мы можемъ завоевать политическую власть? Рабочій классъ, говоритъ Вольтманъ, не можетъ завоевать себѣ безъ экономической организаціи ни политическихъ правъ, ни политическаго вліянія.

Но развѣ эти организаціи, въ свою очередь, не нуждаются въ политическихъ «правахъ и вліяніи» для того, чтобы онѣ могли развиваться? Что сталось бы съ профессіональными союзами и кооперативными обществами безъ права коалицій и союзовъ? Развѣ не долженъ былъ рабочій классъ повсюду завоевать себѣ политическія права раньше, чѣмъ могъ приступить къ основанію своихъ экономическихъ организацій? И развѣ эти политическія права въ Восточной Европѣ не нарушаются теперь самымъ беззаконнымъ образомъ? Законъ противъ соціалистовъ не остановился передъ кооперативными обществами, а каторжный законъ не уничтоженъ еще и понынѣ,

Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что политическая власть, въ послѣднемъ счетѣ, есть только отраженіе экономической силы. Какой роковой заколдованный кругъ! Безъ экономической силы мы не можемъ добиться политическихъ правъ, а безъ политическихъ правъ не можемъ пріобрѣсть экономической силы!

Къ счастью, имѣется крайне простое средство выйти изъ этого заколдованнаго круга: надо только устранить смѣшеніе понятій экономическая *сила* и экономическая *организація,* на которомъ основывается вся аргументація Вольтмана.

Если бы пролетаріатъ не обладалъ экономической силой, то онъ, безъ сомнѣнія, не могъ бы добиться политическихъ правъ. Но основой его экономической силы является та роль, которую онъ играетъ въ *процессѣ производства,* а эта послѣдняя не зависитъ отъ благоусмотрѣнія правительствъ. Повсюду правительства и капиталисты самымъ энергичнымъ образомъ стараются быстро расширять капиталистическую форму производства, но это значитъ быстро увеличить массу пролетаріата, концентрировать его въ отдѣльныхъ пунктахъ,

вышколить и организовать его—сперва только для производства, но затѣмъ организація фабрики начинаетъ способствовать классовой борьбѣ. Правительства и капиталисты, соединенными усиліями, старательно ведутъ дѣло къ тому, чтобы экономическая жизнь становилась все въ большую зависимость отъ класса наемныхъ рабочихъ и чтобы этотъ классъ, по мѣрѣ того, какъ приходитъ къ сознанію своей силы, пріобрѣталъ все большую власть надъ экономической жизнью.

Этотъ ростъ экономической силы пролетаріата совершается повсюду въ абсолютистскихъ и въ демократическихъ странахъ, въ Россіи точно такъ же, какъ въ Швейцаріи,—и отсюда рабочій классъ черпаетъ силы для совершенія того неудержимаго побѣдоноснаго шествія, которое составляетъ главнѣйшее содержаніе исторіи нашего столѣтія. Если бы возраженія Бернштейна были основательны, если бы концентрація капитала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пролетаріата, совершалась не такъ, какъ это предполагалъ еще «Коммунистическій Манифестъ», то тогда, хотя бы пролетаріатъ даже вдвое энергичнѣе работалъ надъ развитіемъ своихъ экономическихъ организацій, правительства и капиталисты были бы достаточно сильны, чтобы справиться съ этими организаціями. На самомъ же дѣлѣ мы видимъ, что они изнемогаютъ въ безплодной борьбѣ, такъ какъ врагъ, съ которымъ они борются, послѣ каждаго пораженія всякій разъ снова встаетъ—болѣе многочисленный и болѣе рѣшительный — и становится все болѣе необходимымъ для нихъ самихъ.

Вотъ это та сила, на основаніи которой рабочій классъ требуетъ отъ государства политическихъ правъ, на основаніи которой онъ уже и добился политическихъ правъ и добьется еще большихъ.

Но что рабочій классъ воспользуется этими своими политическими правами для того, чтобы организоваться и такимъ путемъ еще болѣе увеличить свою силу—это само собою понятно. Никто никогда не спорилъ противъ того, что пролетаріатъ съ сильными экономическими организаціями, имѣющій въ своемъ распоряженіи богатые потребительскіе союзы, многочисленныя типографіи, широко распространенную прессу,—что этотъ пролетаріатъ и у избирательной урны и въ парламентѣ добьется совершенно иныхъ результатовъ, чѣмъ пролетаріатъ, у котораго нѣтъ всѣхъ этихъ средствъ борьбы. *Но главная экономическая сила пролетаріата это та, которая самодѣятельно создается, благодаря экономическому развитію.* А высшей формой классовой борьбы, на-

лагающей свой отпечатокъ на всѣ другія формы, является не борьба отдѣльныхъ экономическихъ организацій, а борьба всего пролетаріата за власть надъ самой могущественной изъ общественныхъ организацій—за власть надъ государствомъ, но это, вѣдь, борьба *политическая*. Она въ послѣднемъ счетѣ и является рѣшающей борьбой.

Этимъ, разумѣется, я вовсе не хочу сказать, что отношеніе между экономической и политической борьбой во всѣ времена и при всѣхъ условіяхъ должно остаться неизмѣннымъ, что политической борьбой всегда достигаются наиболѣе крупные и наиболѣе быстрые успѣхи рабочаго класса, что борьба за экономическія организаціи и при ихъ помощи всегда должна оставаться на второмъ планѣ.

Въ относительномъ значеніи экономической и политической борьбы можно прослѣдить извѣстныя теченія, подобныя волнообразному движенію капиталистической индустріи. Подобно тому, какъ въ послѣдней расцвѣтъ смѣняется кризисомъ, точно такъ же и въ политикѣ мы видимъ періоды большихъ сраженій, быстраго прогресса въ политической области — періоды политическихъ «революцій», — смѣняющіеся періодами политическаго застоя, когда на первый планъ выступаютъ развитіе экономическихъ организацій, соціальныя реформы. И между однимъ и другимъ видомъ волнообразнаго движенія—промышленнаго и политическаго—существуетъ не только сходство, но и зависимость.

Періоды расцвѣта, естественно, являются тѣми, въ которые всеобщее общественное недовольство—наименьшее, когда стремленіе подняться собственными силами имѣетъ наибольшіе шансы на побѣду, когда слабѣе всего ощущается потребность въ апелляціи къ государству. Не только капиталисты, но и рабочіе обращаютъ тогда меньше вниманія на политику и больше —на экономическія предпріятія и организаціи, обѣщающія немедленныя и осязательныя выгоды.

Во время кризиса исчезаетъ надежда добиться чего-нибудь на чисто экономической почвѣ; наиболѣе могущественная экономическая сила—государство—должна придти на помощь, надо завладѣть государственной машиной для того, чтобы опять почувствовать твердую почву подъ ногами; общественное недовольство растетъ, всѣ противорѣчія обостряются,—и все бросается на арену политической борьбы.

Разумѣется, интенсивность политической борьбы и ея временное отступленіе на задній планъ передъ чисто экономической дѣятельностью зависитъ не исключительно отъ того,

живемъ ли мы въ періодъ промышленнаго расцвѣта или же въ періодъ кризиса. Другіе факторы тоже дѣйствуютъ на эту интенсивность, задерживая или ускоряя ее. Но, во всякомъ случаѣ, экономическій циклъ оказываетъ могучее вліяніе на отношенія между экономизмомъ и политикой.

Революція 1848 г. разразилась въ эпоху экономическаго кризиса. Къ причинамъ, которыя послѣ ея подавленія, сдѣлали невозможнымъ ея возрожденіе, наряду со страхомъ буржуазіи передъ оказавшемся въ іюньскій бой столь неустрашимымъ пролетаріатомъ, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, отнести промышленный подъемъ, начавшійся въ 1850 г. «Промышленный кризисъ 1847 г.», писалъ Энгельсъ въ 1885 г. въ своемъ введеніи къ «Разоблаченіямъ по поводу процесса коммунистовъ въ Кельнѣ» (стр. 15), «подготовившій революцію 1848 г., закончился; наступилъ новый, никогда неслыханный періодъ промышленнаго расцвѣта; для имѣющаго очи, чтобы видѣть, должно быть ясно, что революція 1848 г. мало по малу приходила къ концу».

Уже въ 1850 году Марксъ и Энгельсъ въ обозрѣніи «Neue Rheinische Zeitung» заявили: «При этомъ всеобщемъ подъемѣ промышленности, когда производительныя силы буржуазнаго общества расцвѣтаютъ настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазныхъ отношеніяхъ, *ни о какой настоящей революціи не можетъ быть и рѣчи*. Такая революція возможна только въ періоды, когда оба эти фактора — современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства — становятся въ противорѣчіе другъ къ другу».

Слѣдующій періодъ неслыханнаго промышленнаго расцвѣта наступилъ въ 1871 г. Но онъ закончился не неудачной, подобно періоду 1850 г., а крайне удачной европейской революціей, произведенной, правда, не народными возстаніями, а династическими войнами. Еще не заглохли событія 1866 и 1870—71 г.г., — паденіе австрійскаго абсолютизма и французской имперіи, объединеніе Германіи и предоставленіе всеобщаго избирательнаго права, наконецъ, геройская борьба Коммуны; все это были событія не такого характера которыя могли бы усыпить въ рабочихъ интересъ къ политикѣ, убить въ нихъ вѣру въ быстрые успѣхи политической борьбы и вызвать на первый планъ стремленіе улучшить свое положеніе путемъ чисто экономической дѣятельности. Тѣмъ болѣе, что періодъ расцвѣта былъ столь непродолжителенъ, а профессіональное и

кооперативное движеніе, благодаря реакціи 1849 г., чуть только началось.

Такимъ образомъ, для пролетаріата (исключая англійскій) политическая борьба оставалась на первомъ планѣ, онъ оставался «революціоннымъ».

Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ мы опять живемъ въ періодъ расцвѣта; но послѣдній продолжается дольше, чѣмъ періодъ 1871 г.; періодъ этотъ засталъ уже очень сильныя экономическія организаціи и долго уже длившуюся эпоху политическаго застоя, еще болѣе усилившагося, благодаря этому расцвѣту.

Положеніе, слѣдовательно, такое же, какъ въ 1850 г.: политическая реакція и промышленный расцвѣтъ. Но между этими двумя періодами лежитъ полстолѣтія капиталистическаго развитія и пролетарской классовой борьбы; въ теченіе цѣлаго поколѣнія дѣйствуетъ уже свобода коалицій. Если ситуація 1850 г. знаменовала собой полнѣйшее прекращеніе всякаго рабочаго движенія на европейскомъ материкѣ, то положеніе дѣлъ въ 1899 г. не таково: рабочія массы пришли лишь къ заключенію, что при помощи профессіональной и кооперативной организаціи они въ данный моментъ могутъ достигнуть большаго, чѣмъ посредствомъ политической дѣятельности.

Отъ этой ситуаціи и зависитъ отчасти сила бернштейновской книги. Его подчеркиваніе практической экономической мелкой работы соотвѣтствуетъ фактически наличной потребности; его сомнѣніе въ вѣроятности наступленія крупныхъ и рѣзкихъ политическихъ измѣненій—катастрофъ—соотвѣтствуетъ опыту послѣднихъ лѣтъ. Но для «практиковъ», читающихъ книгу Бернштейна, его теоріи представляютъ мало интереса; они интересуются только его выводами о задачахъ и условіяхъ современности.

Но именно въ томъ, что книга Бернштейна соотвѣтствуетъ особой ситуаціи, заключаются также и ея слабыя стороны. Ибо онъ желаетъ въ ней разсматривать не предпосылки нашихъ ближайшихъ успѣховъ, а «предпосылки соціализма», не задачи текущаго дня, а «задачи соціаль-демократіи» вообще.

Когда въ 1850 г. наступила эра расцвѣта, то Марксъ и Энгельсъ, основываясь на этомъ расцвѣтѣ, дѣлали свои заключенія о тактикѣ ближайшихъ лѣтъ, но они не выбросили въ архивъ сейчасъ же всѣ свои выводы, добытые путемъ изученія всего капиталистическаго развитія. Если бы Бернштейнъ выступилъ и заявилъ, что при теперешней эрѣ рас-

цвѣта и реакціи нельзя добиться большихъ результатовъ въ политической области, что намъ надо, *покуда это продолжается*, со всею силой приняться за реформаторскую мелкую работу въ профессіональныхъ и кооперативныхъ союзахъ, общинахъ и т. д., то такое его заявленіе встрѣтило бы полное къ себѣ вниманіе въ партійныхъ кругахъ и очень многіе согласились бы съ нимъ.

Но Бернштейнъ объявляетъ существующее въ настоящій моментъ экономическое и политическое состояніе нормальнымъ состояніемъ общества, называетъ политическій застой медленнымъ, но вѣрнымъ прогрессомъ по пути къ демократіи и соціальной реформѣ; думаетъ, что современный неслыханный расцвѣтъ промышленности продлится до безконечности, и доходитъ, такимъ образомъ, до большого оптимизма въ пониманіи хода развитія государства и общества, оптимизма, совершенно несостоятельнаго, который разлетится въ прахъ, лишь только закончится политическій застой и экономическій расцвѣтъ.

То, что Бернштейну кажется противорѣчіемъ между традиціонной революціонной фразой и реально-реформаторскимъ образомъ мыслей, является отчасти не чѣмъ инымъ, какъ противорѣчіемъ между взглядомъ, почерпнутымъ изъ наблюденія надъ всей совокупностью предшествовавшихъ явленій нашей формы производства, и взглядомъ, выработаннымъ подъ вліяніемъ изслѣдованія только одной изъ ея фазъ.

Онъ говоритъ о «тактикѣ, разсчитанной на катастрофы». Но онъ умалчиваетъ о томъ, гдѣ онъ видѣлъ у соціальдемократіи такую тактику. На самомъ же дѣлѣ, благодаря именно ея теоретическому базису, соціаль-демократическая тактика по своей приспособляемости не имѣетъ ничего себѣ равнаго. Она предусматриваетъ всякую случайность и не разсчитана ни на какой опредѣленный темпъ развитія. Она считается съ кризисомъ и съ расцвѣтомъ, съ реакціей и съ революціей, съ катастрофами и съ медленнымъ, мирнымъ развитіемъ. Отъ этой приспособляемости соціаль-демократіи и зависитъ главнымъ образомъ ея жизненность. Ей нечего ограничиваться приспособленіемъ своей общей тактики къ особой ситуаціи—не къ катастрофамъ, но и не къ мирной маленькой работѣ на вѣки вѣковъ. Для нея одинаково не годится, ни тактика, принципіально не разсчитывающая на кризисы, катастрофы, революціи, ни тактика, на нихъ спе-

кулирующая. Она использует всякую ситуацію и никогда заранѣе не свяжет себѣ рук.

b) Самостоятельная или несамостоятельная политика.

Мнѣ кажется, что за противорѣчіем между отжившей революціонной фразой и реальным демократически-соціалистическим реформаторским движеніем скрывается, как я уже упомянул, противорѣчіе между общим широким взглядом на капиталистическую форму производства и взглядом, базирующимся на явленіях данной минуты и служащим потребностям даннаго момента.

Но за ним скрывается не одно только это противорѣчіе, но еще и другое, на практикѣ гораздо болѣе важное. Ибо первое может, главным образом, проявляться только в области *пропаганды,* второе же и в области нашего *практическаго поведенія.*

Это — противорѣчіе между *самостоятельной* и *несамостоятельной* классовой политикой.

Должен ли пролетаріат организоваться в самостоятельную классовую партію, или же он должен образовать совмѣстно с другими классами одну общую огромную демократическую партію?

Можно было думать. что этот вопрос разрѣшен уже в Коммунистическом Манифестѣ теоретически, а для Германіи со времени выступленія Лассаля также и практически. Но он возникает вторично в новой формѣ. При рѣшеніи этого вопроса в настоящее время дѣло идет уже о соціальдемократіи, не как об *обществѣ для пропаганды,* а как о перворазрядном политическом *факторѣ власти.* И вопрос этот почти нигдѣ уже не может ставиться в формѣ: пролетаріи должны бросить соціаль-демократію и примкнуть к буржуазной демократіи, а лишь в формѣ: должны ли мы измѣнить программу и тактику соціаль-демократіи таким образом, чтобы она стала открытой для всѣх демократических классов или слоев населенія?

Дѣло идет о классах и слоях населенія, а не об индивидуумах. Что соціаль-демократія с удовольствіем примет всякаго — к какому бы классу он ни принадлежал, — кто готов сражаться с нею в классовой борьбѣ пролетаріата, это само собою понятно. Вопрос только в том, должна ли соціаль-демократія служить также и *классовым интересам* непролетарских классов.

Утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ страстно жаждутъ обладающіе болѣе широкими горизонтами элементы буржуазной демократіи, быстро идущей къ упадку и могущей ожидать своего мощнаго возрожденія — если не по имени, то на дѣлѣ — только отъ подобнаго «линянія» соціаль-демократіи. Но такой отвѣтъ желателенъ и для нѣкоторыхъ элементовъ нашей партіи, которые видятъ въ немъ вѣрное средство крайне быстро увеличить ее численно и сдѣлать ее гораздо скорѣе способной управлять государствомъ, чѣмъ это можно ожидать въ противномъ случаѣ. Элементы эти группируются вокругъ Бернштейна, и на самомъ дѣлѣ книга его даетъ имъ цѣлый рядъ аргументовъ, напр., недооцѣнка пролетарской классовой солидарности и классовыхъ противорѣчій между рабочими и буржуа; указаніе на демократію, знаменующую собой принципіальное уничтоженіе классового господства; напоминаніе быть осторожными съ объявленіемъ войны либерализму; предпочтеніе теперешней тактикѣ англійскихъ рабочихъ тактикѣ чартистовъ.

Въ моей критикѣ бернштейновской книги, какъ въ «Vorwärts»'ѣ, такъ и въ «Neue Zeit» я уже указывалъ на то, что его позиція по отношенію къ классовой борьбѣ неясна. «Въ его разсужденіяхъ видно только одно, а именно, стремленіе показать, что классовая солидарность самихъ пролетаріевъ, а также и классовый антагонизмъ между ними и капиталистами — довольно незначительны» («Neue Zeit», XIII, 2, стр. 70).

Бернштейнъ видитъ въ этой фразѣ «тяжкое обвиненіе» (op. cit., стр. 578). Я вижу въ ней простое констатированіе факта. Я, вѣдь, не утверждалъ, что разсужденія Бернштейна не соотвѣтствуютъ его убѣжденіямъ, и можно, вѣдь, быть того убѣжденія, что классовая солидарность пролетаріата незначительна, и въ то же время остаться очень уважаемымъ человѣкомъ. Дѣло также не идетъ о «нравственномъ возмущеніи и догматическомъ провозглашеніи», а объ изслѣдованіи вопроса, соотвѣтствуютъ ли факты взглядамъ Бернштейна или нѣтъ.

Онъ говоритъ, напр., на стр. 89: «Въ свое время я уже указывалъ на то, что современный рабочій классъ не представляетъ собою однородной, одинаково свободной отъ собственности и семьи массой, какъ предполагалъ Коммунистическій Манифестъ; что именно въ наиболѣе передовыхъ отрасляхъ фабричной промышленности можно найти цѣлую

іерархію дифференцированныхъ рабочихъ, между группами которыхъ не замѣтно солидарности».

Правда, онъ признаетъ, что между рабочей аристократіей и нижними слоями пролетаріата существуютъ извѣстныя симпатіи—и даже въ Англіи. «Но между такими политическими или соціально-политическими симпатіями и экономической солидарностью—еще большая разница, уничтожить которую можетъ сильный политическій и экономическій гнетъ, но которая тѣмъ или другимъ путемъ будетъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ гнетъ этотъ будетъ уменьшаться. Большое заблужденіе думать, что Англія въ этомъ отношеніи составляетъ принципіальное исключеніе. Это же явленіе, но только въ другой формѣ, обнаруживается въ настоящее время и во Франціи. То же самое мы видимъ въ Швейцаріи, въ Соединенныхъ Штатахъ и, какъ было сказано, до извѣстной степени въ самой Германіи».

На это я возразилъ, что Англія непремѣнно составляетъ исключеніе. Борьба соперничающихъ между собою профессіональныхъ союзовъ за опредѣленныя области труда,— это явленіе, присущее одной только Англіи. Въ отвѣтъ на это онъ заявилъ, что такая борьба въ большинствѣ случаевъ устранена въ Англіи и что въ Германіи можно также найти «борьбу рабочихъ противъ рабочихъ же, борьбу, являющуюся слѣдствіемъ экономической дифференціаціи или же вытекающую изъ конфликтовъ экономическихъ интересовъ». «Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ конкуррируютъ еще другъ съ другомъ централистическій профессіональный союзъ и мѣстныя организаціи, въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности—союзы, охватывающіе всю отрасль и объединяющіе одну только спеціальность».

На это я могу замѣтить только то, что прекращеніе борьбы профессіональныхъ союзовъ ничего не говоритъ противъ моего мнѣнія, такъ какъ я назвалъ такую борьбу въ Англіи *исключеніемъ*. Впрочемъ, недавнее недопущеніе крупнаго союза машиностроителей на конгрессъ профессіональныхъ союзовъ за штрейкбрехерство какъ разъ не свидѣтельствуетъ о прекращеніи соперничества профессіональныхъ союзовъ въ Англіи. Что же касается треній между централизованными и мѣстными профессіональными союзами, равно какъ и между союзами спеціальными и общими, то эти тренія вызываются всѣмъ, чѣмъ угодно, только не отсутствіемъ чувства солидарности и не конфликтами интересовъ рабочихъ различныхъ отраслей промышленности. Борьба, на которую намекаетъ

здѣсь Бернштейнъ, вызывается отчасти разногласіями относительно наилучшей формы организаціи, отчасти спорами о компетенціи, но отнюдь не антагонизмомъ интересовъ. Поистинѣ надо быть въ большомъ затрудненіи найти другія доказательства, чтобы въ этихъ явленіяхъ видѣть доказательства тому, что между отдѣльными группами рабочихъ «не замѣчается особаго чувства солидарности».

Но, спрашиваетъ Бернштейнъ, что станется при такой солидарности съ историческимъ матеріализмомъ и діалектикой? Мы видимъ рабочихъ самыхъ разнообразныхъ профессій, обладающихъ далеко не одинаковыми доходами. «Развѣ изъ историческаго матеріализма не вытекаетъ прежде всего, что эти различія въ обстановкѣ и въ образѣ жизни должны отразиться на образѣ мыслей и на взаимныхъ отношеніяхъ соотвѣтствующихъ слоевъ рабочихъ? И развѣ такое допущеніе не соотвѣтствуетъ именно діалектическому взгляду на вещи?»

Какимъ діалектикомъ и матеріалистомъ сталъ вдругъ Бернштейнъ! Но я, вѣдь, никогда не отрицалъ того, что существуютъ *различія* въ образѣ мыслей разныхъ слоевъ рабочихъ; вопросъ только въ томъ, носятъ ли эти различія такой характеръ, что могутъ противодѣйствовать общему всѣмъ рабочимъ антагонизму противъ капитала и такимъ путемъ уничтожить или хотя бы ослабить пролетарскую солидарность.

Я утверждаю, что нѣчто подобное имѣетъ мѣсто лишь тамъ, гдѣ пролетаріи занимаютъ привилегированное положеніе. Но такое положеніе всегда является исключеніемъ и исключеніемъ, недолго сохраняющимся. Самъ капиталъ стремится уничтожить всякую привилегію—образованіе, ловкость, организацію рабочихъ, и рано или поздно это ему и удается. Одинъ слой за другимъ изъ рабочихъ, ставившихъ себя выше простыхъ пролетаріевъ, сталкивается на одинаковый съ остальными уровень и приводится къ сознанію своей солидарности со всей массой рабочихъ. Этотъ процессъ совершается передъ нашими глазами, и споры между мѣстными и центральными организаціями совсѣмъ не говорятъ ничего противъ этого.

Бернштейнъ полагаетъ, что между «политическими или соціально-политическими симпатіями и экономической солидарностью—еще большая разница, уничтожить которую можетъ сильный политическій и экономическій гнетъ, но которая тѣмъ или другимъ путемъ будетъ обнаруживаться по мѣрѣ того, какъ гнетъ этотъ будетъ уменьшаться. Большое за-

блужденіе думать, что Англія въ этомъ отношеніи составляетъ принципіальное исключеніе» (стр. 90).

Да, я не стану спорить противъ того, что пролетарской солидарности наступитъ конецъ, какъ только прекратится экономическій гнетъ; вѣдь она является результатомъ именно этого гнета. Я охотно соглашусь и съ тѣмъ, что тамъ, гдѣ совпадаютъ тяжкій политическій и экономическій гнетъ, чувство солидарности обыкновенно еще болѣе увеличивается; но развѣ не является тяжкій экономическій гнетъ класса капиталистовъ надъ пролетаріатомъ вопросомъ жизни для капиталистической эксплуатаціи? Не это развѣ именно и вызываетъ классовый антагонизмъ между обоими? Если я говорилъ, что Бернштейну классовый антагонизмъ между пролетаріатомъ и капиталомъ кажется менѣе острымъ, чѣмъ какимъ онъ является въ дѣйствительности, или же я говорилъ, что гнетъ класса капиталистовъ кажется ему не столь значительнымъ,—то, вѣдь, это выходитъ одно и то же.

Въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ находится взглядъ, что демократія является «принципіальнымъ уничтоженіемъ классоваго господства, если не фактическимъ уничтоженіемъ классовъ» (стр. 126). Можно «демократію отожествить съ отсутствіемъ классоваго господства; демократія — это наименованіе такого общественнаго состоянія, когда ни одинъ классъ не имѣетъ политическихъ привилегій по сравненію со всѣмъ народомъ» (стр. 122).

Мы не станемъ касаться вопроса, можно ли демократію назвать «общественнымъ состояніемъ», но несомнѣнно, что опредѣленіе демократіи, какъ формы организаціи, при которой ни одинъ классъ не имѣетъ политическихъ привилегій,— что такое опредѣленіе весьма одностороннe. Равноправіе — это *одна* изъ характеристикъ, но не *единственная* характеристика демократіи. Бернштейну не охота отожествлять слово демократія съ господствомъ народа, ибо въ такомъ случаѣ «дается только крайне поверхностное, чисто формальное опредѣленіе, въ то время, какъ почти всѣ, употребляющіе нынѣ слово демократія, понимаютъ подъ нимъ нѣчто большее, чѣмъ простую форму господства».

Нѣчто большее, чѣмъ простую форму господства—но все-таки форму господства. Понятіе народнаго господства включаетъ въ себѣ и равноправіе, но не наоборотъ. И въ эпоху римской имперіи мы видимъ равноправіе всѣхъ классовъ, ни у одного не было политическихъ привилегій, всѣ были одинаково политически безправными римскими гражда-

нами. И анархистское состоянiе общества также требуетъ отсутствiя какихъ бы то ни было политическихъ привилегiй, а все-таки анархисты — и съ ихъ точки зрѣнiя вполнѣ правильно—и слышать не хотятъ о демократiи, именно потому, что это—*форма господства. Это—форма господства большинства.*

При томъ же демократiя, чего не можетъ отрицать и самъ Бернштейнъ, не знаменуетъ собою фактическаго уничтоженiя классовъ. Если общественный строй не измѣнится, то при демократiи останутся тѣ же самые классы, ихъ антагонизмъ и ихъ экономическiя средства власти, какiе существовали и при политической системѣ господства меньшинства. Почему же, слѣдовательно, демократiя должна принципiально отожествляться съ уничтоженiемъ классоваго господства? Она знаменуетъ собою господство тѣхъ классовъ, которые составляютъ большинство или которые держатъ это большинство въ экономической или интеллектуальной зависимости отъ себя.

Несомнѣнно, демократiя является необходимой предпосылкой уничтоженiя классоваго господства, но это потому, что она является единственной политической формой, въ которой пролетарiатъ можетъ добиться классоваго господства; этимъ же господствомъ онъ, какъ самый низшiй классъ, естественно, долженъ воспользоваться для уничтоженiя всякихъ классовыхъ привилегiй. Безъ классоваго господства пролетарiата не можетъ быть уничтоженiя классовъ.

Но Бернштейнъ страшится этого классоваго господства, поэтому онъ въ демократiи видитъ средство, «принципiально» уничтожающее классовое господство и, такимъ образомъ, дѣлающее излишнимъ господство пролетарiата.

Онъ находитъ, что «противъ мысли о подавленiи индивидуума большинствомъ безусловно возстаетъ современное сознанiе. Мы считаемъ теперь подавленiе меньшинства большинствомъ недемократичнымъ. На практикѣ обнаружилось, что чѣмъ дольше существуютъ въ какомъ-нибудь современномъ государственномъ строѣ демократическiя учрежденiя, тѣмъ больше вниманiя и уваженiя удѣляется правамъ меньшинства и тѣмъ больше партiйная борьба теряетъ характеръ взаимной ненависти» (стр. 123, 124).

Гдѣ можно видѣть эту «практику», онъ намъ не говоритъ. Здѣсь, какъ и относительно расцвѣта промышленности, мы также видимъ, что Бернштейнъ выдаетъ за общiй законъ современнаго развитiя то, что составляетъ явленiе данной

минуты, а въ данномъ случаѣ вдобавокъ явленіе, замѣчаемое въ одной странѣ — въ Англіи.

Тамъ въ данный моментъ царитъ политическое затишье. Различія между обѣими крупными правительственными партіями все болѣе уменьшаются, а борьба между Англіей и Ирландіей за послѣдніе годы потеряла свою рѣзкость. Но не такъ давно «современное сознаніе» англичанъ «безусловно» привѣтствовало самыя жестокія беззаконія по отношенію къ ихъ ирландскимъ противникамъ, на что эти послѣдніе отвѣчали кинжаломъ и динамитомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Гладстонъ капитулировалъ передъ ирландцами, наступилъ конецъ такого рода борьбѣ.

А что англичане не безусловно возстаютъ противъ подавленія меньшинства или же болѣе слабыхъ—это они доказываютъ своей колоніальной политикой въ Южной Африкѣ, въ Суданѣ, въ Индіи. А демократическая Америка? Никогда она не линчевала своихъ негровъ съ бо́льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ теперь; никогда забастовщики не разстрѣливались такъ безразсудно, какъ теперь; никогда раньше американцы не обнаруживали столько кровожадности и тираніи по отношенію къ меньшинству. Война съ Филиппинскими островами не улучшила ихъ характера.

Или, можетъ быть, демократическая Франція даетъ намъ примѣръ того, что партійная борьба потеряла характеръ взаимной ненависти, что индивидуумъ цѣнится выше и что политическое развитіе принимаетъ все болѣе мягкія формы? Не говорю уже объ Австріи и Италіи, которыя по своему избирательному праву уже также нѣкоторымъ образомъ фигурируютъ въ числѣ демократическихъ государствъ.

Но зачѣмъ идти такъ далеко? Что мы видимъ въ Германіи послѣ функціонированія всеобщаго избирательнаго права въ теченіе цѣлаго поколѣнія? Каторжный проектъ и судебную практику, яркой иллюстраціей которой служитъ Лебтау'скій приговоръ!

Бернштейнъ съ негодованіемъ отвергаетъ мысль о диктатурѣ пролетаріата. Можно-ли избавиться отъ элементовъ, вродѣ прусскихъ юнкеровъ Штуммовъ и Кюнемановъ, Рокфеллеровъ и Джей-Гульдовъ, бандитовъ высшаго и низшаго пошиба, группирующихся вокругъ французскаго генеральнаго штаба, и другихъ господъ, жаждущихъ политики ежовыхъ рукавицъ,—можно ли избавиться отъ нихъ, если оказывать полнѣйшее вниманіе ихъ индивидуальности, это мнѣ нѣсколько сомнительно. И ничто не указываетъ на то, что противо-

рѣчія притупляются или ослабляются. Совсѣмъ напротивъ! Я не могу поклясться, что классовое господство пролетаріата непремѣнно приметъ форму классовой диктатуры. Но что демократическихъ формъ уже достаточно для того, чтобы сдѣлать излишнимъ для освобожденія пролетаріата его классовое господство, этого совсѣмъ не доказала ни предшествовавшая практика, ни ея ожидаемые результаты.

Меня могутъ невѣрно понять. Мнѣ и въ голову не приходитъ отрицать, что *при прочихъ равныхъ условіяхъ* демократія съ ея свободами и ея яснымъ взглядомъ на соотношенія силъ различныхъ партій и классовъ наиболѣе всего приспособлена къ тому, чтобы устранять излишнее обостреніе классовой борьбы. Это соціаль-демократія всегда признавала. Но дѣло идетъ здѣсь не объ этомъ, а о вопросѣ, можетъ-ли демократія противодѣйствовать необходимо наступающему подъ вліяніемъ экономическаго развитія обостренію классовыхъ противорѣчій, противодѣйствовать настолько, чтобы сдѣлать излишнимъ классовое господство пролетаріата. Противъ этого говорятъ одинаково, какъ теорія, такъ и практика.

Рѣшеніе проблемы о диктатурѣ пролетаріата мы можемъ совершенно спокойно предоставить будущему. И здѣсь намъ не надо связывать себѣ рукъ. Но она имѣетъ значеніе и для настоящаго постольку, поскольку наша позиція по отношенію къ самостоятельной классовой организаціи пролетаріата опредѣляется нашими надеждами на прекращеніе класcоваго господства при демократіи.

Еще большее вліяніе это должно оказывать на нашу позицію по отношенію къ либерализму.

Бернштейнъ рекомендуетъ намъ «не впадать въ крайности при объявленіи войны „либерализму". Хотя и вѣрно, что широкое либеральное движеніе послѣдняго времени прежде всего пошло на пользу капиталистической буржуазіи, а партіи, называвшія себя либеральными, были или съ теченіемъ времени превращались въ настоящую лейбъ-гвардію капитализма. Между этими партіями и соціаль-демократіей, разумѣется, можетъ существовать только вражда. Но что касается либерализма, какъ міровою историческаго движенія, то соціализмъ не только хронологически, но и по своему духовному содержанію является его законнымъ наслѣдникомъ, что, между прочимъ, и обнаруживалось практически при всякомъ принципіальномъ вопросѣ, по отношенію къ которому соціаль-демократія должна была занять извѣстную позицію. Тамъ, гдѣ какое-нибудь экономическое требованіе соціалистической

программы приходилось проводить такими средствами или при такихъ условіяхъ, что это могло служить серьезной угрозой свободному развитію,—соціаль-демократія никогда не боялась высказаться противъ такого проведенія этого требованія. Обезпеченіе гражданской свободы ею всегда ставилось выше, чѣмъ осуществленіе какого бы то ни было экономическаго требованія. Созданіе и обезпеченіе свободы личности—цѣль всѣхъ соціалистическихъ мѣропріятій, даже тѣхъ, которыя по внѣшности кажутся принудительными... Конституція (французская) 1793 г. была логическимъ выраженіемъ либеральныхъ идей той эпохи, а какъ мало она мѣшала или мѣшаетъ соціализму, это видно даже изъ бѣглаго просмотра ея содержанія. Бабефъ и его «клубъ равныхъ» даже видѣли въ ней прекрасный исходный пунктъ для осуществленія своихъ коммунистическихъ стремленій и по этой причинѣ ставили во главѣ своихъ требованій возстановленіе конституціи 1793 г. То, что позже стало считаться политическимъ либерализмомъ, было смягченіями и компромиссами, удовлетворявшими потребностямъ капиталистической буржуазіи послѣ паденія стараго режима, равно какъ и манчестерская школа была ничѣмъ инымъ, какъ смягченіемъ и одностороннимъ изложеніемъ основныхъ положеній классиковъ экономическаго либерализма. *Фактически нѣтъ ни одной либеральной идеи, которая не входила бы въ идейное содержаніе соціализма.* Даже принципъ экономической самоотвѣтственности, который кажется всецѣло манчестерскимъ, не можетъ, по моему мнѣнію, ни теоретически отрицаться соціализмомъ, ни считаться имъ недѣйствительнымъ при какихъ бы то ни было условіяхъ» (стр. 129, 130).

Отношусь съ полнымъ уваженіемъ къ «принципу экономической самоотвѣтственности», а также и къ «гражданской свободѣ» и къ «созданію и обезпеченію свободы личности»,— но этими принципами и свободами, по моему, не вполнѣ исчерпывается сущность либерализма. Мы должны смотрѣть на него такъ, какъ мы смотримъ на соціализмъ, т. е., какъ на опредѣленное историческое явленіе, а не какъ на какую-то находящуюся внѣ времени и пространства формулу свободы. По крайней мѣрѣ, тотъ либерализмъ, которому объявляетъ войну соціаль-демократія, представляетъ собою весьма конкретное явленіе: это тѣ либеральныя партіи, о которыхъ самъ Бернштейнъ говоритъ, что онѣ «настоящая лейбъ-гвардія капитализма». Но и либерализмъ въ своей чистѣйшей формѣ— идеалъ большинства философовъ эпохи просвѣщенія—по своему *соціальному* содержанію совсѣмъ не соціалистиченъ, ни

прямо, ни даже косвенно, по вытекающимъ изъ него выводамъ. Разумѣется, иное дѣло *политическое* содержаніе либерализма—демократія. Ее соціализмъ, само собою разумѣется, долженъ включить въ число своихъ требованій; но съ какихъ же это поръ соціаль-демократія объявляетъ войну демократическимъ идеямъ? Въ основѣ всей аргументаціи Бернштейна лежитъ смѣшеніе демократіи съ экономическимъ либерализмомъ, что особенно явствуетъ изъ его ссылки на конституцію 1793 года и на Бабефа.

Экономическое содержаніе либерализма отвѣчаетъ потребностямъ развитого товарнаго производства. Основное право, котораго онъ требуетъ, это полное, неограниченное право *частной собственности* не только на средства потребленія, но и на средства производства; основная свобода, имъ требуемая, это свобода производить и продавать — laissez faire, laissez passer,—каковой принципъ не вытекаетъ изъ «смягченія и одностороння го изложенія основныхъ положеній классиковъ экономическаго либерализма», но былъ формулированъ еще наиболѣе ранними изъ этихъ классиковъ—физіократами.

И конституція 1793 г., хотя она и создавалась подъ вліяніемъ терроризма низшихъ народныхъ массъ, также признавала оба эти основныя положенія либерализма. Соотвѣтствующій пунктъ ея гласитъ: «Право собственности—это принадлежащая каждому гражданину право распоряжаться *какъ ему угодно* своимъ имуществомъ, своими доходами, плодами своего труда и своего прилежанія... Никакой видъ труда, земледѣлія, торговли не можетъ быть воспрещенъ гражданину». Проектъ конституціи, предложенный Робеспьеромъ якобинцамъ, гласилъ совершенно иначе. Тамъ говорится: «Право собственности—это право каждаго гражданина распоряжаться той частью имущества, *которая ему предоставлена закономъ*. Право собственности, какъ и всякое другое право, ограничено обязанностью соблюдать права другихъ. Оно не должно угрожать ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности другихъ. Всякое владѣніе, всякое пріобрѣтеніе, нарушающее этотъ основной принципъ, безнравственно и недопустимо (illicite)».

Такъ полагалъ несомнѣнно не соціалистъ Робеспьеръ.

А Бабефъ будто бы видѣлъ въ экономическихъ принципахъ конституціи 1793 года прекрасный исходный пунктъ для введенія коммунизма?

Объ этомъ не было и рѣчи.

Но конституція 1793 г. заключала въ себѣ не только признаніе частной собственности и принципа laissez faire, она заключала въ себѣ также и демократическую организацію государства, организацію, снова уничтоженную конституціей 1795 года. Она заключала въ себѣ прежде всего всеобщее, равное и прямое избирательное право, замѣненное конституціей 1795 г. цензовыми и двухстепенными выборами. *Вотъ почему* Бабефъ требовалъ замѣны конституціи 1795 г. конституціей 1793 г. Онъ требовалъ ея возстановленія потому, что она, какъ говорилось въ одномъ плакатѣ, «обезпечивала всѣмъ гражданамъ неотчуждаемое право имѣть рѣшающій голосъ въ законодательствѣ, осуществлять свои политическія права, собираться, требовать то, что они считали необходимымъ, учиться, не умирать съ голоду—права, которыя контръреволюціонный актъ 1795 года всецѣло и очевидно нарушилъ» (цит. Г. Девилемъ въ его «Gracchus Babeuf», нѣм. переводъ Бернштейна, стр. 24). Въ томъ же сочиненіи Девиля говорится дальше (стр. 26): «Будучи весьма далекой отъ того, чтобы необходимо вести къ коммунизму, какъ утверждаетъ чрезвычайно фантазирующій историкъ г. ф. Зибель, конституція 1793 г. называла право собственности абсолютнымъ правомъ, требовала полнѣйшей независимости для промышленности и торговли. Если такіе коммунисты, какъ Бабефъ, прежде всего требовали введенія этой конституціи, то это потому, что хотя они не забыли окончательно о коммунистическомъ строѣ, къ которому стремились, но все-таки они были убѣждены, что революція шла по истинному пути лишь до 9-го термидора (1794 г.) и что они должны для того, чтобы дать ей то, что они считали ея естественнымъ заключеніемъ, снова начать ее съ того пункта, какого она достигла въ тотъ день».

Бабефъ и «клубъ равныхъ» требовали, слѣдовательно, конституціи 1793 г. изъ за ея демократическаго содержанія, *вопреки,* а не *благодаря* ея экономическому либерализму. Ссылаться на Бабефа и на эту конституцію, какъ на доказательство того, что либерализмъ не помѣха соціализму, что либерализмъ, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ Бернштейнъ, «является выраженіемъ такого общественнаго принципа, завершеніемъ котораго послужитъ соціализмъ» (стр. 132), — это значитъ отлично подтасовывать въ своихъ выгодахъ факты исторіи.

Гораздо хуже, чѣмъ Бабефу и «клубу равныхъ», досталось отъ Бернштейна чартистамъ, хотя они, по сравненію съ

первыми, были настоящими сиротками: тамъ—попытка путемъ заговора перепрыгнуть къ коммунизму, здѣсь — требованіе всеобщаго избирательнаго права и десятичасоваго рабочаго дня. Несмотря на это Бернштейнъ ими недоволенъ, такъ какъ они хотѣли достигнуть своей цѣли независимо отъ «радикальной буржуазіи» и даже вопреки ей.

Онъ замѣчаетъ, что чѣмъ больше соціаль-демократія рѣшается казаться тѣмъ, чѣмъ она является въ дѣйствительности — демократически-соціалистической партіей реформъ —, тѣмъ больше растутъ и ея шансы на проведеніе политическихъ реформъ. «Страхъ несомнѣнно крупный факторъ въ политикѣ, но заблуждается тотъ, кто думаетъ, что запугиваньемъ можно всего добиться. Не тогда, когда чартистское движеніе носило наиболѣе революціонный характеръ, добились англійскіе рабочіе права голоса, а лишь тогда, когда смолкли революціонные лозунги и они для завоеванія реформъ соединились съ радикальной буржуазіей. И тому, кто мнѣ возразитъ, что подобная тактика немыслима въ Германіи, тому я посовѣтую прочесть, что еще 15—20 лѣтъ тому назадъ либеральная пресса писала о борьбѣ путемъ союзовъ и о рабочемъ законодательствѣ, что говорили въ рейхстагѣ представители этихъ партій и какъ они голосовали относительно подобныхъ вопросовъ. Тогда, быть можетъ, онъ согласится, что политическая реакція вовсе не является наиболѣе характерной чертой буржуазной Германіи» (стр. 167).

Вѣрно, что чартисты не добились права голоса, но за то они добились другого: десятичасоваго рабочаго дня. Къ этому также не слѣдуетъ относиться презрительно. Но не желаетъ ли Бернштейнъ утверждать, что они не добились всеобщаго избирательнаго права потому, что «революціонно кобенились»? Но въ то же самое время, когда наслѣдники чартистовъ получили право голоса, его получили и германскіе и французскіе рабочіе, и въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ англійскіе, хотя они весьма «революціонно кобенились» и вовсе не шли навстрѣчу либеральной буржуазіи.

Именно англичане менѣе всего являются такими людьми, на которыхъ можно оказать вліяніе простыми революціонными «позами». Англійскую буржуазію во времена фритредерской агитаціи совсѣмъ не могли отпугать языкъ и агитація чартистовъ, такъ какъ ея собственный языкъ и агитація по своей революціонной формѣ смѣло могъ помѣряться съ чартистскими. Буржуазію возстановило противъ чартистовъ то обстоятельство, что они самостоятельно и вопреки фритреде-

рамъ агитировали и организовались. Этого буржуазія точно такъ же имъ не простила, какъ не простили подобнаго же преступленія Лассалю прусскіе прогрессисты, хотя онъ какъ разъ не «кобенился революціонно».

Уже изъ своеобразнаго противопоставленія двухъ совсѣмъ не необходимо противорѣчащихъ другъ другу моментовъ—революціонной позы и соединенія съ радикальной буржуазіей—явствуетъ, что для Бернштейна при доказательствѣ неправильности перваго момента важно, главнымъ образомъ, осуществленіе второго. Но этотъ союзъ возможенъ въ двухъ формахъ: или временное соединеніе для опредѣленныхъ цѣлей самостоятельно организованнаго въ отдѣльную партію пролетаріата съ буржуазными партіями—тактика, которую еще Коммунистическій Манифестъ считалъ необходимой при извѣстныхъ условіяхъ—или же расширеніе пролетарской демократіи въ одну обширную, охватывающую всѣ демократическіе элементы, народную партію, что имѣло мѣсто въ Англіи послѣ успокоенія чартизма и чего недавно стали требовать представители реформаторскаго направленія въ нашей партіи.

Что говоритъ въ пользу этого расширенія? Ожиданіе, что такая обширная демократическая партія гораздо скорѣе станетъ большинствомъ, чѣмъ пролетаріатъ самъ по себѣ; что она, отказавшись отъ «легенды о пожираніи» и тому подобныхъ революціонныхъ позъ, скорѣе можетъ стать способной управлять государствомъ, что, слѣдовательно, пролетаріатъ скорѣе будетъ въ состояніи добиться, если не *всей* власти, то, по крайней мѣрѣ, власти. Разумѣется, пролетаріатъ, идя такимъ путемъ, не можетъ провести всѣхъ своихъ требованій, онъ долженъ ограничиться малымъ и обращать вниманіе и на своихъ союзниковъ, но извѣстно, что лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля въ небѣ, и нѣтъ ничего хуже привила: все или ничего. Если мы не превратимъ нашей партіи изъ партіи наемныхъ рабочихъ въ партію народныхъ массъ, то мы осудимъ себя на неопредѣленное время на безсиліе, на совершенно безплодную оппозицію.

Такова аргументація соціальныхъ реформаторовъ. Они забываютъ, что соціаль-демократія выполняетъ обширную положительную дѣятельность, хотя она и не распоряжается министерскими портфелями. Конечно, страхомъ не всего можно добиться, и я думаю, что прямой физическій страхъ передъ соціаль-демократіей не оказалъ еще большого вліянія. А все же мы видимъ, что вся наша внутренняя политика уже много лѣтъ вращается вокругъ соціаль-демократіи. Это происхо-

дитъ не изъ боязни, что наша партія, если въ ней не будутъ поддерживать хорошаго расположенія духа, можетъ въ одинъ прекрасный день живо покончить со всѣмъ, а изъ боязни, что соціаль-демократія въ одинъ прекрасный день можетъ собрать вокругъ себя всю массу рабочихъ.

Ростъ численности и силы пролетаріата и ростъ вліянія на него соціаль-демократіи, необходимость для другихъ партій вступить въ конкурренцію съ нашей партіей, дабы не выпустить окончательно изъ рукъ пролетаріата, значеніе котораго какъ фактора власти постоянно увеличивается, эти факторы вынуждаютъ буржуазно-демократическія партіи требовать соціальныхъ реформъ, они то вызвали ту внезапную перемѣну въ либеральной прессѣ, которая кажется Бернштейну прекраснымъ доказательствомъ доброй воли германской буржуазіи.

Такимъ путемъ соціаль-демократія задолго до того, какъ она въ состояніи самой добиться власти, дѣйствуетъ на преобразованіе буржуазно-демократическихъ партій, которыя вынуждены сдѣлать хотя бы часть требованій нашей партіи своими, для того, чтобы рабочій классъ, классъ наиболѣе сильный во всей націи, не ускользнулъ окончательно изъ ихъ рукъ.

Если, слѣдовательно, соціаль-демократія остается чисто классовой партіей борющагося пролетаріата, то она этимъ отнюдь не отказывается отъ всякой положительной дѣятельности. А если бы она измѣнила свою программу и тактику до такой степени, что она могла бы принимать къ себѣ и другіе классы и вести ихъ классовую борьбу, то она этимъ самымъ парализовала бы свою агрессивную силу и вмѣстѣ со своей однородностью потеряла бы и свое единство.

Эта жертва врядъ ли принесетъ ей хоть какую-нибудь пользу—и въ качествѣ простой демократической партіи, она останется партіей, въ которой пролетаріатъ будетъ имѣть перевѣсъ; но пролетарскому руководству другіе классы не подчинятся. Демократическій блокъ возможенъ только подъ буржуазнымъ руководствомъ. Если общая демократія уже невозможна подъ такимъ руководствомъ—а она повсюду распадается—то подъ руководствомъ пролетаріата она тѣмъ паче невозможна.

Но какіе классы наряду съ пролетаріатомъ имѣютъ значеніе для демократіи? Мелкіе буржуа, крестьяне, интеллигенція. Уже въ настоящее время ни одному члену этихъ классовъ доступъ въ нашу партію не возбраняется, если онъ толь-

ко чувствуетъ себя пролетаріемъ, если желаетъ сражаться съ нами въ классовой борьбѣ пролетаріата. Но чѣмъ же желаютъ мелкіе буржуа и мелкіе крестьяне, не стоящіе на пролетарской точкѣ зрѣнія, улучшить свое положеніе? Прежде всего тѣмъ, чтобы изъ мелкихъ стать крупными эксплуататорами, капиталистами, крупными крестьянами, а во-вторыхъ тѣмъ, что они не видятъ никакихъ границъ въ эксплуатаціи своихъ рабочихъ. Чѣмъ мельче эксплуататоръ, тѣмъ чувствительнѣе поражаетъ его всякая реформа. Пролетаріатъ можетъ по временамъ вступать съ этими элементами въ союзъ для достиженія опредѣленныхъ политическихъ цѣлей и формъ управленія, но никогда не можетъ дѣйствовать продолжительное время совмѣстно съ ними въ одной организаціи.

Ну, а интеллигенція? Несомнѣнно, она въ большинствѣ случаевъ совершенно не заинтересована въ эксплуатаціи наемнаго труда, она даже отчасти и сама принадлежитъ къ эксплуатируемымъ. Но будучи слабой численностью, она еще болѣе слаба силою. Она представляетъ собою слой населенія, менѣе всего способный на энергичную классовую борьбу, и какъ бы сильно она въ сердцѣ ни ненавидѣла капиталистическій режимъ, она все же покорно ему подчиняется. Сомнѣнія нѣтъ, соціаль-демократія нуждается въ интеллигентахъ, въ большомъ числѣ интеллигентовъ, но она можетъ принять въ свои ряды лишь тѣхъ, кто рѣшился окончательно порвать со своимъ прошлымъ и вступить въ безпощадную борьбу съ буржуазнымъ обществомъ. Кто не можетъ, или не хочетъ этого сдѣлать, тотъ пусть остается въ сторонѣ отъ пролетарскаго движенія. Въ концѣ концовъ, или оно его разочаруетъ, или онъ ему измѣнитъ.

И именно изъ рядовъ интеллигенціи выходятъ живѣйшія стремленія къ расширенію соціаль-демократіи изъ классовой партіи въ партію народную. Крестьяне и мелкіе буржуа, повидимому, не особенно въ этомъ нуждаются.

Изъ сочиненія Бернштейна нельзя ясно видѣть его позиціи по отношенію къ этому вопросу. Онъ опредѣленно не высказывается по этому поводу, но его аргументы по вопросу о тактикѣ таковы, что ихъ можно понять въ смыслѣ необходимости превращенія нашей партіи въ народную партію, да ихъ такъ и понимаютъ. Вотъ почему необходимо было привести ихъ и показать, какъ мало они доказываютъ то, что будто бы ими доказано.

Намъ нужно теперь опять вернуться къ упомянутой уже выше статьѣ Бернштейна, появившейся въ «Vorwärts»'ѣ во

время печатанія этихъ листовъ и излагающей его позицію по отношенію къ теоретической части эрфуртской программы.

Между прочимъ, онъ не согласенъ съ тѣмъ пунктомъ эрфуртской программы, который гласитъ, что преобразованіе общества *можетъ быть* дѣломъ *только* рабочаго класса. Онъ бы сказалъ: *должно* быть дѣломъ *прежде всего* рабочаго класса. Это—или то же самое, или же выражаетъ весьма неясно другую мысль. Мы уже указывали на то, что здѣсь дѣло идетъ не о борьбѣ *индивидуумовъ*, а о борьбѣ *классовъ*. Въ освободительной борьбѣ пролетаріата могутъ участвовать индивидуумы, принадлежащіе къ другимъ классамъ. Эрфуртская программа никому этого не запрещаетъ. Но вопросъ въ томъ, можетъ ли освободительная борьба пролетаріата быть борьбой за непролетарскіе классовые интересы. На этотъ вопросъ эрфуртская программа даетъ рѣшительный и отрицательный отвѣтъ, формулировка же Бернштейна оставляетъ его нерѣшеннымъ. Но все-таки его формулировка говоритъ за то, что Бернштейнъ желаетъ создать почву для превращенія соціаль-демократіи въ партію демократическаго блока; что она должна не набраться храбрости и казаться тѣмъ, чѣмъ она есть въ дѣйствительности, а набраться храбрости и стать чѣмъ-то совершенно инымъ, чѣмъ она была до сихъ поръ, что она должна порвать съ принципомъ Интернаціонала: «Освобожденіе рабочаго класса должно быть завоевано самимъ рабочимъ классомъ».

Сообразно съ характеромъ соціаль-демократіи — пролетарской или народной партіи — и ея конечная цѣль должна измѣниться.

Всякая политическая партія должна ставить себѣ задачей завоевать политическую власть, дабы измѣнить сообразно со своими взглядами государственный строй и руководить обществомъ при помощи государственной власти. Но всякая жизненная партія должна быть также и готовой къ тому, что государственная власть попадетъ въ ея руки, она, поэтому, во всякое время должна знать для какихъ цѣлей она хочетъ использовать эту власть. Она всегда должна быть въ состояніи дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, если она желаетъ обладать пропагандистской силой. Партія, заранѣе заявляющая, что она может плодотворно дѣйствовать только находясь въ оппозиціи, что она стремится только къ власти, но не къ *исключительной* власти,—такая партія сама себя обезсиливаетъ и теряетъ всякое довѣріе у народныхъ массъ.

Въ этомъ смыслѣ, слѣдовательно, должна всякая партія имѣть «конечную цѣль», не являющуюся прекращеніемъ соціальнаго развитія: послѣднее не имѣетъ ни конца, ни конечной цѣли; нѣтъ, всякая партія должна имѣть конечную цѣль своего практическаго дѣйствія.

Ясно, что всякая народная партія, въ которой классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазіи имѣютъ значительное вліяніе, какъ бы дружелюбно она ни была настроена къ рабочимъ, всегда должна оставаться на почвѣ даннаго общественнаго строя, частной собственности на средства производства, свободы частнаго производства. Она не можетъ подняться надъ конституціей 1793 г., надъ принципомъ либерализма; она никогда не можетъ, какія бы революціонныя позы она ни принимала, быть чѣмъ-нибудь инымъ, чѣмъ демократически-соціалистической партіей реформъ, при этомъ слово «соціалистическій» является только пустымъ звукомъ, воспоминаніемъ о прекрасной и наивной молодости, или же смутной грезой о какомъ-то земномъ раѣ, наступленіе котораго лѣтъ черезъ пятьсотъ не возбраняется никому ожидать; но во всемъ этомъ нѣтъ ничего такого, что на практикѣ обязывало бы къ чему-нибудь.

Иной характеръ должна носить конечная цѣль чисто пролетарской партіи. Пролетаріатъ не можетъ имѣть никакой пользы отъ сохраненія частной собственности на средства производства. Какъ бы мирно и законно онъ ни добивался власти, какъ бы страстно онъ ни былъ воодушевленъ стремленіемъ ничего не разрушать и даже не сходить съ пути органическаго развитія; какъ бы скептически онъ ни относился къ соціалистическимъ «утопіямъ», все-жъ таки, защищая свои интересы, онъ совсѣмъ не станетъ дорожить сохраненіемъ частной собственности на средства производства и самимъ частнымъ производствомъ.

Поэтому, пролетарскій режимъ долженъ повсюду добиваться двухъ цѣлей: во-первыхъ, *уничтоженія частнаго характера крупныхъ капиталистическихъ монополій,* и, во-вторыхъ, *устраненія безработицы, уничтоженія промышленной резервной арміи.*

Но этимъ онъ поразитъ прямо въ сердце капиталистическую форму производства. При отсутствіи монопольныхъ союзовъ предпринимателей и безработныхъ, готовыхъ замѣстить бастующихъ,—позиція организованнаго пролетаріата по сравненію съ положеніемъ капиталистовъ чрезвычайно усилится. Если послѣдніе уже и теперь жалуются на терроризмъ

пролетаріата, то это только нелѣпыя фразы. Но добившись господства въ государствѣ, пролетаріатъ необходимо достигнетъ диктатуры и на фабрикѣ. Положеніе капиталистовъ, которые еще останутся послѣ обобществленія картелей и трестовъ, должно тогда стать невыносимымъ; имъ придется только подвергаться риску при веденіи предпріятія, не будучи уже хозяевами этого послѣдняго. Капиталисты тогда должны будутъ добиваться, гораздо больше, чѣмъ теперь рабочіе, выгоднаго обобществленія ихъ предпріятій; они употребятъ гораздо больше силы и ума на возможно болѣе быстрое и безболѣзненное рѣшеніе этой проблемы, чѣмъ теперь они тратятъ на борьбу съ пролетарскимъ движеніемъ. Если бы даже побѣдоносный пролетаріатъ и не добивался заранѣе перехода къ соціалистическому производству, то простая логика его классовыхъ интересовъ заставила бы его совершить этотъ переходъ.

Другими словами—капиталистическое производство и политическое господство пролетаріата несоединимы одно съ другимъ. Сказать больше, конечно, нельзя. Мы не знаемъ, ни когда, ни какъ это господство наступитъ—въ результатѣ ли одной страшной бури, послѣ нѣсколькихъ катастрофъ, или же медленно и постепенно осуществляясь. Мы не знаемъ также, какой видъ будетъ имѣть общество и пролетаріатъ вначалѣ господства этого послѣдняго, такъ какъ оба эти фактора безпрерывно измѣняются, не знаемъ, сколько предпосылокъ соціализма, нынѣ еще не имѣющихся, появятся къ тому времени, насколько подъ вліяніемъ этого осложнятся или облегчатся задачи пролетарскаго режима. Мы можемъ только признать, что побѣдоносный пролетаріатъ съ необходимостью вынужденъ будетъ замѣнить капиталистическое производство соціалистическимъ.

Если пролетаріатъ организуется въ самостоятельную политическую партію, сознательно ведущую классовую борьбу, тогда уничтоженіе частной собственности на капиталистическія средства производства и уничтоженіе капиталистическаго частнаго производства необходимо должно стать цѣлью этой партіи; на своемъ знамени она должна написать: соціализмъ не какъ завершеніе, а какъ преодолѣніе либерализма; она не можетъ быть партіей, ограничивающейся *демократически-соціалистическими реформами*, она должна стать партіей *соціальной революціи*.

Дѣло здѣсь, конечно, идетъ не о понятіи революціи въ полицейскомъ смыслѣ, въ смыслѣ вооруженнаго возстанія. Безумной была бы та партія, которая принципіально рѣшилась бы

идти по пути возстанія, покуда у нея имѣются для ея тактики другіе, стоющіе меньшихъ жертвъ и болѣе безопасные пути. Въ этомъ смыслѣ соціаль-демократія никогда не была принципіально революціонной, а лишь въ томъ смыслѣ, что она сознаетъ, что обладая политической властью, она можетъ использовать ее лишь для ниспроверженія той формы производства, на которой основывается современный общественный строй. Мнѣ совѣстно повторять всѣ эти избитые трюизмы, но послѣ смѣшенія понятій, внесеннаго Бернштейномъ, благодаря его полемикѣ противъ нашей, «пріуроченной къ катастрофамъ тактики», ничего другого не остается.

Онъ ясно говоритъ, что слово революція употребляется имъ «исключительно въ его политическомъ значеніи, какъ равнозначущее *возстанію* или же *внѣзаконному насилію*» (стр. 87). Къ этому онъ добавляетъ: «Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ до довольно поздняго времени смотрѣли на возстаніе, какъ на путь, почти вездѣ необходимый, отдѣльнымъ же послѣдователямъ Маркса онъ еще и теперь кажется неизбѣжнымъ. Часто его считаютъ и за болѣе короткій путь».

Какъ доказательство этому пресловутому положенію, онъ цитируетъ фразу Жюля Геда отъ 1877 года, когда послѣдній, насколько я знаю, еще не вполнѣ былъ марксистомъ.

И какъ же гласитъ эта фраза? Я ее приведу цѣликомъ, а не въ томъ изувѣченномъ видѣ, въ какомъ ее приводитъ Бернштейнъ. Въ его цитатѣ предложеніе въ квадратныхъ скобкахъ отсутствуетъ: «Но кому же неясно, что если бы въ большихъ городахъ, гдѣ рабочіе составляютъ преобладающее большинство, они получили [добившись двухъ вышеупомянутыхъ пунктовъ *(республики и права общинъ на самоопредѣленіе)*] въ неограниченное распоряженіе общественную власть, управленіе и законодательство, — то *экономическая революція* стала бы вопросомъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, быть можетъ, даже недѣль?» (Жюль Гедъ, «Der achtzehnte März» (1871), берлинскій «Zukunft», стр. 87).

Само слово революція, повидимому, производитъ на Бернштейна такое же впечатлѣніе, какъ на нѣкоторыхъ саксонскихъ жандармовъ. Въ противномъ случаѣ уже одно ясное наименованіе «экономическая революція» должно было бы ему сказать, что здѣсь и рѣчи нѣтъ о возстаніи. Въ дѣйствительности Гедъ здѣсь говоритъ вотъ что: въ болѣе крупныхъ городахъ, гдѣ рабочіе, составляющіе большинство, завоюютъ для себя республику и самоуправленіе общинъ, — соціалисты

легко смогутъ получить въ свои руки законодательство и управленіе и при ихъ помощи, быть можетъ, въ теченіе всего нѣсколькихъ мѣсяцевъ соціалистически организовать коммуну. Мнѣ также это ожиданіе кажется весьма оптимистическимъ. Но несомнѣнно, здѣсь дѣло идетъ объ очень *законномъ* завоеваніи власти при помощи *избирательнаго листка,* а не то не нуждались бы въ предпосылкѣ республики и права на самоопредѣленіе общинъ. Бернштейнъ опустилъ обѣ эти важныя предпосылки, не знаю, по какой причинѣ, и, такимъ образомъ, придалъ этой фразѣ совершенно иной характеръ. Но его ссылка какъ разъ отъ этого не становится лучшимъ доказательствомъ марксистской страсти къ вооруженному возстанію.

Со временемъ Лассаля соціаль-демократія старается выяснить разницу между революціей съ вилами и граблями и соціальной революціей и доказать, что принципіально она добивается только послѣдней революціи. Мы могли льстить себя надеждой, что склонили къ такому пониманію даже прокуроровъ—и вотъ теперь выступаетъ одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ и наиболѣе выдающихся защитниковъ и отожествляетъ экономическую революцію съ возстаніемъ, считаетъ необходимымъ предостерегать германскую соціаль-демократію отъ безразсудныхъ возстаній!

Если книга Бернштейна и имѣла какое-нибудь слѣдствіе, то это, прежде всего, то, что она снова оживила и усилила тѣ запутанныя представленія, которыя распространяются на нашъ счетъ нашими противниками и выясненіе которыхъ поглощало добрую часть всей нашей работы.

Ясно, что пролетаріатъ въ качествѣ политически-самостоятельной партіи долженъ быть революціоннымъ не въ полицейскомъ смыслѣ, а въ политико-экономическомъ. Бернштейнъ для «принципіальнаго измѣненія общественнаго строя» предпочитаетъ слово «соціальное преобразованіе», но никто не станетъ утверждать, что въ послѣднемъ словѣ находитъ себѣ выраженіе основная противоположность между новымъ и старымъ общественнымъ строемъ—противоположность, которую Бернштейнъ мѣстами и отрицаетъ. Его соціализмъ—завершеніе либерализма.

Я охотно соглашаюсь, что слово революція можетъ ввести въ заблужденіе, я считаю также болѣе удобнымъ не употреблять его безъ настоятельной надобности, но я не думаю, что для устраненія заблужденія слѣдуетъ само слово употреблять въ невѣрномъ смыслѣ. Или, быть можетъ, совсѣмъ его

не употреблять? Но для обозначенія извѣстныхъ процессовъ оно необходимо. Тамъ, гдѣ встрѣчается надобность отмѣтить противоположность между направленіемъ, принципіально не желающимъ подняться надъ реформами въ рамкахъ существующаго общества, и направленіемъ, добивающимся болѣе высокаго, покоющагося на новыхъ основахъ общественнаго строя,— тамъ цѣль послѣдняго направленія не можетъ быть ясно обозначена словомъ «соціальное преобразованіе», а только словомъ «соціальная революція»; при этомъ никто, хотя бы только поверхностно знакомый съ нашей партійной литературой, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что *соціальная революція* и *политическое возстаніе* являются двумя совершенно различными понятіями. Соціальная революція—это цѣль, которую можно себѣ ставить принципіально, возстаніе—это средство къ цѣли, всегда разсматриваемое лишь съ точки зрѣнія его цѣлесообразности.

И не только *соціальную*, но даже политическую революцію не надо отожествлять съ возстаніемъ. Но полицейское словоупотребленіе называетъ политической революціей всякое крупное *политическое потрясеніе*, дающее толчокъ политической жизни націи и заставляющее бить ключомъ эту жизнь, въ противоположность контръ-революціи, потрясенію, останавливающему политическое движеніе. Возстаніе или «внѣзаконное насиліе» можетъ составлять эпизодъ, весьма важный эпизодъ въ такомъ потрясеніи, но никогда оно не является самой революціей. Въ высшей степени законный созывъ генеральныхъ штатовъ является частью великой революціи точно такъ же, какъ и взятіе штурмомъ Бастиліи. Никто не станетъ говорить о великомъ французскомъ возстаніи 1789 г. Ничуть нельзя назвать революціями такія возстанія или внѣзаконные насильственные акты, которые не оказываютъ никакого вліянія на политическую жизнь, вродѣ сопротивленія, оказываемаго индійскими туземцами англійскимъ чумнымъ коммиссіямъ.

Итакъ, чтобы «избѣжать недоразумѣній», Бернштейнъ употребляетъ слово революція какъ разъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно не отвѣчаетъ ни научному, ни политическому словоупотребленію, въ какомъ его обыкновенно употребляютъ одни только полицейскіе и прокуроры, которыхъ въ революціи интересуютъ лишь акты, подводимые подъ извѣстныя статьи уголовнаго уложенія.

Соціальная революція не въ бернштейновскомъ смыслѣ является неизбѣжной конечною цѣлью, къ которой всякая

самостоятельная политическая организація пролетаріата необходимо должна стремиться. Кто организуетъ пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, тотъ этимъ самымъ приготовляетъ его къ мысли о соціальной революціи, хотя бы пролетаріатъ этотъ былъ очень мирно и трезво настроенъ и весьма скептически смотрѣлъ на будущее. И наоборотъ, всякій, кто хочетъ отвлечь пролетаріатъ отъ другихъ политическихъ партій и сдѣлать его политически самостоятельнымъ, достигнетъ этой цѣли тѣмъ скорѣе, чѣмъ яснѣе онъ пробудитъ въ рабочемъ классѣ сознаніе о необходимости соціальной революціи.

Съ другой стороны, мы видѣли, что политика демократическаго блока, растворенія пролетаріата въ народной партіи, заключаетъ въ себѣ отказъ отъ революціи, заставляетъ ограничиться одной только соціальной реформой. Итакъ, отношеніе къ вопросу о соціальной революціи получаетъ высокое практическое значеніе для настоящаго времени. Можно подумать, что безполезно спорить о революціи; это значило бы дѣлить шкуру неубитаго еще медвѣдя. Въ данную минуту оба направленія въ рабочемъ движеніи на практикѣ желаютъ одного и того же: соціально-политическихъ и демократическихъ реформъ. Поэтому, надо добиваться этихъ реформъ и не нарушать своего единства споромъ о вещахъ, о которыхъ ни одинъ человѣкъ не знаетъ, какъ они появятся. Но оказалось, что вопросъ о *конечной цѣли* нашей политики: революція или же только реформа, что этотъ вопросъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ *организаціи* пролетаріата въ *политическую партію настоящаго времени* и о веденіи среди него соотвѣтствующей *пропаганды.*

Если бы это было не такъ, то тогда подчеркиваніе однимъ направленіемъ своей революціонной точки зрѣнія оказалось бы безцѣльнымъ, но не менѣе безцѣльными были бы и сильныя нападки реформаторовъ на то, что они называютъ «революціонной фразой». Наоборотъ, рѣзкое противорѣчіе становится осязательнымъ, когда видятъ, что за мнимой борьбой изъ за фразъ скрывается борьба изъ за вопроса, отвѣтъ на который является вопросомъ жизни, какъ для соціаль-демократіи, такъ и для буржуазной демократіи—изъ за вопроса, долженъ ли пролетаріатъ вести свою классовую борьбу, какъ самостоятельная политическая организація или же какъ часть народной партіи, охватывающей всѣ демократическіе слои населенія.

c) Должны ли мы добиваться побѣды?

Бернштейнъ не шутя ставитъ такой вопросъ и... отвѣчаетъ на него отрицательно.

Мы видѣли, что всякая жизненная политическая партія должна стремиться къ завоеванію политической власти, что она не должна ограничиться желаніемъ вѣчно оставаться партіей оппозиціи. Но это, по мнѣнію Бернштейна, не относится къ соціаль-демократіи. Еще на весьма долгое время дѣятельность ея можетъ быть полезной лишь, какъ дѣятельность оппозиціонная.

Пролетаріатъ еще слишкомъ слабъ, полагаетъ онъ, а потому нельзя ожидать, чтобы онъ въ скоромъ времени завоевалъ политическую власть. Но если бы это ему удалось сдѣлать, то онъ создалъ бы лишь безпорядокъ, ибо онъ еще слишкомъ неразвитъ, и поэтому не используетъ этой власти надлежащимъ образомъ; а условія дѣйствительности еще не созрѣли для осуществленія соціализма. «Достигли ли мы уже необходимой для уничтоженія классовъ степени развитія производительныхъ силъ?»—спрашиваетъ онъ (стр. 185). Отвѣтъ его звучитъ весьма пессимистически.

Ну, а рабочіе? «Несмотря на крупный шагъ впередъ, сдѣланный рабочимъ классомъ въ умственномъ, политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ съ того времени, когда писали Марксъ и Энгельсъ,—я все-таки даже теперь не считаю его еще достаточно развитымъ для того, чтобы взять на себя политическое господство» (стр. 189).

Уже и раньше Бернштейнъ въ своемъ сочиненіи занимался этими же вопросами. О высказанныхъ имъ тамъ сомнѣніяхъ насчетъ зрѣлости современной формы производства намъ уже также пришлось говорить (стр. 54), и мы тамъ указали, что невозможно найти опредѣленную стадію развитія производства, начиная съ которой можно уже заявить, что общество созрѣло для соціализма. Сознательное вмѣшательство пролетаріата въ ходъ экономическаго механизма, очевидно, должно принять совершенно иныя формы при слабомъ, чѣмъ при высокомъ капиталистическомъ развитіи; слѣдствія политическаго господства пролетаріата необходимо будутъ иными въ странѣ со старымъ, чѣмъ въ странѣ съ молодымъ капитализмомъ. Вотъ и все, что можно сказать. Желаніе же отыскать границу, начиная съ которой можно назвать соціализмъ осуществимымъ—было бы абсурдомъ.

Въ слѣдующей части своей брошюры Бернштейнъ, очевидно, охваченъ тѣмъ же чувствомъ, что и пишущій эти строки въ данную минуту, а именно, потребностью, подходя къ концу книги, быстро кончать со всѣми вопросами. А поэтому онъ и не пускается въ дальнѣйшія подробности, а удовлетворяется ссылкой на нѣсколько авторитетовъ.

Но съ этими авторитетами ему совсѣмъ не посчастливилось.

Изъ трехъ авторовъ, на которыхъ онъ ссылается, онъ невѣрно излагаетъ взгляды двухъ (Энгельса и Атлантикуса), взглядъ же третьяго, Нейпауэра, который онъ считаетъ въ высшей степени достойнымъ вниманія, есть не что иное, какъ гипотетическое, необоснованное замѣчаніе. На мое доказательство, что Энгельсъ и Атлантикусъ самымъ рѣшительнымъ образомъ утверждали совершенно противоположное тому, что имъ приписываетъ Бернштейнъ («Neue Zeit», XVII, 2, стр. 74), онъ не нашелъ возразить ничего лучшаго, чѣмъ то, что мнѣнія Энгельса и Атлантикуса въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ они съ нимъ не согласны, кажутся ему не безупречными («Neue Zeit», XVII, 2, стр. 582 и сл.); какъ хотите, странный способъ оправдать свою ссылку на этихъ авторовъ; но я не стану здѣсь распространяться объ этихъ неважныхъ деталяхъ, и отошлю интересующихся этимъ предметомъ къ указаннымъ мѣстамъ въ «Neue Zeit».

Здѣсь достаточно установить, что Бернштейнъ не привелъ ни малѣйшаго доказательства въ пользу своего утвержденія, будто производительныя силы еще недостаточно развиты для уничтоженія классовъ; наоборотъ, его свидѣтели говорятъ противъ него.

Но созданная капитализмомъ степень развитія производства является только *однимъ* изъ факторовъ, ведущихъ къ соціализму. Этотъ факторъ остается мертвымъ безъ другого фактора, вдыхающаго въ него жизнь: безъ сильнаго, политически зрѣлаго пролетаріата. Имѣется ли этотъ пролетаріатъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы мы были въ состояніи захватить бразды правленія? Болѣе того, можемъ ли мы даже вообще ожидать, что пролетаріатъ въ будущемъ станетъ таковымъ?

И на этотъ вопросъ Бернштейнъ также даетъ отрицательный отвѣтъ. Онъ разсматриваетъ его, какъ и матеріальныя предпосылки соціализма, два раза въ своей брошюрѣ; разъ въ серединѣ (стр. 87 и сл.), а затѣмъ, вторично, въ концѣ.

Что такое современный пролетаріатъ?—спрашиваетъ онъ (стр. 88) и отвѣчаетъ:

«Если причислить сюда всѣхъ, неимѣющихъ собственности, всѣхъ, не получающихъ дохода отъ собственности или привилегированнаго положенія, то тогда это, разумѣется, будетъ большинство населенія передовыхъ странъ. Но тогда этотъ пролетаріатъ будетъ смѣсью чрезвычайно различныхъ элементовъ, смѣсью общественныхъ слоевъ, еще болѣе отличающихся другъ отъ друга, чѣмъ «народъ» 1789 года; правда, пока существуютъ современныя имущественныя отношенія, эти группы имѣютъ больше общихъ, или, по меньшей мѣрѣ, сходныхъ, чѣмъ противоположныхъ интересовъ; но лишь только теперешніе собственники и господствующіе были бы упразднены, или же лишены своего положенія,—эти группы очень скоро узнали бы различіе своихъ потребностей и интересовъ».

Въ этихъ положеніяхъ заключается большая недооцѣнка съ одной стороны,—и столь же большое преувеличеніе съ другой.

Недооцѣнка заключается въ томъ, что Бернштейнъ признаетъ только то, что пролетаріатъ составляетъ «абсолютное большинство» населенія передовыхъ странъ. Разумѣется, пролетаріатъ не такъ силенъ, какъ утверждаетъ главный авторитетъ Бернштейна противъ соціализма, пресловутый фельетонистъ изъ «British Review», по вычисленіямъ котораго пролетаріатъ уже въ 1851 г. составлялъ 94% населенія Англіи. Мы видѣли, что Бакстеръ насчитывалъ въ 1867 году приблизительно 80%. Въ Германіи число хозяйственно-самостоятельныхъ лицъ составляло въ 1895 году 26,84% всѣхъ, занятыхъ въ производствѣ, тогда какъ еще въ 1882 г. они составляли 29,25%. Число зависимыхъ рабочихъ составляетъ, слѣдовательно, гораздо больше 70%, почти *три четверти* всѣхъ, занятыхъ въ производствѣ. Это уже квалифицированное «абсолютное большинство».

При этомъ имперская статистика причисляла къ «самостоятельнымъ» не только самостоятельныхъ предпринимателей, какъ-то: капиталистовъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, крестьянъ, — но и кустарей (Hausindustrielle), зависимыхъ руководителей предпріятій (напримѣръ, директоровъ акціонерныхъ компаній), «офицеровъ, высшихъ чиновниковъ, духовенство, управительскій, учительскій и врачебный персоналъ, актеровъ, музыкантовъ, худож-

никовъ, частныхъ ученыхъ, частныхъ секретарей» («Statistik des Deutschen Reiches», N. F., Bd. 111, стр. 62—63).

Нѣтъ надобности разъяснять, что среди этихъ самостоятельныхъ весьма многіе не получаютъ «дохода отъ собственности или привилегированнаго положенія».

Это перечисленіе, во всякомъ случаѣ, показываетъ, что если говорить о «смѣси чрезвычайно различныхъ элементовъ», то самостоятельные, *непролетаріи*, представляютъ собой такую смѣсь. Но Бернштейнъ видитъ только пропасть, раздѣляющую отдѣльные слои пролетаріата, и у него нѣтъ достаточно яркихъ красокъ для изображенія этой пропасти; пролетаріатъ есть «смѣсь общественныхъ слоевъ, *еще больше отличающихся* другъ отъ друга, чѣмъ «народъ» 1789 года».

Поистинѣ смѣлое утвержденіе! Современный пролетаріатъ состоитъ изъ наемныхъ рабочихъ; «народъ 1789 г.» состоялъ не изъ однихъ наемныхъ рабочихъ, но также изъ ремесленниковъ, торговцевъ, крестьянъ и босяковъ, причемъ послѣдніе играли въ средѣ тогдашняго народа—и въ политическомъ смыслѣ—немаловажную роль. Если же отожествлять «народъ 1789 г.» съ третьимъ сословіемъ, то сюда слѣдуетъ присоединить также капиталистовъ и интеллигенцію. Какая пестрая смѣсь, и, однако, они сверґли феодализмъ! А Бернштейнъ утверждаетъ, что классъ современныхъ наемныхъ рабочихъ состоитъ изъ слоевъ, *еще больше* отличающихся другъ отъ друга, чѣмъ «народъ 1789 г.»! И тотъ самый Бернштейнъ, который утверждаетъ это, тутъ же насмѣхается надъ «истинно азіатскимъ спокойствіемъ духа», съ которымъ Парвусъ—вы подумайте!—причисляетъ къ арміи пролетаріата 5 600 000 наемныхъ рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Можетъ быть, ему слѣдовало бы причислить ихъ къ арміи тѣхъ, кто получаетъ свой доходъ отъ собственности или привилегированнаго положенія?

Въ качествѣ доказательства глубокихъ противорѣчій, господствующихъ въ средѣ самого рабочаго класса, приводятся тѣ громадныя различія, которыя существуютъ между промышленными, торговыми и сельско-хозяйственными наемными рабочими, а также и въ предѣлахъ каждой изъ этихъ категорій. Какого мнѣнія слѣдуетъ быть о профессіональныхъ различіяхъ, мы уже видѣли. Что различія въ средѣ рабочаго класса существуютъ, кто станетъ это отрицать? Кто не понимаетъ, что интересы торговаго служащаго не тожественны съ интересамипромышленнаго наемнаго рабочаго, а эти послѣдніе не тожественны съ интересами наемнаго пастуха?

Но развѣ слѣдствіемъ этихъ различій являются такія противорѣчія интересовъ, которыя дѣлаютъ невозможной продолжительную совмѣстную работу въ одной *политической партіи?* Этого вопроса Бернштейнъ вовсе не затрагиваетъ, такъ какъ всѣ его указанія касаются трудностей *профессіональной*, а не *политической совмѣстной дѣятельности.*

Послушать Бернштейна, то предпосылкой всякой крѣпкой партійной организаціи является полнѣйшее *однообразіе* всѣхъ интересовъ ея членовъ. Но какъ же тогда можно было бы организовать какую бы то ни было политическую партію?

Если пролетаріатъ не въ состояніи стать господствующимъ классомъ изъ за различій въ интересахъ отдѣльныхъ слоевъ его, то какъ же тогда добилась господства буржуазія? Присмотритесь не только къ различіямъ, но и къ антагонизму въ средѣ буржуазіи: она складывается изъ капиталистовъ и интеллигенціи. Каждый изъ этихъ слоевъ въ свою очередь распадается на безчисленные подслои, которые часто борются другъ съ другомъ самымъ ожесточеннымъ образомъ; такъ, мы имѣемъ крупныхъ и мелкихъ капиталистовъ, промышленный, торговый, ссудный капиталъ и высшій финансовый міръ, всѣхъ ихъ засовывающій въ свой карманъ; въ промышленномъ капиталѣ господствуетъ антагонизмъ между производителями и потребителями сырыхъ матеріаловъ и т. д. А въ интеллигенціи—какая солидарность существуетъ между врачемъ и адвокатомъ, между инженеромъ и филологомъ.

И несмотря на это, всѣ эти элементы въ своей совокупности образовали крупную политическую партію либерализма.

Уже сама буржуазія по своему составу распадается на большее число частей, чѣмъ пролетаріатъ; объ утвержденіи, что въ послѣднемъ теперь существуютъ гораздо большія пропасти, чѣмъ во всемъ народѣ въ 1789 г., заключавшемъ въ себѣ наряду съ пролетаріатомъ еще столько другихъ классовъ, не можетъ быть и рѣчи. И самъ Бернштейнъ при болѣе спокойномъ обсужденіи не сохранилъ бы въ неприкосновенности этого утвержденія. Даже и составъ пролетаріата 1789 г. былъ разнообразнѣе современнаго: тогда еще существовалъ антагонизмъ между цеховымъ и нецеховымъ рабочимъ, отдѣльный рабочій въ ремеслѣ и мануфактурѣ былъ гораздо болѣе привязанъ на всю жизнь къ одному и тому же занятію, переходъ отъ одного занятія къ другому не былъ такъ легокъ, какъ въ настоящее время.

Если мы желаемъ разсмотрѣть шансы пролетаріата въ политической борьбѣ, то мы должны подчеркнуть не только у него одного тѣ пункты, которые, повидимому, уменьшаютъ его боевую способность. Необходимо обратить вниманіе и на другую сторону. Если Бернштейнъ полагаетъ, что въ «смѣси слоевъ», въ различіи интересовъ онъ нашелъ факторъ, дѣлающій невозможнымъ политическое господство пролетаріата, то мы должны на это возразить, что смѣшеніе слоевъ, различіе интересовъ у противниковъ гораздо значительнѣе,— и вотъ поэтому-то Марксъ и Энгельсъ всегда возставали противъ слова «реакціонная масса».

Именно въ единствѣ главныхъ интересовъ, ею защищаемыхъ, заключается крупное преимущество соціаль-демократіи передъ буржуазными партіями. Изъ существующихъ партій она единственная, которая можетъ опираться на одинъ только классъ, такъ какъ этотъ послѣдній составляетъ громадное большинство населенія.

Всякая иная партія вынуждена опираться на разные классы, въ томъ числѣ на часть самого пролетаріата, если она желаетъ пріобрѣсть большинство и утвердить его за собой. Именно поэтому соціаль-демократія своей рѣшительностью и единствомъ превосходитъ всякую иную партію. И именно въ этомъ заключается не въ малой степени ея сила.

Но если различій въ средѣ самого пролетаріата было бы достаточно для того, чтобы расколоть и сдѣлать неспособной къ политическому господству соціаль-демократію, то что же тогда станется съ ней, если къ этимъ антагонизмамъ присоединятся еще другіе подъ вліяніемъ расширенія соціаль-демократіи изъ пролетарской въ народную партію?

Что между пролетаріями нѣтъ никакихъ различій—этого никто еще не утверждалъ. Различія между ними довольно часто даютъ себя чувствовать во время агитаціи. Тутъ довольно ясно замѣчается, что не всѣ слои пролетаріата въ одинаковой мѣрѣ воспринимаютъ соціалистическій міръ идей и не въ одинаковой мѣрѣ доступны политической и профессіональной организаціи. Промышленные рабочіе являются піонерами, торговые и болѣе всего сельскіе рабочіе остаются въ арьергардѣ. Сомнѣнія нѣтъ, что намъ съ этими послѣдними слоями предстоитъ еще довольно трудная работа, пока мы ихъ окончательно привлечемъ на нашу сторону. Но это свидѣтельствуетъ только о томъ, что соціаль-демократія еще не стоитъ у предѣла своей задачи, чего, конечно, никто изъ насъ и не воображалъ, но не о томъ, что задача эта въ будущемъ неразрѣшима.

Притомъ же, экономическое развитіе весьма дѣятельно содѣйствуетъ нашей пропагандѣ, ибо подъ его вліяніемъ болѣе всего размножаются наиболѣе доступные соціализму слои пролетаріата. Въ городахъ доминируетъ промышленное населеніе, а города все болѣе пріобрѣтаютъ преобладаніе надъ деревней. Въ Германіи было:

Группы городовъ	Увеличеніе или уменьшеніе населенія съ 1882 по 1895 г.		Процентная доля группъ городовъ въ общемъ числѣ населенія	
	абсолютное	процентное	1882	1895
Крупные города . .	+3 703 095	+111,29	7,36	13,58
Средніе » . .	+1 228 807	+ 29,62	9,17	10,39
Мелкіе » . .	+1 379 148	+ 24,22	12,59	13,66
Уѣздные (Zandstädte)	+ 582 738	+ 10,15	12,68	12,20
Города	+6 893 788	+36,47	41,80	49,83
Деревни	— 345 617	— 1,31	58,20	50,17
Общее число насел.	+6 548 171	+14,48	100,00	100,00

Слѣдовательно, городъ въ настоящее время по количеству населенія не уступаетъ уже деревнѣ, оставляя совершенно въ сторонѣ его экономическое, интеллектуальное и политическое превосходство.

Изъ 1000 жителей всякой группы на отдѣльныя профессіи приходилось:

	Въ имперіи		Въ городахъ		Въ деревнѣ	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895
Сельское хозяйство . .	425,1	357,4	119,3	95,0	644,7	618,0
Промышлен.	355,1	391,2	509,3	530,0	244,4	253,4
Торговля	100,2	115,2	171,6	180,0	48,9	50,9
Прочія	119,6	136,2	199,8	195,0	62,0	77,7

Промышленность повсюду быстро развивается; въ городахъ большинство населенія живетъ съ нея. Въ деревнѣ она развивается на счетъ сельскаго хозяйства. Сильнѣе всего она развита въ маленькихъ городахъ. Тамъ занято въ ней изъ тысячи жителей 571,9 чел., въ крупныхъ городахъ — только 508,6 чел. Въ послѣднихъ торговля развита больше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ мѣстахъ, на нее приходится 261,1%

всего населенія. Все же она уменьшилась въ крупныхъ городахъ по сравненію съ 1882 г., когда на нее приходилось 266,1% населенія; за то доля занятыхъ въ промышленности и въ крупныхъ городахъ возрасла съ 473,4 до 508,6.

Мы видимъ, какъ сильно экономическое развитіе помогаетъ преодолѣвать тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ нашей агитаціи.

Но если Бернштейнъ изображаетъ эти препятствія, чрезмѣрно ихъ преувеличивая, то за то онъ уменьшаетъ уже достигнутые результаты нашей агитаціонной работы.

Онъ указываетъ на то, что въ Германіи имѣется около 4,5 милліона взрослыхъ рабочихъ въ промышленности и всего 2,1 милліона соціалистическихъ избирателей (стр. 91).

Здѣсь сравниваются между собою весьма несоизмѣримыя величины—*взрослые рабочіе и избиратели.* Не всякій взрослый рабочій является избирателемъ. Среди 4,5 милліона (точнѣе 4 475 653) взрослыхъ рабочихъ въ промышленности находится не меньше 624 136 *женщинъ*, которыя, увы, до сихъ поръ еще лишены избирательнаго права.

Мужчинъ-рабочихъ старше 20 лѣтъ вмѣстѣ со служащими въ промышленности имѣется всего 3 851 517. Изъ нихъ въ возрастѣ отъ 20—30 лѣтъ—1 603 583; мы можемъ допустить, что приблизительно половина изъ нихъ моложе 25 лѣтъ. Стало быть, вмѣсто 4,5 милліона индустріальныхъ рабочихъ-избирателей имѣемъ всего 3 милліона. Однако, голоса избирателей, оставшихся дома, нельзя же прямо причислить къ противникамъ. Допустимъ, что число воздерживающихся отъ голосованія среди рабочихъ столь же велико, какъ и въ остальномъ населеніи, *тогда мы увидимъ, что число голосовъ германской соціаль-демократіи и число промышленныхъ рабочихъ-избирателей почти вполнѣ совпадаютъ.* Враждебность, которую соціаль-демократія встрѣчаетъ еще въ нѣкоторыхъ слояхъ, а именно въ средѣ католическихъ промышленныхъ рабочихъ, почти вполнѣ нейтрализуется притокомъ изъ другихъ слоевъ пролетаріата.

Если Бернштейнъ заявляетъ: «Болѣе половины промышленныхъ рабочихъ Германіи въ настоящее время относятся еще къ соціаль-демократіи отчасти равнодушно и индифферентно, а отчасти даже враждебно,»—то, къ счастью, пессимизмъ его основывается на ошибкѣ въ вычисленіи, ошибкѣ, напоминающей ту, въ которую Бернштейнъ впалъ нѣсколькими страницами раньше, гдѣ онъ говоритъ о *сотняхъ тысячъ* хозяйствъ болѣе, чѣмъ съ 20-ью лицами, которыя пришлось бы

обобществить соціалистическому режиму—задача, врядъ ли выполнимая. Мы видѣли (стр. 55), что число этихъ хозяйствъ въ Германіи не достигаетъ даже полныхъ 49 000.

Если германская соціаль-демократія обратитъ вниманіе на успѣхи, достигнутые ею при выборахъ, то у нея вовсе не имѣется основаній для пессимистическаго взгляда на вещи. Партія, которая въ теченіе тридцатилѣтія изъ полнаго ничтожества превратилась въ сильнѣйшую партію въ имперіи, причемъ сфера, изъ которой она рекрутируетъ своихъ сторонниковъ, обнимаетъ уже три четверти націи и все больше и больше расширяется; партія, которая, благодаря тому, что она можетъ опираться на одинъ только огромный классъ, достигла такой сомкнутости и такого единства, къ которому неспособна никакая другая партія, и которая въ своей пропагандѣ и организаціи встрѣчаетъ самую сильную поддержку въ экономическомъ развитіи, – такая партія не должна отодвигать въ туманную даль—съ чѣмъ на практикѣ нельзя считаться—момента достиженія ею господства. То, что за тридцатилѣтіе стало самой сильной партіей, можетъ за слѣдующее тридцатилѣтіе, а можетъ быть и раньше, стать господствующей партіей.

Да, можетъ быть, уже и раньше—но не заключается ли какъ разъ въ этомъ величайшая опасность для соціаль-демократіи? Если она въ ближайшее время станетъ у кормила правленія, то развѣ она не должна будетъ самымъ жалкимъ образомъ распасться? Бернштейнъ и теперь еще считаетъ рабочій классъ недостаточно развитымъ для того, чтобы взять на себя политическое господство. «*Только литераторы, никогда близко не стоявшіе къ дѣйствительному рабочему движенію, могутъ быть иного мнѣнія объ этомъ...* Мы должны рабочихъ брать такими, какими они есть. А они не настолько обнищали, какъ это предполагалось въ «Комунистическомъ Манифестѣ», и не такъ свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ этомъ хотятъ насъ увѣрить ихъ *льстецы*» (стр. 184).

По своей рѣшительности эти мнѣнія не оставляютъ желать ничего большаго. Я, къ сожалѣнію, не въ состояніи дать столь же аподиктическій отвѣтъ.

Прежде всего, къ стыду своему, долженъ сознаться, что до появленія брошюры Бернштейна, я очень мало раздумывалъ о бѣдѣ, которая грозитъ намъ, если мы сейчасъ же добьемся власти. Опасеніе, что мы завтра же можемъ проснуться германскими диктаторами, всего менѣе меня тревожило.

Но и теперь, когда Бернштейнъ заставилъ меня размышлять объ этомъ предметѣ, я не въ состоянiи произнести аподиктическаго сужденiя и могу только строить предположенiя. Мы, къ сожалѣнiю, еще не имѣемъ возможности подвергать отдѣльные классы испытанiю въ политической зрѣлости и сообразно результатамъ этого испытанiя выдавать имъ свидѣтельство о политической зрѣлости и о способности къ политическому господству, или же отказывать въ выдачѣ такого свидѣтельства. Единственное испытанiе, встрѣчаемое въ исторiи— это практика, опытъ.

Мы, безъ сомнѣнiя, не имѣемъ никакихъ гарантiй за то, что соцiаль-демократiя могла бы удержать за собою государственную власть, если бы завтра уже она была поднята наверхъ внезапнымъ политическимъ ураганомъ. Быть можетъ, изъ ея рукъ, какъ изъ рукъ демократическихъ классовъ въ англiйской революцiи XVII вѣка или французской революцiи, кормило правленiя рано или поздно опять бы выскользнуло или было бы вырвано. Но какъ же можно съ увѣренностью избѣгнуть подобной преждевременной побѣды? Ея можно избѣгнуть только въ томъ случаѣ, если соцiаль-демократiя сама себя уничтожитъ. Партiя, которая живетъ, должна сражаться, а сражаться, значитъ, бороться за побѣду. А кто борется за побѣду, долженъ всегда имѣть въ виду, что онъ можетъ выйти побѣдителемъ изъ борьбы.

Слѣдовательно, если мы желаемъ обезпечить себя отъ того, чтобы власть не досталась намъ преждевременно, тогда намъ не остается ничего иного, какъ... лечь спать.

Этого не пожелаетъ и самъ Бернштейнъ—значитъ, печальная необходимость вынуждаетъ насъ, при гнетущемъ сознанiи, что мы сами можемъ еще дожить до нашей побѣды, все-таки продолжать борьбу.

Но развѣ политическая незрѣлость пролетарiата констатирована съ такой несомнѣнностью, что только литераторы, ничего общаго неимѣвшiе съ рабочими, могутъ быть иного мнѣнiя? Какiя доказательства приводитъ Бернштейнъ?

Во-первыхъ, всѣ рабочiе, съ которыми онъ говорилъ объ этомъ, такого же мнѣнiя. Это доказываетъ только ихъ скромность и переоцѣнку ими той мудрости, съ которою управляется весь мiръ.

Во-вторыхъ, рабочiе не такъ свободны отъ предразсудковъ и слабостей, какъ въ этомъ насъ хотятъ увѣрить ихъ льстецы. Чтобы не навлечь на себя подозрѣнiй въ такой корыстной лести, спѣшу замѣтить, что я вполнѣ согласенъ съ

этимъ. Но здѣсь, вѣдь, дѣло идетъ не о выдачѣ преміи за добродѣтель, а о политической зрѣлости. Станетъ ли Бернштейнъ утверждать, что классы, нынѣ господствующіе, «свободны отъ предразсудковъ и слабостей»?

Не должны же мы прилагать къ пролетаріямъ какую-то мѣрку идеальнаго превосходства, мы должны ихъ сравнивать съ другими классами. Развѣ результаты этого сравненія и на самомъ дѣлѣ такъ сильно говорятъ не въ пользу рабочихъ?

Если бы пролетаріатъ дѣйствительно не созрѣлъ еще политически, то этимъ было бы доказано гораздо больше того, что можетъ быть угодно Бернштейну.

Даже тотъ, кто совсѣмъ не хочетъ быть льстецомъ рабочихъ, вынужденъ будетъ согласиться, что они уже теперь, какъ обнаружилось, по своей политической зрѣлости превосходятъ другіе крупные демократическіе слои общества—мелкую буржуазію и мелкихъ крестьянъ. Если они, не взирая на это, неспособны къ политическому господству, то оба послѣднихъ класса неспособны и подавно. Но что же тогда станется съ демократіей, съ самоуправленіемъ, если огромная масса населенія неспособна къ этому?

Будь Бернштейнъ правъ, тогда не только господство пролетаріата, но уже и господство всеобщаго избирательнаго права было бы безсмыслицей. Тогда—долой демократію, въ такомъ случаѣ одно только господство буржуазіи обезпечиваетъ намъ сохраненіе цивилизаціи, создадимъ же немедленно цензовое избирательное право въ качествѣ охраны отъ современныхъ вандаловъ!

Разумѣется, не навсегда, а только до тѣхъ поръ, пока пролетаріатъ не достигнетъ надлежащей зрѣлости. Въ этомъ насъ постоянно увѣряли противники всеобщаго избирательнаго права.

Прогрессивной демократіей въ современномъ промышленномъ государствѣ можетъ быть только *демократія пролетарская*. Вотъ почему идетъ къ упадку прогрессивная буржуазная демократія. Если у буржуазныхъ демократовъ беретъ верхъ страхъ передъ господствомъ пролетаріата, тогда они становятся старо-либералами. Если же они твердо держатся принциповъ прогрессивной демократіи, тогда они должны свыкнуться съ мыслью о господствѣ пролетаріата. Сѣять страхъ передъ господствомъ пролетаріата и въ то же время желать сохранить, или даже расширить политическія права низшихъ классовъ населенія, это значитъ—одной рукой разрушать то, что создаетъ другая. Только убѣжденіе въ необ-

ходимости господства пролетаріата и въ его политической зрѣлости можетъ придать еще и теперь вербующую силу демократическимъ идеямъ.

Но если не прилагать къ пролетаріату какой-то идеальной мѣрки, а сравнить его съ другими классами, то можно видѣть, что его политическія способности смѣло выдержатъ сравненіе не только со способностями мелкой буржуазіи и крестьянства, но и со способностями самой буржуазіи. Посмотрите въ парламенты, въ общины, во вспомогательныя кассы, гдѣ хозяйничаютъ исключительно буржуазія и ея чиновники, и вы найдете тамъ волокиту, подкупы, неспособность. Лишь только туда проникаетъ соціаль-демократія, сейчасъ же пробуждается новая жизнь; она привноситъ съ собой иниціативу, честность, силу и принципіальность, и подъ вліяніемъ ея конкурренціи перерождаются даже ея противники. На всякой позиціи, завоеванной соціаль-демократіей за послѣднее десятилѣтіе и даже за послѣднія десятилѣтія, она, какъ только утвердилась на ней, сейчасъ же обнаруживала по своей положительной дѣятельности превосходство надъ своими противниками. Въ какой бы организаціи она ни достигала господства, она оказывалась способной занимать такое положеніе. Пусть Бернштейнъ укажетъ мнѣ хотя бы единственный случай, когда соціаль-демократія не справилась съ политической задачей, выпавшей ей на долю. И все это она дѣлала сама, опираясь на свои собственныя силы—партія бѣдныхъ и невѣжественныхъ. Какое же основаніе имѣемъ мы допускать, что она непремѣнно «сядетъ на мель», когда всѣ экономическія и умственныя силы государства будутъ находиться въ ея распоряженіи?

Правда, Бернштейнъ полагаетъ, что намъ, конечно, слѣдуетъ «радоваться большому запасу интеллигентности, самоотверженія и энергіи, который отчасти обнаружило, а отчасти породило современное рабочее движеніе; но то, что вѣрно для избранныхъ — скажемъ для сотенъ тысячъ — мы не должны переносить на массу, на милліоны» (стр. 186); но на это можно замѣтить, что въ классовой борьбѣ любого класса не участвуютъ всѣ члены этого класса. Повсюду мы видимъ въ авангардѣ только избранныхъ, политическія способности которыхъ рѣшаютъ вопросъ о зрѣлости всего класса. Масса во всякомъ классѣ отчасти слѣдуетъ за избранными безъ собственной иниціативы, отчасти же держится совершенно вдали отъ борьбы. Политическое господство пролетаріата означаетъ на практикѣ прежде всего только господство его

избранныхъ — какъ это мы видимъ въ буржуазіи, въ юнкерствѣ, въ любомъ господствующемъ классѣ. И нельзя ожидать, что соціаль-демократія добьется обладанія государственной властью раньше, чѣмъ эти избранные вмѣстѣ съ массами, за ними слѣдующими, станутъ достаточно сильными, чтобы завоевать эту власть.

Нѣтъ, у насъ вовсе нѣтъ никакихъ основаній допускать, что соціаль-демократія необходимо должна «сѣсть на мель», даже если бы совершенно непредвидѣнный и неправдоподобный случай уже завтра въ какой-нибудь изъ развитыхъ европейскихъ странъ сдѣлалъ ее парламентскимъ большинствомъ и передалъ ей управленіе.

И что значитъ «сядетъ на мель»? Если смотрѣть на внѣшнюю сторону, то весь прогрессъ буржуазіи совершался путемъ неудавшихся революцій, начиная съ англійской—въ серединѣ XVII и кончая европейской—въ серединѣ XIX в. Въ дѣйствительности, ни въ одной изъ этихъ революцій буржуазія не смогла удержать за собой исключительное господство. И все-таки каждая изъ этихъ революцій давала могучій толчокъ впередъ; каждая изъ нихъ низвергала столько гнилыхъ учрежденій, которыя никогда уже не могли создаться вновь, открывала столько новыхъ путей для соціальнаго развитія, что она послѣ своего кажущагося крушенія, оставляла общество на болѣе высокой ступени развитія. Желательно ли, возможно ли было бы обойтись въ исторіи общественнаго прогресса хотя бы безъ одной только изъ этихъ «преждевременныхъ», «неудавшихся» революцій? И мыслимо ли, чтобы хоть одна изъ этихъ революцій могла быть отсрочена до тѣхъ поръ, пока демократическіе классы стали бы болѣе зрѣлыми политически?

Но если смѣшно говорить объ отсрочкѣ историческаго процесса, то какой же смыслъ имѣютъ въ такомъ случаѣ кассандровы возгласы объ отсутствіи у пролетаріата политической зрѣлости?

Мы не кормчіе историческаго развитія. Послѣднее зависитъ отъ факторовъ, гораздо болѣе могущественныхъ, чѣмъ отдѣльныя партіи и ихъ благочестивыя пожеланія. Достаточно ли уже развитъ въ настоящее время пролетаріатъ для того, чтобы взять на себя политическое господство, обнаружитъ ли онъ, завоевавши политическую власть, во всѣхъ пунктахъ необходимую политическую зрѣлость, будетъ ли онъ способенъ собственными силами разрѣшить огромную историческую задачу, которая выпадетъ ему на долю, будутъ ли его побѣды перемежаться съ пораженіями, будетъ ли грядущее поли-

тическое развитіе медленнымъ или быстрымъ—кто можетъ отвѣтить на всѣ эти вопросы? Но если нельзя отвѣтить на эти вопросы, тогда всякое разглагольствованіе насчетъ политической зрѣлости пролетаріата въ настоящее время безцѣльно, и пролетаріатъ не подымется на болѣе высокій уровень, если станутъ съ подозрѣніемъ относиться къ тѣмъ, кто не согласенъ съ аподиктическимъ признаніемъ безсилія пролетаріата.

Наша задача заключается не въ томъ, чтобы обезкуражить пролетаріатъ посреди борьбы недооцѣнкой, безъ всякихъ основаній, его политическихъ способностей, а въ томъ, чтобы ставить самыя высокія требованія къ политическимъ способностямъ пролетаріата, а посему прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы возможно болѣе развить эти способности, такъ чтобы всякій моментъ заставалъ пролетаріатъ въ апогеѣ его работоспособности.

Но къ этой задачѣ относится не только то, что мы организуемъ пролетаріатъ и помогаемъ ему бороться за лучшія условія жизни и труда. Сюда относится также и то, что мы должны расширить горизонты пролетаріата за предѣлы его минутныхъ и профессіональныхъ интересовъ, познакомить его съ огромной связью всѣхъ пролетарскихъ интересовъ, какъ между собою, такъ и съ общими интересами всего общества. Сюда относится и то, что мы ставимъ передъ нимъ высокія цѣли, благодаря которымъ онъ самъ начинаетъ жить болѣе высокой духовной жизнью; что мы возносимъ его надъ мелкой будничной работой, которая необходима и настойчиво выдвигается самой жизнью, но именно поэтому самъ пролетаріатъ навязываетъ ее намъ, причемъ намъ не нужно особенно горячо напоминать о ней. Постараемся же, чтобы манія ничтожества не деградировала пролетаріатъ и его цѣли, чтобы дальновидную принципіальную политику не замѣнилъ перемѣнный курсъ примѣнительно къ отдѣльнымъ случаямъ, иными словами, чтобы трезвая будничность не взяла верхъ надъ идеализмомъ, чтобы не исчезло сознаніе громадныхъ историческихъ задачъ, поставленныхъ передъ пролетаріатомъ.

Если мы въ этомъ направленіи будемъ напрягать всѣ наши силы, то мы исполнимъ нашу обязанность въ качествѣ соціаль-демократовъ; результаты же нашей дѣятельности зависятъ отъ факторовъ, не находящихся въ нашей власти.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданія книгоиздательства „Буревѣстникъ":

Экономическое ученіе Карла Маркса въ общедоступномъ изложеніи **К. Каутскаго. Полный** переводъ. 2-е изд. Ц. 30 к.

Карлъ Каутскій. Пролетаріатъ и общественный строй. (Эрфуртская программа). Пер. съ нѣм. подъ ред. В. Засуличъ. 2-е изд.

К. Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну (Антикритика). Переводъ съ нѣм. А. Г. Гойхбарга. Ц. 60 к.

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. О коммунизмѣ. Съ тремя предисловіями авторовъ и предисловіемъ **Г. Плеханова.** Ц. 20 к.

К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи отъ 1848 до 1850 г. Съ введеніемъ **Ф. Энгельса.** Переводъ съ нѣм. Ѳ. К. подъ ред. Б. Кричевскаго. Ц. 20 к.

К. Марксъ. Гражданская война во Франціи (1871). Съ пред. **Ф. Энгельса.** Перев. съ нѣм. подъ ред. **Н. Ленина** 2-е изд. Ц. 15 к.

К. Марксъ. Рѣчь о свободной торговлѣ, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Демократической Ассоціаціи въ Брюсселѣ 9 января 1848 г. Пер. и пред. **В. Д. Ульриха.** Ц. 8 к.

К. Каутскій. Классовые интересы. Пер. съ нѣм. В. А. Поссе. Ц. 6 к.

К. Каутскій. Воспоминанія (Автобіографія). Переводъ съ рукописи В. Засуличъ. Ц. 5 к.

Ф. Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Переводъ В. Величкиной подъ ред. и съ пред. **Г. Плеханова.** Ц. 15 к.

Ф. Лассаль. О сущности конституціи. Съ предислов. **Эд. Бернштейна.** 2-е изд. Ц. 6 к.

Ф. Лассаль. Программа работниковъ. 2-е изд. Ц. 8 к.

Ф. Лассаль. Гласный отвѣтъ Центральному Комитету, учрежденному для созванія общаго германскаго конгресса въ Лейпцигѣ. Съ предисловіемъ **Эд. Бернштейна** и порт. Лассаля. Ц. 10 к.

А. Бебель. Женщина и соціализмъ. Переводъ съ 34-го нѣмецкаго изданія подъ ред. В. А. Поссе. Ц. 1 р.

А. Бебель. Положеніе женщины въ наст. и будущ. 3-е изд. Ц. 8 к.

А. Бебель. О Бернштейнѣ. Пер. съ нѣмецк. подъ ред. В. А. Поссе. 3-е изд. Ц. 15 к.

В. Браке. Долой соціаль-демократовъ! Переводъ съ нѣмецкаго д-ра И. Аксельродъ. Ц. 6 к.

X c